This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

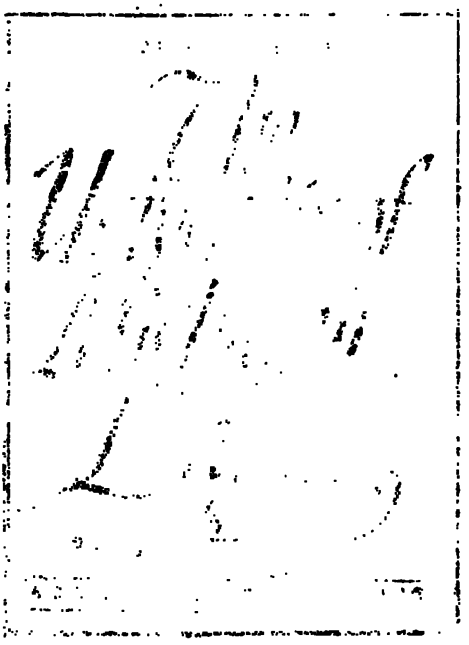
A 470864 DUPL.

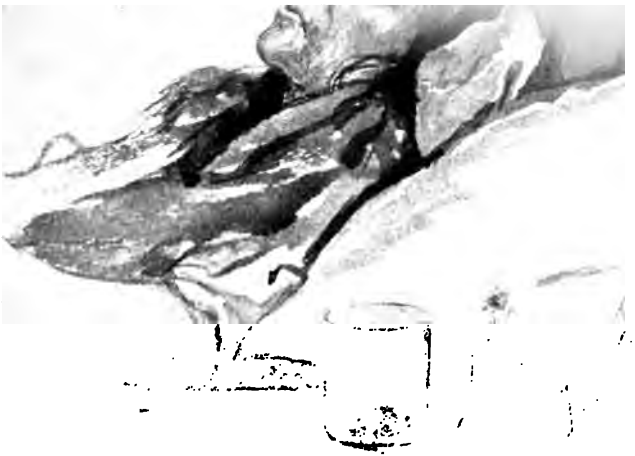
Воспоминания

Т. П. ПАССЕКЪ

(ИЗЪ ДАЛЬНИХЪ ЛѢТЪ)

Издание Т-ва М. О. Вольфъ. СПБ.





Татьяна Петровна Пассекъ.
(1810–1889).

ВОСПОМИНАНІЯ Т. П. ПАССЕКЪ.

Татьяна Петровна Пассекъ.

ВОСПОМИНАНІЯ

Т. П. ПАССЕКЪ

(„ИЗЪ ДАЛЬНИХЪ ЛѢТЪ“).

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.

ТОМЪ III.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1906.

291.78
P28
A3
1905
v.3

Арт. зав. А. Ф. МАРКСА, Измайл. пр., № 29.

105a-272802

ПРЕДИСЛОВІЕ.

(Къ первому изданію).

Въ третій томъ вошли всѣ отрывки изъ воспоминаній, напечатанные послѣ выхода первыхъ двухъ томовъ, и нѣкоторыя изъ хранившихся у Татьяны Петровны и также напечатанныхъ писемъ ея современниковъ. Весь этотъ матеріалъ Т. П. незадолго до кончины сгруппировала, пополнила и закончила свои записки очеркомъ кружковъ и нѣкоторыхъ выдающихся лицъ, съ которыми ей приходилось имѣть болѣе или менѣе близкія сношенія.

ГЛАВА I.

Деревня.

1859 годъ.

Поля, поля! вашъ миръ меня объемлетъ.
О...въ.
Люблю я васъ, вечерніе отливы,
И съ далью неба слитый край земли,
Цвѣтокъ лазурный между желтой нивы
И птички пѣсню звонкую вдали.
О...въ.

Въ концѣ мая 1859 года получила я разрѣшеніе ѣхать за границу съ двумя сыновьями моими: Александромъ и Владиміромъ, да малолѣтнимъ племянникомъ, крестникомъ моимъ Ипполитомъ—и немедленно уѣхала съ ними изъ Петербурга въ Москву, гдѣ мы постоянно жили много лѣтъ въ своемъ собственномъ домѣ. Въ Москвѣ мы стали готовиться къ отъѣзду въ чужіе края, но такъ какъ по дѣламъ нашимъ не могли выѣхать раньше осени, то рѣшили до половины августа прожить въ небольшой подмосковной деревенькѣ, въ которой уже не разъ занимали, по лѣтамъ, помѣстительный барскій домъ съ флигелемъ, баней, надворными строеніями, огородомъ, одичалымъ садомъ и большимъ прудомъ съ карасями, въ которомъ у береговъ кустарники и плакучія ивы купали свои вѣтки въ полусонной водѣ, подернутой водяными растеніями.

Лѣто стояло красное, тихое, временами перепадали крупные дожди, ни вѣтра, ни движенья—набѣжитъ

тучка, сверкнетъ молнія, прогремитъ громъ, раскинетъ въ небѣ радугу, и опять солнце, тишина, и все цвѣтетъ, зеленѣетъ, осыпанное дождемъ, точно перлами. Выйдешь изъ гостиной на террасу послѣ такого дождя, дохнешь влажнымъ воздухомъ полей и лѣса, и на душѣ тише, свѣтлѣй, благороднѣй. Передъ террасой лугъ; по лугу въ проталинахъ сверкаютъ неподвижно лужицы; дальше—ржаное поле; направо деревушка; налѣво дремучій боръ; въ бору кукуетъ кукушка, иволга кричитъ; въ кустарникѣ, близъ террасы, шуршатъ и выпархиваютъ какія-то пташки; издалека доносится родная пѣсня; прислушиваешься къ тишинѣ и ловишь мгновенный трепетъ звуковъ.

Черезъ часъ или два послѣ дождя къ террасѣ торопливо подбѣгаютъ босоногіе деревенскіе дѣвочки и мальчики съ кузовками ягодъ, и распространяется ароматъ свѣжей земляники и малины. Дѣтскіе голоса наперерывъ упрашиваютъ купить ягоды; забираешь все,—и всего такая пропасть, что не знаешь, куда и дѣваться съ ними.

Узнавши о ягодахъ, на террасу являются мои дѣти,—веселыя, беззаботныя, иногда съ прибывшимъ къ намъ въ деревню товарищемъ. Со скотнаго двора приносятъ густыя, желтыя сливки, изъ буфета ложки, тарелки, и мы принимаемся за ягоды, не перебирая ихъ; да и перебирать незачѣмъ: всѣ, какъ на подборъ, крупны и зрѣлы. Старая няня предлагаетъ развести передъ террасой жаровню и говоритъ, что изъ такихъ знатныхъ ягодъ хорошо сварить на зиму варенье.

— Да вѣдь мы уѣзжаемъ за границу,—скажу я:—на что же намъ варенье?

— Э!—возражаетъ она недовольнымъ тономъ, въ которомъ слышатся слезы:—Богъ дастъ, дѣти еще до отъѣзда скушаютъ.—Затѣмъ является жаровня, скамейки, мѣдные тазы, посуда, уголья, ведро съ водой, стаканы. Двѣ-три горничныя дѣвушки суетятся у жаровни на помощь нянѣ. Варенье кипитъ, готово, прекрасное, и точно еще до отъѣзда нашего все съѣдается.

Дни проходятъ незамѣтно, дѣлать ничего не хочется,—хочется жить и только жить, какъ живетъ травка, цвѣтокъ, воздухъ. Наступающій вечеръ горитъ зарей и, догорая, сливаетъ день съ ночью.

Незамѣтно наступило время отъѣзда нашего за границу; какъ ни стремились мы въ чужіе края, но, вздохнувши, простились съ нашей уединенной деревушкой съ ея простыми жителями, и они пожалѣли о насъ.

Въ концѣ августа мы переѣхали въ Москву, устроили тамъ наши дѣла и въ половинѣ сентября были готовы къ отъѣзду.

Послѣ прелестнаго лѣта наступила ранняя, холодная осень. Въ мрачныя сумерки сѣла я съ тремя дѣтьми и съ нашей горничной дѣвушкой, Дуняшей, въ отдѣльно взятую нами почтовую карету (желѣзной дороги тогда еще не было по этому пути), закутанныя съ головы до ногъ въ платки и шубы. Заливаясь слезами, простились еще разъ съ провожавшими насъ и, перекрестившись, пустились въ дальній путь. Темнѣло. Всходилъ блѣдный мѣсяцъ.

ГЛАВА II.

За границей.

Тускло мѣсяцъ дальній
Свѣтитъ сквозь туманъ,
И лежитъ печально
Снѣжная поляна
. . . . . .
Ѣду да тоскую:
Грустно мнѣ и жалко
Сторону родную.

Дулъ сильный вѣтеръ и нагонялъ тяжелыя, темныя облака; порхали снѣжинки. Къ ночи посыпалъ такой сильный снѣгъ съ метелью, что колеса кареты вязли въ снѣгу и едва выбирались изъ сугробовъ.

Мы ѣхали день и ночь, останавливались на самое короткое время, чтобы пообѣдать или напиться чаю. Въ Варшавѣ мы отдохнули два дня, сѣли въ вагоны желѣзной дороги и, чѣмъ дальше ѣхали, тѣмъ больше и больше вдвигались въ лѣто, въ тепло, въ солнце, котораго нѣсколько дней въ глаза не видали. Все было

намъ ново: на станціяхъ музыка, цвѣты, гирлянды, толпы народа, движенье, жизнь; вездѣ готовились праздновать юбилей Шиллера, продавались его портреты, стихи, пѣсни.

И что же!? любуясь новой мнѣ природой и жизнью, я не разъ вздохнула о нашей тихой деревушкѣ, гдѣ была только тишина, виднѣлись соломой крытыя хижины да безграничное небо, лѣса да поля.

Въ Дрезденѣ мы увидали цвѣтники блѣдныхъ розъ, а на рынкахъ множество грушъ, яблокъ, сливъ, винограда, и все непомѣрно дешево въ сравненіи съ тѣмъ, какъ у насъ.

Мы взяли на мѣсяцъ квартиру въ пять комнатъ, въ первомъ этажѣ, приговорили старушку-нѣмку готовить кушанье, устроились довольно удобно въ комнатахъ и стали осматривать Дрезденъ; чаще всего мы бывали въ картинной галлереѣ и въ театрѣ.

Изъ Дрездена мы поѣхали въ Гейдельбергъ, гдѣ старшій сынъ мой Александръ, занимавшійся изученіемъ исправительной системы тюремнаго заключенія, хотѣлъ слушать лекціи профессора Миттермейера. Въ Гейдельбергъ мы пріѣхали прямо къ юбилею Шиллера. Видѣли бюстъ поэта, увѣнчанный живыми цвѣтами; слышали въ честь его рѣчи и торжественные хоры; вечерами весь университетъ и толпы народа съ пылающими факелами и пѣснями обходили улицы города.

Сколько народовъ въ этотъ день благословляли великаго поэта за святыя минуты, за слезы, пролитыя на его поэмы, на его чистыя пѣсни; какой памятникъ сравнится съ тѣмъ, который онъ воздвигъ себѣ въ человѣчествѣ! Какой пламень можетъ горѣть ярче его горячей любви къ людямъ!

Въ Гейдельбергѣ мы наняли себѣ прекрасную квартиру. Весной гуляли по окрестностямъ города, въ саду Гейдельбергскаго замка, осматривали самый замокъ, одинъ изъ лучше сохранившихся замковъ Германіи.

Нѣкоторые изъ русскихъ молодыхъ профессоровъ, слушавшихъ въ Гейдельбергскомъ университетѣ лекціи, познакомились съ нами. Чаще всѣхъ у насъ бывали: извѣстные профессоръ физіологіи Иванъ Михайловичъ Сѣченовъ, профессоръ химіи Дмитрій Ивановичъ Мендѣлеевъ и профессоръ исторіи Ешевскій.

Весной мы отправились въ Швейцарію.

Въ Бернѣ остановились на нѣсколько дней въ гостиницѣ «Aux faucons» и тотчасъ же послали записку къ жившему въ Бернѣ нашему родственнику, сыну извѣстнаго писателя Александра Ивановича Герцена; онъ кончалъ курсъ медицинскихъ наукъ въ Бернскомъ университетѣ и жилъ въ семействѣ профессора Фохта. Спустя нѣсколько минутъ, Александръ—такъ звали молодого Герцена—къ намъ явился; это былъ юноша съ длинными бѣлокурыми волосами, добродушнымъ, пріятнымъ лицомъ, съ темно-синими глазами, напоминавшими его мать. Онъ выѣхалъ изъ Россіи семилѣтнимъ ребенкомъ, но насъ не забылъ, обрадовался намъ и съ перваго же дня подружился съ добродушіемъ и пылкостью своего возраста. Мы прожили въ Бернѣ около двухъ недѣль, въ продолженіе которыхъ юный Александръ Герценъ познакомилъ насъ съ семействомъ профессора Фохта. Изъ этого семейства больше всѣхъ обратили на себя мое вниманіе жена самого профессора, умная, энергичная старушка, и ея сынъ, талантливый натуралистъ-зоологъ, Карлъ Фохтъ. Онъ при насъ пріѣзжалъ повидаться съ родными, и мы познакомились. Это былъ человѣкъ свѣтлаго ума и самаго счастливаго характера. Онъ страстно любилъ природу, въ наукѣ видѣлъ не трудъ, а наслажденіе, и не требовалъ ни отъ природы, ни отъ людей больше того, что они могутъ дать.

Изъ Берна мы поѣхали въ Женеву, тамъ наняли почти отдѣльный небольшой домъ съ садомъ и цвѣтниками. Изъ нѣкоторыхъ оконъ виднѣлось Женевское озеро, то тихое и голубое какъ небо, то бурное и въ сизыхъ волнахъ; виднѣлась аллея каштановъ съ ихъ блѣдно-розовыми пирамидальными цвѣтами; вдали Салевскія горы, а изъ-за нихъ, въ ясное утро и въ тихій вечеръ, точно начертанная на небѣ, бѣлѣлась снѣговая вершина Монблана.

Волшебная красота природы, мягкій, кроткій воздухъ благотворно вліяли на душу, несмотря на многія тяжелыя событія, поразившія насъ за границей. Мы объѣхали почти всю Швейцарію, были и въ Баваріи. Въ Мюнхенѣ меньшой сынъ мой Владиміръ вытерпѣлъ жестокую болѣзнь; по выздоровленіи его, поѣхали мы во Францію, гдѣ прожили въ Парижѣ около года; при насъ

пріѣзжалъ въ Парижъ родственникъ нашъ, извѣстный писатель-эмигрантъ Александръ Ивановичъ Герценъ. Потомъ я съ сыномъ моимъ Владиміромъ была у Герцена въ Англіи. Возвратившись въ Парижъ, въ скоромъ времени уѣхала я съ нимъ и съ Ипполитомъ въ Россію. Старшій сынъ мой Александръ остался во Франціи.

ГЛАВА III.

1873.

Дитя уснуло, въ странномъ снѣ
Его уста ужъ не алѣли,
А будто улыбались мнѣ.
Свѣча бросала отблескъ блѣдный,
Ребенокъ блѣденъ былъ лицомъ.
Я думала: спи, спи, малютка бѣдный,
. . . Ты съ горемъ незнакомъ.

Въ 1873 году мнѣ привелось опять быть за границей, въ Дрезденѣ и потомъ въ Вѣнѣ, во время всемірной выставки, вмѣстѣ съ сыномъ моимъ Владиміромъ, его женой Лёлей *) и ихъ груднымъ сыномъ Сашей.

Владиміръ служилъ въ департаментѣ неокладныхъ сборовъ и съ двумя товарищами**) по службѣ былъ откомандированъ въ Вѣну для принятія контрольныхъ снарядовъ Штумпе. Такъ какъ пріемъ этотъ могъ продолжаться нѣсколько мѣсяцевъ, то мы наняли себѣ довольно помѣстительную квартиру, обзавелись цвѣтами и небольшимъ хозяйствомъ.

Когда мы совсѣмъ устроились, я написала въ Женеву Николаю Платоновичу Огареву и звала его къ намъ въ Вѣну посмотрѣть всемірную выставку и пожить съ нами. Николай Платоновичъ (Никъ, или Ага, какъ мы всѣ его звали) отвѣчалъ, что онъ очень бы хотѣлъ насъ видѣть, но сталъ такъ дряхлъ и боленъ, что чувствуетъ себя не въ состояніи никуда двинуться, и просилъ насъ пріѣхать къ нему въ Женеву. Володѣ

*) Елена Ефимовна, урожденная Грейфъ.

**) Алексѣемъ Сергѣевичемъ Ермоловымъ, въ настоящее время директоръ департамента неокладныхъ сборовъ.

нельзя было оставить Вѣны, а я не рѣшалась ѣхать одна, и намъ пришлось нѣсколько времени довольствоваться одной перепиской.

Въ половинѣ лѣта мы лишились нашего маленькаго Саши. Родители его были поражены и убиты этимъ несчастіемъ. Я уговаривала ихъ немедленно уѣхать на нѣсколько времени въ Швейцарію. Они уѣхали. Я осталась одна съ Сашей: онъ лежалъ еще въ своей кроваткѣ. Пусто, безмолвно стало въ комнатахъ. Я взяла стулъ, сѣла подлѣ кроватки, но не смѣла тронуть ребенка: казалось, онъ отдыхаетъ. На миломъ ротикѣ улыбка. Какіе-то сны видятся тебѣ, дитя мое?—думала я, да наклонилась, поцѣловала его и залилась слезами. Тяжело мнѣ было одной въ этой маленькой комнаткѣ, гдѣ онъ страдалъ, гдѣ нѣсколько минутъ тому назадъ, на колѣняхъ, у этой кроватки, молился его отецъ, принимая его послѣднее дыханіе. Съ молитвой приподняла я крошку и стала одѣвать въ его послѣдній нарядъ. Одѣла я его въ бѣлую рубашечку, подпоясала узенькой розовой ленточкой, причесала русые волосики, омоченные моими слезами, положила въ этой же дѣтской комнатѣ на ломберный столъ, покрытый бѣлой скатертью, въ головахъ поставила маленькій образокъ Богоматери, затеплила передъ нимъ восковую свѣчку, придвинула стулъ, да такъ и просидѣла подлѣ малютки всю ночь одна одинешенька. Утромъ пріѣхали ко мнѣ два товарища моего сына, милые, добрые молодые люди. Они привезли фотографа съ полнымъ фотографическимъ аппаратомъ, чтобы снять съ малютки портретъ.

Когда въ гостиной все было устроено, я принесла дитятю и положила на столъ противъ аппарата. Какъ оно было хорошо! Какъ тяжело было мнѣ! Сняли съ малютки фотографію, и я отнесла его обратно, подъ образъ Богоматери.

На третій день положили Сашу въ розовый гробикъ, усыпали цвѣтами, и я, вмѣстѣ съ тѣми же товарищами Володи, повезла его въ каретѣ въ церковь. Небо было покрыто темными тучами, шелъ проливной дождь, сверкала молнія, громъ гремѣлъ безпрерывно. Въ церкви горѣло нѣсколько лампадъ и свѣчей; священникъ, отецъ Раевскій, ждалъ насъ; кромѣ насъ, отца Раевскаго и старшаго дьячка, въ церкви никого не было. Царскія

двери были растворены. Передъ ними поставили спящее дитя. Когда священникъ торжественнымъ голосомъ громко произнесъ: «Прими, Господи, младенца чистаго, непорочнаго», мнѣ стало какъ будто легче; въ послѣдній разъ перекрестила я и поцѣловала малютку. Холодный! Подъ проливнымъ дождемъ и сильной грозой привезли мы его съ отцомъ Раевскимъ на кладбище и похоронили.

Спи, дитя мое родное; Господь съ тобой! Видно, въ небѣ недостало одного ангела, такъ и взяли тебя.

Тяжело было мнѣ оставаться въ Вѣнѣ одной съ умершимъ младенцемъ. Тяжелъ былъ и переѣздъ, въ одиночествѣ, съ горемъ въ душѣ.

На другой день я уѣхала въ Интерлакенъ къ Ипполиту, который лечился тамъ сывороткой; туда должны были пріѣхать и Володя съ женой. Двѣ станціи проводили меня товарищи Володи, поручили поберечь ѣхавшему со мной въ одномъ вагонѣ семейству, и мы простились. Приближаясь къ Цюрихскому озеру, я отдохнула нѣсколько отъ угнетавшей меня тоски.

Послѣ ночи, проведенной почти безъ сна, въ плохой гостиницѣ, рано утромъ, съ узелкомъ въ рукѣ, шла я съ другими пассажирами къ пароходу, неподвижно стоявшему на озерѣ. Темная струйка дыма вилась ленточкой съ парохода. Вода, воздухъ, небо, слегка озаренные восходящимъ солнцемъ, казалось, слились въ одно воздушное золотистое пространство. Вдали цѣпи Альпъ, выдвигаясь однѣ изъ-за другихъ, вырѣзывались изъ утренняго тумана; лучъ солнца слегка румянилъ ихъ вершины. Подъ вліяніемъ величественной красоты и тишины природы, кажется, какъ бы не проясниться душѣ,—напротивъ, становилось еще грустнѣе.

Вмѣстѣ съ немногими пассажирами взошла я на пароходъ; шумя, бросая по сторонамъ густые клубы дыма, пароходъ двинулся и понесся, разсѣкая воду, точно зеркало.

Около вечера переплывали мы Тунское озеро. Вѣтеръ вылъ и свистѣлъ въ окружавшихъ его горахъ, озеро волновалось; облака, одни другихъ мрачнѣе, опускались на горы и ползли по ихъ скатамъ до подошвы. Слышались раскаты грома, падалъ рѣдкій, крупный дождь, было холодно и какъ-то жутко.

Но вотъ вдали блеснулъ привѣтный огонекъ.—Интерлакенъ!—послышались радостные голоса на пароходѣ.

Живо подошелъ пароходъ къ Интерлакену. Пассажиры спѣшили выйти на берегъ; я вышла со всѣми, дрожа отъ вѣтра и ледяного дождя.

Вагоны готовы; осматриваюсь, ищу взорами Ипполита. Вотъ и онъ спѣшитъ мнѣ навстрѣчу, онъ ждалъ меня (я дала ему знать телеграммой, что ѣду). Какъ мы обрадовались, увидавшись!

— А Володя? а Лёля?—спрашиваю я.

— Ихъ нѣтъ еще въ Интерлакенѣ, но скоро будутъ,—говоритъ Ипполитъ.

Боже мой, что за горькое чувство—чувство одиночества! Оно тѣмъ мучительнѣе, когда знаешь, что есть тамъ, гдѣ-то далеко, близкіе, дорогіе.

Видя, что я едва держусь на ногахъ, Ипполитъ поспѣшилъ взять мѣсто въ вагонѣ. Черезъ нѣсколько минутъ мы пересѣли въ экипажъ.

Вотъ и Интерлакенъ. По одну сторону рядъ великолѣпныхъ отелей, передъ ними сады, въ окнахъ горятъ огни; по другую—цвѣтущая долина, аллеи, кустарники, а тамъ далеко—горы. Вотъ и отель Альпъ; здѣсь живетъ Ипполитъ, здѣсь онъ и мнѣ занялъ комнату рядомъ съ своею—и мы у себя.

На столѣ, накрытомъ чистой скатертью, горятъ свѣчи, готовъ чай и ужинъ.—«Спасибо, другъ Ипполитъ», говорю я, глубоко тронутая его заботливостью обо мнѣ.

Давно не спала я такъ спокойно, такъ хорошо, какъ въ эту ночь. Утромъ изъ оконъ моей комнаты я не могла насмотрѣться на долины, между которыми бѣлѣла Юнгфрау, на тѣнистый садъ гостиницы, на темно-зеленыя гранатовыя деревья, осыпанныя крупными пунцовыми цвѣтами, при входѣ въ отель.

Мы приготовили просторную комнату, рядомъ съ нашими, для Володи съ его женой—и стали ихъ ждать. Вскорѣ пріѣхали и они, грустные, но отдохнувши. Я передала имъ фотографію малютки, но не передала, что пережила, что перечувствовала. Мнѣ было ихъ жаль, да и возможно ли передать?

Устроились мы въ Интерлакенѣ прекрасно. Помѣщеніе и столъ были хорошіе, общія комнаты роскошныя—тамъ находилась и библіотека, и рояль, и все-

возможныя газеты, и бильярдъ. Володя очень любилъ игру на бильярдѣ, игралъ превосходно—это его развлекало.

Была цвѣтущая пора года. Посѣтителей лечебнаго заведенія сыворотки было множество, вечеромъ въ курзалѣ слушали музыку, днемъ гуляли по долинѣ, посѣщали магазины съ прелестными издѣліями изъ дерева.

Всего прекраснѣе была сама природа.

Меня поражала величественная красота горъ Интерлакена, Гринвальда, скалы, ледники, долины, горные потоки, грандіозная Юнгфрау; я съ удивленіемъ смотрѣла, какъ иногда утромъ ползутъ по ближайшимъ горамъ сизо-бѣловатые туманы, спускаются въ долину, и горы скрываются. Съ восходомъ солнца горныя вершины обнажаются, туманъ мало-по-малу таетъ, таетъ, и горы открываются во всей своей красотѣ.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Интерлакенъ я писала Нику, что такъ какъ мы находимся недалеко отъ него, то хорошо бы ему побывать у насъ, что мы его покойно устроимъ, а онъ, поживши съ нами, развлечется и поздоровѣетъ.

Никъ отвѣчалъ:

«Суббота. Женева. Rue du Conseil général.

«Вотъ уже нѣсколько дней собираюсь писать тебѣ, старый другъ Таня, и все что-нибудь да мѣшаетъ. Мѣшаетъ подчасъ и мой собственный катарръ. Твоему письму я былъ сильно радъ. Жду скоро еще письма и извѣстія, пріѣхали ли Володя и Лёля? И когда мы съ тобой, послѣдніе двое того времени, увидимся? Мнѣ путешествовать не приходится, Таня: нога надломлена, и болѣзнь спинного мозга, т. е. эпилепсія, навѣрное не допустятъ до путешествія. Напиши мнѣ, что дѣлаетъ Ипполитъ и гдѣ путешествуетъ. Отъ Марьи Касперовны имѣю письмецо, стану писать къ ней завтра.

«Сегодня мнѣ пришелъ на память нашъ старый другъ Носковъ, такъ что я не могу отдѣлаться отъ воспоминанія его юношескаго образа и преданной дружбы. Напиши мнѣ, если знаешь, живъ онъ или нѣтъ.

«Не знаю, посылалъ ли я тебѣ прилагаемую мою статейку, здѣсь напечатанную. Она мнѣ сегодня подвернулась подъ руку,—на всякій случай посылаю. Записки

стану продолжать черезъ три дня; мнѣ кажется, я еще не довольно сообразилъ все. А за Ивана Ѳедоровича отвѣчаю, и да будетъ память этого простого, благороднаго человѣка оцѣнена. Крѣпко обнимаю тебя.

«Твой Никъ».

«Женева. Rue Conseil général.

«Вотъ уже нѣсколько дней, мой другъ, собираюсь отвѣчать на твое милое письмо. Я не могу ни на что рѣшиться. Самъ себѣ не могу рѣшить—что̀ дѣлать. Выѣхать изъ Женевы никакъ не могу, сломанная нога и обычная болѣзнь не позволяютъ, а ужъ какъ я буду радъ тебя и всѣхъ васъ увидать.

«Былое и Думы» не могу у себя найти: вѣроятно, кому-нибудь отдалъ и обратно не получилъ. Сегодня пишу въ Цюрихъ къ Натали, чтобы она тебѣ выслала свой экземпляръ (надѣюсь, найдется). Біографіи моей я еще не кончилъ—силъ не хватило.

«На-дняхъ напишу еще. Сегодня такъ темно, что не вижу писать. «Твой Никъ».

Никъ звалъ насъ къ себѣ. Подумавши, я рѣшилась къ нему ѣхать, а по дорогѣ въ Бернъ завернуть къ Машѣ Рейхель. Къ Нику я написала, что такъ какъ онъ не въ состояніи оставить Женевы, то я сама побываю у него.

Повидимому, Никъ ожилъ, поюнѣлъ и отвѣтъ мнѣ на это письмо началъ поэтическимъ эпиграфомъ

«Я жду тебя, когда зефиръ игривый
Листочки розъ въ часъ утра шевелитъ».

«Вотъ, другъ Таня, эпиграфъ моему письму къ тебѣ, но прежде всего жду еще отъ тебя письма, жду съ нетерпѣніемъ. Передъ выѣздомъ напиши, когда это рѣшительно будетъ. «Твой Никъ».

При этомъ письмѣ Никъ прислалъ главу изъ своихъ записокъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ писалъ мнѣ:

«Génève. Rue Conseil général.

«Старый другъ Таня, получилъ третьяго-дня твое письмо. Думалъ сегодня больше написать, но все не-

здоровится, уже не обычной падучей болѣзнью, а просто простудой и кашлемъ,—но это ничтожно.

«Извѣсти меня о вашемъ пріѣздѣ въ Женеву, чтобы я могъ распорядиться собой и васъ встрѣтить.

«Въ скоромъ времени я многое подготовлю.

«Твой А г а»

«Génève. Rue Conseil général. Суббота.

«Сегодня я получилъ твое письмо, другъ мой, и спѣшу отвѣтить. Шенбруна я не знаю, на-дняхъ постараюсь узнать о немъ и напишу. «Русскую Старину» и «Вѣстникъ Европы» получилъ и очень ими доволенъ. Въ Цюрихѣ постоянный дождь. Натали съ дѣтьми усылаютъ въ горы. Кажется, имъ не лучше, особенно юношѣ.

«Итакъ, я жду тебя, старый другъ, и буду счастливъ увидаться. Мое здоровье плохо, да и 60 лѣтъ не благодать. «Твой А г а».

«Génève. Rue Conseil général.

«Другъ Таня! Пишу вечеромъ; день прошелъ въ большихъ заботахъ. Надо было писать дѣловое письмо и ускользнуть отъ ненужнаго свиданья, что̀ я все и сдѣлалъ. Ахъ! какъ жизнь-то здѣсь тяжела, Таня! Можетъ, есть человѣка два, съ которыми встрѣчаюсь братски, хотя и рѣдко, а тамъ ни съ кѣмъ и встрѣтиться не хочется. Хочется остаться одному, да и только. Поддерживаетъ меня одна моя простая, добрая Мери, начиная съ перевязки моей ломанной ноги и приготовленія обѣда, да ея сынъ Ганри, который здѣсь въ академіи хорошо занимается химіей. Ему теперь 16 лѣтъ.

«Вчера не могъ продолжать письма, а теперь получилъ твое милое письмо, гдѣ ты говоришь о полученіи тома моихъ стиховъ. Замѣть тамъ послѣдніе, т. е. «Тюрьму», отрывокъ изъ моихъ прежнихъ воспоминаній. Если ты можешь куда-нибудь влѣпить ихъ, это, я думаю, было бы не безполезно. Записки помѣщика я сталъ продолжать, но для II главы надо все же съ недѣлю времени, тѣмъ больше, что я какъ-то ея ходомъ недоволенъ.

«Твоими записками я, безъ сомнѣнія, доволенъ; февральской книжки я получилъ два экземпляра, изъ которыхъ отдалъ одинъ одному другу здѣсь, а другой у

меня. Теперь надо сходить къ доктору. Крѣпко жму твою добрую руку. Твой Ага».

Располагая побывать въ Бернѣ у Маши Рейхель *), я писала объ этомъ ей; Маша отвѣчала, что такъ какъ они живутъ не въ Бернѣ, а на своей маленькой дачѣ Вейзенбюль, близъ Берна, то она проситъ меня извѣстить ее о днѣ моего пріѣзда, чтобы она могла встрѣтить меня на желѣзной дорогѣ и привезти къ себѣ на дачу.

Но такъ какъ я довольно долго собиралась выѣхать, то и переписывалась еще съ Машей; между прочимъ, писала ей, чтобы она продолжала писать свои воспоминанія, а что̀ готово, то прислала бы мнѣ. Сверхъ того, просила ее дать мнѣ на время или переписать для меня одну статью Саши, оставленную имъ ей на сохраненіе, которую онъ намѣревался со временемъ издать въ свѣтъ. Эта рукопись—актъ, онъ бросаетъ свѣтъ на поразившее его семейное несчастіе. Маша отвѣчала мнѣ:

«Bern. Weisenbühl.

«Милая Татьяна Петровна! Всегда надо вамъ въ берлогу раза два постучаться, покуда медвѣдь лапу въ чернильницу опуститъ, а вы требуете, чтобы онъ свои воспоминанія писалъ, когда ему некогда нѣсколько строкъ черкнуть.

«Простите чистосердечно, что не отвѣчала вамъ тотчасъ, но, право, не удалось; послѣ вашего письма вскорѣ явился г. П—ль и увезъ меня въ Люцернъ, дѣтей показать,—вотъ я на денекъ и прокатилась, а потомъ пріѣхала m-me Станкевичъ и пробыла у насъ, въ самой берлогѣ, почти недѣлю.

«Вотъ вамъ сколько отвлеченій, кромѣ обыкновенныхъ домашнихъ занятій.

«Сегодня не кончаю дня, не написавъ вамъ, но много некогда: завтра мы приглашены съ дѣтьми на свадьбу.

«Наташа теперь въ Davos-Plaz, Canton Glaube, hôtel Rhätzia, у Натальи Алексѣевны и больныхъ.

*) Марья Каспаровна Рейхель, урожденная Эрнъ, въ Россіи вмѣстѣ съ матерью своей жила, съ 12-ти лѣтъ, въ семействѣ А. И. Г—на. Вмѣстѣ съ семействомъ его она уѣхала за границу; въ Парижѣ вышла замужъ за извѣстнаго музыканта Рейхеля.

«Нашъ Алексъ былъ у нея нѣсколько дней, нѣсколько счастливыхъ дней, и только-что оттуда поѣхалъ въ Люцернъ, чтобы въ тамошнихъ архивахъ для одной предпринятой работы порыться, какъ ему было дано приказаніе явиться къ маневрамъ, гдѣ онъ и теперь находится.

«Рѣшили ли вы, куда на зиму? Насчетъ Фонтенбло что-то во Франціи on chamborise trop, и Богъ знаетъ, чѣмъ кончится все это; только жить тамъ, я думаю, не совсѣмъ пріятно. Былъ бы у насъ климатъ здѣсь менѣе суровый, я бы васъ уговорила сюда пріѣхать, хотя онъ въ сравненіи съ петербургскимъ ужъ никакъ не хуже, а напротивъ. Въ теплыхъ комнатахъ у насъ здѣсь недостатка нѣтъ, но Богъ знаетъ, какія попадутся.

«Насчетъ рукописи Александра Ивановича, голубчикъ Татьяна Петровна, не просите переписывать ее: не хочется мнѣ этого дѣлать; вамъ же для записокъ она ни къ чему не послужитъ—вы объ этомъ дѣлѣ писать не будете, сами же вы содержаніе знаете.

«Мнѣ очень было больно слышать, что въ Россіи имя Герцена не съ любовью воспоминаютъ,—его считаютъ виновникомъ всѣхъ этихъ новыхъ безалаберныхъ идей. Я не хочу этому вѣрить, со временемъ отдадутъ ему и другіе больше справедливости, когда узнаютъ болѣе его горячую натуру. То, что до Россіи дошло, слишкомъ отрывочно и недостаточно. Положилъ человѣкъ всю жизнь на преслѣдованіе одной цѣли и сошелъ въ гробъ непонятый тѣми, которые хотѣли слѣдовать ему и сами стали дезавуированными. Какая трагическая участь! Ну, однако надо кончить; къ завтраму необходимо еще кой-чѣмъ распорядиться, и потому прощайте, поклонитесь вашимъ. Очень мила ваша Лёля, дай Богъ вамъ въ ней утѣшеніе. Вашъ Медвѣдь».

Спустя нѣсколько дней по пріѣздѣ моихъ дѣтей, я поѣхала въ Женеву. Въ Бернѣ Маша встрѣтила меня на желѣзной дорогѣ и увезла къ себѣ въ Вейзенбюль, гдѣ я провела у нихъ около трехъ дней самыхъ освѣжающихъ *). Въ небольшомъ домикѣ Рейхелей, въ ихъ

*) О семействѣ Рейхель я уже говорила въ небольшихъ отрывкахъ изъ «Дальнихъ лѣтъ», помѣщенныхъ мною въ журналѣ «Полярная Звѣзда», издававшемся графомъ Салiасомъ.

рощицѣ, въ тѣнистой аллеѣ, въ цвѣтникѣ, огородѣ—на всемъ лежала печать теплой семейной жизни, простоты, образованности, трудолюбія. Подъ густыми деревьями, въ виду Берна и величественнаго Оберланда, Маша разсказывала мнѣ всю ихъ жизнь съ выѣзда изъ Москвы. Сколько утратъ! Сколько ошибокъ и слезъ!

Объ Александрѣ она вспоминала съ глубокимъ чувствомъ дружбы и уваженія къ его великому таланту и сердечной добротѣ. «Онъ былъ такъ добродушенъ,—говорила она:—и такъ дѣтски простосердеченъ, что во всѣхъ видѣлъ больше хорошее, за то и попадался».

Перечитали мы еще разъ рукопись Александра. Съ какой любовью стремился онъ оправдать, возстановить, сбросить общественные укоры съ дорогой ему личности—его жены.

По вечерамъ Рейхель игралъ на фортепьяно, ему акомпанировали сыновья, одинъ на скрипкѣ, другой на віолончели, а заря гасла за густыми деревьями ихъ рощи, и наступалъ тихій вечеръ. Въ бесѣдкѣ, освѣщенной лампой и полнымъ мѣсяцемъ, готовили ужинъ. На другой день Маша и Рейхель проводили меня на желѣзную дорогу, и мы простились дружески. Въ Женевѣ никто не встрѣтилъ меня.

Никъ, отъ природы робкій и застѣнчивый, въ одиночествѣ одичалъ и еще больше сталъ удаляться отъ людей. Онъ встрѣтилъ меня въ своей гостиной, сидя въ большихъ креслахъ. Когда я подошла къ нему, онъ обнялъ меня и зарыдалъ. У меня катились по лицу слезы; образы, ушедшіе въ вѣчность, воскресали и, казалось, обступали насъ.

Я нашла Ника сильно измѣнившимся, но во взорѣ его сохранилась прежняя кротость и та же магнитность, которая притягивала къ нему каждаго.

Послѣдній разъ я видѣлась съ Никомъ въ Лондонѣ и не ждала еще увидѣться, прощаясь на англійскомъ пароходѣ. Съ того времени прошло много лѣтъ, и мы опять вмѣстѣ. Но какъ все измѣнилось! Все, для чего онъ жилъ, жертвовалъ, что любилъ, все покинуло его.

Онъ одинокъ и бѣденъ. Въ средствахъ жизни зависитъ отъ дѣтей Александра.

Когда Никъ успокоился, то представилъ мнѣ жившую при немъ среднихъ лѣтъ вдову-англичанку Мери

и ея сына Ганри. Мери мнѣ понравилась,—добрая, простая, она заботилась о постоянно больномъ Никѣ и порой удерживала отъ лишней рюмки вина, которую бѣдный Никъ, украдкой, во вредъ себѣ, добывалъ; но раздѣлять интересовъ его интеллектуальной жизни она не могла.

Мери и Ганри отнеслись ко мнѣ, какъ къ старому другу.

Мери заботливо придвинула къ дивану столикъ, поставила на него пылающую канфорку и кофе со сливками и съ разными принадлежностями.

Никъ, довольный моимъ пріѣздомъ, согрѣтый пылающей канфоркой и горячимъ кофе, мало-по-малу отдохнулъ отъ перваго впечатлѣнія и разговорился, что̀ случалось съ нимъ очень рѣдко*), о прошедшей жизни въ Россіи, о направленіи духа прошедшаго и настоящаго времени и о жизни его съ Александромъ за границей; о своей любви къ Россіи, и какъ хотѣлось бы ему услыхать еще разъ шумъ родной дубравы, подышать запахомъ широкихъ полей, слышать вокругъ себя русскую рѣчь. Жаловался, что европейцы наклепали на себя пристрастіе къ комфорту; что во всей Европѣ, вступая въ зиму, надобно писать свое духовное завѣщаніе, какъ писали когда-то, отправляясь въ Парижъ или въ Марсель.

— Я думаю, Никъ, если попросить вліятельныхъ людей, то, конечно, тебѣ разрѣшатъ жить въ Россіи. Это возможно; въ родной деревнѣ передъ тобой воскреснетъ вся твоя юность, воскреснетъ вдохновенье, и съ пера твоего польются опять чарующія пѣсни.

Никъ слушалъ меня задумавшись, глубоко вздохнулъ и сказалъ:

— Нѣтъ, старый другъ, не говори обо мнѣ съ высшими и не проси—мнѣ умереть на чужбинѣ. Въ Швейцаріи не останусь надолго. Здѣсь свѣтъ слишкомъ ярокъ, вреденъ мнѣ для глазъ.

— Куда же ты думаешь переселиться?

— Не знаю, еще не рѣшилъ. Въ Италіи слишкомъ свѣтло и жарко, да и говорить по-итальянски я почти

---

*) Разговоръ этотъ помѣщенъ былъ въ «Полярной Звѣздѣ», изданіе графа Салiаса. *Т. П.*

позабылъ. Французскій народъ надоѣлъ мнѣ. Остается Лондонъ; климатъ болѣе холодный необходимъ для моего здоровья.

— Ты много самъ разстраиваешь свое здоровье.

— Отъ тоски и отъ нечего дѣлать.

— Когда же это съ тобой бывало, чтобы ты не находилъ себѣ дѣла? Работа спасетъ тебя.

— Не нахожу, и что писать?

— Пиши свои воспоминанія. Записки твои чѣмъ дальше, тѣмъ должны становиться интереснѣе, по событіямъ и по личностямъ, среди которыхъ ты жилъ.

— Едва ли буду въ состояніи,—отвѣчалъ Никъ печально: — да и кого что интересуетъ въ настоящее время? Даже и юношей не увлекаютъ, не волнуютъ высокіе подвиги, благородныя чувства, надежды, упованья, поэзія. Юноши есть—юности не вижу. Только уходя въ самого себя я чувствую себя лучше. Сверхъ всего, я одинокъ...

— Ну, Никъ, гдѣ же одинокъ... Мало ли людей, которые тебѣ сочувствуютъ, не говоря уже о дѣтяхъ Александра.

— Дѣти Александра, конечно; да вѣдь они не часто со мною; сверхъ того, у нихъ есть уже что-то свое, что не совсѣмъ наше. Встрѣчаются и изъ нашихъ,—да къ чему? Порой и съ ними не знаешь, что говорить,—слова и слова, а до дѣла и дѣла нѣтъ. Полное безучастіе и пустота. Время проходитъ, а вспомнить нечего.

— Конечно, Никъ, есть доля правды въ словахъ твоихъ; но у тебя, сверхъ всего, прелестный талантъ, ты—поэтъ.

— Вѣришь ли, Таня, все, что я писалъ, все это не то, что я чувствовалъ. Души моей я никогда не могъ выразить и не выразилъ никогда*) ни въ музыкальныхъ звукахъ, ни въ словахъ. Я бывалъ счастливъ, когда высказывалъ хотя часть того, что глубоко таилось въ душѣ моей.

— Ты жилъ такой широкой общественной и умственной жизнью, переживи ее въ твоихъ твореньяхъ.

---

*) Николай Платоновичъ О—въ страстно любилъ музыку и хорошо игралъ на фортепьяно.

— Писать? Писать хорошо, да вѣдь высказанной массой чувствъ и картинъ хочется подѣлиться. Нераздѣленное стынетъ въ одиночествѣ.

— Читателей найдется много, и до своихъ дойдетъ.

— Могу ли еще писать?—отвѣтилъ Никъ грустно.

Помолчавъ немного, онъ сказалъ:—Знаешь ли, другъ мой, я долго не проживу; и хорошо: жить—страдать, да, страдать...

Сказавши это, онъ раскрылъ ящичекъ своего столика, вынулъ изъ него нѣсколько листочковъ исписанной бумаги и, подавая ихъ мнѣ, говорилъ:—Вотъ тебѣ мои стихи настоящаго времени.

Ожиданіе.

СТИХИ БЕЗЪ РАЗМѢРА.

Скачи, скачи, дребезжащая телѣга,
Недолго намъ доплестися до ночлега,
Недолго намъ до ночлега вѣкового,
Ночлега темнаго, гробового.

А сколько дней протрещали мы по свѣту,
Успѣха въ томъ, оказалося, намъ нѣту:
Начала добрыя поспотыкались,
Стремленья всѣ праздны остались.

Скачи, скачи, дребезжащая телѣга,
Пора, пора добираться до ночлега,
Чтобъ и толпа возникающихъ гостей
Не шла будить отжившихъ костей.

Прочитавши, я положила листокъ на столъ и сказала: «Не узнаю тебя въ этихъ стихахъ»,—потомъ взяла другіе, вотъ они:

Вопросъ.

Странное, странное дѣло—
Жить мнѣ давно надоѣло;
Смерть же какъ будто бѣда,
Нѣтъ въ ней нужды никогда.

Я же въ безсмертье не вѣрю;
Гдѣ тутъ безсмертіе звѣрю—
Будь онъ, пожалуй, двурогъ
Или хоть просто двуногъ.

Я же не вѣрю...
Мнѣ, знать, иная дорога—
Какъ бы къ свободѣ людской
Шагъ хоть подвинуть какой.

Хватитъ ль нѣтъ до могилы
Нужной для этого силы.
Тутъ вотъ и смерть-то страшна,
Тутъ вотъ и жизнь-то скучна.

— На, Никъ, возьми свои стихи,—тяжело!

— Такія минуты, такія чувства я теперь переживаю. Завтра я дамъ тебѣ другіе стихи, продолженіе моей поэмы «Радаевъ». Она написана еще въ хорошее время моей жизни, хотя и не въ лучшее. Если хочешь, напечатай ихъ.

— Хорошо, Никъ, дай.

— Завтра,—отвѣчалъ онъ:—теперь мнѣ такъ хорошо, такъ удобно, что не хочется мѣнять этого положенія!

— Зачѣмъ, Никъ, ты самъ не печатаешь эту поэму?

— Здѣсь! Кому читать? Ты говоришь: пиши... писать мнѣ нечего.

— А общіе интересы? Не можетъ-быть, чтобы сочувствіе къ общимъ интересамъ порой и теперь не врывалось въ твою жизнь, хотя и очень замкнутую.

— Для кого? для самого себя? Теперь выше всего ставятъ: наживы, захваты, личное наслажденіе, хотя бы въ ущербъ и гибель другимъ. А ты говоришь о самоотверженіи. Наше время, сороковыхъ годовъ, называютъ временемъ романтизма, фантазіи,—пусть такъ, а это дѣйствительность? Правда, мы воспитывались художественно; да развѣ изящество и благородство не есть высшее проявленіе дѣйствительности? Эгоизмъ и грубое наслажденіе насъ возмущали.

— И въ наше время, Никъ, этого было довольно.

— Такъ, но скрывали, совѣстились. Теперь хвалятся.

— Пожалуй, въ наше время большинство было съ высшимъ направленіемъ, да вѣдь ихъ считали опасными.

— Они и были опасны невѣжеству и эгоизму, но всѣ сознавали, что эти люди вносили свѣтъ знанія, будили; стыдились явно издѣваться надъ наукой, надъ правдой,—а теперь!

Разговоръ нашъ, сколько могу припомнить, былъ въ этомъ родѣ. Мало-по-малу онъ перешелъ на послѣдніе годы его жизни вмѣстѣ съ Александромъ.

Вечеромъ Никъ чувствовалъ себя въ такомъ возбужденномъ настроеніи духа, что сѣлъ за роялино. Онъ любилъ музыку, игралъ на фортепьяно прекрасно,— большею частью свои фантазіи.

Сильныя, гармоничныя мелодіи полились изъ роялино, переплетались, дробились, наконецъ перешли въ тихіе, трогательные тоны на мотивъ:

Я жду тебя, когда зефиръ игривый,
Въ часъ утра, розъ листочки шевелитъ.

Я и не замѣтила, какъ лицо мое было облито слезами.

— Это музыка моего бѣднаго пріятеля Алябьева,— сказалъ Никъ, кончая отрывистыми аккордами.

Я пробыла въ Женевѣ у Ника двое сутокъ, на третій день хотѣла ѣхать обратно въ Интерлакенъ, несмотря на дождь, который лилъ всю ночь какъ изъ ведра, а днемъ сѣялся точно сквозь сито. Но Никъ такъ просилъ меня остаться у него еще на сутки и такъ былъ грустенъ и страдалъ отъ боли въ ногѣ, что я не могла отказать ему и осталась. Дождь и сѣрое небо навели нашъ разговоръ на жизнь его въ Англіи съ Александромъ, на Гарибальди. Разсказъ свой Никъ пополнилъ чтеніемъ замѣтокъ объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ, о его посѣщеніи Лондона и Александра; съ чувствомъ прочиталъ онъ написанные имъ стихи къ Гарибальди и далъ ихъ мнѣ, вмѣстѣ съ прелестными отрывками, въ стихахъ, изъ своей жизни; да, сверхъ того, зная мои записки изъ дальнихъ лѣтъ, сказалъ, что дастъ мнѣ письма Саши, писанныя къ нему въ продолженіе двухъ послѣднихъ лѣтъ его жизни, которыя онъ съ семействомъ своимъ провелъ путешествуя; послѣднее изъ этихъ писемъ писано было за десять дней до его неожиданной кончины, изъ Парижа, гдѣ онъ располагалъ устроиться на постоянное житье. Письма Александра и стихи Ника изъ его жизни я сохранила, а

стихи къ Гарибальди, къ сожалѣнію, никакъ не могу отыскать; при воспоминаніи о немъ слѣдовало бы ихъ помѣстить.

Съ полудня дождь пересталъ; быстро расходились тучи, мѣстами вырѣзывалось небо, горизонтъ просвѣтлѣлъ, солнце закатывалось. Мы вышли на балконъ—тепло, тихо, ароматно, благодать. Алѣла снѣжная вершина Монблана, Монъ-Салевъ, каштаны, озеро, кустъ розановъ противъ балкона въ чьемъ-то палисадникѣ, алѣлъ весь воздухъ. Мы вынесли на балконъ кресла и помѣстились тамъ. Вдали кто-то игралъ на флейтѣ; въ противоположномъ домѣ раскрылось окно, показалось прелестное личико кудрявой дѣвочки лѣтъ четырнадцати и очень молодой человѣкъ; они улыбались и, повидимому, о чемъ-то весело разговаривали. Всѣ эти картины воскресили въ насъ воспоминанія изъ нашихъ дальнихъ лѣтъ: видится намъ Москва, слышатся знакомые голоса; сквозь вѣтки душистаго тополя свѣтитъ звѣздочка въ небольшой кабинетъ; все въ этомъ кабинетѣ просто: диванъ, столъ, изрѣзанный мѣстами перочиннымъ ножичкомъ; у стола два мальчика лѣтъ по тринадцати, передъ ними нѣсколько книгъ и тетрадей, на всемъ слѣды жизни расцвѣтающей, на всемъ слѣды сердечной теплоты и поэзіи.

Воскресъ передъ нами и другой кабинетъ,—кабинетъ въ Лондонѣ, обширный, роскошный. Мы съ Никомъ сидимъ подлѣ великолѣпнаго письменнаго стола, заваленнаго книгами, журналами, бумагами. Противъ насъ, надъ небольшимъ столикомъ, большая картина, изображающая к о л о к о л ъ. Картину освѣщаетъ стоящая на столикѣ лампа,—мы вспоминаемъ далекое прошлое, вспоминается маленькій кабинетъ въ Москвѣ и того, чей это кабинетъ; вспоминается кругъ друзей, надежды, дѣятельность и все, во что Никъ вносилъ свой кроткій, примиряющій взглядъ.

— А знаешь ли ты, Таня,—вдругъ взволнованнымъ голосомъ сказалъ Никъ:—какъ я виноватъ передъ твоимъ Вадимомъ? Прости мнѣ за него. Я поступилъ возмутительно. Онъ просилъ меня помочь ему въ литературномъ предпріятіи,—я былъ богатъ и отказалъ, потому что расходился съ нимъ въ нѣкоторыхъ взглядахъ.

Я отказалъ ему и до сихъ поръ страдаю своимъ отказомъ.

— Все это прошло, Никъ, не будемъ и вспоминать, успокойся!

— Нѣтъ и Вадима, — продолжалъ Никъ грустно:— этого прекраснаго, благороднаго товарища. Теперь и у меня нѣтъ ничего, нѣтъ и силы, нѣтъ и здоровья, нѣтъ и средствъ къ жизни. Дѣти Александра содержатъ меня.

У него въ голосѣ слышались слезы.

— Квартира у меня не велика,—вдругъ перемѣнивъ разговоръ, сказалъ онъ:—но мнѣ достаточно; побудь у меня подольше, Таня.

Кромѣ небольшой столовой, у Ника была комната, гдѣ жилъ юный англичанинъ Ганри; гостиная съ балкономъ, она же спальня и кабинетъ; въ немъ нѣсколько креселъ, диванъ, замѣнявшій кроватъ, незатѣйливый письменный столъ, почти пустой, да старое бюро—вотъ вся омеблировка этого бѣднаго кабинета, третьяго изъ вспоминавшихся намъ кабинетовъ, и въ немъ Никъ одинъ-одинехонекъ. Этой обстановкѣ представляло странную противоположность прекрасное роялино; Таша *) брала его напрокатъ для Ника—онъ былъ музыкантъ въ томъ же идеальномъ родѣ, какъ и поэтъ.

— Много лѣтъ прошло съ того времени,—продолжалъ Никъ:—а точно вчера. Невольно страхъ беретъ передъ временемъ.

Я замѣтила, что воспоминанія сильно волнуютъ его, и мало-по-малу перевела разговоръ на тему, бывшую предметомъ нашей бесѣды почти весь день.

— Что это, Никъ,—сказала я шутя:—мы остановились съ тобой на томъ, какъ вы жили въ Лондонѣ, какъ Гарибальди ѣздилъ къ вамъ въ Тедлингтонъ обѣдать, да такъ до сихъ поръ и не обѣдаемъ. Удался ли вашъ праздникъ?

— Какъ нельзя лучше,—отвѣчалъ Никъ, оживляясь:—это былъ одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ дней послѣднихъ лѣтъ нашей жизни. Ясно, полно, всему эстетическая мѣра и законченность. Это былъ первый моментъ распустившагося цвѣтка.

---

*) Наталья Александровна Герценъ, дочь Александра Ивановича Герцена.

*) Какъ только мы выѣхали изъ Лондона, на душѣ посвѣтлѣло—и такъ до той минуты, какъ Гарибальди, тѣснимый и обнимаемый народомъ, уѣхалъ обратно въ Лондонъ. Въ дорогѣ говорили о разныхъ предметахъ, между прочимъ и о нѣмцахъ. Неужели вы думаете,—замѣтилъ я:—что нѣмцы хотятъ отдать Венецію и Тріестъ? Венецію еще можетъ-быть, но Тріестъ имъ необходимъ для торговли.

Мы передали Гарибальди нашъ разговоръ съ Ледрю-Ролленомъ.

— Онъ правъ,—сказалъ Гарибальди:—я готовъ къ нему ѣхать.

Минутами Гарибальди, устремивъ взоры вдаль, глубоко задумывался. Смотря на него, невольно рождалась мысль: нѣтъ, это не солдатъ, это просто человѣкъ, готовый отдать душу свою за свой народъ.

Это-то и поняли народы, поняли плебеи, тѣмъ ясновидѣніемъ, которымъ нѣкогда римскіе рабы поняли тайну пришествія Христа, и толпы страждущихъ и обремененныхъ, женщинъ и старцевъ молились кресту Распятаго. Понять—увѣровать, увѣровать—молиться.

Оттого-то плебейскій Тедлингтонъ и толпился у рѣшетки нашего дома съ утра, поджидая Гарибальди. Когда мы подъѣхали, толпа бросилась къ нему, жали ему руки, кричали: «God bless you, Garibaldi!», цѣловали его руки, края плаща, поднимали къ нему дѣтей, плакали. Когда онъ вошелъ въ домъ, крики до того усилились, что онъ принужденъ былъ выйти. Онъ вышелъ и, положа руки на грудь, кланялся во всѣ стороны.

Народъ затихъ, но простоялъ у дома до тѣхъ поръ, пока онъ уѣхалъ.

И этотъ царственный пріемъ—моряку изъ Ниццы!

— А Маццини потомъ тоже былъ у васъ?—сказала я.

— Маццини пріѣхалъ къ намъ тотчасъ послѣ насъ.

Праздникъ нашъ былъ скроменъ, на немъ не было и двадцати человѣкъ. За обѣдомъ пили разные тосты.

Всѣ были глубоко тронуты, когда Гарибальди, съ

---

*) Этотъ разговоръ о Гарибальди былъ напечатанъ въ «Русской Старинѣ» лѣтомъ 1886 года. *Т. П.*

рюмкой марсалы въ рукахъ, послѣ дружескаго предисловія, сказалъ:—Пью за здоровье Джузеппе Маццини, моего друга, моего наставника!—Маццини протянулъ ему руку и взволнованнымъ голосомъ два раза сказалъ:—Это слишкомъ! это слишкомъ!

Когда мы переходили въ другую комнату, въ коридорѣ старикъ-итальянецъ, эмигрантъ, вертѣвшій мороженое, продрался сквозь толпу, наполнявшую коридоръ, схватилъ Гарибальди за полу и, заливаясь слезами, сказалъ:—Ну, теперь могу умереть, я его видѣлъ, а вы живите долго для нашей родины, да благословитъ васъ Богъ!—и покрылъ его руки поцѣлуями. Гарибальди, взволнованный, сѣлъ на диванъ, говоря:—Мнѣ иногда страшно и до того тяжело, что я боюсь потеряться. Помню, когда я изгнанникомъ возвращался изъ Америки въ Ниццу, когда опять увидалъ родительскій домъ, свою семью, родныхъ, знакомыя мѣста, знакомыхъ людей—я былъ удрученъ счастіемъ, а что было потомъ?—рядъ бѣдствій. Я не ждалъ такого пріема отъ народа Англіи,—что же дальше? что впереди?

Уѣзжая, Гарибальди крѣпко обнялъ насъ, со всѣми дружески простился, и карета умчалась при громкихъ крикахъ «ура» и «God blehs you, Garibaldi, for ever!»

Князь П. В. Долгорукій взялъ листъ бумаги, записалъ все и тосты.

Когда уѣхали послѣдніе гости, мы остались одни.

Тихо наступили сумерки.

Такіе дни хорошо помнить годы.

Что будетъ?—сказалъ Гарибальди:—будущее было недалеко.

Въ то время, когда онъ повѣрялъ намъ свой тайный ужасъ передъ будущимъ, рѣшено было отдѣлаться отъ него во что бы то ни стало.

На другой день послѣ нашего праздника поѣхали мы въ Лондонъ. Беремъ на желѣзной дорогѣ вечернюю газету, читаю—большими буквами напечатано: «Болѣзнь генерала Гарибальди»,—далѣе, что онъ ѣдетъ на Капреру, не заѣзжая ни въ одинъ городъ.

Не трудно было догадаться, что это значитъ.

Ѣхать къ Гарибальди было поздно; мы заѣхали къ одной знакомой дамѣ, отъ которой узнали главныя черты министерскаго отношенія къ болѣзни Гарибальди

17-го апрѣля вечеромъ Гарибальди спокойно сидѣлъ, ничего не зная, и ѣлъ виноградъ, а возлѣ его комнаты сговаривались, что̀ дѣлать. Гладстонъ взялся сообщить ему принятое рѣшеніе; онъ вошелъ къ нему въ комнату и заговорилъ о его здоровьѣ; Гарибальди отвѣчалъ, что онъ здоровъ; но министръ финансовъ сталъ доказывать ему, что онъ боленъ. Гарибальди догадался и прямо спросилъ: — «Значитъ желаютъ, чтобы я уѣхалъ?» Гладстонъ не скрылъ, что этого хотятъ.

— Такъ я ѣду.

Гладстонъ испугался скораго успѣха и предложилъ ему побывать въ двухъ-трехъ городахъ и потомъ отправиться на Капреру.

— Выбирать между городами не умѣю,—отвѣчалъ Гарибальди:—я даю слово уѣхать черезъ два дня.

На другой день мы узнали, что Гарибальди переѣхалъ къ Силли, и отправились къ нему. Говорить съ нимъ не было возможности. Человѣкъ двадцать посѣтителей ходило, сидѣло, молчало въ залѣ, въ кабинетѣ.

— Вы ѣдете?—сказали мы Гарибальди, пожавъ ему руку. Онъ отвѣчалъ печально: je plie aux nécessités (покоряюсь необходимости).

Друзья Гарибальди пришли внѣ себя отъ его отъѣзда.

Послѣдніе два дня были смутны и печальны. Гарибальди избѣгалъ говорить о своемъ отъѣздѣ и ничего не говорилъ о своемъ здоровьѣ... во всѣхъ близкихъ онъ встрѣчалъ печальный упрекъ. На душѣ у него было тяжело, но онъ молчалъ.

Наканунѣ отъѣзда мы сидѣли у него, какъ пришли сказать, что въ пріемной уже тѣсно отъ желающихъ его видѣть.

Представлялись члены парламента съ семействами и разные nobility, всего до 2,000 человѣкъ. Это былъ царскій выходъ.

Гарибальди всталъ и спросилъ:—Пора?

— Еще пять минутъ,—отвѣчали ему; онъ вздохнулъ и сѣлъ на свое мѣсто. Мы хотѣли уйти, но онъ удержалъ насъ. Фактотумъ распорядился, гдѣ помѣстить диванъ, въ какую дверь входить, въ какую выходить.

Растворили дверь. Въ дверяхъ сталъ церемоніймейстеръ съ листомъ бумаги въ рукахъ и началъ громко

читать: the right honorable so and so lady esquire, ladship, и пр. При каждомъ словѣ отворялась дверь и входили леди, лорды, молодые, старые, всѣ подходили по очереди къ Гарибальди, мужчины жали, трясли ему руку, иные при этомъ что-то говорили, бо́льшая часть молча откланивалась. Дамы также молчали, бросали на него восторженные взоры, откланявшіеся выходили въ противоположную дверь — въ залу, и спускались по лѣстницѣ къ экипажамъ.

Гарибальди вначалѣ стоялъ, потомъ садился, вставалъ, наконецъ сѣлъ.

Нога не позволяла ему стоять долго и ждать конца пріема дамъ. Кареты все подъѣзжали, церемоніймейстеръ все читалъ.

Грянула музыка horse-guard'овъ; мы постояли, постояли и вошли въ залу, потомъ въ комнату, гдѣ обыкновенно сидѣли Саффи и Мордини; тамъ никого не было; на душѣ было тяжело, нехорошо; эта комедія царскаго пріема возмущала.

Въ окно виднѣлся рядъ каретъ—музыка гремитъ, кареты подъѣзжаютъ; мнѣ представлялся Гарибальди измученный, усталый, по лицу пробѣгаютъ тучи.

Мы ночевали въ Лондонѣ. Утромъ пришли къ Гарибальди. Онъ былъ мраченъ, отрывистъ—видна была желѣзная воля и привычка повелѣвать.

Затѣмъ явились аристократическія дамы, не такъ важныя ожидали въ залахъ.

Послѣ пріема Гарибальди сбирался ѣхать на свиданье съ герцогомъ Вельскимъ, въ Стаффордъ-Гаузъ.

Мы съ Александромъ подошли къ нему проститься. «Прощайте»,—сказали мы:—«прощайте и до свиданія на Капрерѣ!»

Гарибальди обнялъ насъ, сѣлъ и, протянувъ намъ обѣ руки, сказалъ разстроеннымъ голосомъ:—«Простите, простите меня, у меня голова кругомъ идетъ, пріѣзжайте на Капреру», и еще крѣпко обнялъ насъ.

Оставшись одинъ, я перебиралъ подробности этого «сновидѣнья въ весеннюю ночь».

Никъ замолчалъ и задумался.

Я не прерывала его.

Небо осыпали звѣзды, какъ это бываетъ въ августѣ.

Вдругъ яркая звѣзда сорвалась съ темно-синей вы-

соты, покатилась, черкнула по небу сверкнувшей струей и скрылась въ міровомъ океанѣ... Гдѣ она?... она сейчасъ была тутъ!.. тамъ!.. и нѣтъ ея... Наступила тихая, глубокая ночь.

Сонъ въ весеннюю ночь.

Ступай, великое дитя, великая сила, великая простота. Ступай на свою скалу, плебей въ красной рубашкѣ и король Лиръ!—У тебя есть бѣдная Корделія.

Это былъ одинъ изъ фантастическихъ сновъ Шекспира; это было сліяніе высокаго съ мелочнымъ, возвышающаго душу съ раздирающимъ слухъ. Рядомъ съ святой простотой человѣка—закулисные заговоры, интриги, ложь,—сказалъ Никъ, начавши снова на нѣсколько минутъ прерванный разговоръ.

— Въ обществѣ и журналахъ,—замѣтила я:—говорили, что Гарибальди пріѣзжалъ въ Англію по приглашенію англійскаго правительства?

— Англійское правительство никогда не приглашало и не вызывало Гарибальди. Когда спросили Пальмерстона, не будетъ ли непріятенъ пріѣздъ Гарибальди правительству,—онъ отвѣчалъ:—Почему же правительству можетъ быть непріятно, чтобы генералъ Гарибальди пріѣхалъ въ Англію? нисколько оно не отклоняетъ его пріѣзда, но и не приглашаетъ его.

Гарибальди пріѣзжалъ въ Англію съ цѣлью итальянскаго вопроса. Ему хотѣлось собрать столько денегъ, чтобы имѣть возможность начать походъ въ Адріатикѣ; онъ надѣялся, что, когда дѣло будетъ сдѣлано, то увлечетъ Виктора-Эммануила.

— И только?—спросила я.

— А развѣ это мало? и только,—отвѣчалъ Никъ.—Всѣ, кто желалъ его пріѣзда, знали, что Гарибальди будутъ овація, но того характера овацій, какой принялъ его пріѣздъ въ народѣ, никто не ожидалъ.

Англійскій народъ, при вѣсти, что къ нему ѣдетъ въ гости человѣкъ красной рубашки, встрепенулся.

Англійской аристократіи это показалось непріятно; но ей и въ голову не приходило изгонять Гарибальди; напротивъ, ей хотѣлось утянуть его въ себя, закрыть отъ народа; она собиралась заласкать его, закормить, запоить, не дать опомниться, не давать придти въ себя, не дать ему ни минуты остаться одному. Ему надобно денегъ—дать ему полмилліона, милліонъ франковъ, купить ему остальную часть Капреры, всю скалу; купить ему удивительную яхту,—онъ такъ любитъ катанья по морю,—лишь только бы онъ не бросалъ деньги на вздоръ—на освобожденіе Италіи.

— И ничьи планы не удались,—спросила я:—даже и отчасти?

— Нисколько, несмотря на то, что проводились съ самой блестящей обстановкой. Гарибальди выходилъ изъ всего, точно ясный мѣсяцъ изъ-за тучъ. Съ условіями англійской аристократіи онъ не сошелся и отказался отъ всѣхъ даровъ ея—вѣдь онъ просилъ не для себя.

Это стало смущать аристократію,—ее выручили дѣловые люди, пошли толки, перешептыванія, переписка; законодательное собраніе рѣшило, что Гарибальди боленъ; государственные люди стали тревожиться за здоровье человѣка, который не просилъ ихъ объ этомъ, стали прописывать ему, не спросивши его,—Атлантическій океанъ.

— Я читала въ нѣкоторыхъ журналахъ,—сказала я:—какъ пріѣзжалъ генералъ Гарибальди въ Лондонъ, и что, по болѣзни, неожиданно уѣхалъ; писалъ объ этомъ мнѣ и ты, и какъ у васъ въ Тедлингтонѣ Гарибальди обѣдалъ вмѣстѣ съ Маццини, а потомъ долженъ былъ уѣхать изъ Англіи нежданно-негаданно, и что Саша по поводу этой неожиданности назвалъ пребываніе Гарибальди въ Англіи: «сонъ въ весеннюю ночь».

— Конечно, это можно назвать сномъ,—сказалъ Никъ:—такъ оно было фантастично и мелькнуло какъ сновидѣнье. Видится: звучатъ трубы, раздается громъ пушекъ, звонъ колоколовъ, корабли покрыты флагами. Вотъ величественная личность изъ народа выступаетъ въ полномъ блескѣ славы. Лондонъ семь часовъ на но-

гахъ ждетъ великаго человѣка въ красной рубашкѣ. Онъ возбуждаетъ упоительный восторгъ. Тысячи человѣкъ провожаютъ его экипажъ отъ Ковентгарда въ Сенъ-Джемсъ; тысячи ждутъ его отъ семи часовъ утра передъ Стаффордъ-Гаузомъ. Рабочіе и герцоги, перы, слуги, прачки, дамы, старшій сынъ королевы Викторіи и гаменъ въ лохмотьяхъ, безъ отца и безъ матери,— всѣ тѣснятся, чтобы пожать ему руку. Ньюкестль, Нью-Іоркъ, Гласговъ, Толь, вся Шотландія горитъ желаніемъ принять его у себя, а онъ... онъ исчезаетъ какъ тѣнь Гамлета, онъ ступилъ на западню и скрылся... гдѣ онъ? Онъ сейчасъ былъ тутъ?.. тамъ?.. и нѣтъ его... только парусъ надувается вѣтромъ.

— Ты не можешь себѣ представить,—продолжалъ Никъ:—что за пріемъ сдѣланъ былъ Гарибальди! Монархи не имѣли такого, и вдругъ въ палатахъ, въ журналахъ, во многихъ салонахъ, въ письмахъ говорятъ, что человѣкъ наканунѣ совсѣмъ здоровый—боленъ до того, что ему необходимо на яхтѣ переплыть вдоль Атлантическій океанъ и поперекъ Средиземное море.

— А какъ торжественно принимали его!—замѣтила я:—обѣды, рѣчи, гирлянды, украшенія, костюмы, балеты, волшебства, арлекинады!

— Да, все это было,—иллюминовано, раскрашено, продавалось по пенни,—это былъ, дѣйствительно, «сонъ въ весеннюю ночь». А знаешь ли ты подробности? пріѣздъ въ Англію и близость съ Александромъ?

— Не думаю; впрочемъ, объ этомъ такъ много говорили и писали, что общее болѣе или менѣе нельзя не знать.

— Александръ, — началъ Никъ:—познакомился съ Гарибальди въ 1854 году, когда Гарибальди приплылъ изъ Южной Америки капитаномъ корабля и сталъ на Вестъ-Индскихъ докахъ; узнавши это, Александръ отправился къ нему съ однимъ изъ его товарищей по римской войнѣ. Гарибальди встрѣтилъ ихъ съ своей обычной простотой и радушіемъ. Онъ былъ одѣтъ въ свѣтло-сѣрое, толстое пальто, на шеѣ былъ повязанъ шарфъ яркихъ цвѣтовъ, на головѣ фуражка. Ничто не напоминало славнаго предводителя римскаго ополченія, портреты, статуэтки котораго продавались во всемъ свѣтѣ. Это былъ простой морякъ, добродушный, при-

вѣтливый. Но, несмотря на любовь и гордость, съ какой смотрѣли на него всѣ составлявшіе его экипажъ, видно было, что онъ—властъ.

Гарибальди пригласилъ посѣтившихъ его въ свою каюту, угощалъ устрицами Южной Америки, сушеными фруктами, портвейномъ, и вдругъ, какъ бы вспомнивъ что-то, велѣлъ матросу принести какую-то бутылку, съ любовью ее откупорилъ и налилъ всѣмъ по рюмкѣ. Это былъ беллетъ изъ Ниццы—изъ его родины. Онъ привезъ его изъ Америки въ Лондонъ.

За завтракомъ разговоры были просты, безцеремонны, безъ фразъ, но мало-по-малу въ Гарибальди становилось чувствительно присутствіе силы, присутствіе народнаго вождя. Говоря о Мацціни, Гарибальди высказалъ свое мнѣніе о его дѣйствіяхъ, расходившееся съ мнѣніемъ Мацціни; несмотря на то, что высоко уважалъ его и признавалъ въ немъ путеводителя своей юности, друга и наставника; несмотря на то, что и въ это время былъ съ нимъ въ теплыхъ отношеніяхъ:—«Зачѣмъ они дразнятъ Пьемонтъ—это вредно,—говорилъ Гарибальди:—дѣло въ томъ, чтобы освободить Италію отъ Австріи; нечего и незачѣмъ думать о республикѣ; сомнѣваюсь, чтобъ они и нуждались въ ней». Гарибальди былъ противъ всѣхъ опытовъ возстанія. Время и послѣдствія доказали, какъ онъ былъ правъ.

Когда онъ отплылъ за углемъ въ Нью-Кестль на Темзѣ и оттуда въ Средиземное море, Саша сказалъ, что ему чрезвычайно нравится его морская жизнь, и что, по его мнѣнію, онъ избралъ себѣ самую благую часть изъ всѣхъ эмигрантовъ.

— Кто же имъ не велитъ сдѣлать то же,—отвѣчалъ Гарибальди.—Явилась бы плавающая эмиграція. Меня въ Америкѣ знаютъ; я могъ бы имѣть три, четыре корабля подъ моимъ начальствомъ—и взялъ бы на нихъ эмиграцію; матросы, лейтенанты, работники, повара, все были бы эмигранты. Въ Европѣ дѣлать нечего—развѣ ходить по міру въ Англіи. Въ Америкѣ еще хуже—Америка страна забвенія родины. Тамъ все другое, другіе интересы. Чего же лучше, какъ собраться около нѣсколькихъ мачтъ и носиться по океану—независимые, недосягаемые, готовые пристать къ тому или другому берегу. Это было когда-то моей мечтой.

Вечеромъ того же дня Александръ встрѣтился съ Гарибальди въ одномъ домѣ, гдѣ былъ и Маццини. Маццини вынулъ изъ кармана листъ Italia del popolo и показалъ Гарибальди какую-то статью. Гарибальди прочиталъ ее и сказалъ: «Да, написано бойко, а статья превредная; я скажу откровенно, за такую статью стоитъ журналиста или писателя сильно наказать; раздувать всѣми силами раздоръ между нами и Пьемонтомъ въ то время, какъ у насъ только и есть одно войско—войско сардинскаго короля. Это опрометчивость, ненужная дерзость, доходящая до преступленія».

Маццини отстаивалъ журналъ.

Гарибальди былъ грустенъ и сдѣлался еще грустнѣе. Было поздно, онъ не хотѣлъ возвращаться на ночь на доки и сбирался идти въ гостиницу. Александръ предложилъ ночевать у него. Онъ согласился.

Присутствующіе на вечерѣ такъ осаждали Гарибальди, что онъ, едва выпутавшись кой-какъ, подошелъ къ Александру и спросилъ: «долго ли онъ тутъ пробудетъ?»

— Отправимтесь хоть сейчасъ.

— Сдѣлайте милость.

Они уѣхали. По дорогѣ Гарибальди сказалъ:

— Жаль, Маццини увлекается, съ чистѣйшими намѣреніями дѣлаетъ страшныя ошибки. Тѣшится тѣмъ, что выучилъ своихъ учениковъ дразнить Пьемонтъ; послѣдняя опора пропадетъ. Республика! Дѣло не въ республикѣ. Маццини знаетъ Италію образованную и владѣетъ ея умами; но изъ нихъ не составится войска, чтобы выгнать изъ Италіи австрійцевъ и отдѣлить папу. Я знаю итальянскія массы; для массы, для народа итальянскаго одно знамя—единство и изгнаніе чужеземцевъ. Можно ли этого достигнуть, опрокидывая на себя единственное сильное королевство въ Италіи, которое хочетъ стать за Италію, да боится; надобно его звать, а не отталкивать, не обижать.

На другой день Гарибальди, рано утромъ, пошелъ гулять съ маленькимъ сыномъ Александра; зашелъ въ фотографію, снялъ съ ребенка портретъ, принесъ въ подарокъ отцу и остался у нихъ обѣдать. Во время обѣда явился присланный отъ Маццини; онъ хотѣлъ говорить съ Гарибальди наединѣ, но Гарибальди ска-

залъ: у меня нѣтъ секретовъ, да и чужихъ тутъ нѣтъ никого, и въ продолженіе разговора повторилъ, что Маццини знаетъ только одну сторону жизни, но до народа, до этого фундамента общества, идущаго до грунта, т. е. до полей и плуга, до пастуховъ и лодочниковъ, никогда не доходилъ, а что онъ, Гарибальди, не только въ Италіи, но и вездѣ жилъ съ народомъ, зналъ его силу и слабость, горе и радости, зналъ его среди битвъ и среди океана, и народъ въ него вѣритъ.

Маццини не вѣрилъ ему.

Уѣзжая, Гарибальди сказалъ: «Ѣду, а на душѣ тяжело; онъ что-нибудь да предприметъ вредное».

И угадалъ.

Двѣ-три неудачныя вспышки доказали, какъ онъ былъ правъ. Далѣе Гарибальди не вытерпѣлъ и разразился извѣстнымъ письмомъ.

«Въ этихъ возстаніяхъ,—писалъ онъ:—могутъ участвовать или сумасшедшіе, или враги итальянскаго дѣла».

— Прошло около десяти лѣтъ, я жилъ въ Англіи вмѣстѣ съ Александромъ, миляхъ въ десяти отъ Лондона, въ Тедлингтонѣ, — продолжалъ свой разсказъ Никъ.—Въ 1864 году ждали Гарибальди въ Англіи. 3-го апрѣля онъ пріѣхалъ въ Суттамптонъ. Александръ тотчасъ отправился туда. Ему хотѣлось видѣть Гарибальди прежде, чѣмъ его опутаютъ, утомятъ, хотѣлось потому, что онъ любилъ его, что смотрѣлъ на него, какъ на лицо изъ Плутарха, а теперь,—писалъ о немъ Александръ,—«онъ переросъ этихъ героевъ, сталъ легендарнымъ отъ береговъ Испаніи до Украины, отъ Шотландіи до Сербіи. Съ тѣхъ поръ онъ побѣдилъ цѣлое государство съ горстью волонтеровъ, и какъ отпустили его! Съ тѣхъ поръ онъ былъ побѣжденъ и какъ ничего не пріобрѣлъ отъ побѣды, такъ ничего не потерялъ отъ пораженія; напротивъ, послѣднее усилило обаяніе, и новый ореолъ осіялъ лавры его». Александръ хотѣлъ видѣть, тотъ ли это капитанъ корабля, котораго онъ видѣлъ на Индіанъ-докахъ, который мечталъ объ эмиграціи на океанѣ; онъ хотѣлъ видѣть его и для того, чтобы сообщить о нелѣпостяхъ, которыя дѣлала партія его поклонниковъ.

Александръ пріѣхалъ въ Суттамптонъ спустя нѣ-

сколько минутъ по отъѣздѣ Гарибальди на островъ Вайтъ.

На улицѣ виднѣлись остатки торжества въ честь Гарибальди, въ гостиницахъ, на пароходѣ только и слышалось, что о Гарибальди. Разсказывали, какъ онъ, сходя съ парохода, пожалъ руку каждому матросу, когда они выстроились рядами по пути, по которому онъ долженъ былъ пройти. Онъ покорилъ себѣ сердца англійскихъ моряковъ.

Разсказывали, какъ вышелъ онъ на палубу, опираясь на герцога Сутерландскаго.

Въ Коузъ Александръ пріѣхалъ поздно вечеромъ, заказалъ себѣ къ утру коляску и пошелъ пройтись по взморью. «Вечеръ былъ тихій, теплый,—писалъ Александръ, вспоминая это время:—море едва колыхалось, мѣстами по немъ пробѣгали фосфорическія блестки и струи,—пахло морскими испареніями, изъ какого-то клуба доносилась музыка, на всемъ лежалъ свѣтлый, праздничный видъ. Зато на другой день лилъ частый мелкій дождь. Небо, земля, даль—все слилось въ сѣрую массу». Подъ этимъ дождемъ Александръ пріѣхалъ въ полузакрытой коляскѣ въ Брокъ-Гаузъ, гдѣ находился Гарибальди, и послалъ свою карточку къ его секретарю Гверцони.

Гверцони пригласилъ его въ свою комнату, а самъ пошелъ сказать о немъ Гарибальди. Спустя минуту послышалась его походка и стукъ его палки; онъ шелъ, спрашивая: «гдѣ онъ, гдѣ онъ?» Александръ отворилъ дверь, выходившую въ широкій коридоръ; передъ нимъ стоялъ Гарибальди съ своимъ яснымъ, кроткимъ взоромъ и, протягивая руки, говорилъ: «какъ радъ васъ видѣть, какъ радъ, что вижу васъ полнымъ здоровья и силъ», и обнялъ его. «Куда хотите? вотъ комната Гверцони, а вотъ тамъ моя».

На Гарибальди былъ надѣтъ всѣмъ извѣстный его костюмъ—его camici rohsa, красная рубашка. Сверхъ нея оригинальнаго покроя плащъ, застегнутый на груди, а на шеѣ былъ повязанъ платокъ по-матросски. Все вмѣстѣ шло къ нему необыкновенно.

Александръ нашелъ, что Гарибальди мало измѣнился.

Портреты его не даютъ о немъ понятія, всѣ они старѣе, и нигдѣ не схвачено выраженія его лица, въ

чемъ и содержится сила и тайна влекущаго къ нему, все очарованіе, которое онъ разливаетъ вокругъ себя, какъ на рыбаковъ въ Ниццѣ, на экипажъ корабля, такъ и на армію волонтеровъ въ Италіи, на народныя массы всѣхъ континентовъ.

— Мнѣ кажется, Никъ, судя по портретамъ, черты лица его напоминаютъ скорѣе типъ славянскій, нежели итальянскій.

— Въ его взорѣ, улыбкѣ, въ звукѣ голоса, во всемъ выражается доброта, простодушіе и такая трогательная привѣтливость, что нѣтъ возможности противиться ихъ притягательной силѣ, и все же они не опредѣляютъ вполнѣ характера его. Въ этой добротѣ чувствуется неразрушимая сила нравственная, возможность преданности до отданія себя; въ глубинѣ же всего какая-то печаль. Мысли быстро пробѣгаютъ по чертамъ лица его; страхъ ли это передъ судьбою, отъ которой нельзя отречься? сомнѣніе ли при видѣ измѣнъ, паденій, слабостей?—быть-можетъ. Не величіе ли искушало его? Нѣтъ, величіе не могло искушать Гарибальди—о н ъ в е с ь б ы л ъ с в о е д ѣ л о.

Между прочими разговорами, Александръ сказалъ ему:

— Я поторопился васъ видѣть не безъ задней мысли; я боялся, чтобы мрачная атмосфера Англіи не помѣшала вамъ увидать интереснаго закулиснаго механизма пьесы, которая дается на подмосткахъ парламента. Могу ли говорить все, что хочу?

— Пожалуйста,—отвѣчалъ Гарибальди.—Мы старые друзья.

Тогда Александръ разсказалъ ему выходки противъ Маццини и чему подвергали за него Стансфильда—человѣка, который личнымъ достоинствомъ, трудомъ и умомъ достигъ еще въ довольно молодыхъ лѣтахъ мѣста лорда въ адмиралтействѣ.

— На васъ прямо нападать не смѣютъ,—продолжалъ онъ:—но посмотрите, какъ безцеремонно васъ трактуютъ.—И подалъ ему послѣдній листъ «Standart'a»; тамъ было сказано: мы увѣрены, что генералъ Гарибальди пойметъ настолько обязанности, возлагаемыя на него гостепріимствомъ Англіи, что не будетъ имѣть

сношеній съ прежнимъ товарищемъ своимъ, и настолько такта, чтобы не ѣздить въ № 35 Thourley Square *).

— Я слышалъ кое-что,—сказалъ Гарибальди:—объ этой интригѣ. Разумѣется, одинъ изъ первыхъ визитовъ моихъ будетъ Стансфильду.

Гарибальди всталъ; Александръ, думая, что онъ хочетъ окончить свиданіе, сталъ прощаться. «Нѣтъ, нѣтъ, пойдемте теперь ко мнѣ»,—сказалъ Гарибальди; они пошли. Прихрамывалъ Гарибальди сильно, но вообще его организмъ вышелъ со славой изъ нравственныхъ и политическихъ операцій, несмотря на двѣ глубокія раны—одну въ ногу, другую въ сердце, какъ выразился Александръ.

Идя рядомъ съ Гарибальди, Александръ всматривался въ его одежду и находилъ, что это самый простой и самый удобный костюмъ, а отсутствіе аффектаціи, съ которой онъ его носитъ, не допускаетъ общество имъ оскорбляться, не допускаетъ и щепетильныхъ пересудовъ; но врядъ ли найдется въ Европѣ другой человѣкъ, кромѣ Гарибальди, который бы могъ безнаказанно появляться во дворцахъ англійской аристократіи въ своей красной рубашкѣ. Нѣкоторыя изъ газетъ выдумали, что это мундиръ монтевидейскаго волонтера. Да вѣдь Гарибальди съ тѣхъ поръ былъ пожалованъ въ генералы королемъ, которому далъ двѣ короны. Отчего же онъ носитъ мундиръ монтевидейскаго волонтера?

Принадлежность мундира оружіе; Гарибальди ходитъ безъ оружія, не боится никого и никого не стращаетъ. «Я не солдатъ,—говорилъ онъ итальянцамъ, предлагавшимъ ему почетную саблю:—и не люблю военнаго ремесла. Я взялся за оружіе, когда на мой родительскій домъ напали разбойники, чтобъ защищать его. Я работникъ и происхожу отъ работника».

Несмотря на это, въ Гарибальди нѣтъ и тѣни плебейской необразованности, манеры его чрезвычайно кротки и благородны. Его плащъ въ широкихъ складкахъ, застегнутый на груди, походитъ скорѣе на плащъ великаго жреца, нежели на плащъ воина.

Разговоръ продолжался еще нѣсколько минутъ, какъ въ дверяхъ начали показываться англійскія физіоно-

*) Квартира Стансфильда.

міи, шуршать дамскія платья,—Александръ всталъ, чтобы выйти.

— Куда вы торопитесь?—спросилъ Гарибальди.

— Не хочу васъ красть у Англіи.

— До свиданья въ Лондонѣ,—не правда ли?

— Непремѣнно буду. Правда, что вы остановились у герцога Сутерландскаго?

— Да,—сказалъ Гарибальди и прибавилъ:—не могъ отказаться.

Никъ замолчалъ.

Наступала глубокая ночь. Изъ-за горы вставалъ мѣсяцъ. Все засіяло.

Мы пожали другъ другу руки и простились до утра.

На слѣдующій день я собиралась рано утромъ уѣхать и встала чѣмъ свѣтъ, чтобы не опоздать къ раннему поѣзду. По небу плыли разорванныя облака; казалось, будетъ дождь, но это не останавливало меня. Пока я убирала въ сакъ-вояжъ свои вещи, изъ-за разступившихся облаковъ показалось солнце. Я открыла окно—тепло, тихо. Я сѣла у окна и не могла насмотрѣться на озеро, на даль. Въ воздухѣ жужжали мухи, пчелы, порхали бабочки, гдѣ-то птица пропѣла,—людей никого. Въ домѣ всѣ спали. Мнѣ казалось—я одна во всемъ мірѣ; и было мнѣ какъ-то хорошо и страшно. То же самое чувствовалъ Александръ, какъ видно въ одномъ изъ его писемъ изъ Швейцаріи къ Огареву, въ 1866 и 1864 годахъ.

«Съ лѣтами,—говоритъ онъ въ одномъ изъ этихъ писемъ:—странно развивается потребность одиночества и, главное, тишины.

«Сижу одинъ въ небольшой комнатѣ дрянной гостиницы, на берегу Невшательскаго озера; кругомъ тишина, неподвижность, только барка, привязанная къ берегу, едва колышется.

«Знать, что никто васъ не ждетъ, никто къ вамъ не войдетъ, что вы можете дѣлать что хотите, умереть, пожалуй, никому нѣтъ дѣла... разомъ страшно и хорошо. Великое дѣло знать, что вы можете располагать своимъ временемъ, никто васъ не прерветъ... Скучно—

берите шляпу, идите на улицу, тамъ вѣчная каскада несется съ шумомъ и гамомъ. Вы не имѣете къ нимъ никакого отношенія, все вамъ чуждо—это-то и прекрасно: ни вамъ до нихъ, ни имъ до васъ нѣтъ дѣла».

Когда я вошла къ Нику проститься, онъ былъ ужъ на ногахъ. Поздоровавшись со мною, онъ подошелъ къ небольшому бюро краснаго дерева, стоявшему въ углу гостиной, подозвалъ меня, вынулъ изъ бюро пачку писемъ, писанныхъ къ нему Герценомъ за упомянутые два года, и передалъ ихъ мнѣ, сказавши: «Такъ какъ ты пишешь свои воспоминанія и больше о людяхъ и времени, въ которое они жили, то вотъ тебѣ письма Александра, ко мнѣ писанныя во время его переѣздовъ за два послѣдніе года его жизни. Выбери изъ нихъ тѣ, которыя найдешь болѣе подходящими для объясненія чего-нибудь, когда найдешь въ этомъ надобность, и печатай въ своихъ воспоминаньяхъ изъ «Дальнихъ лѣтъ»; предоставляю ихъ тебѣ въ твое полное распоряженіе, какъ мою собственность».

Я всѣ письма перечитала, выбрала изъ нихъ тѣ, которыя болѣе объясняли тотъ періодъ времени и его жизнь, въ который были писаны, а остальныя возвратила Нику. У меня осталось 75 писемъ. Бо́льшую часть изъ нихъ я рѣшилась помѣстить въ моихъ запискахъ, какъ историческій фактъ, не только что съ разрѣшенія самого Ника, но отчасти по его желанію и потому, что нашла это частію полезнымъ для прекращенія ошибочныхъ взглядовъ и обвиненій на дорогія мнѣ личности.

Изъ этихъ интересныхъ писемъ видны отчасти какъ политическіе, такъ и общественные взгляды и Александра и Огарева, ихъ взаимныя отношенія и отношенія къ разнымъ лицамъ; изрѣдка и слегка они касаются и ихъ семейнаго быта. Видно также, что скитальческая жизнь начинала утомлять Александра, что онъ мечталъ о кабинетѣ и о домашнемъ тихомъ уголкѣ.

«Я ужасно люблю тишину,—пишетъ онъ въ одномъ изъ этихъ писемъ.—Я счастливъ въ деревнѣ, устаю отъ шума, отъ людей, отъ слуховъ, отъ невозможности сосредоточиться, устаю отъ неестественной жизни».

Вмѣстѣ съ письмами Никъ передалъ мнѣ мелко-исписанную имъ рукопись своей поэмы въ стихахъ подъ

названіемъ «Р а д а е в ъ», съ тѣмъ, что если можно, то и ее напечатать въ моихъ запискахъ *).

Мы простились «до свиданья», но болѣе не видались.

Въ концѣ зимы я возвратилась въ Россію, куда еще прежде меня пріѣхали мои дѣти.

Никъ сталъ хлопотать о переселеніи своемъ въ Англію и до перѣзда продолжалъ со мной переписываться.

Лѣтомъ въ Петербургѣ 1877 года съ глубокимъ огорченіемъ узнала я о его кончинѣ, послѣдовавшей въ окрестностяхъ Лондона.

Николай Платоновичъ Огаревъ скончался 15-го іюня 1877 года. Подробности его кончины сообщила его супругѣ Натальѣ Алексѣевнѣ Огаревой, находившейся въ то время уже въ Россіи, дочь Александра Ивановича Герцена, Наталья Александровна. Получивши телеграмму изъ Англіи о болѣзни Николая Платоновича, она немедленно пріѣхала въ Лондонъ и была при его кончинѣ.

Предполагали, что онъ повредилъ себѣ мозгъ, падая въ припадкѣ, и съ этого времени все спалъ—такъ и заснулъ навсегда. Лицо его поразительно помолодѣло, несмотря на бѣлую бороду; то же было и съ Александромъ Ивановичемъ Герценомъ по его кончинѣ, но только на нѣсколько часовъ.

Н. А. Герценъ Н. А. Тучковой.

14-го іюня 1877 года.
№ 76 Rue d'Alsas. Paris.

Милая Натали.

Бѣдныя нашъ Ага умеръ третьяго-дни, во вторникъ 12-го іюня, въ 3 часа днемъ. Я поѣхала къ нему послѣ полученія депеши отъ Мери; Габріель меня довезъ.

---

*) Начало этой поэмы было напечатано въ «Полярной Звѣздѣ». Изъ рукописи, еще не бывшей въ печати, я взяла нѣсколько эпиграфовъ въ мои записки, а пять лѣтъ тому назадъ дала нѣсколько отрывковъ въ газету Алексѣя Алексѣевича Гатцука, а въ 1887 году она напечатана вполнѣ среди моихъ записокъ съ немногими выпусками въ «Русской Старинѣ».

Мы пріѣхали въ Grunwich въ пятницу, рано поутру. Мы нашли большую перемѣну въ Ага, онъ очень похудѣлъ, борода совсѣмъ побѣлѣла. Меня онъ узналъ, т. е. на вопросъ мой: «Узнаешь меня, Ага?» по-англійски отвѣчалъ: «Yes» и опять заснулъ. Попозже Габріель его спросилъ: «Me reconnaissez-vous? Je suis Monod». Онъ отвѣтилъ, какъ и мнѣ, по-англійски: «Monod is not here for the present»—значитъ, онъ его совсѣмъ не узналъ. Чернецкая пришла, спросила какъ онъ себя чувствуетъ: «Better, than gou, since Y sent for Tata»—и опять заснулъ; онъ съ трудомъ на минуту открывалъ глаза, потомъ сейчасъ же опять засыпалъ. Габріель никакъ не могъ остаться и въ тотъ же день вернулся въ Парижъ.

Въ субботу сонъ былъ еще тяжелѣе, Ага самъ по себѣ глазъ уже не открывалъ, а только когда его очень громко звали. Онъ разъ какъ будто узналъ меня, потому что обратился ко мнѣ и по-русски сказалъ: «Твой отецъ,—твой отецъ написалъ брошюрку послѣ письма».

Послѣ этого онъ все слабѣлъ, слабѣлъ и во вторникъ совсѣмъ пересталъ дышать въ 3 часа,—лицо его поблѣднѣло и сдѣлалось удивительно красивымъ, онъ какъ будто помолодѣлъ и, несмотря на бѣлую бороду, никто бы не далъ ему больше 35—40 лѣтъ. Удивительная перемѣна.

Больше я не могла остаться въ этой средѣ и въ тотъ же вечеръ уѣхала изъ Grunwich'a, спала у Чернецкой и рано поутру вчера взяла поѣздъ въ Парижъ. Мѣсто я сама выбрала на кладбищѣ Shootikeshill Cemetery—гора и свободный, хорошій видъ на всѣ стороны.

Бѣдный Ага, хорошо, что онъ больше не приходилъ въ себя—судя по словамъ Мери, ему жить еще очень хотѣлось.

Если ты можешь рѣшиться отвѣтить мнѣ и разсказать что-нибудь о себѣ, о твоихъ—я буду тебѣ очень благодарна. У насъ и у Саши все по-старому. Цѣлую тебя, Наталью Аполлоновну и Алексѣя Алексѣевича.

Тата.

Ольга и Габріель тебѣ кланяются.

РАДАЕВЪ.

ПОЭМА.

Посвященіе.

И день прошелъ! Я наконецъ одинъ,
Моей мечты безспорный господинъ.
Какую цѣль ей въ тьмѣ ночной поставлю?
Куда полетъ задумчивый направлю?
О! знаю, знаю!.. Какъ ни отучай,
Къ гнѣзду летитъ затерянная птица—
На родину! Какъ будто чуждый край
Просторная, но грустная темница!
Нѣтъ, нѣтъ! Тебѣ съ тоскующей мечтой
Не совладать, изгнанникъ добровольный!
Ей нужды нѣтъ, легко тебѣ иль больно,
Вспорхнетъ себѣ и полетитъ домой.
И тамъ, бродя въ кругу воспоминаній,
Упрямая, отыскивать начнетъ
Картины тусклыя—народный гнетъ,
Унынье лицъ, безмолвіе страданій...
А сердце,—сердце глухо задрожитъ,
Холодный знобъ по тѣлу пробѣжитъ.
Иль вдругъ мечта, вниманье напрягая,
Подслушаетъ внутри родного края
Живую жизнь, и съ вѣстію весны,
Надъ родиной съ лазурной вышины,
Въ сіянья утра крыльями забьется
И пѣснію серебряной зальется,
А сердце, вѣруя, на звукъ живой
Откликнется тревогой молодой.
Продержитъ ли, озарена денницей,
Моя мечта свой радостный полетъ,
Иль съ высоты подстрѣленною птицей
Она на степь безмолвную падетъ,
И сердце съ всей горячею любовью
Заглохнетъ вовсе, обливаясь кровью.
Что-бъ ни было—придется-ль отпѣвать
Умершихъ заживо, у ихъ постели
Весь пошлый хламъ ихъ жизни поднимать,
Иль пѣсни пѣть у новой колыбели,—
Что-бъ ни было—за чуждые края,
На родину лети мечта моя,
И съ трепетомъ надежды и кручины
Отыскивай знакомыя картины...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Преданія.

ГЛАВА I.

Вдоль снѣжной улицы заборъ,
За нимъ широкій бѣлый дворъ,
Между людскими и сараемъ,
До оконъ снѣгомъ заметаемъ
Приземистый господскій домъ;
Навѣсъ дощатый надъ крыльцомъ.
Въ передней свѣчка нагорѣла;
На койкѣ, прислонясь къ стѣнѣ,
Безъ развлеченій и безъ дѣла,
Лакей храпитъ въ неровномъ снѣ.
Въ столовой пусто; втихомолку
Блуждаетъ лампы тощій свѣтъ;
Часы стѣнные безъ умолку
Снотворно стукаютъ: да, нѣтъ...
Въ гостиной пусто и печально,
Передъ диваномъ столъ овальный,
Горятъ двѣ свѣчи на столѣ;
Уныло кресла въ полумглѣ,
Пустыя ручки простирая,
Кругомъ стоятъ, какъ бы взывая—
Когда же кто, о небеса!
Одушевляя кругъ нашъ тѣсный,
Въ объятья наши полновѣсно
Опуститъ тучныя мяса!—
Но ихъ взыванье безотвѣтно...
Одинъ свидѣтель тишины,
Какой-то баринъ со стѣны,
Впередъ склонясь едва замѣтно,
Недвиженъ въ рамѣ золотой,
Лукаво смотритъ какъ живой,
Съ улыбкой черствой, желчно-важенъ,
Во фракѣ, чопорно приглаженъ,
И въ бѣломъ галстукѣ съ узломъ
Подъ красной лентою съ крестомъ.
Но возлѣ, въ комнатѣ угольной,
По взгляду первому невольно
Узнаетъ каждый этотъ ликъ:
Высокій сгорбленный старикъ—
Да, это онъ! Хоть старѣй много,
Но тотъ же взглядъ лукаво-строгой.
Немало, знать, мелькнуло лѣтъ

Съ тѣхъ поръ, какъ писанъ былъ портретъ!
Теперь и голова сѣдая,
Улыбка, съежась, стала злая,
Наморщенъ лобъ, нависла бровь,
И вмѣсто фрака, пригрѣвая
Уже дряхлѣющую кровь,
Надѣтъ пальто да потеплѣе;
Одно какъ прежде: крестъ на шеѣ.
Старикъ за письменнымъ столомъ
Сидитъ, въ разсчеты погруженный;
Предъ нимъ бумаги листъ, кругомъ
Исписанный и разграфленный;
Слѣдитъ за цифрой зоркій взглядъ,
По счетамъ пальцами сухими
Рука, скользя изъ ряда въ рядъ,
Стучитъ кружками костяными.
Хотя-бъ одинъ сторонній звукъ!
И слышно въ тишинѣ суровой
Все только счетовъ бѣглый стукъ,
Да ровный ходъ часовъ въ столовой,
И время крадется впередъ...
Старикъ провѣрилъ свой приходъ,
Рука притихла, смолкли счеты;
Часы въ столовой, изъ дремоты
Съ внезапнымъ шипомъ пробудясь,
Пробили звонко девять разъ
И снова съ мѣрностью упорной
Пошли постукивать снотворно.
Морщины жесткаго чела
Старикъ, насупясь, грозно сдвинулъ
И счеты въ сторону откинулъ,
Взялъ колокольчикъ со стола,
Звонить... звонить... Но нѣтъ отвѣта.
Трепещетъ гнѣвная рука...
Вдругъ, будто пущенъ изъ лука
Иль выстрѣленъ изъ пистолета,
Лакей бѣжитъ, стучитъ, бѣжитъ
И сталъ въ дверяхъ у кабинета.
Старикъ въ лицо ему глядитъ,
И у лакея дрожь-злодѣйка
Прошла по тѣлу бѣглой змѣйкой.
— «А ты ходи, да не стучи!
Добромъ васъ, видно, не учи!
Все спишь, мошенникъ! Розгу знаешь?
Иль ты ее позабываешь?
Напомнить, что ли? говори,
Напомнить?.. То-то же! смотри!
Позвать буфетчика!»—Вслѣдъ урока
Лакей на цыпочкахъ ушелъ,
Какъ бы боясь попортить полъ,
И было слышно издалека,
Какъ взвизгнулъ блокъ во весь размахъ

И дверью хлопнуло въ сѣняхъ.
Старикъ встаетъ, какъ тѣнь сухая,
И ровно, медленно шагая
По комнатамъ взадъ и впередъ,
Въ углахъ свершая поворотъ,
Блуждаетъ, точно духъ пустынный
Въ тиши обители старинной,
И вторитъ шороху шаговъ
Глухое стуканье часовъ.
Пришелъ бурмистръ и сталъ въ столовой,
А баринъ ходитъ и молчитъ;
Всегда грозы боялся новой,
Мужикъ опасливо глядитъ,
То робко ноги переставитъ,
Погладитъ бороду, вздохнетъ
Иль кашлянетъ, кушакъ поправитъ
Или блѣднѣя пальцы мнетъ.
Соскучившись прогулкой мѣрной,
Подходитъ баринъ наконецъ:
— «Ну! что? пріѣхалъ твой купецъ?»
— «Ждемъ съ часу на часъ. Будетъ вѣрно».
— «Ты у меня смотри, подлецъ,
Надуть меня съ нимъ хочешь вмѣстѣ?»
— «Какъ можно-съ! Провалюсь на мѣстѣ...»
— «Задатокъ въ руки! И смотри,
Чтобъ было у всего обоза
Зерно получше сверху воза,
А дрянь что ни на есть внутри;
Да улучай и день пріема,
Когда купца не будетъ дома».
— «Кузьма просился на базаръ...»
— «Забылъ, чѣмъ пахнетъ полугаръ?
Али онъ сѣченъ не былъ съ роду?
Не смѣть! Назначь его въ подводу.
Пошелъ!»—И вышелъ вонъ мужикъ;
Опять молчанье домъ объемлетъ,
Опять лакей на койкѣ дремлетъ,
Опять по комнатамъ старикъ
Пошелъ бродить, какъ духъ пустынный
Въ тиши обители старинной,
И снова шорханье шаговъ,
И снова стуканье часовъ,
И въ вечеръ зимній, вечеръ длинный
Васъ такъ и давитъ и гнететъ
Глухое чувство тайной муки,
Тоски подавленной и скуки,
И время крадется впередъ.
А на дворѣ свое молчанье,
На небѣ мѣсяцъ и свѣтло,
По снѣгу робкое мерцанье,
Морозно, пусто и бѣло.
Въ саду деревья сѣды, голы,

Стоятъ недвижные ихъ стволы,
Всѣ сучья кверху устремивъ,
Какъ будто и у нихъ порывъ
Какой-то былъ, покуда жили,
Да тутъ же навѣкъ и застыли.
И ни вблизи, ни сдалека,
Среди безмолвія глухого,
Не чуешь ничего живого,
И давитъ страшная тоска.
Такъ жизнь тянулась годы, годы,
Сегодня такъ же, какъ вчера,
Старикъ считалъ свои приходы,
Все такъ же длились вечера.
Изъ службы выгнанный когда-то,
Но вѣрный цѣли всѣхъ трудовъ,
Копилъ онъ постоянно злато
Въ деревнѣ, купленной съ торговъ,
Все прочее считалъ за шалость;
Въ хозяйствѣ видя идеалъ,
Онъ къ мужику не вѣдалъ жалость,
Давилъ работою и палъ.
Въ замѣну взятокъ, съ страстью новой
Онъ полюбилъ обманъ торговый;
Любилъ процессы по судамъ
Вести кривой дорогой самъ;
Съ своимъ сосѣдомъ и сосѣдкой
Не ладя, онъ видался рѣдко;
Изъ слабостей мірскихъ къ одной
Благоговѣніе питая,
На шеѣ крестъ носилъ онъ свой,
Въ уединеньи поджидая:
Заѣдетъ ли купецъ какой
Въ недружелюбную трущобу,
Чтобы тотчасъ передъ собой,
Взглянувъ, почувствовалъ особу,
Иль навернется какъ-нибудь
Судья ли, членъ ли непремѣнный,
Не преминулъ бы униженно
«Превосходительство» ввернуть.
Но эта слабость мимоходомъ
Шла, не вредя любви къ доходамъ.
Кому старикъ и для чего
Копилъ съ безумiемъ недуга?
Богъ вѣсть. Ни сродника, ни друга
Не появлялось у него.
Хотя въ ребячествѣ когда-то
Онъ зналъ двоюроднаго брата,
Но жизнь ихъ врозь пошла давно,
И что съ нимъ сталось—все равно.
Одно живое наслажденье—
Что годъ, то прикупить имѣнье,
Одна томительная страсть—

Наживъ и мелочная власть...
И жилъ старикъ, какъ духъ пустынный
Въ тиши обители старинной,
И все дряхлѣлъ изъ года въ годъ,
И напослѣдокъ въ свой чередъ
Онъ умеръ какъ-то незамѣтно,
Скупую жизнь доживъ бездѣтно.
И долго послѣ грустный домъ
Между людскими и сараемъ,
До оконъ снѣгомъ заметаемъ,
Стоялъ въ забвеніи глухомъ.
Лишь мѣсяцъ, по небу гуляя,
Сквозь сучья голые блеснувъ
И робко въ окна заглянувъ,
Лучомъ по комнатамъ блуждая.
Бросалъ безмолвно мертвый свѣтъ
На неколеблемый портретъ;
Часы молчатъ, свѣча задута,
Лакей ушелъ, и дверь замкнута,
Въ дому нигдѣ не шелохнетъ,
И время крадется впередъ.

ГЛАВА II.

Разъ у околицы, зимою,
Въ пустую даль черезъ ухабъ
Сѣдой мужикъ глядѣлъ и зябъ
И слушалъ съ робкою тоскою—
Кого съ утра Господь сулитъ?..
А колокольчикъ все звенитъ,
То притихая по сугробью,
То заливаясь мелкой дробью,
Все громче, громче... Вотъ вдали,
По слѣду узкому, какъ свора,
Тѣснится тройка, съ косогора
Катя въ серебряной пыли.
Вотъ съѣхала, вотъ близко, близко...
И вотъ, въ ухабъ ударясь низко,
Кибитка, вымахнувъ съ прыжка,
Мелькнула мимо мужика,
Его оставивъ безъ движенья
Съ раскрытымъ ртомъ отъ удивленья,
Летитъ селомъ во весь опоръ;
Вотъ передъ ней мелькнулъ заборъ,
И вотъ, качнувшись съ поворота,
Она въ скрипящія ворота
Нырнула на господскій дворъ,
И колокольчикъ, замирая,

Смолкъ у крыльца. Слуга спрыгнулъ *)
И, полость мерзлую стряхая,
Ее проворно отстегнулъ;
И что-то тамъ внутри кибитки,
Въ глубь, подъ рогоженный навѣсъ
Совсѣмъ ушедшее въ пожитки,
Закопошилось, и полѣзъ
Тяжелымъ звѣремъ изъ берлоги,
Съ трудомъ выпутывая ноги,
Какой-то баринъ или грузъ,
Гдѣ только шуба да картузъ,—
И въ домъ пошелъ. Его впуская,
Отверзлась съ визгомъ дверь сѣнная;
Лакей, вкушавшій нѣгу сна
На койкѣ въ оны времена,
Воскресъ опять; съ заботой новой
Часы опомнились въ столовой,
Портретъ безмолвно со стѣны
Встрѣчалъ движенье новизны.
Но кто же гость непріглашенный?
Съ какого горя вздумалъ онъ
Нарушить многолѣтній сонъ
И вносить въ домъ неблагосклонный
Заботу чуждую свою?

---

*) Первый варіантъ:

И опускаясь въ царство тьмы.
И вотъ среди восьмой зимы
Звукъ колокольчика достигъ...
То притихая по сугробью...
То заливаясь мелкой дробью...
Все ближе, громче каждый мигъ;
Вотъ видно, тройка въ отдаленьи.
Кибитка въѣхала въ селенье.
Вотъ передъ ней рабитъ заборъ,
И вотъ, качнувшись съ поворота,
Она въ скрипучія ворота
Нырнула на господскій дворъ.

Второй варіантъ:

Лѣтъ пять минуло безъ тревоги.
Разъ у околицы зимой
Стоялъ и зябъ мужикъ сѣдой
И слушалъ, глядя вдоль дороги,
Какъ колокольчикъ средь полей,
То притихая по сугробью,
То заливаясь мелкой дробью,
Звенѣлъ все ближе и яснѣй!
А вотъ и тройка издалека,
Скользнувъ по улицѣ широкой,
Селомъ летитъ во весь опоръ.

Не хочетъ ли для перемѣны
Вдохнуть въ замолкнувшія стѣны
Онъ жизни рѣзвую струю?
Или, покойнику подобно,
Найдетъ, что и ему удобно
Здѣсь молча жить изъ года въ годъ;
И все попрежнему пойдетъ,
И въ жизни все одно и то же
Потянется на смерть похоже...

Пріѣзжій снялъ не безъ труда
Одежду зимнюю въ передней,
И вышелъ баринъ хоть куда—
Въ пальто коротком, ростомъ средній,
Ни худъ, ни толстъ и въ тѣхъ годахъ,
Когда сѣдинъ морозъ осенній
Не серебрится въ волосахъ,
А нѣжный цвѣтъ поры весенней
Уже навѣкъ сбѣжалъ съ лица,—
Достигла юность до конца;
Черты всѣ рѣзки, нѣтъ ужъ болѣ
Въ глазахъ веселости живой,
Въ улыбкѣ мягкости родной,
И втайнѣ спросишь поневолѣ,
Предъ человѣкомъ становясь:
Что это сердце—скорбно-ль, пусто-ль?
Что тутъ—раздумье или усталь?
Какъ жизни ломка пронеслась?
Здоровость сихъ ли въ немъ созрѣла
И ринется въ живое дѣло,
Иль только жизнью данъ ему
Безплодный холодъ ко всему?
Слуга пріѣзжаго спокойно
Съ нимъ обращался и достойно
Покорно звалъ: Матвѣй Ильичъ;
Но все-жъ стремглавъ, дрожа заранѣ,
Не бѣгалъ на господскій кличъ.
На принесенномъ чемоданѣ,
На мѣдной маленькой доскѣ,
Въ мудреныхъ буквахъ чуждыхъ краевъ,
Хотя на русскомъ языкѣ,
Читалось явственно: Радаевъ.

Радаевъ наскоро спросилъ
(Что сдѣлалъ всякій бы съ дороги,
Уставъ отъ грязи и тревоги)
Умыться и бѣлье смѣнилъ,
Напился чаю, сну предался
И за обѣдомъ доказалъ,
Что бурь житейскихъ грозный шквалъ
Его желудка не касался,
И свято человѣкъ хранитъ

Въ юдоли бѣдъ свой аппетитъ.
Удобствъ желанія имѣя,
Радаевъ пересилилъ лѣнь,
Взявъ въ помощь стараго лакея,
Свой домъ устроилъ въ тотъ же день;
Столы и стулья переставилъ,
Слугѣ пріѣзжему убрать
Велѣлъ пожитки и кровать
И книгъ запасъ въ тотъ шкапъ прибавилъ,
Гдѣ молча жилъ изъ года въ годъ
Законовъ многотомный сводъ,—
Покойника въ уединеньи
Одно усидчивое чтенье.
Потомъ по ящикамъ въ столахъ
Радаевъ сталъ, порядка ради,
Раскладывать свои тетради
И письма въ связкахъ и листахъ,
Гдѣ почеркъ мелокъ, буквы дружно
Толпятся, жмутся въ тѣснотѣ,
И много сердцу было нужно
Сказать на маленькомъ листѣ.

Но рано день склонялся томный,
Насталъ и вечеръ длинный, темный.
Была, какъ въ прежни времена,
Въ столовой лампа зажжена,
Въ гостиной свѣчи. Домъ устроенъ,
Радаевъ могъ ужъ быть спокоенъ
И отпустилъ усталыхъ слугъ,
Чтобъ дать имъ отдыхъ и досугъ.
Иль, можетъ-быть, хоть тутъ ужъ мало
Людолюбиваго начала,
Хотѣлось наконецъ ему
Остаться просто одному

Какая тишь! Какъ одиноко!..
Какъ близко ждешь ударовъ рока!
Почти-что страшно. Эта тьма,
Въ окно глядящая докучно,
Въ углахъ бродящая беззвучно,
Весь этотъ домъ... что онъ? Тюрьма?
И гдѣ исходъ изъ заточенья,
Гдѣ звукъ хоть дальній искупленья?
Здѣсь даже прошлымъ не могло
Повѣять какъ-нибудь тепло.
Портретъ двоюроднаго дяди!..
Старикъ вѣкъ прожилъ не любя,
Глядѣлъ на одного себя;
И вотъ, наслѣдственности ради,
Закона страннаго путемъ
Попалъ Радаевъ въ этотъ домъ:
Онъ дяди не зналъ и съ роду,

Ему старикъ и домъ его
И жизнь его вся годъ отъ году
Не представляла ничего.
Здѣсь не было воспоминаній,
Того знакомаго слѣда
Былыхъ людей, живыхъ преданій,
Нензгладимыхъ никогда;
Здѣсь тихо дѣтскому веселью
Ничей не радовался глазъ;
Никто, съ любовію склонясь,
Не пѣлъ надъ дѣтской колыбелью,
Никто здѣсь по полу порой
Шаговъ знакомыхъ не направилъ;
Никто на вещи ни одной
Прикосновенья не оставилъ;
На что ни взглянетъ онъ—ему
Чужое все во всемъ дому,
И только то ему извѣстно,
Что дядя нажилъ грабежомъ,
И что наслѣдовать по немъ
Почти-что даже и нечестно.
Тоска, тоска! Невольно тутъ
Радаевъ сталъ искать пріютъ
Среди своихъ воспоминаній,
Среди своихъ родныхъ преданій,
И образы тутъ вспомнилъ онъ
Иныхъ людей, иныхъ сторонъ.
Онъ вспомнилъ, какъ во дни забавы,
Когда онъ мальчикъ былъ кудрявый,
Чтобъ слабый возрастъ охранять,
Ему сопутствовала мать,
Высокая, со станомъ стройнымъ,
Съ лицомъ задумчиво-спокойнымъ
И лаской въ голосѣ самомъ.

Онъ вспомнилъ, какъ она сидѣла,
Онъ на колѣняхъ передъ ней
Не отводилъ съ нея очей,
Часы глядѣлъ бы, день бы цѣлый;
Пускай не могъ онъ понимать,
Но взоры дѣтскіе искали
На кроткомъ ликѣ разгадать
Значенье думы и печали.
Разъ онъ засталъ ее въ слезахъ;
Отецъ его, веселый малый,
На этотъ разъ, какъ полинялый,
Стоялъ съ газетою въ рукахъ.
Они тревожно разговоръ
Вели все шопотомъ...
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Ребенокъ ужасомъ объятъ,
Съ ума нейдетъ все этотъ дядя;
Онъ къ нимъ недавно пріѣзжалъ
Въ мундирѣ съ саблей; тихо гладя
По головѣ, его ласкалъ:
«Будь, милый мальчикъ, другъ народа,
А тамъ ужъ что ни суждено...»
А при гостяхъ—онъ такъ кричалъ,
Такъ какъ-то рѣзко выражался,
Старикъ съ звѣздой—его боялся
И, втайнѣ злясь, при немъ молчалъ.

Потомъ прошло еще съ полгода,
Цвѣла зеленая природа,
И было лѣто, и дитя
Въ саду рѣзвилося шутя;
Вдругъ вѣсть достигла дальнимъ слухомъ...
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
А сердце женское изныло,
И мать не вынесла бѣду,
Она слегла, звала въ бреду
Свое дитя и говорила:
«Мой сынъ, мой сынъ, храни, храни,
Храни завѣтъ страдальцевъ сильныхъ
. . . . . .
. . . . . .
Дитя мое, храни, храни...»
Смолкъ голосъ, сила упадала,
Въ девятый день ея не стало;
Лицо какъ мраморъ, блѣдный лобъ,
Попы и пѣнье, свѣчи, гробъ...
Радаевъ вскрикнулъ. Все, что было,
Такъ ярко память воскресила,
Душа его потрясена,
Живая дрогнула струна;
Такъ вотъ оно—его преданье!
Вотъ, вотъ святое завѣщанье!
О! Тутъ съ былымъ святая связь
Внутри его не порвалась.
Пусть все вокругъ пока чужое,
Внутри преданье есть живое,
Ему въ дни скорби и труда
Не измѣнялъ онъ никогда.
Пусть тьма ночная глухо бродитъ
Метель тоскливо пѣснь заводитъ,
Онъ чувствуетъ, что сохранилъ
Упорство воли, бодрость силъ;
А много въ жизни шумнокрылой
Прошло и мыслей, и страстей,
Ошибокъ, слабостей, скорбей,

Паденій горькихъ, взмаховъ силы.
И все-жъ еще, на зло судьбѣ,
Не утомился онъ въ борьбѣ.
Онъ вспоминалъ про годы школы
И рѣзвыхъ мальчиковъ семью,
И про латинскіе глаголы,
Про дружбу первую свою,
Про безотчетное стремленье
И юной мысли пробужденье,
И какъ, сквозь школьный хламъ тѣснясь,
На свѣжій путь она рвалась.
Сначала въ школѣ шло свободно
И обращались благородно,
Безъ оскорбленій, и съ дѣтьми
Учтивы были, какъ съ людьми.
Но хуже стало . . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
И гдѣ друзья общины школьной,
Товарищи весны привольной,
Дѣлившіе между собой
Порывы жизни молодой,
И первый пылъ негодованья,
И робкой мысли начинанья,
Восторги, скорбь, надежды, трудъ
И прелесть искреннихъ минутъ?
Всѣ разбрелися, какъ попало,
Ихъ жизнь по свѣту разметала...
Блаженны тѣ, кого ужъ нѣтъ,
Кто въ гробъ сошелъ во цвѣтѣ лѣтъ
Безъ грязныхъ пятенъ, сердца жара
Не заглушивъ въ чаду угара
И не торгуя, какъ иной,
Своей душевной чистотой.
Забывши барство, блескъ столицы,
Кто-жъ уцѣлѣлъ? Кто-жъ рѣдкій тотъ,
Кто могъ въ себѣ сквозь скорбь и гнетъ
Спасти завѣтъ. . . . . .
. . . . . .
Преданье чистое одно.
Радаевъ вспомнилъ, какъ въ угоду
Отцу служилъ онъ больше году
Въ блестящемъ городѣ Петра,
Въ одномъ изъ зданій многолюдныхъ.
Въ одномъ изъ заведеній чудныхъ,
Гдѣ пишутъ съ самаго утра,
Спѣша . . . . . .
Съ неутомимостью потока
Рѣшать дѣла, дѣла, дѣла,
Рѣшенія добра и зла,
Свершенныя . . . . . .
Порядкомъ .... канцелярской.

Радаеву навѣялъ сплинъ
Ходъ государственныхъ пружинъ...
. . . . . .
. . . . . .
Радаевъ съ жизнью не свыкался,
Весь шумъ тревоги городской,
Бездушный, дикій и пустой,
Его томилъ. Онъ задыхался,
Рвался на волю и уйти
Хотѣлъ съ служебнаго пути;
Но чувство увлекло иное
Его въ тѣ памятные дни:
Искало сердце молодое
Любви и счастья,—и они,
Они пришли тепло и ясно,
Съ своей мечтательностью страстной.
И чѣмъ же кончилось все это?
Жениться рано, тамъ и тутъ
Отцы согласья не дадутъ.
Въ мечтахъ любви промчалось лѣто;
Нашелся въ Питерѣ зимой
У Вареньки женихъ другой,
Три года старше и богаче.
Радаевъ близокъ былъ ему
По направленью и уму;
Но Варя разочла иначе
И къ другу сердца въ пять-шесть дней
Замѣтно стала холоднѣй.
О дружбѣ говорила только,
А о любви уже нисколько,
И стала требовать совѣтъ:
Идти ей замужъ или нѣтъ?
Ударъ былъ данъ по самой ранѣ.
Радаевъ помнилъ, какъ въ туманѣ,
Онъ, самъ не зная какъ, тогда
Прошепталъ: конечно, да!
Потомъ онъ помнитъ—вкругъ налоя,
Взявъ роль шута или героя,
Вѣнецъ надъ милой головой
Носилъ онъ собственной рукой;
Потомъ въ саняхъ скакалъ онъ прытко
По темнымъ улицамъ въ метель
И дома, весь измученъ пыткой,
Рыдая, бросился въ постель.
У! Вдругъ какъ пусто въ жизни стало,
Какъ будто умеръ кто, и онъ
Вернулся съ чьихъ-то похоронъ.
Иль это что-то умирало
Внутри его, и въ цвѣтѣ силъ
Свое онъ сердце схоронилъ?
Какъ всѣ предметы стали блѣдны,
Какъ всѣ надежды стали бѣдны.

Да и на чемъ онъ строилъ ихъ
Въ мечтахъ восторженныхъ своихъ?
Радаевъ вспомнилъ утро мая:
Прогулку раннюю свершая
Въ садахъ лицея вмѣстѣ съ ней,
Онъ шелъ подъ сѣнію вѣтвей.
Какъ солнце весело вставало
И блескомъ розовымъ сіяло;
И какъ свѣтла была вода
Спокойно-гладкаго пруда,
Въ студеной влагѣ отражая
И въ глубь отрадно погружая
Верхи деревьевъ и кустовъ.
Какъ нѣжно свѣжестью листовъ
Густая зелень чуть шептала,
Роса блестѣла и дрожала,
И въ сердцѣ что за полнота!
Любовь просилась на уста,
И пролетѣлъ какъ бы украдкой
Влюбленной рѣчи ропотъ сладкій,
Радаевъ помнилъ.....
Пожатье бѣленькой руки
И личко полное участья,
Улыбку счастья, слезы счастья.
О! какъ хорошъ, какъ чистъ былъ онъ—
Сердечной жизни первый сонъ!
И всѣ надежды, все старанье,
Свое завѣтное преданье,
Весь міръ своихъ любимыхъ грёзъ
Въ свою любовь Радаевъ внесъ,
И сердце дѣвичье, казалось,
На все созвучно отзывалось.
Радаевъ службу наконецъ
Оставилъ, жаждя воли, воли...
Куда? Въ Москву уѣхать, что ли?
Тамъ жилъ тогда его отецъ,
Въ своемъ вдовствѣ давно утѣшенъ.
Онъ сыну нехотя урокъ
Прочелъ слегка и не въ упрекъ
Сказалъ, что онъ не одобряетъ
Отставки, что поступокъ глупъ,
Но, впрочемъ, жилъ бы самъ, какъ знаетъ,
И, засмѣясь, поѣхалъ въ клубъ
Гдѣ ставилъ мазы на валета
Отъ ранней ночи до разсвѣта.

Но изъ среды воспоминанья
На мигъ Радаевъ отвлеченъ
Былъ мыслью страннаго свиданья.
Да! Вареньку увидитъ онъ:
Она теперь его сосѣдка,—
Въ деревнѣ съ мужемъ здѣсь живетъ

Верстъ за десять—ужъ пятый годъ—
Съ дѣтьми... чай, стала какъ насѣдка
И хлопотлива, и жирна...
И будетъ встрѣча ихъ смѣшна!
Но онъ насмѣшкою презрѣнья
Не омрачитъ прошедшихъ дней
И взглянетъ съ чувствомъ примиренья
На грёзы юности своей.
Такъ въ полдень душный, въ вечеръ мглистый
Отрадно вспомнить про разсвѣтъ,
Про утро съ свѣжестью душистой,
Про теплый солнечный привѣтъ.
Не все-жъ на женскую измѣну
Досаду дѣтскую питать,
Когда онъ самъ... Но тутъ опять,
Уставя взоръ въ пустую стѣну,
Радаевъ началъ проводить
Былого прерванную нить.

Въ Москвѣ его ждала иная
Бѣда безумная, тупая...
Ударъ судьбы! Бѣды страстей,
Какъ ни жестоки, но сноснѣй—
Ихъ ждешь, какъ молніи съ грозою.
А тутъ, какъ ни бери въ разсчетъ
Причинъ и слѣдствій стройный ходъ,
А все-жъ судьба передъ тобою—
Топоръ слѣпого палача,
Безумно рубящій сплеча.
Радаевъ доблестнаго друга,
Товарища и мыслью сильнаго бойца,
Засталъ подъ вѣяньемъ недуга,
Въ чахоткѣ—мѣсяцъ жить наврядъ...
Чуть внятный шопотъ, мутный взглядъ,
Лица и тѣла исхудалость,
И безпокойство, и усталость;
Страшна она, страшна, дика
Людей предсмертная тоска!
Все кончилось... еще могила!

Такъ молодъ, а уже идти
Пришлось на жизненномъ пути
Какъ по кладбищу и уныло,
Въ туманъ и мглу глядя впередъ,
Считать, кого недостаетъ.
Что-жъ это? Вотъ не стало друга,
Мечта любви унесена,
Какъ въ тѣнь юркнувшая волна,
И средь безвыходнаго круга,
Гдѣ жизнь лепечетъ жалкій бредъ,
Оплотъ потерянъ, вѣры нѣтъ...
Свободы гордое призванье,

Его завѣтное преданье—
Оно не нужно никому:
Всѣ придышалися къ ярму.
Онъ чувствовалъ, что трауръ носитъ
И по своимъ и по чужимъ,
Равно по мертвымъ и живымъ.
Тоска души покоя проситъ;
Въ Москвѣ не по себѣ ему
Въ лѣнивомъ, легонькомъ шуму.
И съ наступившею весною
Онъ въ путь пустился поскорѣй
Въ деревню, гдѣ онъ росъ дитею,
Къ пріюту кроткихъ, мирныхъ дней,
Къ могилѣ матери своей.

Н. Огаревъ.

ПИСЬМО КЪ ВАРЕНЬКѢ.

Твое письмо меня нашло
Въ хандрѣ, унылаго, больного,
Такъ что въ весеннее тепло
Боюся вѣтра я сквознаго.
Мнѣ вреденъ дождь, несносна пыль,
Съ стола не сходитъ склянка съ бурой
Непроглотаемой микстурой.
Дышу съ трудомъ, въ глазахъ все мутно,
И кашель душитъ поминутно,
Но на меня письмо твое
Пахнуло жизнью благодатной:
Сердечный голосъ пѣсни внятной
Смягчилъ страданіе мое.
Я даже,—а со мною это
Такъ не случалося давно,—
Рѣшился отворить окно,
Опять взглянуть на Божье лѣто.
Все къ настроенью духа шло,
И мягкій воздухъ, и тепло,
И солнце, къ вечеру склоняясь,
Не зная—медлить иль уйти,
Казалось, стало на пути:
Дай, говоритъ, еще прощаясь
Минутку лишнюю одну
На землю мирную взгляну.
Сосѣдній садъ передо мною
Сіялъ зеленою листвою,
Сосѣдней кровли скатъ крутой
Желтѣлъ, свѣтясь какъ золотой;
Сосѣднихъ оконъ томный глянецъ,

Зари мерцающій румянецъ,
Безмолвный праздникъ шелъ по ней,
По бѣдной улицѣ моей,
Съ тѣмъ мягкимъ воздухомъ весны,
Гдѣ мирно слиты жизнь и сны.

Н. О.

ГЛАВА IV.

Семейство Тучковыхъ.

Вы желали, чтобы я сообщила вамъ *), милая Татьяна Петровна, что знаю о семействѣ Тучковыхъ; исполняю ваше желаніе тѣмъ охотнѣе, что люблю вспоминать о семействѣ моего дѣда Алексѣя Алексѣевича, сына Алексѣя Васильевича Тучкова и жены его Елены Яковлевны, урожденной Казариновой, которая внезапно ослѣпла при грозной вѣсти о сыновьяхъ.

У Алексѣя Васильевича и Елены Яковлевны было пять сыновей: Алексѣй, Николай, Сергѣй, Павелъ, Александръ.

Александръ Алексѣевичъ, во время битвы подъ Бородиномъ, командовалъ Ревельскимъ полкомъ. Увидя, что полкъ его дрогнулъ подъ градомъ ядеръ, картечи и взрывовъ земли, схватилъ знамя, бросился впередъ и былъ убитъ. Тѣла его не нашли.

Жена его Маргарита Михайловна, урожденная Нарышкина, глубоко любившая мужа, въ день Бородина, съ годовымъ сыномъ своимъ Николаемъ **), находилась въ двухъ верстахъ отъ поля сраженія.

Спустя нѣсколько лѣтъ, Маргарита Михайловна, убитая горемъ, просила императора Александра Павло-

*) Свѣдѣнія о семействѣ Тучковыхъ сообщены частію Натальей Алексѣевной Огаревой, урожденной Тучковой, и частію Александромъ Павловичемъ Тучковымъ, сыномъ Павла Алексѣевича.

Т. Пассекъ.

**) Кончилъ жизнь на четырнадцатомъ году и погребенъ въ Спасо-Бородинскомъ монастырѣ.

вича разрѣшить ей построить церковь на мѣстѣ, гдѣ палъ ея мужъ.

Государь немедленно исполнилъ ея желаніе и послалъ ей десять тысячъ рублей; императрица Марія Ѳеодоровна велѣла исключить изъ залога опекунскаго совѣта участокъ полей Бородинскихъ, которые помѣщикъ Воейковъ уступилъ ей безвозмездно. И воздвигся Спасо-Бородинскій монастырь, въ которомъ Маргарита Михайловна была настоятельницей, тамъ скончалась и тамъ погребена.

Спустя года три послѣ Бородинской битвы, императоръ Александръ I-й проѣзжалъ по Тульской губерніи, близъ имѣнія А. А. Тучкова, села Алексина, гдѣ жила тогда Маргарита Михайловна; узнавши объ этомъ, она послала сына своего съ дядькою посмотрѣть государя. Государь замѣтилъ ребенка и спросилъ о немъ; ему сказали: сынъ Тучкова, убитаго подъ Бородиномъ; тогда государь поставилъ дитя возлѣ себя на паромъ и, пока шелъ дождь, прикрывалъ его своей шинелью. Между тѣмъ послалъ Скобельцына выразить Маргаритѣ Михайловнѣ свое сожалѣніе, что не посѣтилъ ее, такъ какъ не зналъ, что въ Алексинѣ живетъ вдова героя; и тутъ же велѣлъ записать малютку ея сына въ Пажескій корпусъ.

Въ 1839 году, при открытіи памятника на Бородинскомъ полѣ, присутствовала и Маргарита Михайловна, уже игуменьей Спасо-Бородинскаго монастыря.

Императоръ Николай Павловичъ во время церемоніи подошелъ къ ней, низко поклонился и сказалъ:

«Кланяюсь вамъ, ваше превосходительство, и раздѣляю скорбь вашу. Чувствую, какъ вамъ тяжело, но день славный».

Николай Алексѣевичъ въ 12-мъ году командовалъ 3-мъ корпусомъ, подъ Бородиномъ былъ раненъ въ грудь и черезъ три недѣли послѣ Бородинскаго сраженія окончилъ жизнь.

Когда императоръ Николай Павловичъ вступилъ на престолъ, Сергѣй Алексѣевичъ находился подъ судомъ, какъ генералъ, дѣйствовавшій подъ начальствомъ Чичагова, обвиняемаго въ измѣнѣ отечеству. Чичаговъ уѣхалъ за границу и не возвращался. Сергѣй Алексѣевичъ не хотѣлъ бѣжать отъ суда: онъ счи-

талъ себя чистымъ и суда не боялся. Восемь военныхъ комиссій смѣнялись одна за другой и ни одна не нашла въ немъ виновности. Государь Николай Павловичъ отмѣнилъ военную комиссію и объявилъ Сергѣя Алексѣевича отъ суда освобожденнымъ.

Во время коронаціи Николая Павловича Сергѣй Алексѣевичъ жилъ въ подмосковной брата своего Алексѣя Алексѣевича; туда два раза пріѣзжалъ къ нему посланный отъ военнаго губернатора съ приглашеніемъ явиться къ государю въ Москву. Сергѣй Алексѣевичъ сказалъ: не поѣду!

— Невиннаго двѣнадцать лѣтъ держали подъ судомъ, не поѣду,—и не поѣхалъ.

Странно, но дѣйствительно было такъ. Николай Павловичъ прошелъ этотъ случай молчаніемъ.

Спустя нѣсколько лѣтъ, Сергѣю Алексѣевичу было предложено опять вступить на службу. Онъ предложеніе принялъ. Находясь начальникомъ въ Измаилѣ, разъ видѣлъ государя. Императоръ измѣнилъ свой маршрутъ и въ сопровожденіи одного адъютанта заѣхалъ въ Измаилъ. Узнавъ, гдѣ живетъ Тучковъ, командующій войсками, велѣлъ везти себя прямо къ нему. Коляска подкатила къ подъѣзду маленькаго домика. Николай Павловичъ сказалъ часовому:

— Скажи Тучкову: царь пріѣхалъ.

Часовой опрометью бросился въ домъ. Сергѣй Алексѣевичъ лежалъ больной въ постели. Услыша о неожиданномъ пріѣздѣ государя, онъ сталъ немедленно одѣваться, какъ дверь отворилась, и Николай Павловичъ показался на порогѣ. Онъ быстро подошелъ къ Тучкову, говоря:

— Я знаю, ты боленъ; ложись въ постель, намъ недолго бесѣдовать.

Сказавши это, государь придвинулъ стулъ къ постели и сталъ говорить о дѣлахъ, а о былом не было и помина.

Въ продолженіе всей службы Сергѣя Алексѣевича государь спрашивалъ его, какую награду онъ желаетъ получить. Тучковъ отвѣчалъ, что желалъ бы дать свое названіе Измаилу. Это и было исполнено: слишкомъ сорокъ лѣтъ Измаилъ носилъ имя городъ Тучковъ.

Павелъ Алексѣевичъ въ 12 году былъ сильно

раненъ, взятъ въ плѣнъ и оставался въ плѣну до вступленія нашихъ войскъ въ Парижъ *).

Въ сраженіи подъ Лубянами Павлу Алексѣевичу приказано было идти не останавливаясь по большой московской дорогѣ къ Бредихину; но онъ пошелъ прямо къ Смоленску, чтобы не допустить корпусъ Нея занять мѣсто соединенія большой московской дороги съ проселочной, по которой тянулась часть нашей арміи съ тяжестями и обозами и которая не могла бы выбраться на большую дорогу раньше вечера; тогда французы заняли бы этотъ пунктъ и отрѣзали бы первую армію отъ второй... Поэтому Павелъ Алексѣевичъ, пройдя двѣ версты по большой дорогѣ, нашелъ возвышенное мѣсто близъ деревни Латашино, называемое Валутина горка, внизу котораго протекала грязная, топкая рѣчка Строгонь, остановился, разсмотрѣлъ мѣстность и тутъ съ 2.400 человѣкъ выдерживалъ натискъ корпуса Нея въ продолженіе четырехъ часовъ. «Позиція наша,—говоритъ Павелъ Алексѣевичъ:—была превосходнѣе непріятельской; ихъ пули снизу вверхъ съ трудомъ долетали». Отсюда онъ послалъ къ брату своему, командиру третьяго корпуса, за подкрѣпленіемъ. Тотъ прислалъ 2.000 человѣкъ, а потомъ еще 2.000; къ французамъ также постоянно подходили подкрѣпленія. Битва продолжалась до вечера.

Когда битва кончилась, французы подняли раненаго Тучкова замертво и отвезли въ Смоленскъ, тамъ представили Мюрату, а потомъ и Наполеону. Но дѣло было сдѣлано. Первая и вторая арміи соединились и пошли по большой дорогѣ.

Это было 7-е августа, за три недѣли до Бородина.

За свой безсмертный подвигъ въ 12-мъ году, какъ выразился Михайловскій-Данилевскій, Павелъ Алексѣевичъ ничѣмъ не былъ награжденъ.

Въ 1817 году Павелъ Алексѣевичъ женился, поселился въ своемъ подмосковскомъ имѣніи, сельцѣ Ляховѣ, и занялся сельскимъ хозяйствомъ.

---

*) У Павла Алексѣевича остался сынъ Александръ Павловичъ. Онъ живъ въ настоящее время и пользуется общимъ уваженіемъ, женатъ на Софьѣ Аполлоновнѣ Веригиной, имѣетъ трехъ дочерей и сына.

Въ день своего коронованія императоръ Николай Павловичъ назначилъ Павла Алексѣевича почетнымъ опекуномъ въ Москвѣ и пожаловалъ тайнымъ совѣтникомъ; въ 28 году сенаторомъ въ Москвѣ; затѣмъ первоприсутствующимъ 2-го отдѣленія 6-го департамента; въ 38 году вызвалъ его въ Петербургъ членомъ Государственнаго Совѣта, предсѣдателемъ комиссіи прошеній и осыпалъ милостями.

Во время пребыванія принца Ольденбургскаго за границею Павелъ Алексѣевичъ занималъ его мѣсто.

Павелъ Алексѣевичъ былъ человѣкъ очень образованный для своего времени. Онъ оставилъ много записокъ, проектовъ для улучшенія воспитательныхъ домовъ въ Москвѣ и Петербургѣ въ опекунскомъ совѣтѣ и по политической экономіи въ Государственномъ Совѣтѣ.

Записками его пользовались Михайловскій-Данилевскій и Богдановичъ.

Судить о Павлѣ Алексѣевичѣ, какъ о человѣкѣ, можно по надписи на поднесенномъ ему серебряномъ кубкѣ:

«Общество офицеровъ Артиллерійскаго полка шефу Павлу Алексѣевичу Тучкову.

«Признательность за благородство».

Алексѣй Алексѣевичъ былъ извѣстенъ въ Москвѣ не только своимъ гостепріимствомъ, любезностію и добротой, но и какъ страстный любитель архитектуры, особенно живописи. У него была великолѣпная галлерея картинъ, копій и оригиналовъ. Впослѣдствіи несчастная страсть къ карточной игрѣ лишила Алексѣя Алексѣевича роскошно построенныхъ домовъ и подмосковныхъ съ очаровательными садами. Намъ, дѣтямъ,—вспоминаетъ Наталья Алексѣевна Огарева:—показывали дома, дворцы, сады, носившіе уже чужія имена. Прекрасный домъ на Стоженкѣ сталъ Михайловскимъ дворцомъ, а въ настоящее время это лицей Цесаревича Николая; когда весь этотъ блескъ исчезъ, Алексѣй Алексѣевичъ съ женой и дѣтьми переселился въ свое пензенское имѣніе, село Яхонтово.

Въ свѣтлое царствованіе Александра I было одно пятно—всѣми ненавидимый Аракчеевъ.

Аракчеевъ былъ гонитель семьи Тучковыхъ, и если она уцѣлѣла, то только благодаря характеру всѣхъ

ея членовъ, отличительныя черты котораго были: прямота, безкорыстіе, честность, отсутствіе всякаго искательства при дворѣ и... храбрость!...

У Алексѣя Алексѣевича было два сына:

Старшій Алексѣй (отецъ Н. А. Огаревой).

Второй Павелъ.

Павелъ Алексѣевичъ былъ военный. Четырнадцати лѣтъ онъ былъ произведенъ въ офицеры и не имѣлъ времени такъ образовать себя, какъ старшій братъ его. Пылкій, рѣдкой доброты, высокой честности, онъ избѣгалъ всякаго искательства по службѣ, часто бывалъ обойденъ, забытъ, но, казалось, и не замѣчалъ этого. Несмотря на значительное разстояніе въ лѣтахъ, братья Тучковы не только что любили другъ друга, но и восхищались одинъ другимъ.

Въ жизни Павла Алексѣевича былъ случай, въ которомъ его благородство и любовь къ ближнему едва не стоили ему семейнаго счастья и жизни; вотъ какъ это было: когда Павелъ Алексѣевичъ былъ начальникомъ въ Новгородѣ, то разъ получилъ предписаніе отдать подъ военный судъ двухъ офицеровъ изъ поляковъ за то, что они будто бы участвовали въ тайномъ обществѣ и собирали для поддержки его деньги. Павелъ Алексѣевичъ зналъ навѣрно, что офицеры эти не принадлежатъ ни къ какому тайному обществу, что деньги они собирали открыто для вспомоществованія сосланнымъ и безъ всякой политической цѣли.

Долго онъ ходилъ по своему кабинету, обдумывая, что ему предпринять. Долгъ службы повелѣвалъ исполнить приказъ безъ разсужденья,—человѣческое сердце говорило за нихъ. Какъ погубить ихъ,—они невинны. Такъ какъ Тучковъ въ то время былъ еще очень молодъ и ничего не могъ придумать, то и рѣшилъ ѣхать въ Петербургъ. Ему подали телѣжку, онъ поскакалъ на перекладныхъ въ Петербургъ и прямо подкатилъ къ военному министерству.

Военный министръ, графъ Чернышевъ, находился въ то время съ государемъ на маневрахъ, въ окрестностяхъ Петербурга. Тучковъ тотчасъ отправился туда и велѣлъ доложить о себѣ министру.

— Изъ Новгорода?—спросилъ графъ.

— Да, ваше сіятельство,—отвѣчалъ Павелъ Але-

ксѣевичъ, изложилъ ему, зачѣмъ онъ пріѣхалъ, и просилъ доложить объ этомъ государю. Графъ Чернышевъ выслушалъ его сухо и рѣшительно отказался исполнить его просьбу.

— Государь тутъ въ своей палаткѣ, si vous êtez à deux têtes, vous pouvez aller vous-même».

Тучковъ раскланялся и отправился къ палаткѣ государя, не безъ опасенія за свой смѣлый поступокъ. Государь принялъ его съ веселымъ видомъ, но, по мѣрѣ того, какъ Тучковъ излагалъ сущность дѣла, лицо императора становилось все серьезнѣе и мрачнѣе.

— Я виноватъ, государь, я не исполнилъ приказа.

— Чѣмъ ты мнѣ отвѣчаешь за этихъ офицеровъ?

— Своей честью и головой, ваше величество,—отвѣчалъ Тучковъ:—они изъ моихъ лучшихъ офицеровъ.

— Благодарю, Тучковъ; не бойся никогда говорить мнѣ правду,—подумавъ немного, сказалъ государь.—Ты сохранилъ мнѣ двухъ хорошихъ офицеровъ.

Тучковъ поскакалъ обратно съ спокойнымъ духомъ и невыразимой радостью—онъ исполнилъ свой долгъ и не пострадалъ.

Когда вступилъ на престолъ государь Александръ Николаевичъ, то назначилъ Павла Алексѣевича генералъ-губернаторомъ въ Москву. Тучковъ благодарилъ, но отказывался тѣмъ, что его денежныя обстоятельства не позволяютъ занимать такой важный постъ. Государь настоялъ и положилъ ему годовой окладъ, кажется, въ семьдесятъ пять тысячъ. Тучковъ ихъ проживалъ честно и, когда онъ скоропостижно скончался, то вдова его возвратила въ казну тысячи три взятаго впередъ жалованья, несмотря на то, что въ домѣ не было ни копейки, чтобы похоронить первое лицо въ столицѣ; зато городъ живо собралъ на похороны столько денегъ, что не только похоронилъ его блестящимъ образомъ, но и поставилъ памятникъ на его могилѣ, а на остальныя деньги основалъ четыре стипендіи въ Московскомъ университетѣ съ именемъ Тучкова.

— Старшій братъ Павла Алексѣевича, Алексѣй Алексѣевичъ, мой отецъ,—говоритъ Наталья Алексѣевна:—былъ воспитанъ въ школѣ колонновожатыхъ старика Муравьева. Тамъ онъ сблизился съ многими изъ декабристовъ, больше всѣхъ съ княземъ Евгеніемъ

Оболенскимъ и двумя братьями Муравьевыми-Апостолами. И теперь помнятъ, что за способные люди выходили изъ этого высшаго въ то время образовательнаго заведенія и съ какимъ благороднымъ образомъ мыслей. Алексѣй Алексѣевичъ не чувствовалъ влеченія къ военной службѣ и не могъ выносить хладнокровно дерзкаго обращенія съ офицерами нѣкоторыхъ генераловъ изъ нѣмцевъ; поэтому служба военная была для него немыслима, съ его независимымъ характеромъ и съ его понятіями о личномъ достоинствѣ.

Во время возстанія въ Петербургѣ 14-го декабря Алексѣй Алексѣевичъ находился на службѣ въ Москвѣ, но такъ какъ онъ принадлежалъ къ Сѣверному обществу, то былъ арестованъ и отвезенъ въ Петербургъ, гдѣ содержался три мѣсяца въ генеральномъ штабѣ. Бывали допросы, очныя ставки, старались ихъ сбивать, возстановлять другъ противъ друга; но они не вѣрили, при свиданіи бросались другъ другу въ объятія и оставались братьями.

Когда Алексѣй Алексѣевичъ былъ выпущенъ изъ-подъ ареста, то вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ Яхонтово*). Продолжать службу онъ находилъ невозможнымъ, несмотря на огорченіе своего отца о томъ, что его умный Алексѣй одинъ изъ всѣхъ Тучковыхъ не будетъ генераломъ. Такъ онъ и остался поручикомъ генеральнаго штаба до конца жизни.

Вскорѣ послѣ ареста Алексѣй Алексѣевичъ изъявилъ желаніе заняться хозяйствомъ въ ихъ пензенскомъ имѣніи Яхонтовѣ и жениться.

Родители его находили, что жениться ему еще рано, и отправили его путешествовать за границу. Возвратившись изъ чужихъ краевъ, онъ скоро женился на Натальѣ Аполлоновнѣ Жемчужниковой.

Въ 1827 году у нихъ родилось то роковое дитя, которое должно было надѣлать столько горя отцу, его другу и себѣ. Дитя это было радостно встрѣчено всей семьей,—это была я,—говоритъ Наталья Алексѣевна, меньшая дочь Алексѣя Алексѣевича Тучкова.—Меня назвали въ честь моей матери Натальей.

Дружба Тучкова съ несчастными друзьями его моло-

*) Яхонтово извѣстно также подъ названіемъ «Долгоруково».

дости не охладѣла отъ разлуки, она отразилась даже на дѣтяхъ его: когда мы съ сестрой въ дѣтствѣ и молодости встрѣчались съ уцѣлѣвшими и возвратившимися декабристами, то они добродушно, радостно жали намъ руки и говорили съ свѣтлой улыбкой: «это дѣти Алексѣя Алексѣевича». Мы чувствовали, что насъ любятъ, нами интересуются, и намъ, деревенскимъ дикаркамъ, было хорошо и легко съ ними.

Однажды, ѣхавши въ Москву, мы всей семьей заѣхали къ одному возвращенному изъ ссылки полковнику N. Его имѣніе Высокое находилось въ шести верстахъ отъ Тулы; тамъ собралось нѣсколько возвращенныхъ, по случаю празднованія дня рожденія хозяина дома. Его добрая, милая жена радостно принимала друзей мужа. Домъ ихъ былъ какъ дворецъ—въ немъ легко было заплутаться; кругомъ великолѣпный паркъ, который, по случаю праздника, былъ иллюминованъ; много наѣхало гостей изъ города, много простого народа толпилось въ паркѣ; хозяинъ добродушно посылалъ всѣмъ угощеніе.

Поздно вечеромъ, когда все утихло, онъ сѣлъ къ роялю и игралъ, а жена его пѣла, большею частію французскіе романсы, сочиненные въ далекомъ изгнаніи. Мы прожили три чудные дня въ Высокомъ. Эти дни навсегда остались въ нашей памяти.

Въ деревнѣ отецъ построилъ сахарный заводъ, занимался имъ со страстью, дѣлалъ всѣ примѣненія, видѣнныя имъ за границей.

Кромѣ того, онъ служилъ по выборамъ предводителемъ дворянства. Съ сосѣдями онъ не могъ сблизиться: по своему умственному развитію онъ стоялъ далеко выше ихъ. Въ пятнадцати верстахъ отъ Яхонтова жилъ другъ его молодости, большой оригиналъ, Григорій Александровичъ Римскій-Корсаковъ, полковникъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка. Это былъ высокій, красивый брюнетъ, умный, горячій, до крайности рѣзкій. Москва 1830-хъ годовъ его помнитъ. Сосѣди его положительно боялись. Онъ въ молодости былъ близокъ съ Пушкинымъ. По счастью, въ 1825 году Корсаковъ находился въ Италіи; возвратившись изъ Италіи, онъ поселился въ своемъ пензенскомъ имѣніи и видался только съ моимъ отцомъ. Еще бывали у насъ Иванъ

Павловичъ Галаховъ, о которомъ Александръ Ивановичъ Герценъ говоритъ въ своихъ запискахъ, да Николай Платоновичъ Огаревъ, другъ Александра Ивановича Герцена, и позже Алексѣй Дмитріевичъ Желтухинъ. Несмотря на то, что всѣ трое были моложе отца много, они очень любили его и находили большое удовольствіе въ бесѣдѣ съ нимъ.

Отецъ нашъ былъ очень добръ, но чрезвычайно горячъ—властъ портитъ. Когда онъ сердился на когонибудь, люди посылали въ кабинетъ его насъ*). Бывало, какъ только онъ завидитъ дѣтей, гнѣвъ его мгновенно остываетъ, онъ шелъ къ намъ, цѣловалъ намъ руки (всегда имѣлъ эту привычку), а виновному говорилъ: «ступай», и все забыто.

Скромная съ виду дѣятельность его была полна преданности Россіи и народу. Но, несмотря на то, что онъ старался защищать слабыхъ только силою законовъ, это не нравилось, и на него часто дѣлали доносы. Безкорыстіе отца мѣшало врагамъ погубить его и заставило отступиться. Добрая память о немъ сохранилась въ народѣ и до настоящаго времени.

Въ концѣ 1849 года я,—говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ Наталья Алексѣевна:—возвращаясь съ Огаревымъ изъ Крыма и проѣзжая по Симбирской или Тамбовской губерніи,—не помню,—разговорилась съ однимъ крестьяниномъ о рекрутскомъ наборѣ. Дѣло было осенью.

— У насъ бѣда,—отвѣчалъ онъ:—да, впрочемъ, вездѣ одно и то же; только вотъ тамъ,—и онъ указалъ по направленію къ Пензенской губерніи:—и есть одинъ человѣкъ, который жалѣетъ крестьянина.

Мы взглянули другъ на друга.

— Какъ его зовутъ?—спросила я съ замираніемъ сердца.

— Тучковъ,—отвѣчалъ онъ.

Онъ служилъ народу искренно, не тщеславясь, и памятъ о немъ сохранилась въ народѣ.

---

*) У А. А. Тучкова было три дочери: старшая—Елена Алексѣевна, была замужемъ за Н. М. Сатинымъ; меньшая—Наталья Алексѣевна, за Н. П. Огаревымъ, и Анна Алексѣевна, умершая въ дѣтствѣ.

Бываютъ и въ настоящее время проявленія трогательной, простой любви къ нему.

Такъ, въ недавнемъ времени, ѣхала я разъ на яровой посѣвъ; лошадь, привязанная сзади экипажа, рвалась; надо было купить овса. Мнѣ указали крестьянина, который продавалъ овесъ. Я поздоровалась съ нимъ.

— Откуда будете?

— Изъ Долгорукова.

Онъ быстро взялъ ведро и принесъ овса.

— Сколько съ меня?—спросила я.

— Ничего.

— Какъ ничего, развѣ такъ можно?

— Да вѣдь вы изъ Долгорукова; вы, должно-быть, дочка Алексѣя Алексѣевича?

— Да.

— Ну, онъ мнѣ побольше дѣлалъ добра, чѣмъ это, царство ему небесное.

Насилу я уговорила его взять что-нибудь дѣтямъ на пряники.

Онъ вертѣлъ нерѣшительно серебро и говорилъ про себя:

— Съ дочки Алексѣя Алексѣевича не надо бы.

Эти слова вызвали радостную улыбку на моемъ грустномъ лицѣ.

Дѣтство наше прошло свѣтло. Юность наступила въ концѣ 46-го года. Въ концѣ 46-го года начались разговоры о поѣздкѣ за границу. Собираясь, отецъ, какъ и всегда, былъ нерѣшителенъ и откладывалъ день за день; m-lle Мишель*) торопила; мать относилась терпѣливо и равнодушно.

Въ это время пріѣхалъ въ свое имѣніе сосѣдъ нашъ Николай Платоновичъ Огаревъ, съ которымъ отецъ нашъ былъ давно знакомъ и очень друженъ. Мы не видали его слишкомъ семь лѣтъ; онъ провелъ ихъ въ своемъ пензенскомъ имѣніи, селѣ Старое Акшено, большею же частію въ Москвѣ, пируя съ друзьями, и за границей.

У насъ готовился праздникъ и домашній спектакль. Мы съ сестрою были въ числѣ актеровъ и сильно вол-

*) Гувернантка дочерей А. А. Тучкова.

новались. Готовились двѣ небольшія пьесы. Огаревъ остался у насъ и также взялъ небольшую роль.

Наконецъ торжественный день наступилъ: въ домѣ поднялась страшная суета. Нашъ сосѣдъ Н. Д. Желтухинъ распоряжался спектаклемъ и вмѣстѣ съ женой жилъ у насъ уже съ недѣлю; какой-то маляръ наверху рисовалъ декораціи; m-lle Мишель писала афишки; мы съ сестрой ничего не дѣлали.

Со временъ нашей бабушки*) въ Яхонтовѣ не запомнятъ такого праздника.

Гостей было болѣе пятидесяти человѣкъ званыхъ и незваныхъ. Возки постоянно подъѣзжали къ крыльцу; дамы, выходя изъ экипажей, отправлялись на половину матушки; кавалеры, расшаркавшись передъ дамами, шли въ кабинетъ отца. Мы, какъ актеры, освобождены были отъ всякаго рода обязанностей.

Огаревъ былъ въ числѣ актеровъ и, кромѣ занимаемой роли, устраивалъ будочку для суфлера; я помню, какъ передъ представленіемъ онъ вальсировалъ на сценѣ съ Еленой, потомъ они распороли немного опущенный занавѣсъ, вставили въ него лорнетъ и поглядывали на публику.

Обѣдъ нашъ былъ веселъ безмѣрно. Мы, какъ актеры, обѣдали отдѣльно и принимали въ нашъ кругъ только избранныхъ. Вино лилось, тарелки летали вдребезги, шуткамъ не было конца. Спектакль удался великолѣпно. Потомъ танцы, ужинъ, шампанское. Подъ конецъ вечера Желтухинъ предложилъ протанцовать по всему дому гроссъ-фатеръ съ бокалами шампанскаго въ рукахъ; разъѣхались съ разсвѣтомъ. Огаревъ остался у насъ ночевать и прожилъ мѣсяцъ.

Такъ стало повторяться нерѣдко.

Уѣзжая, онъ переписывался съ моимъ отцомъ.

Оставаясь у насъ, Огаревъ вставалъ поздно, приходилъ къ завтраку и до обѣда оставался у отца въ кабинетѣ; передъ обѣдомъ они приходили въ гостиную, разговаривали и играли въ шашки. Огаревъ послѣ обѣда курилъ и пилъ долго и много чаю. Въ десять часовъ вечера отецъ уходилъ въ кабинетъ толковать съ деревенскимъ начальствомъ; иногда уходилъ съ нимъ и

*) Каролины Ивановны Тучковой.

Огаревъ, особенно если надо было давать медицинскіе совѣты; но вскорѣ возвращался къ намъ. Повидимому, онъ, послѣ отца, любилъ больше всѣхъ говорить съ нами,—въ сущности же онъ былъ неразговорчивъ вообще, но такъ привѣтливъ и съ такой добротой смотрѣлъ на насъ, что намъ становилось легче и веселѣе при немъ. Случалось намъ иногда засиживаться съ нимъ такъ поздно, что матушка или m-lle Мишель, побранивши насъ, что не ложимся спать, уходили, и мы оставались съ нимъ однѣ. Бывало, если засидимся долго, Огаревъ скажетъ: «а что, не съѣсть ли намъ чего-нибудь?» Елена тотчасъ бѣжала въ буфетъ, приносила что-нибудь холодное, иногда являлась и бутылка краснаго вина; особенно мы хорошо угощались, если старая наша няня, она же и экономка, Ѳекла Егоровна, поворчавши, давала намъ отъ кладовой ключи.

Послѣ просьбъ и хлопотъ намъ позволялось иногда покататься съ Николаемъ Платоновичемъ въ санкахъ.

Отецъ посвятилъ Огарева во всѣ наши семейныя дѣла и обстоятельства, какъ самаго близкаго человѣка.

Время шло; развлеченія были: отъѣзды отца, рекрутскіе наборы, стоны, рыданья бабъ, наше безпомощное участіе, лихорадочное ожиданіе, кого отдадутъ, чья семья разбредется завтра.

Послѣ каждаго набора отецъ хворалъ недѣли по двѣ. Всѣ въ домѣ ходили на цыпочкахъ; Григорій Александровичъ Римскій-Корсаковъ въ такое время сидѣлъ у него день и ночь, серьезный, рѣзкій и печальный. Когда Корсаковъ оставлялъ больного, мы понимали, что отцу лучше. Огаревъ въ это время незамѣтно дѣлалъ все, чтобы намъ жилось хорошо, и намъ всегда жилось при немъ хорошо, даже когда и не видали его, но знали, что онъ тутъ.

Онъ становился для насъ ребенкомъ—катался съ нами съ горъ, ѣздилъ въ саняхъ, сидя на облучкѣ, ходилъ съ нами пѣшкомъ, рылся въ снѣгу, а когда уѣзжалъ, то намъ казалось, что мы что-то потеряли.

Такъ наступила весна, приближалось Свѣтлое Христово Воскресенье.

Наступила страшная распутица. Огаревъ былъ у насъ и хотѣлъ ѣхать домой, но отецъ не пустилъ его. Мы радовались, что нѣтъ проѣзда. Въ Свѣтлое Воскре-

сенье ночью, въ слякоть, всѣ вмѣстѣ ходили въ церковь и разговлялись.

Съ наступившимъ теплomъ, въ сопровожденіи Огарева и двухъ кучеровъ, намъ позволили ѣздить верхомъ.

Однажды Огаревъ собрался ѣхать на какой-то большой праздникъ; мы растерялись. Долго ходили съ нимъ по саду, желая, но не смѣя спросить, когда онъ вернется. Мы надѣялись, что вотъ-вотъ что-нибудь случится, и Огаревъ останется; но ничего не случилось, тарантасъ покатилъ по грязной дорогѣ и скрылся подъ горой.

Мы стояли неподвижно.

— Ступайте домой,—сказалъ отецъ:—а я зайду на заводъ.

Чтобы развлечься, мы пошли къ качелямъ; тамъ было много дѣвушекъ, почти все наши ученицы *).

Такъ прошло около двухъ недѣль.

Въ одинъ прекрасный, ясный день наша горничная дѣвушка Любаша весело вбѣжала къ намъ, говоря: «вставайте, вставайте, Николай Платоновичъ ѣдутъ верхомъ». Мы вмигъ были готовы; но Огаревъ, не входя къ намъ, прошелъ наверхъ, спросилъ кофе и легъ отдохнуть. Чувствуя невозможность заняться чѣмъ-нибудь, мы пошли къ отцу на заводъ и все утро ходили съ нимъ по его работамъ. Къ завтраку явился и другъ нашъ, и все пошло по-старому.

Вечеромъ мы ходили съ Огаревымъ по деревнѣ; слушали пѣсни крестьянъ, сидя на бревнахъ поодаль; любовались хороводами. Иногда подходили къ хороводамъ, раздавали подарки. У насъ почти всегда были бусы и ленты въ карманахъ для взрослыхъ и лакомства для дѣтей.

Послѣ прогулокъ по деревнѣ начались прогулки пѣшкомъ по лѣсамъ, такъ какъ отецъ безпокоился, если мы ѣздили верхомъ.

Когда намъ хотѣлось гулять, а Огаревъ былъ наверху, не смѣя за нимъ послать, мы подавали сигналъ—аккордъ на фортепьяно изъ Нормы, чтобы онъ

---

*) Сорокъ дѣвушекъ учились у насъ по воскресеньямъ читать, писать и ариѳметикѣ по ланкастерской системѣ.

шелъ внизъ гулять. Огаревъ тотчасъ сходилъ въ залъ съ фуражкой въ рукахъ.

Отецъ былъ спокоенъ, когда мы были съ Николаемъ Платоновичемъ, онъ вполнѣ понималъ его, а въ насъ видѣлъ еще дѣтей. Можетъ, большое разстояніе лѣтъ между нами и Огаревымъ было виной, что ни онъ, ни мы не думали о любви. Часто уходили мы изъ дому рано поутру, до жары, брали съ собой кофейникъ, бутылку сливокъ и спокойно шли безъ дороги и безъ цѣли; какое мѣсто понравится, тутъ и садились. Я любила овраги въ самомъ лѣсу. Овраги эти бываютъ сплошь покрыты травой, а деревья и кусты со всѣхъ сторонъ, сплетаясь и переплетаясь, образуютъ почти темный навѣсъ. Тамъ мы садились на край оврага, опускали внизъ ноги на свѣжую зелень, разводили огонь и варили кофе.

И было намъ такъ весело, что хотя бы тутъ и умереть. Иногда, отыскивая новыя мѣста, мы забирались такъ далеко, что попадали въ чужіе лѣса. Разъ мы такъ потеряли дорогу, что, выбравшись на свое ржаное поле, отъ усталости едва узнали его.

Наконецъ въ 1847 году рѣшено было ѣхать за границу. М-lle Мишель была безконечно счастлива... мы и радовались и многое жалѣли; старая няня наша отирала слезы фартукомъ и, останавливаясь передъ нами, говорила:—«какъ же, матушка, это я буду цѣлый годъ безъ вѣсточки о васъ?»—«Что вы, Ѳекла Егоровна, мы будемъ безпрестанно писать вамъ». И сдержали слово: изъ каждаго города, гдѣ мы проводили недѣлю, летѣло письмо отъ насъ обѣихъ съ видомъ города или отеля; письма утѣшали и поддерживали старушку, она проплакала цѣлый годъ и почти не ѣла.

Кромѣ няни, намъ жаль было Огарева: онъ выдѣлялся между всѣми, кого мы знали, своимъ развитіемъ, кротостью и простодушіемъ. Сверхъ всего, насъ поражало въ немъ что-то таинственное: поэтъ, музыкантъ въ душѣ, въ разводѣ съ женой,—никогда не намекаетъ объ этомъ и всегда встрѣчаетъ насъ съ свѣтлой, почти веселой улыбкой. «Мнѣ хорошо съ вами,—говорилъ онъ:—съ вами я становлюсь ребенкомъ». Его кроткое обращеніе со всѣми поражало, какъ благотворный покой. Онъ неизмѣнно любилъ моего отца и имѣлъ на

него успокоительное вліяніе, хотя отецъ былъ гораздо старше его.

Николай Платоновичъ проводилъ насъ до первой станціи; пока готовили лошадей, мы вмѣстѣ походили по селу послѣдній разъ, но вотъ подали экипажи намъ и ему. Онъ всталъ на подножку нашей кареты, крѣпко пожалъ намъ руки, быстро вскочилъ въ свое ландо и помчался обратно въ Яхонтово. Мы глядѣли ему вслѣдъ съ чувствомъ боли, точно это ландо уносило что-то дорогое, родное и, можетъ, навсегда.

Въ Москвѣ мы остановились у дѣдушки Алексѣя Алексѣевича; онъ былъ намъ очень радъ. Я, слушая анекдоты дѣдушки изъ временъ Екатерины II, думала: «Какъ это Огаревъ тамъ живетъ безъ насъ, вѣдь хоть немного да скучно ему,—неужели онъ насъ скоро забудетъ?»

Изъ Москвы мы пріѣхали въ Петербургъ, гдѣ остановились въ домѣ Павла Алексѣевича, предсѣдателя Государственнаго Совѣта. Это былъ человѣкъ умный, сдержанный, немного холодный по наружности; онъ находился на дачѣ съ семействомъ, въ домѣ оставалась его любимая, больная дочь Марія съ своей компаньонкой, англичанкой Шмидъ. Мы прожили у нихъ недѣли три, пока не кончились хлопоты о заграничномъ паспортѣ. Наконецъ все устроено, и мы ѣдемъ въ Кронштадтъ, чтобы тамъ сѣсть на пароходъ, который отвезетъ насъ въ Штетинъ. Павелъ Алексѣевичъ проводилъ насъ съ своей семьей.

Первый разъ въ жизни мы видимъ море и настоящій пароходъ. Пароходъ намъ очень нравится, только въ каютахъ какой-то рѣзкій запахъ отталкиваетъ. Мы осмотрѣли свое тѣсное помѣщеніе, состоявшее изъ четырехъ коекъ одна надъ другою, съ диваномъ напротивъ лѣстницы, и вышли опять на палубу. Пассажиры насъ интересуютъ, намъ бы хотѣлось узнать, кто откуда и куда, но чувствуемъ, что простота здѣсь не у мѣста. На палубѣ нѣмцы, англичане и русскіе. Какой-то англичанинъ, видя, что мы шатко ходимъ по палубѣ, пробормоталъ сквозь зубы: «если бы я былъ представленнымъ, то подалъ бы имъ руку». Одинъ изъ русскихъ, слыша это, улыбнулся,—этотъ русскій былъ князь Кочубей. Онъ обратилъ наше вниманіе тѣмъ, что во время

качки былъ совершенно здоровъ, въ общемъ салонѣ игралъ на фортепьяно, пѣлъ и акомпанировалъ себѣ очень мило; слушательницами были только я съ сестрой—остальныя дамы хворали. Наконецъ вотъ и Штетинъ. Пріятно послѣ трехдневнаго плаванія по морю очутиться на землѣ. Штетинъ маленькій, дрянной городишко, но въ немъ видно было спокойствіе, непринужденность, а у насъ въ то время замѣтенъ былъ безотчетный страхъ, даже и тогда, когда рѣшительно бояться было нечего

ГЛАВА V.

Въ Италіи.

Послѣдними днями нашей жизни въ Римѣ заключается часть воспоминаній, начавшихся съ дѣтскаго пробужденія мысли, съ отроческаго пробужденія на Воробьевыхъ горахъ. *А. Г.*

Когда былъ рѣшенъ нашъ отъѣздъ за границу, Огаревъ далъ мнѣ съ сестрой записочку къ женѣ Герцена—Натальѣ Александровнѣ, чтобы мы скорѣе съ нею сошлись, не теряя времени на церемонные визиты. Мы были рады ѣхать, несмотря на то, что намъ жаль было оставить деревню, старую няню и Огарева, который очень любилъ насъ и смотрѣлъ на насъ, какъ на дѣтей, съ добродушной улыбкой, и всегда былъ готовъ исполнить наши желанія.

Мы берегли данную намъ Огаревымъ маленькую запечатанную записочку. Если бы она была и не запечатана, и тогда мы не смѣли бы ее открыть, несмотря на то, что насъ очень занимало ея содержаніе.

За границей мы стремились скорѣе съѣхаться съ Герценомъ. Изъ Парижа проѣхали въ Ниццу; здѣсь передъ нами открылось темно-синее Средиземное море. Изъ Ниццы пріѣхали въ Геную и вездѣ узнавали, что

Герцены были и уѣхали. Наконецъ мы нашли ихъ въ Римѣ. Вечеромъ, въ день пріѣзда, мы уже были у нихъ и такъ дружески съ ними сблизились, что все время пребыванія нашего въ Италіи были неразлучны.

«Послѣдними днями нашей жизни въ Римѣ, — говоритъ Александръ Ивановичъ Герценъ, вспоминая объ этомъ времени:—завершилась свѣтлая часть моихъ воспоминаній, начавшихся съ дѣтскаго пробужденія мысли на Воробьевыхъ горахъ.

«Италія пробуждалась на моихъ глазахъ.

«...Темная ночь. Корсо покрыто народомъ, кое-гдѣ факелы. Въ Парижѣ уже съ мѣсяцъ провозглашена республика. Новости пришли изъ Милана—тамъ дерутся, народъ требуетъ войны; носится слухъ, что Карлъ-Альбертъ идетъ съ войскомъ. Говоръ недовольной толпы похожъ на перемежающійся ревъ волны, которая то переливается съ шумомъ, то точно тихо переводитъ духъ.

«Толпы строятся, онѣ идутъ къ пьемонтскому послу узнать, объявлена ли война.

«— Въ ряды, въ ряды съ нами!—кричатъ десятки голосовъ.

«— Мы иностранцы.

«— Тѣмъ лучше, Santo Dio, вы наши гости.

«Пошли и мы.

«— Впередъ гостей, впередъ дамъ, впередъ la donna forestiere.

«И толпа съ страшнымъ крикомъ одобренія разступилась. Чичероваккіо и съ нимъ молодой римлянинъ, поэтъ народныхъ пѣсенъ, продираются съ знаменемъ, трибунъ жметъ руки дамамъ и становится съ ними во главѣ десяти, двѣнадцати тысячъ человѣкъ, и все двинулось въ томъ величавомъ, стройномъ порядкѣ, который свойственъ только одному римскому народу.

«Передовые вошли въ палаццо. Черезъ нѣсколько минутъ двери балкона растворились. Появился посолъ, онъ успокоилъ народъ и подтвердилъ вѣсть о войнѣ; слова его приняты съ изступленною радостью. Чичероваккіо былъ на балконѣ, сильно освѣщенный факелами и канделябрами, а возлѣ него, осѣненныя знаменемъ Италіи, четыре русскія женщины,—не странно ли? Я какъ теперь ихъ вижу на этой каменной трибунѣ и

внизу колыхающійся безчисленный народъ, мѣшавшій съ криками войны и проклятіями іезуитамъ громкое:

«— Evviva la donna forestiere!

«И будто все это было!»

Семья Александра Ивановича Герцена въ то время состояла изъ его матери, жены, дѣтей, Марьи Ѳедоровны Коршъ и Марьи Каспаровны Эрнтъ. Намъ жилось съ ними въ Италіи прекрасно, мы вмѣстѣ осматривали въ Римѣ разныя достопримѣчательности: галлереи, дворцы, развалины, храмы,—только иногда, къ изумленію всѣхъ, въ то время, какъ они были этимъ заняты, заставали меня и Натали (такъ звали всѣ жену Герцена) гдѣ-нибудь однѣхъ у окна, любующихся превосходными видами или увлеченныхъ горячимъ разговоромъ.

— Никогда я не встрѣчала такой симпатичной женщины, какъ Наталья Александровна, — говорила Наталья Алексѣевна:—прекрасный, открытый лобъ, задумчивые, глубокіе темно-синіе глаза, темныя густыя брови, что-то спокойное и нѣсколько гордое въ движеніяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ женственность, нѣжность, мягкость,—иногда по ея лицу проходила тѣнь грусти—впослѣдствіи я поняла, что̀ было виною этого.

Меня удивляло, что бо̀льшая часть нашихъ знакомыхъ находила Натали холодной; напротивъ, это была натура поэтическая, страстная, горячая, въ кроткой, изящной оболочкѣ. Она чувствовала все тонко и вѣрно понимала художественное и изящное. Изъ поэтовъ Натали любила больше всѣхъ Лермонтова и Кольцова,—ихъ сочиненія всегда лежали у ней на столѣ; въ письмахъ своихъ она часто упоминала ихъ. Даже наканунѣ кончины ея, когда хотѣли увести изъ ея комнаты дѣтей, чтобы они не тревожили ея, она сказала: «п у с т ь у г р о б о в о г о в х о д а м л а д а я ж и з н ь и г р а е т ъ».

Я замѣтила, что къ Натали почти никто не относился равнодушно—ее или любили или ненавидѣли, вѣрнѣе, ей завидовали.

Я не могла насмотрѣться на Натали, въ ней все привлекало меня; не могла наговориться съ ней; но что̀ писалъ ей о насъ Огаревъ—я не знала и не спрашивала,—узнала это я случайно.

Разъ въ храмѣ Петра и Павла встрѣтилась я съ

Марьей Ѳедоровной, которая оперлась на мою руку и, отойдя отъ остальныхъ, сказала мнѣ тихо:

— M-lle Natalie, какъ горячо Огаревъ о васъ писалъ Натальѣ Александровнѣ, особенно о васъ. Ужъ не влюбленъ ли?

Я въ смущеніи молчала.

— А вы? Онъ такой славный!

Я чувствовала, что краснѣю подъ ея взглядомъ отъ неожиданности, какъ будто и отъ радости, и ничего не отвѣтила ей. Марья Ѳедоровна выручила меня, продолжая разговоръ сама.

Наталья же Александровна никогда даже и не намекала на эту записку, но полюбила меня глубоко.

Съ Огаревымъ она была очень дружна.

Если вечеръ проходилъ, а мы не являлись, Наталья Александровна посылала за нами Александра. Мы были неразлучны.

Спустя нѣкоторое время мы и Герцены поѣхали вмѣстѣ въ Неаполь. Отель нашъ находился на Кіяѣ, прямо противъ Везувія. Когда я и Натали вышли на балкончикъ (въ каждой комнатѣ маленькій балкончикъ) и взглянули на море и Везувій—восклицаніе восторга вырвалось у насъ обѣихъ.

Дорогой, туда и обратно, Натали и я ѣхали въ неудобномъ дилижансѣ, въ купе; съ нами былъ маленькій Саша, сынъ Герцена. Хорошо намъ было сидѣть однимъ, когда, бывало, послѣ дружескаго разговора, Натали заснетъ на моемъ плечѣ—я не смѣла двинуться съ своею драгоцѣнною ношей. Натали впослѣдствіи вспоминала объ этомъ времени въ своихъ письмахъ ко мнѣ. На станціяхъ Александръ подходилъ къ окну нашего купе и улыбался юной любви моей къ его женѣ.

Въ Неаполѣ Александръ постоянно ходилъ за table d'hôte подъ руку со мной, поэтому меня принимали за его жену, а Натали за гувернантку Саши. Это насъ очень забавляло.

Я глубоко любила Натали и Александра и была въ восторгѣ отъ ихъ взаимной привязанности; мнѣ и въ голову не могло придти, что и въ ихъ союзъ на время внесено было много горя.

Разъ въ Москвѣ Александръ, во время продолжительной болѣзни жены, легкомысленно увлекся служившей

у нихъ горничной, но вскорѣ встревожился этимъ и тотчасъ же отдалилъ ее. Это повело къ большимъ семейнымъ несчастіямъ.

Раздраженная отдаленная дѣвушка отомстила ему на всю его жизнь. Собравшись говѣть, она пришла просить прощенья у Натальи Александровны, упала ей въ ноги и все высказала. Натали жила въ полной увѣренности въ него. Здоровье ея этимъ было сильно потрясено. Она не могла опомниться долгіе годы; ей казалось, что палъ не онъ одинъ, но пали они оба, что идеальный союзъ ихъ разбился вдребезги. Упрекать, дѣлать сцены было не въ ея натурѣ; она молча уходила въ себя и плакала въ его отсутствіе. Александръ не могъ понять такой долгой грусти; онъ любилъ ее—страдалъ, огорчался и раздражался.

Впослѣдствіи союзъ ихъ заблестѣлъ ярче прежняго, какъ солнце передъ закатомъ.

Они были счастливы, насколько возможно быть человѣку счастливымъ.

Она вернулась къ нему со всей безпредѣльной любовью, но грусть не оставляла ея до гроба. Это видно на ея послѣдней фотографіи; это видно въ строкахъ, написанныхъ ею ко мнѣ,—говоритъ Наталья Алексѣевна Огарева.

Во Франціи и въ Россіи.

Тучковы первые уѣхали изъ Италіи въ Парижъ. Тамъ они застали П. В. Анненкова и И. С. Тургенева. Оба были очень милы и внимательны къ молодымъ дѣвушкамъ, показывали имъ Парижъ и забавлялись ихъ изумленіемъ европейской жизни на улицахъ.

Изъ гостиницы Тучковы переѣхали въ Елисейскія поля, заняли тамъ третій этажъ въ домѣ Фензи, а первый этажъ просилъ взять для него Александръ. Во второмъ этажѣ жила какая-то семья англичанъ. Наконецъ пріѣхали и Герцены. Встрѣча была самая радостная. Натали заняла комнату подъ комнатой молодыхъ дѣвушекъ. Онѣ провели на веревочкѣ маленькій

колокольчикъ изъ своихъ оконъ въ окно комнаты Натали. Она позвонитъ, онѣ бѣгутъ къ окну. Имъ ее надобно, онѣ дернутъ за веревочку,—она покажетъ свою головку въ окнѣ. Что за жизнь была,—прелесть! Онѣ только спали врознь.

Однако англичанкамъ, вдобавокъ пожилымъ, не совсѣмъ нравились русскія затѣи, и Алексѣй Алексѣевичъ частенько былъ на ихъ сторонѣ.

— Надо жить, но и другихъ не стѣснять,—говорилъ онъ со своей кроткой улыбкой.

Въ сущности онъ одинъ былъ между всѣми ими европеецъ.

Возвратившись изъ Италіи, Александръ Ивановичъ Герценъ наткнулся на 15-е мая. Потомъ осадное положеніе.

Узнавши, что въ предмѣстьѣ св. Антонія строятъ баррикады, Тучковъ, Герценъ и Са..... собрались и пошли туда. Натальѣ Алексѣевнѣ также хотѣлось идти съ ними, но они отклонили ее. Раздраженная ихъ безучастіемъ, она пошла къ Натали и звала ее съ собой, но та не рѣшалась оставить дѣтей.

— Еще не знаю, что съ Александромъ будетъ, да сама уйду,—а дѣти?... Ты, кажется, о нихъ никогда не думаешь.

Наталья Алексѣевна замолчала, но думала про себя: «Да развѣ мало дѣтей въ Парижѣ! Если бы всѣ родители такъ думали, всѣ бы сидѣли дома сложа руки».

Улучивъ минуту, она осторожно вышла одна на улицу. Сердце у нея сильно билось,—вдругъ ее догоняетъ Саша.

— И я съ тобой, Наташа.

— Нѣтъ, милый, сегодня не могу тебя взять,—нѣтъ, иди домой, мама будетъ безпокоиться о тебѣ,—въ Парижѣ стрѣляютъ, баррикады.

Она уговорила его вернуться и пошла одна. Улицы пусты, на Вандомской площади стрѣляли. Она перешла площадь въ страшномъ волненіи, исполненная восторга и чувства долга. Во всѣхъ переулкахъ стояли часовые—дальше ее не пустили, и она должна была идти домой.

Часовъ въ пять Александръ и Алексѣй Алексѣе-

вичъ вернулись; они хотѣли зайти за Анненковымъ и Тургеневымъ, но ихъ не пропустили. Анненковъ и Тургеневъ три дня не выходили изъ своихъ квартиръ и только посылали записки Александру, но записки ихъ съ трудомъ, и то не всѣ, доходили.

Всѣ были встревожены долгимъ отсутствіемъ Натальи Алексѣевны и хотѣли идти отыскивать ее, но вскорѣ она появилась, красная отъ волненья и палящаго солнца. Всѣ напали на нее, больше всѣхъ Наталья Александровна.

Съ 25-го на 26-е іюня всю ночь слышалась канонада. Къ утру она умолкла, только по временамъ трещала ружейная перестрѣлка и раздавался барабанъ. Улицы были пусты, по обѣимъ сторонамъ стояла муниципальная гвардія. На Place de la Concorde былъ отрядъ мобилей.

Александръ и Анненковъ отправились къ Мадленъ. По пути ихъ остановилъ кордонъ національной гвардіи, пошарили въ карманахъ, спросили, куда идутъ, и пропустили. Слѣдующій кордонъ за Мадленъ отказалъ въ пропускѣ. Они возвратились къ первому, тамъ тоже ихъ остановили.

— Да вѣдь вы видѣли, что мы тутъ шли?

— Не пропускать!—крикнулъ офицеръ.

— Что вы, шутите, что ли, съ нами?—сказалъ Александръ.

— Нечего толковать,—отвѣтилъ офицеръ:—берите ихъ.

Ихъ отвели во временную полицію. Тамъ старичокъ въ очкахъ и черномъ платьѣ, разспросивъ ихъ, въ чемъ дѣло, сказалъ:

— То-то, господа, видите, что значитъ неосторожность. Зачѣмъ въ такое время выходить со двора,—умы раздражены, кровь льется. Можете отправиться домой, только не мимо кордона. Я вамъ дамъ проводника, онъ васъ выведетъ въ Елисейскія поля.

«Нехорошо было въ Парижѣ, нехорошо было и у насъ,—говоритъ объ этомъ времени въ своихъ запискахъ Александръ.—Мы слишкомъ много видѣли, слишкомъ настрадались. Тишина и подавленность, наступившія послѣ ужасовъ, дали назрѣть всему тяжелому, запавшему въ душу».

Спустя мѣсяцъ, вечеромъ послышались правильные залпы съ небольшими разстановками и барабаннымъ боемъ.

Это разстрѣливали.

До осени Герцены были окружены своими. Анненковъ и Тургеневъ приходили къ нимъ каждый день. Но все глядѣло вдаль, всѣ собирались ѣхать.

Наканунѣ отъѣзда Тучковыхъ и Марьи Ѳедоровны Коршъ у Герцена собралось человѣка три-четыре близкихъ знакомыхъ.

Путешественникамъ надо было быть на желѣзной дорогѣ въ семь часовъ утра. Ложиться спать не стоило труда. Лучше хотѣлось провести вмѣстѣ послѣдніе часы. Сначала все шло живо, но мало-по-малу сдѣлалось всѣмъ не по себѣ, налитое вино выдыхалось, шутки не веселили. Отдернули занавѣсъ, лица освѣтились синеватымъ свѣтомъ.

Александръ былъ грустенъ; жена его сидѣла на небольшомъ диванѣ, передъ нею на колѣняхъ, скрывая лицо на ея груди, стояла младшая дочь Тучкова—«consuela de mi sua alma», такъ она звала ее. Consuela, которую любила страстно Наташа, ѣхала грустно въ деревню. Сестра ея, Елена, которую Натали звала своимъ пажомъ, печально стояла возлѣ.

Въ двухъ шагахъ отъ нихъ мрачно сидѣла Марья Ѳедоровна.

Она знала жизнь, во взорѣ ея было просто: «прощайте», а у дѣвушекъ: «до свиданья».

Герцены проводили ихъ на желѣзную дорогу и молча возвратились домой. Натали проплакала о своей Consuela всю дорогу. Дома прилегла отдохнуть. Александръ сталъ читать газеты. Читалъ и то, и другое, и фельетонъ, и смѣсь,—взглянулъ на часы, еще нѣтъ двѣнадцати...—«Вотъ такъ день!»—сказалъ онъ и пошелъ къ Анненкову: онъ тоже уѣзжалъ на-дняхъ, и они отправились гулять. Александръ пригласилъ Анненкова къ себѣ обѣдать. Вечеръ былъ безсвязенъ, глупъ.

— Итакъ, рѣшено,—спросилъ Александръ Анненкова:—вы ѣдете въ концѣ недѣли?

— Рѣшено.

— Жутко будетъ вамъ въ Россіи.

— Мнѣ ѣхать необходимо. Въ Петербургѣ останусь

недолго, уѣду въ деревню. Вѣдь и здѣсь не Богъ знаетъ что. Какъ бы вамъ не пришлось раскаиваться, что остаетесь.

Онъ могъ еще возвратиться.

Когда Анненковъ въ 1847 году уѣзжалъ въ Россію, у Александра еще не было образовано ни литературныхъ, ни политическихъ кружковъ; но онъ увлекался кипящими вокругъ него событіями и—остался.

И потянулся день за днемъ; сѣро, скучно... мелькомъ люди сближались на день, проходили мимо, исчезали, гибли.

Къ зимѣ стали являться изгнанники другихъ странъ.

Александръ чувствовалъ, видѣлъ, какъ ошибаются, но ему нравились эти ошибки. Онъ боролся съ собой, жилъ въ тревожномъ раздраженіи. Шатался отъ тоски то туда, то сюда, искалъ разсѣянія въ книгахъ, въ домашней жизни, въ людяхъ, и во всемъ чего-то недоставало. Смѣхъ не веселилъ, тяжело пьянило вино, музыка рѣзала по сердцу, бесѣда оканчивалась мрачнымъ молчаніемъ.

Предполагалось издавать журналъ — журналъ не удался, и Александръ все болѣе и болѣе сталъ удаляться въ небольшой кружокъ знакомыхъ. Кружокъ этотъ началъ пополняться появленіемъ новыхъ эмигрантовъ.

Утративши вѣру во все, Александръ хотѣлъ начать новую жизнь, спастись, скрыться отъ лишнихъ, надменно поставилъ заглавіемъ послѣдней статьи:—Omnia mea mecum porto. Съ fra da me моя лодка должна была разбиться—и разбилась.

Онъ уцѣлѣлъ, но безъ всего.

Въ это время холера свирѣпствовала въ Парижѣ; тяжелый воздухъ, безсолнечный жаръ наводили тоску.

Тургеневъ сбирался ѣхать изъ Парижа, срокъ квартиры его оканчивался; онъ пришелъ переночевать у Герцена. Послѣ обѣда Тургеневъ жаловался на духоту и пошелъ выкупаться. Возвратившись, онъ почувствовалъ себя еще хуже, выпилъ содовой воды съ виномъ и сахаромъ и легъ спать. Ночью онъ разбудилъ Герцена и сказалъ:

— Я пропащій человѣкъ, у меня холера.

У него, дѣйствительно, была тошнота и спазмы; по

счастью, онъ отдѣлался десятью днями болѣзни. Когда занемогъ Тургеневъ, Александръ отправилъ жену и дѣтей въ Ville d'Avray, гдѣ жила его мать съ меньшимъ внукомъ Колей и съ Марьей Касперовной Эрнтъ, впослѣдствіи Рейхель; Александръ остался съ нимъ одинъ. Стало Тургеневу лучше, Александръ также переѣхалъ въ Ville d'Avray.

По отъѣздѣ Тучковыхъ изъ Парижа, съ 1848 и 1849 года Наталья Александровна Герценъ до конца своей жизни *) постоянно переписывалась съ страстно любимой ею Consuel'ой и съ Огаревымъ.

Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ писемъ и между ними письма и приписки Александра къ Натальѣ Алексѣевнѣ Тучковой, впослѣдствіи Огаревой, и къ Огареву.

Когда Тучковы были за границей, Н. П. Огаревъ переписывался съ ними; чаще всего онъ писалъ меньшой дочери Алексѣя Алексѣевича — Натальѣ Алексѣевнѣ.

Въ одномъ изъ этихъ писемъ, между прочимъ, было сказано:

Письмо Огарева къ Натальѣ Алексѣевнѣ Тучковой.

...«Теперь вы видѣли такъ много произведеній искусства, великолѣпныхъ мѣстностей, столько движеній въ человѣческомъ обществѣ, что, надѣюсь, примете участіе въ жизни общественной и въ человѣчествѣ; создадите себѣ дѣятельность, которая заставитъ васъ жить дѣйствительною жизнью.

«Мелочамъ не поддавайтесь,—поддадитесь—онѣ поглотятъ.

«Я не могу видѣть хладнокровно, какъ ваше юное существованіе вмѣсто того, чтобы естественно развиваться, порою сбивается фальшивою грустью.

«Надѣюсь, путешествіе расположитъ васъ къ реальнымъ занятіямъ, какъ и должно быть въ ваши годы.

«Вы знаете мою дружбу къ вамъ и не захотите оставить меня безъ извѣстій о васъ.

---

*) Н. А. Герценъ скончалась въ 1852 году въ Ниццѣ.

«Разскажите мнѣ, какъ вы нашли Наталью Александровну.

«Прощайте, пишите мнѣ, какъ вамъ захочется. Н. О—въ».

Когда Тучковы возвратились въ село Яхонтово, Огаревъ сталъ попрежнему часто бывать у нихъ, а, уѣзжая въ свое имѣніе, переписывался съ Натальей Алексѣевной. Тонъ ихъ переписки мало-по-малу изъ дружескаго перешелъ въ страстный, а дружеская привязанность—во взаимную любовь.

Любовь эта у Огарева продолжалась до конца его жизни.

Герцены постоянно переписывались изъ-за границы съ Огаревымъ и съ Натальей Алексѣевной.

Изъ этихъ писемъ видна глубокая привязанность Натальи Александровны Герценъ къ юной Тучковой и участіе Герценовъ къ судьбѣ ея и Огарева.

Наталья Александровна Герценъ—Натальѣ Алексѣевнѣ Тучковой.

Парижъ, 1848 г.

«Съ тѣхъ поръ, какъ я тебя узнала, вопросъ о твоей жизни сталъ для меня наравнѣ съ самыми близкими, съ самыми необходимыми для меня вопросами. Рѣдкій день, я даже не знаю, бывало ли это, бывало ли, чтобъ я засыпала и просыпалась, не думая тревожно о тебѣ.

«Чувство, которымъ проникнута моя любовь къ дѣтямъ, проникло любовь мою къ тебѣ и сдѣлалось необходимымъ элементомъ моей жизни, вѣроятно, до конца ея. Встрѣча съ тобой внесла столько прекрасныхъ чувствъ въ душу.

«..... Если это нервный припадокъ, то онъ такъ долго продолжается, что я принимаю его за нормальное состояніе; тысячу разъ повторяю, что твое явленіе, чувство, возбужденное тобою во мнѣ,—дали мнѣ много наслажденій. Часто, среди самаго тяжелаго состоянія, воспоминанія о тебѣ успокаиваютъ, возвращаютъ силы, и я съ новой энергіей принимаюсь жить. Зато часто, точно холодная рука, сжимаетъ душу вопросъ: что я дала ей, что для нея сдѣлала? Я даю тебѣ себя, но

что же я? Разумѣется, лучше, чѣмъ ничего,—я бы хотѣла дать тебѣ самое тебя. Въ тебѣ такая бездна жизни, но какое произвольное самоуничтоженіе! Это страшно больно ставить во мнѣ вверхъ дномъ все. Столько жизни, души... и все это бросается. Въ тебѣ эта черта раздираетъ мнѣ душу. Это пройдетъ, да, пройдетъ, многое пройдетъ, все пройдетъ.

«Оскорбительно предоставлять жизни сдѣлать изъ себя, что̀ она захочетъ или что̀ ей случится; я бы хотѣла сдѣлать изъ жизни твоей, что̀ ты хочешь.

«Кому больше дано, съ того болѣе взыщется,—вникни въ глубочайшій смыслъ этихъ словъ Христа. Наконецъ, какъ человѣкъ, ты не имѣешь права уничтожать себя оттого, что окружающіе не удовлетворяютъ тебя. Что тебѣ до нихъ, развѣ ты не ты? Помоги имъ сочувствіемъ, снисхожденіемъ, если болѣе нечѣмъ, а бросать себя подъ ноги... Но довольно, дай руку; у меня слишкомъ много вѣры въ тебя, много любви.

«Не знаю, отдамъ ли я это письмо. Страшная потребность была написать то, что̀ написала;—зачѣмъ?

«А зачѣмъ солнце свѣтитъ, зачѣмъ дождь идетъ, зачѣмъ птица летитъ въ ту, а не въ другую сторону, да, зачѣмъ? Да зачѣмъ жизнь? Вотъ отвѣтъ. Твоя Natalie».

Александръ Ивановичъ Герценъ дочерямъ Алексѣя Алексѣевича Тучкова.

«1848 г.

«Вы спрашиваете записочку о книгахъ; ее составить не легко; вы перечли бо̀льшую часть книгъ, а потому вамъ придется зады твердить; тѣмъ не менѣе для полноты изученія жизни совѣтую заглянуть въ комедіи Бомарше; еще рекомендую вамъ Manon Lescaut, романы Жоржъ-Зандъ. Читайте безпрестанно Гёте, иногда Шиллера, читайте по выбору Вольтера и Дидро и больше ничего французскаго не читайте. Читайте Шекспира и Байрона. Если понравятся переводы съ древнихъ, займитесь исторіей; подробное изученіе какого-нибудь одного періода болѣе знакомитъ со всей

исторіей, нежели безъ толку сколоченные. Огаревъ можетъ указать такія монографіи. Очень рекомендую теперь заняться паденіемъ Рима; тутъ есть премилая книга Les Césars de Champigny; даже Низара Décadence—вамъ не будетъ скучно. А если будетъ, то возьмите что-нибудь по части естественныхъ наукъ, Milne Edwards'a или геологію Лейля. Потомъ опять за исторію. A propos, для паденія Рима необходимо потомъ ознакомиться съ двумятремя святыми отцами, напримѣръ, Василій Великій, Григорій Богословъ, Августинъ, Оригенъ—есть французскій переводъ.

«Вотъ вамъ на двадцать лѣтъ чтенія; потомъ, т. е. въ 1868 г., я напишу другую записочку. Книги, мною назначенныя, серьезныя, да вѣдь и время серьезное.

«А. Герценъ».

Наталья Александровна Герценъ—Натальѣ Алексѣевнѣ Тучковой.

«21-го декабря 1848 г. Парижъ.

«Consuela di mi alma, мое милое дитя, мой другъ Natalie, я это говорю такъ отъ души и со всею силою, со всею полнотою, со всею страстью, да, я люблю тебя ужасно! Твои письма дѣлаютъ для меня яснѣе мою любовь къ тебѣ; я ими счастлива, счастлива, если-бъ ты и не такъ меня любила. Въ Италіи было мое возрожденіе. Какъ хорошо было это время, какъ бы я хотѣла снова пережить его. Хотѣла бы солнца, жары, чтобъ кругомъ были горы и даль, и море было бы... и я обняла бы тебя крѣпко и унеслась бы съ тобою далеко и носилась бы долго-долго, а потомъ возвратилась бы домой—и дома мнѣ хорошо бы было. Я въ бреду, Natalie, и пишу тебѣ мой бредъ; ты сидѣла бы возлѣ моей постели, если-бъ была здѣсь со мною. Я утомлена физически и морально.

«Тата была больна; въ болѣзни ея была минута опасная; ты понимаешь, что̀ для меня должна была быть эта минута. Теперь она выздоровѣла, только еще капризничаетъ. Саша занемогъ, у нихъ интересы такъ разны, отъ этого ужасно трудно мнѣ одной удовле-

творить ихъ обоихъ вмѣстѣ, и при всемъ желаніи сдѣлать это, при всей любви, твердости, я не всегда достигаю, что̀ меня утомляетъ страшнымъ образомъ. Помощи искренней изъ любви нѣтъ, а она-то только и могла бы дать отдыхъ; помощь изъ долга утомляетъ еще болѣе. Мнѣ надоѣли китайскія тѣни; я не знаю, зачѣмъ и кого я вижу; знаю только, что слишкомъ много вижу людей, все хорошіе люди, и иногда, мнѣ кажется, я была бы съ ними съ удовольствіемъ, а слишкомъ часто — жизнь похожа на капель весною: капъ, капъ, капъ, капъ, Наташа—и весь день эта забота, я не могу сосредоточиться ни на одну минуту, разсѣяна такъ, что мнѣ иногда становится страшно больно. Приходитъ вечеръ, дѣти укладываются; ну, кажется, отдохну,—нѣтъ, пошли бродить хорошіе люди, и отъ этого пуще тяжело, что хорошіе люди. Но чувствую, будто дымъ кругомъ бродитъ, глаза ѣстъ, дышать тяжело, а уйдутъ—ничего не остается. Настаетъ завтра—все то же... Никому другому я бы этого не сказала,—примутъ за жалобу, подумаютъ: «недовольна жизнью»... Ты понимаешь, что это минутное негодованье, усталь; струя свѣжаго воздуха—и я воскресаю и переживаю цѣлую вѣчность въ одно мгновеніе, и все кажется такъ ничтожно передъ тѣмъ, чѣмъ я живу.

«Всѣ республики, революціи, все въ этомъ родѣ—мнѣ кажется чулочнымъ вязаньемъ; то же дѣйствіе производятъ на меня, ну, Кавеньякъ, Наполеонъ, тамъ еще не знаю кто—это спицы, на которыхъ нанизаны маленькія, маломалѣйшія петли, и вяжутся и вяжутся... нитки тонкія, гнилыя, тамъ порвется, здѣсь порвется, всѣ ахаютъ, кричатъ, бросаются поднимать, а петли рвутся и распускаются больше; узелъ на узлѣ—да какой грязный чулокъ-то! Какъ скучно смотрѣть на все это и какъ скучно слушать.—Журналовъ въ руки не беру, развѣ только «Эпоха», и чтобъ посмотрѣть, нѣтъ ли Spini на концѣ—это, мнѣ кажется, самое умное и интересное. Много я наговорила тебѣ о себѣ, давно ни съ кѣмъ такъ не говорилось, да и долго не будетъ говориться; я не считаю себя лучше другихъ, вѣрь мнѣ, а всѣ меня не такъ понимаютъ, да и дѣла никому нѣтъ понять такъ, ну, а ты—сама знаешь, что̀ ты. Я немногаго хочу, нѣсколько часовъ въ день себѣ, себѣ, т. е. чтобъ

я могла другому ихъ отдать, какъ я хочу,—остальное время я готова слушать, пожалуй. Перечитаю твое письмо. Зачѣмъ ты говоришь, что вы не можете писать—все, все, все непремѣнно!

«И зачѣмъ ты тамъ, а не здѣсь—иногда такъ надобно видѣть тебя. Мы бы жили просто, безъ особенной нѣжности, безъ жертвъ. Твоя Natalie».

«Вечеръ.

«Вотъ и помѣха! Я была одна дома, думала вечеръ провести съ тобой, моя Consuela. Пернатскій отнялъ его у меня,—устала, ложусь спать. Хотѣлось бы увидѣть тебя во снѣ, болѣе чѣмъ наяву. Да, я хотѣла бы, чтобъ ты тутъ была, а я уснула бы возлѣ тебя.

«Четвертый или пятый разъ принимаюсь за этотъ листокъ. Докторъ былъ и сказалъ, что Тата можетъ прогуляться; не болѣе десяти минутъ она была на воздухѣ, возвращается домой—у нея опять лихорадка, и я опять сижу у ея постели.

«Вотъ и жизнь,—если-бъ все говорить, что̀ проходитъ въ головѣ. Мнѣ иногда такъ страшно становится, глядя на своихъ дѣтей. Что за смѣлость, что за дерзость сдѣлать новое существо, заставить его жить—и не имѣть ничего лично для того, чтобъ сдѣлать жизнь его счастливой. Иногда я кажусь себѣ преступницей: легче отнять жизнь, нежели дать. Мой взглядъ упрощается все болѣе и болѣе,—вскорѣ послѣ рожденія Саши я желала, чтобъ онъ былъ великій человѣкъ; позже, чтобъ онъ былъ тѣмъ, другимъ... Тата меня позвала, ей сдѣлалось очень дурно».

Нѣсколько дней спустя Наталья Александровна Герценъ писала Натальѣ Алексѣевнѣ Тучковой:

«У Таты была тифозная горячка и воспаленіе въ животѣ,—докторъ пріѣзжалъ два раза въ день и въ одинъ день 4 раза; она была въ очень опасномъ положеніи. Александръ, попеременно маменька, Марья Касп. и Елиза, горничная, сидѣли со мной надъ нею день и ночь. Я смотрѣла на нее, и мнѣ было такъ тяжело, такъ невыносимо, Наташа, что я бы десять разъ умерла за нее,—теперь она выздоравливаетъ. Въ продолженіе этого времени Саша былъ нездоровъ. Я устала отъ жизни, рукѣ тяжело держать перо. Что-жъ я тебѣ скажу еще—мнѣ

хотѣлось въ это страшное время, чтобъ ты была тутъ. Я хотѣла сказать тогда, что теперь я ничего не хочу сдѣлать изъ дѣтей, лишь бы имъ жилось весело и хорошо—остальное все пустяки, все пустяки.

«Пиши мнѣ о себѣ все, все, даже какъ встрѣтили вашу старую няню, ужъ не говорю объ Огаревѣ; о немъ по листу, по цѣлому листу!..

«Ходите ли вы попрежнему гулять въ дремучіе лѣса и пьете ли чай до поздней ночи, какъ бывало? Да что̀ вы мало пишете мнѣ и о томъ, какъ кто показался изъ нашихъ; показался говорю я оттого, что узнать нельзя было въ такое короткое время. Какъ вы нашли вашихъ мужичковъ, здоровы ли они? и что школа? Какъ иногда хочется васъ видѣть, такъ иногда надобно—ну да, хочется, это-то и значитъ надобно; до сихъ поръ я не могу привыкнуть къ тому, что вы не со мною. Natalie».

Въ маѣ 1848 года Тата (дочь А. И. Герцена) заболѣла тифозной горячкой. Докторъ Райе почти ничего не дѣлалъ, ждалъ, слѣдилъ за болѣзнью и не слишкомъ обнадеживалъ. Видъ ребенка былъ страшенъ, ждали съ часа на часъ, что умретъ.

Натали дни и ночи не отходила отъ больной. Разъ ночью показалось ей, что Тата не дышитъ. Она лишилась чувствъ, Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ побѣжалъ въ аптеку за нашатырнымъ спиртомъ. Когда Натали пришла въ себя, тотчасъ спросила, что̀ Тата?—«Кажется, открыла глаза»,—сказала горничная Луиза. Александръ посмотрѣлъ на Тату. Онъ назвалъ ее по имени, она раскрыла глаза и улыбнулась.

Съ этой минуты она стала поправляться.

«Кто держалъ на рукахъ больного младенца и чувствовалъ, какъ онъ холодѣлъ, кто слышалъ его стоны, кто видѣлъ розовый гробикъ и бѣленькое платьице съ кружевами,—говорилъ Александръ:—тотъ при каждой дѣтской болѣзни будетъ думать: отчего же не быть и другому гробику вотъ на этомъ столѣ?»

«Несчастіе—плохая школа»,—справедливо замѣчаетъ Александръ. Человѣкъ, испытанный страданьемъ, боится снова перечувствовать рядъ щемящихъ мученій, рядъ замираній сердца. На другое утро этой же ночи онъ вышелъ пройтиться; на дворѣ было холодно.

Въ ранній часъ этого дня толпы народа покрывали бульвары, мальчишки продавали бюллетени съ крикомъ; слишкомъ пять милліоновъ голосовъ клали Францію къ ногамъ Людовика-Наполеона.

Наталья Александровна Герценъ—Натальѣ Алексѣевнѣ Тучковой.

«Утро.

«Выйду въ садъ, посмотрю на наши окна, хочется закричать: Natalie! Hélène! Посмотрю, посмотрю—и голову опущу и, сложа руки, пойду по дорожкѣ, и покажется мнѣ все такъ глупо и смѣшно, и слезы навертываются.

«Spini пишетъ: Quanto m'ha attristato l'udire il ritorno di m-elle Natali in Rossia, primo per quel caro angelo, poi per lei... Онъ убитъ всѣмъ тѣмъ, что дѣлается въ Италіи.

«Объ общемъ ничего особеннаго новаго и яркаго нельзя сказать. Старое зданіе приближается больше и больше къ разрушенію,—искусственныя подпорки долго не поддержатъ его, камни подняты вокругъ; иные совсѣмъ превратились въ песокъ, сыплются... Не только жить, даже участвовать въ созданіи новаго не удастся.

«Natalie».

«...Друзья, да зачѣмъ же васъ нѣтъ со мной. Все ждала отсылать это письмо, пока у насъ не успокоится, и я хоть сколько-нибудь приду въ себя; но, кажется, этого я не дождусь долго, а мнѣ хочется, чтобъ мое письмо пришло къ тебѣ къ Новому году,—это пустяки, но мнѣ хочется. Татѣ лучше, но выздоровленіе будетъ продолжительно. Саша все не очень здоровъ,—зима уничтожила все, что склеило лѣто. У него новый знакомый, его лѣтъ, сынъ Листа, но они видаются рѣдко. Листъ въ пансіонѣ. Я тебѣ пишу о немъ, потому что ты любишь его, и нельзя не любить, кто его коротко знаетъ,—благородная натура.

«Трудно жить, Наташа.

«Тургеневъ тебѣ кланяется, онъ у насъ всякій день; мы съ нимъ познакомились больше, я привыкла къ

нему—талантъ его развивается все больше и больше. Онъ тебя помнитъ и любитъ; комедія его скоро будетъ напечатана. M-me Віардо живетъ здѣсь. Горасъ съ семействомъ тебѣ кланяется. Я начну опять скоро писать тебѣ. Мнѣ жаль, что я не могу написать Еленѣ много; прочти ей или разскажи все, почему. Мы должны быть вмѣстѣ непремѣнно. Какъ я хотѣла бы быть въ деревнѣ, и чтобъ было солнце и тепло—и ты была бы тутъ, а вдали Везувій—устала я, Наташа.

«Обнимаю, прижимаю тебя крѣпко. Пиши мнѣ все подробно и скажи мой привѣтъ m-me P.

«Милый мой пажъ, моя Consuela, пріѣзжайте ко мнѣ, пріѣзжайте домой.

«Ваша, ваша, тысячу разъ ваша Natalie».

Наталья Александровна Герценъ „Тремъ голубымъ косыночкамъ“ *).

«Какъ бы хотѣлось хоть взглянуть на васъ, хоть дотронуться до васъ — нельзя! и скоро-ль будетъ можно? Но какъ далеко ни увезутъ васъ отъ меня, вы всегда будете со мною. И пусть жизнь уноситъ васъ дальше, дальше, лишь бы вамъ было лучше, пусть будетъ лучше до того, чтобъ вы меня могли забыть, я не забуду васъ; какъ стволъ дерева живетъ одною жизнію съ его вѣтвями, такъ ваша жизнь сливается съ моею во мнѣ. Отняли тебя у меня, моя Наташа! Будь тѣмъ, чѣмъ ты можешь быть. И ты, мой милый пажъ**), не унывай. Мнѣ отрадно думать, что вамъ будетъ хорошо; я такъ крѣпко въ это вѣрю.

«Тургеневъ бываетъ у насъ, онъ все еще хвораетъ.

«Ваша N».

«Я все жду хорошей погоды, хорошаго расположенія, покоя, простора, чтобъ писать тѣмъ, кому хочется писать,—и не дождусь, или это бываетъ такъ мгновенно, что я не успѣваю уловить. Яркій лучъ солнца освѣ-

*) Натали подарила мнѣ, сестрѣ моей и М. Ѳ. Коршъ по голубой косынкѣ при отъѣздѣ. *Н. О.*

**) Такъ N. звала мою сестру Елену. *Н. О.*

тилъ мое окно, и я инстинктивно взялась за перо. Не знаю отчего, Наташа, я все болѣе и болѣе сливаюсь съ природой.

«Не буду ждать ничего, а буду писать, когда случится. Сегодня у насъ (или, лучше, у васъ) Новый годъ. Вчера у насъ встрѣчали скучно, глупо, пусто. Наше общество теперь, какъ арлекинъ, ужасная пестрота; я люблю разнообразіе, а арлекиновъ не люблю. Двоетрое, это много, съ кѣмъ хочется поговорить немного; съ другими у меня дѣлается удушье. Въ ихъ присутствіи я чувствую только тягость существованья. Вотъ одна Емма, но въ ней много ненужнаго; я люблю ея мужа—широкая натура, съ нимъ мнѣ даже хорошо молчать, мысль не задѣваетъ за него, не спотыкается. Тургеневъ хорошій человѣкъ, съ нимъ легко, но ничего не остается послѣ него, а, можетъ, оттого, что ему до меня никакого дѣла нѣтъ, наше отношеніе легко, какъ мыльный пузырь. Все пишу вздоръ, когда же будетъ дѣло? Не знаю. Какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобъ ты была тутъ. Я не дивлюсь людямъ, что выносятъ Кавеньяка, Наполеона,—я дивлюсь, что выносятъ скверную погоду. У меня есть картинка, которая напоминаетъ тебя, я иногда долго смотрю на нее. Я тебя люблю, Наташа. Наташа, страшно вздумать, какъ измѣняется человѣкъ, какая разница между тою жизнію, которой я жила прошлой весной, и теперь; я не знаю, что̀ лучше, хуже, что̀ больше, меньше; знаю, что совсѣмъ другое, только такъ же мучительно и хорошо подчасъ; тогда я была все—теперь почти все. Тата безпрестанно возлѣ меня, безпрестанно мѣшаетъ мнѣ вспоминать это время, какъ вторую молодость, которая ярче, реальнѣе и богаче первой. А знаешь, я разъ подошла къ окну и увидѣла наши три звѣздочки; я почувствовала, что покраснѣла. «Natalie».

«24-го, среда.

«Нехорошій листокъ бумажки попался, да нужды нѣтъ: хочется писать тебѣ. Мнѣ станетъ всегда пусто и тяжело, отославши письмо, будто тотъ, кому писалъ, отдалился на тысячу верстъ. Ну, вотъ я пишу тебѣ и думаю, можетъ, теперь тебѣ не нужно меня, тѣмъ лучше! ты все-таки останешься самой близкой мнѣ жен-

щиной. Останавливаясь на тебѣ, я свободнѣе и спокойнѣе, будто опираюсь на тебя. Впрочемъ, мнѣ больно будетъ, когда ты перестанешь меня любить; я опять буду сиротой между женщинами—только въ тебѣ, Наташа, только въ тебѣ я нашла товарища, только такой отвѣтъ на мою любовь, какъ твой, могъ удовлетворить меня; я отдалась съ увлеченіемъ, страстно, а они всѣ такъ благоразумны, такъ мелки. Какъ бы я много хотѣла для тебя сдѣлать, но, думаю, тебѣ ничего не надобно теперь; пусть тебѣ принесутъ хоть искру удовольствія эти строки, дитя мое!

Иль у сокола
Крылья связаны,
Иль пути ему
Всѣ заказаны?..

«Какъ бы я хотѣла тоже иногда бѣгать по-мышиному, и чтобъ эта бѣготня меня интересовала, а быть такъ праздной, такъ праздной, среди этой суеты, среди этихъ необходимостей... а заняться тѣмъ, чѣмъ бы хотѣла, нельзя. Мучительно чувствовать себя въ дисгармоніи съ окружающимъ, существующимъ, — я не говорю о самомъ тѣсномъ, тѣсномъ кругѣ, — да еслибъ можно было въ немъ заключиться—нельзя! Хочется далѣе вонъ—хорошо было идти вонъ, когда мы были въ Италіи! а теперь—тридцать лѣтъ, и тѣ же стремленія, та же жажда, та же неудовлетворенность, да, это я говорю громко: та же неудовлетворенность! Наташа подошла на этомъ словѣ и такъ крѣпко меня расцѣловала, или я слишкомъ счастлива—la vie déborde... но—

Отчего-жъ на свѣтъ
Глядѣть хочется,
Облетѣть его
Душа просится?

«Наташа, только съ тобой я такъ могу говорить, ты меня поймешь, оттого что такъ же слаба, какъ я, но съ другими, кто сильнѣе и слабѣе, я бы не хотѣла такъ говорить, не хотѣла бы, чтобъ они слышали, какъ я говорю. Для нихъ я найду сюжетъ другой. Потомъ меня пугаетъ мое равнодушіе, такъ немногое, такъ немногое меня интересуетъ: природа—только не въ кухнѣ; исторія—только не въ камерѣ, потомъ семья, потомъ еще двое-трое, вотъ и все. А вѣдь какіе все добрые, какъ

занимаются моимъ здоровьемъ, коликой, глухотой. Прекрасный случай показать участіе.

«Странный человѣкъ Тургеневъ. Часто, глядя на него, мнѣ кажется, что я вхожу въ нежилую комнату—сырость на стѣнахъ, и проникаетъ эта сырость тебя насквозь, ни сѣсть, ни дотронуться ни до чего не хочется, хочется выйти поскорѣй на свѣтъ, на тепло. А человѣкъ онъ хорошій».

«27-го января.

«Силъ недостаетъ смотрѣть на предсмертныя судорги этого старца, самая продолжительная жизнь такъ коротка—самоотверженіемъ ничего не сдѣлаешь, развѣ докажешь пословицу: на людяхъ и смерть красна; но довольно умирать, хотѣлось бы жить—я бы бѣжала въ Америку. Наташа, чему мы повѣрили, что̀ мы приняли осуществленнымъ, то было только пророчество, и пророчество очень раннее. Другъ, какъ тяжело, какъ безотрадно; мнѣ хочется плакать, какъ ребенку. Что̀ личное счастіе, богатство, истина жизни, мечта—вѣдь общее какъ воздухъ обхватываетъ тебя, а этотъ воздухъ исполненъ предсмертнымъ, заразительнымъ дыханіемъ».

«1-го февраля.

«Наташа, Наташа, если бы ты знала, другъ мой, какъ темно, какъ безотрадно за порогомъ личнаго, частнаго! Если бы можно было заключиться въ немъ и забыться, забыть все, кромѣ этого тѣснаго круга! Невыносимо броженіе, котораго результатъ будетъ черезъ нѣсколько вѣковъ; существо мое слишкомъ слабо для этихъ соображеній.

«Я птичкой быть желаю...»

«Нѣтъ, цвѣткомъ,—нѣтъ, ароматомъ, только ароматомъ цвѣтка; я желаю имѣть такъ мало силъ, чтобъ не чувствовать своего существованія, когда я его чувствую—я чувствую всю дисгармонію существующаго.

«Спини посланъ въ Туринъ, можетъ, весной будетъ здѣсь. А ты когда будешь? Какъ бы я хотѣла тебя здѣсь видѣть! Натали Г—ъ».

Николай Платоновичъ Огаревъ—Натальѣ Алексѣевнѣ Тучковой.

«Утро 7-го декабря.

«Я получилъ ваше письмо. Благодарю, благодарю, милый другъ. Въ этомъ письмѣ столько дружбы (я думаю, почти столько же, сколько во мнѣ къ вамъ, если можно мѣрить чувство) — оно было для меня благотворно.

«Что мы сдѣлали шагъ къ дружбѣ—я въ этомъ не сомнѣваюсь. Зачѣмъ вы думаете, что я надъ этимъ улыбнусь? Я это понялъ, когда мы ѣхали къ Корсакову, и еще больше съ тѣхъ поръ, какъ васъ не вижу. Во мнѣ растетъ необходимость васъ видѣть. Стало-быть, наша дружба должна, дѣйствительно, сдѣлаться неразрывной. Я писалъ Герценамъ, что желалъ бы ихъ видѣть, чтобы около меня были вы, они и Грановскій; для моего личнаго счастья этого довольно.

«Вы жалѣете прошедшій годъ?—годъ юности, говорите вы, гдѣ вы были счастливы, не разсуждая; а я такъ не жалѣю прошедшій годъ; я васъ лучше люблю нынѣшній годъ, потому что вы теперь не ребенокъ; а такъ какъ я много старше васъ, то между нами устанавливается болѣе равенства,—теперь вы развили въ себѣ тѣ симпатичные элементы, которые привязывали меня къ вамъ, ребенку, котораго я былъ почти наставницей *).

Теперь вы не ребенокъ, и я васъ люблю въ нынѣшнемъ году лучше. То, что я чувствую къ вамъ, мнѣ слишкомъ дорого, чтобъ я жалѣлъ прошедшее».

«Акшено. Утро 8-го декабря.

«Видѣлъ васъ во снѣ. Не помню хорошенько, что и какъ, но чувствовалъ во снѣ, что мнѣ везетъ счастье. Другъ мой, съ развитіемъ нашей дружбы для меня наступила эпоха новая. Не смѣйтесь. Такое чувство личнаго счастья было мнѣ до сихъ поръ неизвѣстно. Я началъ вѣрить въ мою звѣзду, если можно выразиться такимъ слогомъ. Вѣрю въ счастье, а боюсь, чтобъ что-

*) Тучковы звали шутя Огарева m-lle Nicolas.

нибудь внезапное не разрушило его, не то, чтобъ разрушило, а помѣшало нѣкоторое время спокойно чувствовать все наслажденіе симпатіи. Скажу больше: я увѣренъ, что придетъ время, когда захотятъ разлучить насъ. Тогда надо будетъ много мужества, много рѣшимости. Вѣрю, у насъ достанетъ силъ, не хотѣлось бы; дайте вздохнуть отрадно. Говорятъ, у меня нѣтъ характера, это еще увидимъ».

«Акшено. Вечеръ.

«Вчера я вамъ послалъ письмо, огромное, съ письмомъ Натали Герценъ и разными ненужными книгами. Вмѣстѣ съ тѣмъ письмо для отсылки вашему отцу въ Пензу.

«Я не удовлетворился письмомъ Герцена и, вспомнивъ данное мнѣ право, прочелъ письмо Наташи. Пожалуйста, не дѣлайте недовольнаго лица. Ну, простите меня, простите! Я не выдержалъ,—вспомните, что вы и они для меня—все. Я не читалъ только ваше. Мнѣ кажется, я имѣю на то право, потому что люблю васъ, какъ Натали васъ любитъ,—нѣтъ, больше. Я не знаю, сколько я васъ люблю—это невыразимо. Какъ я благодаренъ Натали за письмо къ вамъ, и письмо и она мнѣ такъ симпатичны—ну, какъ вы сами. Зачѣмъ у насъ, т. е. у Натали, у васъ и у меня, жажда свободы совпадаетъ съ желаніемъ уединенія? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, и хорошіе люди мѣшаютъ жить? Вѣдь это жалко, другъ мой, жалко. Да зачѣмъ же хорошіе люди этого не понимаютъ? Вѣдь если бы мы съ вами жили вмѣстѣ, такъ просто иной разъ я сказалъ бы: «Consuela, хочу остаться одинъ»,—вамъ показалось бы это просто и нисколько не оскорбительно. А хорошіе люди косо посмотрятъ, какъ имъ это скажешь. Два ряда людей,—говорилъ нѣкогда Гофманъ: Gute Leute und schlechte Musikanten, und schlechte Leute, aber gute Musikanten. Мы schlechte Leute, мы ни съ кѣмъ, кромѣ насъ, не уживемся. А музыкальнаго въ насъ много, право, много. Хотѣлъ сказать много, а сказалъ мало! Усталъ! Четвертый часъ, все тихо, но эта тишина всегда меня тревожитъ. Люди поступаютъ иногда, какъ беззубыя собачонки,—не ждешь, а все, того и гляди, укусятъ. Прощайте, до завтра, дайте ручку».

«Боже мой, m-lle Consuela, только проснулся и сталъ писать вамъ quasi-германскую диссертацію, которая вѣдь собственно была назначена для Герцена и, вѣроятно, надоѣла вамъ. Вы еще полны письмомъ Натали, ея любовью къ вамъ. Я думаю, вамъ въ эту минуту хорошо! Сторона чувства сильнѣй захватываетъ человѣка, чѣмъ метафизика. Довольно вашей симпатіи къ Натали, чтобъ жить было хорошо и умереть бы не хотѣлось! У меня больше, чѣмъ когда-нибудь, ожили мечты, что будущая осень застанетъ насъ четверыхъ въ Акшенѣ *). Мнѣ хотѣлось бы, хотя на нѣсколько дней, этой полноты отношеній и любви. Можетъ, въ жизни лучшей минуты не будетъ, развѣ на баррикадѣ. Не забудьте, что если намъ суждено погибнуть на баррикадѣ, то я съ вами a duo хочу погибнуть, т. е. хотѣлъ бы... Да! въ минуту смерти я хотѣлъ бы полной жизни! До свиданья! будетъ писать! Что я въ самомъ дѣлѣ не работаю. Сейчасъ примусь за дѣло. А сегодня будетъ письмо отъ васъ! Мнѣ на васъ посмотрѣть хочется».

«Утро

«Перечелъ ваше письмо; благодарю за страничку, писанную 1-го января. Мнѣ хорошо, когда вамъ безъ меня грустно. Знать, что вамъ безъ меня грустно—для меня счастье! а вы сомнѣваетесь, что оживили меня? Это не гордое чувство того, что будто бы: «je vous ai fait du bien»; я ожилъ, чувствуя, что вы меня любите. Мнѣ необходимо, чтобъ вы меня много любили. Если-бъ было не такъ, я, несмотря ни на какія хозяйственныя дѣла, уѣхалъ бы чортъ знаетъ куда, уѣхалъ бы убитый горемъ, и не надо бы мнѣ въ жизни ничего. А теперь я живу и чувствую, что мнѣ хорошо и тепло на свѣтѣ и жить хочется, и я счастливъ. Намъ надо разлучаться какъ можно рѣже и не надолго. Будь моя воля,—я никогда бы съ вами не разстался. Чего я въ день ни передумаю? Иной разъ я съ вами у Герценовъ, другой разъ я васъ спасаю отъ всѣхъ, и мы живемъ вдвоемъ, не знаю гдѣ, въ какой странѣ, но такъ хорошо. Чувствуешь, что глупо грезить, а оторваться невозможно.

*) Деревня Н. П. Огарева.

«Вечеромъ я сѣлъ къ фортепьяно, думалъ о васъ и о музыкѣ (пусть это будетъ нераздѣльно), и мысль моя уносилась въ другой міръ. Я не игралъ, но облокотился на фортепьяно и закрылъ глаза, мнѣ представилась весна и лѣсъ. Я вспомнилъ мысль, которая давно вертѣлась у меня въ головѣ. Лирическая поэма. Содержаніе вотъ какое. Съ разсвѣтомъ я иду въ лѣсъ. Все начинаетъ мало-по-малу пробуждаться. Солнце, листья, цвѣты, покрытые росою, птицы, насѣкомыя. И я иду среди этого пробуждающагося міра. Кругомъ картины, звуки. Полдень, жарко. Я отдыхаю въ тѣни. Сквозь деревья видно синее небо, взоръ тонетъ въ немъ, а кругомъ звуки, мельчайшіе голоса, лѣсная тишь. Потомъ буря. Буря въ лѣсу, это что-то величавое. А потомъ тишина, позднее солнце и ароматъ. Я выхожу изъ лѣса въ лунную ночь. Путь оконченъ. Видна деревня. Все тихо, торжественно, пустынно.

«Давно вожусь съ этою мыслью. Думалъ сдѣлать въ стихахъ, потомъ symphonie для музыки. Подумалъ о Іоаннисѣ—и сказалъ: нѣтъ! Почувствовалъ свое безсиліе. Не думайте, что я отказался отъ искусства, отдаваясь наукѣ, нѣтъ! талантъ исчезъ. Поэму эту я переживу въ дѣйствительности лѣтомъ и ничего не напишу. Вѣдь жить тоже oeuvre d'art! А между тѣмъ для того, чтобъ быть музыкантомъ, отдалъ бы всю жизнь, прожитую безъ васъ. Теперь же ни клочка изъ жизни не отдамъ».

«Акшено.

«Сегодня прочелъ комедію Тургенева. Сколько наблюдательности, таланта, граціи! Я убѣжденъ въ будущности этого человѣка. Онъ создастъ что-нибудь важное для Руси. А какъ онъ васъ любитъ! Кончилъ первую часть романа Некрасова. Тамъ послѣдняя сцена, прощанье Каютина съ Полинькой. Это изъ сердца и изъ жизни вырвано! просто, живо!

«До сихъ поръ я, со всѣмъ запасомъ любви, не умѣлъ любить ни одной женщины. Любилъ часто, недолго... Одну любилъ долго, но тутъ виной удивительная изящность, красота. Симпатіи между нами ни на грошъ, кромѣ ея дружбы ко мнѣ—можетъ, изъ благодарности. Все это прошло, къ счастью! А скажите въ самомъ

дѣлѣ, вы ко мнѣ имѣете столько дружбы, что и я и Натали для васъ смѣшиваются въ одно лицо? M-lle Consuela! si je pouvais me divorcer d'avec ma femme, il faudrait nous marier; votre père aurait été tranquille et vous auriez été complétement libre. Объ этомъ можно подумать, вы будете свободны, счастливы... А я... это все равно! Безъ всякихъ пожертвованій, я буду счастливъ вашимъ счастьемъ.

«Вашъ отецъ писалъ мнѣ грустное письмо, тѣмъ грустнѣе, что онъ старался быть негрустнымъ. Я чувствую, что я его люблю. Но зачѣмъ же внутреннее сознаніе своего человѣческаго достоинства заставляетъ приходить къ заключенію, что сколько бы тяжело ни было,—примиряющихъ тенденцій мало. Il faut battre en brèche ou combattre à mort. Я понимаю, какъ St. Just возводилъ на эшафотъ лучшихъ друзей, а между тѣмъ сердце надрывалось. Попробуемте его успокоить нѣкоторое время. А потомъ я серьезно возьмусь за прежнее предложеніе. Дайте мнѣ сѣсть противъ васъ въ моей лабораторіи. Дайте мнѣ вашу руку, дайте сказать, что люблю васъ безмѣрно...»

Наталья Александровна Герценъ—Натальѣ Алексѣевнѣ Тучковой.

«17-го сентября 1848 г. Парижъ.

«Я и дѣти здоровы. Мы живемъ на той же квартирѣ, можетъ, перейдемъ въ тѣ комнаты, гдѣ вы жили. Съ недѣлю тому назадъ мы собрались совсѣмъ въ Италію и... и остались. Анненковъ давно уѣхалъ; онъ не привезетъ вамъ портретовъ, а привезетъ ихъ вамъ Селивановъ. Тургеневъ все время жилъ на дачѣ,—пріѣзжалъ въ Парижъ на минутку и сейчасъ занемогалъ. Недавно онъ былъ здѣсь,—мы видѣлись съ нимъ въ театрѣ и какъ-то теплѣе, чѣмъ прежде. Я передала ему все, что ты поручила, Natalie; онъ сказалъ, что часто вспоминаетъ тебя, что яркими красками описалъ тебя тамъ, гдѣ онъ находится. Онъ говоритъ, что ему весело и хорошо.

«Эмма*) васъ помнитъ и много любитъ; мы видимся довольно часто и всегда говоримъ о васъ. Зачѣмъ же вы не прислали вашего письма къ ней? Мало женщинъ, съ которыми мнѣ такъ хорошо, какъ съ ней; она похожа на свѣжую ключевую воду, бьетъ безъ пѣны, но энергично. Георгъ бываетъ часто у Наташи; они питаютъ другъ къ другу болѣе, чѣмъ дружбу».

(Приписка Александра Ивановича Герцена). «Дайте вашу руку и вы, и вы, мы много помнимъ о васъ, потому что много любимъ. Мы мало пишемъ—оттого что хочется писать очень много. Здѣсь такая скука и тоска, что, я думаю, скоро люди будутъ топиться въ Сенѣ. А. Герценъ».

Наталья Александровна Герценъ—Натальѣ Алексѣевнѣ Тучковой.

«8-го ноября 1848 года.

«Друзья мои, давно нѣтъ вѣсти отъ васъ—не знаю, когда дойдетъ до васъ это письмо. А я все жду васъ, пріѣзжайте. Теперь вамъ хорошо, пока съ вами Огаревъ, счастье да воля будетъ, а тамъ что? А что такое счастье? Какъ будто оно есть, какъ будто оно что-нибудь. Ну, что-жъ вамъ сказать новаго? живемъ мы теперь на бульварѣ Madelaine.

«Новое знакомство у насъ, Marie Ogareff и Воробьевъ—Marie я знала и не знала, теперь начинаю ее узнавать: бездна хорошаго въ этой натурѣ, бездна—и что̀ сдѣлала съ ней жизнь... Я люблю ее, и нельзя не любить, но мучительно ее знать; Воробьевъ теплый, благородный юноша; мы часто видаемся. Что̀ дѣлается въ Божьемъ мірѣ, о томъ мнѣ говорить не хочется, какъ-то примелькались революціи, возмущенія, опошлились: liberté, fraternité, égalité—все это пустяки. Надняхъ мы читали съ Александромъ Monuments primitifs de l'église chrétienne. Если-бъ перемѣнить chrétien и сказать socialiste, такъ можно бы принять письмо Плинія къ Троянамъ за статью въ нынѣшнемъ

*) Жена германскаго поэта Гервига.

журналѣ, — далеко ушло человѣчество! Точь-въ-точь такія же преслѣдованія за человѣческія понятія, какъ 17 столѣтій тому назадъ; разница только въ томъ, что теперь не увлекались въ другую крайность, не экзальтація, а простое человѣческое требованіе, естественное, и за него-то такъ же преслѣдуютъ въ 19-мъ столѣтіи, какъ преслѣдовали за фанатизмъ въ 1-мъ!.. И какое слабое сопротивленіе!.. Что-жъ, что рѣки крови льются, бо́льшая часть не знаетъ, за что умираетъ, бо́льшая часть не знаетъ своихъ нуждъ, а бѣгутъ, какъ бѣгутъ бараны при ударѣ кнутомъ пастуха,— человѣкъ становится человѣчественнѣе, а поколѣнія потребляются на выработку его безъ счета и безъ мѣры; кровавый, мучительный процессъ! да Богъ съ нимъ, тутъ помочь нельзя, сдѣлать его легче, сноснѣе невозможно; сострадать ему напрасно и не сострадать невозможно.

«Хочу жить, жить своей жизнью, жить, насколько во мнѣ жизни; искать ея внѣ—пустота, вообще, друзья мои, страдать—пустота, да и искать наслажденія тоже; надо жить, сколько живется. Дома у меня хорошо, только васъ нѣтъ.

«Саша вмѣсто гимнастики зимой будетъ учиться столярному мастерству и, можетъ, физикѣ. Музыка идетъ хорошо, это меня утѣшаетъ.

«Что дѣлаете вы? пишите, пишите. Обнимаю васъ обѣихъ и съ вами вмѣстѣ Огарева. Поклонитесь или засвидѣтельствуйте мое почтеніе Алексѣю Алексѣевичу, вѣдь я люблю его. Татьяна Алексѣевна Астракова мнѣ писала, что она васъ очень полюбила и желала бы, чтобы вы пріѣхали зимой,—ждетъ писемъ отъ васъ.

«Прощайте, мои милыя. Ваша, тысячу разъ ваша

«Natalie».

Наталья Александровна Герценъ—Натальѣ Алексѣевнѣ Тучковой.

«Сейчасъ получила ваше письмо отъ 2-го февраля. Я держу перо въ рукахъ и думаю о васъ, и льются слезы, и хочетъ грудь разорваться, такъ тѣсно въ ней

тому, что̀ въ ней. Дѣти смотрятъ на меня съ удивленіемъ и спрашиваютъ: «что съ тобой, мама?»

«Моездоровьетакъплохо, что я не могу рѣшительно ѣхать къ вамъ; пріѣзжайте вы непремѣнно. Неужели это правда? А? и мы вмѣстѣ пойдемъ, помнишь, по темной аллеѣ, Наташа, гдѣ намъ предлагали пять франковъ, глупость! Плачу и смѣюсь, ну, что̀ вы сдѣлали со мной?

«Александръ сдѣлалъ все, что̀ можетъ, т. е. Александръ и я, но ты знай, Огаревъ *), что Марья Львовна послѣднее время вела себя невыразимымъ образомъ отвратительно: трезваго часа не было; Александръ ей замѣтилъ это, она разсердилась и возненавидѣла его и меня, перестала къ намъ ходить и стала насъ бранить; это погибшее, но не милое созданье. Пока прощайте, Огаревъ и Наташа. Ваша Natalie».

Александръ Ивановичъ Герценъ — Николаю Платоновичу Огареву.

«10-го іюня. Парижъ.

«Я думаю, для полнаго воспитанія моего скептицизма только недоставало этого мора, и еще разъ Франція отличилась.

«Помнишь холеру въ Москвѣ въ 1831 г., сколько было благородныхъ усилій, сколько мѣръ: временныя больницы, люди, шедшіе добровольно въ смотрители, и пр. Здѣсь правительство не сдѣлало ничего, общество ничего, болѣзнь продолжалась два мѣсяца,—вдругъ жары неслыханныя (въ тѣни 30—32°), и Парижъ покрылся трупами. Ни мѣстъ въ больницахъ, ни даже дрогъ для труповъ—трупы лежатъ въ домахъ два-три дня.

«Мы переѣхали наконецъ на нѣсколько дней въ «Ville

*) Около этого времени Н. П. Огаревъ хлопоталъ о разводѣ съ женой, которая давно оставила его и жила въ Парижѣ съ извѣстнымъ художникомъ Воробьевымъ. Изъ писемъ Герценовъ видно, что какъ Александръ Ивановичъ, такъ и Натали въ Парижѣ видались съ его женой, старались уладить разводъ, но успѣха не было. Повидимому, неправильный образъ жизни разстроилъ здоровье Марьи Львовны (жены Огарева), и она вскорѣ умерла, а Огаревъ женился на Н. А. Тучковой. *Т. П.*

d'Avrau». У меня на квартирѣ въ Парижѣ Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ занемогъ холерою, чуть не умеръ, однако отходился; ахъ, братъ Огаревъ, какъ сохнетъ умъ и сердце и какъ жирнѣетъ тѣло отъ всего этого. Мнѣ иногда кажется, только бы увидаться съ вами,— а тамъ—будто не все равно, все глупо, все безвыходно, все безумно.

«Ты воображаешь, что я по вкусу, а не по необходимости всякій разъ обращаюсь къ древнему Риму въ эпоху его разложенія—нѣтъ, сходство такъ велико, что вмѣсто цѣлыхъ диссертацій стоитъ намекнуть на какое-нибудь имя, событіе того времени—и мысль не только ясна, но конкректна. Такъ пришло мнѣ теперь въ голову положеніе философовъ въ III столѣтіи; у нихъ ускользнуло настоящее и будущее, съ прошедшимъ они были во враждѣ, они скорбно смотрѣли на разрушающійся міръ и на водворяемый.

«Я давно какъ-то писалъ о нихъ и заключилъ тѣмъ: «Кружокъ ихъ становился тѣснѣе и тѣснѣе—съ язычествомъ у нихъ не было ничего общаго, кромѣ образа жизни, христіанство было недоступно ихъ свѣтской мудрости. Земля исчезала подъ ихъ ногами—и они утѣшались только мыслью, что они правы, участіе къ нимъ стыло—имъ оставалось гордо дожидаться, пока разгромъ захватитъ и ихъ; они умѣли умирать, не накупаясь (?) на смерть и безъ притязанія спасти міръ или прославиться; они гибли безучастно къ себѣ; они умѣли, пощаженные смертью, завертываться въ тогу и молча досматривать, что станетъ съ Римомъ. Одно благо оставалось этимъ иностранцамъ своего времени—утѣшительное сознаніе, что они, понявъ свою истину, остались вѣрными ей, не испугались ея, ибо истина страшна. Спокойная совѣсть и два-три друга, за неимѣніемъ одного, который стоилъ бы троихъ (это комплиментъ тебѣ), хорошее бургонское (à grogos, я изобрѣлъ и ввелъ въ употребленіе пить огромное количество Nuit или Помаръ отъ холеры, и очень удачно); вчера у меня Николай Ивановичъ Сазоновъ укралъ бутылку цѣлую, а здѣсь достать нельзя, я даже разсердился. Кстати, займись его дѣлами, я, вообще, въ послѣднее время гораздо довольнѣе имъ.

«Твое письмо въ три строки, разумѣется, давно полу-

чилъ; какъ не стыдно, что ты не написалъ ни строки потомъ о твоемъ дѣлѣ.

«Кстати, напиши непремѣнно прислать микроскопъ, мы торопили, торопили мастера.

«Natalie, дайте вашу руку или, лучше, просто позвольте васъ поцѣловать. А. Герценъ».

Наталья Александровна Герценъ—Натальѣ Алексѣевнѣ Тучковой.

«Ville d'Avray. 12-го іюня 1849 г.

«Давно не писала тебѣ, моя Наташа, писать не хочется и недостаточно, думаю о тебѣ много, люблю тебя еще больше. Иначе быть не можетъ, ты одна изъ лучшихъ живыхъ нитей бытія моего. Сплети нѣсколько шелковинокъ, потомъ выдерни одну изъ нихъ, и ты увидишь, что̀ стало бы со мною, если-бъ тебя, т. е. мою любовь къ тебѣ, отнять у меня».

А. И. Герценъ—Н. П. Огареву.

«Суббота.

«Любезный другъ, я начинаю рѣшительно убѣждаться, что Марья Львовна безумная, т. е. не par manière de dire, а въ самомъ дѣлѣ. Она обругала m-me Георгъ, она даже тебя не пощадила, о ней и говорить нечего. Но что̀ всего замѣчательнѣе, она кое-что знала и не черезъ насъ; мнѣ кажется, что Авд. Яковл. пописываетъ не одни романы. Впрочемъ, Марья Львовна притомъ такъ лжетъ, что не знаешь, чему вѣрить. Я постараюсь всемѣрно, чтобъ она не вступила въ переписку съ тобой, но удастся ли—не знаю. Какъ глубоко жаль, что ты не послушался меня—я чувствовалъ, что много дурного выйдетъ изъ этого опыта; по сію минуту не вижу границы, на чемъ она становится, эта грязная Messaline d'un carrefour, она говоритъ, что разочтется за всѣ прошлыя горести, etc., etc. Прощай. Тяжело, грустно. Какой чадъ, всѣ люди свихнулись.

«Д. Круповъ (Искандеръ)».

«Сократъ слабъ и безхарактеренъ. Я тебѣ ставлю въ обязанность тотчасъ отвѣчать; я только твоего отвѣта буду здѣсь ждать; къ 1-му мая я его долженъ получить.
«А. Герценъ».

«18-го апрѣля.

«Я старѣюсь не по днямъ, а по часамъ—прожить бы съ вами, порадоваться на васъ—и вдаль, вдаль, въ глушь. Намъ необходимъ вашъ отвѣтъ, что, и какъ, и когда, и куда. Сію минуту пишите. А. Герценъ».

Наталья Александровна Герценъ—Натальѣ Алексѣевнѣ Тучковой.

«Вы должны знать, какъ я провела день, въ который получила ваше письмо. Оно меня не удивило (я удивляюсь, что вы такъ долго не присылали этого письма), не удивило, а потрясло ужасно; день былъ чудесный, я одѣлась, надѣла бѣлыя, чистыя перчатки, не могла дождаться другихъ, пошла гулять, накупила цвѣтовъ, отнесла ихъ Эммѣ; мнѣ хотѣлось весь свѣтъ усыпать цвѣтами, взяла съ собой Георга и пошла съ нимъ по Champs Elysées. Это единственные люди, съ которыми я не могла не подѣлиться тѣмъ, что происходило во мнѣ. Александръ пошелъ-было хлопотать по вашему дѣлу. Эмма въ постели, у нея родилась дочь Ада. Ну, такъ вотъ и пошли мы съ Георгомъ, веселые, какъ дѣти, дѣлали тысячу плановъ, шли, шли и пришли въ погребокъ и выпили съ нимъ съ радости бутылочку. Я смотрю на все съ гордостью,—республика и публика мнѣ кажутся вздоромъ,—у меня почти нѣтъ желаній, хотѣлось бы погулять съ вами въ хорошенькомъ мѣстѣ и только. Твоя Natalie».

«15-го марта 1848 г.

«Съ тѣхъ поръ, какъ мы получили ваше письмо, я чувствую постоянно удивительный bien être. Кажется, все лучше пошло, я больше дома на этомъ свѣтѣ, да и умирать будетъ спокойнѣе—одна изъ самыхъ живыхъ сторонъ моего бытія устроена.—Смѣшно, а не могу писать—мнѣ такъ хорошо, что я не нахожу ничего

лучше и нужнѣе этого сказать. И досадно мнѣ на себя, что̀ за ребячество; ну, что̀ подумаютъ обо мнѣ умные люди,—но я хочу быть глупой т а к ъ.—Когда я думаю, что мы будемъ вмѣстѣ, мнѣ становится страшно, понимаешь, такъ хорошо, что даже страшно. Но я не хочу васъ видѣть, хотѣть значитъ требовать. Итакъ, моя Consuela, посмотри на меня, дай мнѣ посмотрѣть на тебя—и довольно. Тебя, Огаревъ, я всегда любила ужасно и думала, что нельзя больше любить, а вотъ за нее полюбила еще больше.

«14-е. Жизнь хороша, моя Наташа, не правда ли? Какъ бы я хотѣла с л ы ш а т ь это отъ тебя. Замутить, замутить на душѣ, вспомнишь о васъ, и хорошо станетъ. Спасибо вамъ! А ты помнишь, что мы назначали свиданье въ Неаполѣ?

Wage du zu irren und zu traennen.

«Жму тебя къ груди, моя Consuela; будь счастлива—ничего больше не хочу отъ тебя».

«5-го апрѣля.

«Вчера мы получили письмо отъ М. Ѳ. Она пишетъ, что видѣла Огарева и тебя, Наташа, и что ты весела, что ты ей говорила, что хорошо жить на свѣтѣ. Хотѣлось бы мнѣ увидѣть тебя веселою, услышать отъ тебя, что хорошо жить тебѣ, и разстаться потомъ, если это надобно, а видѣться хоть на одинъ часъ хотѣлось бы. Давно отъ васъ нѣтъ извѣстія, мнѣ это иногда такъ тяжело. Сегодня я видѣла Огарева во снѣ грустнымъ—и мнѣ стало грустно, но вѣдь это пустяки. Вы пишите мнѣ только иногда, что вамъ продолжаетъ быть хорошо.

«А что̀ здѣсь дѣлается, Наташа, чего и чего ни перечувствовали мы здѣсь!»

«7-го, суббота, рано утромъ.

«Можетъ-быть, сегодня же можно будетъ послать это письмо; вчера получено ваше и вчера вечеромъ говорили съ Воробьевымъ, онъ вчера же долженъ былъ говорить съ ней, сегодня Александръ идетъ къ нему узнать, можно ли надѣяться (Воробьевъ не слишкомъ обнадеживалъ), или я сама сейчасъ же отправлюсь и надежды не теряю, лишь бы она пустила меня къ себѣ,

я не думаю, чтобъ она захотѣла непремѣнно помѣшать тебѣ; но это зависитъ отъ минуты, а не отъ нея, такъ поди же, лови минуту. Все, что только возможно, будетъ сдѣлано. Вѣдь мнѣ жаль и Алексѣя Алексѣевича, жаль ужасно—я хотѣла бы устроить, чтобъ и ему было хорошо; хотѣла бы, а не пожертвовала бы этому желанію даже тѣнью вашего счастія. Ты глупа, Наташа, говоря объ эгоизмѣ твоемъ; я не нахожу ничего и возражать на это, до такой степени оно нелѣпо. Уговаривайте его тоже ѣхать на воды для здоровья; бѣдный папа, зачѣмъ же онъ не больше твердъ, зачѣмъ умъ его не больше ясенъ.

«Ахъ милые мои! какой чудный вечеръ я провела вчера! Была въ консерваторіи, въ антрактахъ читала ваши письма. Все это слишкомъ: Бетховенъ, ты, моя Consuela, ты, чудесный человѣкъ; было душно—кажется, еще немножко, и стѣны консерваторіи раздвинулись бы, и я, съ звуками, унеслась бы высоко и разлилась бы во вселенной. Перечитала, и мнѣ стало смѣшно, но такъ чувствовалось; смѣйтесь, если хотите. И вечеръ былъ упоительный, полный мѣсяцъ, тепло. О, друзья, сколько наслажденій предстоитъ вамъ! Вы страшно счастливы, и это не случай, это не внѣшнее что-нибудь: твое счастіе ты сама, ты сама страшно хороша... Я начинаю чувствовать ревность къ Огареву; онъ думаетъ, что онъ лучше тебя знаетъ, чѣмъ я; да, впрочемъ, онъ правъ; но нѣтъ, я думаю, что лучше меня никто знать тебя не можетъ—и любить больше, чѣмъ я, нельзя,—да оно и трудно, если же онъ знаетъ и любитъ больше, тѣмъ лучше!

«А знаете, милые, меня огорчаетъ во всемъ этомъ положеніе Hélène: похоронить ее живую страшно. Вы не должны оставить ее тамъ—нѣтъ, не могу съ этимъ примириться. Да за что-жъ это погибнетъ такъ мой милый пажъ, это слабое, нѣжное существо?

«Такъ я жду тебя, моя Наташа. Боже, какъ много въ этомъ словѣ! никогда женщина не была такъ любима женщиной, какъ ты. Теперь я больше чѣмъ прежде люблю Эмму*), это благороднѣйшее существо, симпатизирующее всему, отдающееся хорошему, безъ малѣй-

*) Жена германскаго поэта Гервига.

шей arrière pensée, я забываю иногда ея нѣмецкіе черты и характеръ, и мнѣ бываетъ съ ней хорошо, а главное свободно. Она радуется за тебя, какъ ребенокъ. Ну, а съ пріятелемъ твоимъ Тургеневымъ мы все непріятели; талантливая натура, я слушаю его съ интересомъ, даже люблю его, но мнѣ никогда не бываетъ его нужно, понимаешь ты это; ну, и вѣдь это нисколько не уменьшаетъ его достоинства. Помнишь ты наше прощанье? Тебѣ онъ, можетъ, не мѣшалъ, а мнѣ былъ невыносимъ его любопытный, ироническій взглядъ и насмѣшки. Я сношу его посѣщенія иногда три раза въ день, но не могу выносить его въ хорошія минуты. Мнѣ случалось увлекаться и говорить съ нимъ отъ души—и всякій разъ жалѣла потомъ. Но человѣкъ онъ очень, очень хорошій, интересный и иногда пріятный. Пишу о немъ такъ много потому, что уважаю его и твою дружбу къ нему».

Александръ Ивановичъ Герценъ — Николаю Платоновичу Огареву.

«Теперь о дѣлѣ*), Огаревъ. Никакой нѣтъ надежды, рѣшительно нѣтъ что-нибудь сдѣлать auprès de m-me. Мозгъ ея разстроенъ окончательно; неудовлетворенное самолюбіе принимаетъ различныя формы, иногда весьма благородныя, наивныя даже, но остается все самолюбіемъ, къ тому же ни минуты трезвой, она кричитъ о своей любви къ тебѣ, но не сдѣлаетъ ради нея ничего. Мнѣ больно писать тебѣ это, но не время нѣжничать; надо, чтобъ ты зналъ то, что̀ есть, для того, чтобъ знать, какъ дѣйствовать. Если можно повредить въ этомъ дѣлѣ—такъ она можетъ повредить, это не излишняя недовѣрчивость къ ней; можетъ, послѣ, когда ужъ и не нужно будетъ, она будетъ упрекать, зачѣмъ не обратились къ ней прямо, но ужъ это будетъ послѣ, а теперь мнѣ кажется, что и трогать ее не надо. Повторяю, теперь она насъ ненавидитъ. Напиши же, что̀ ты хочешь, чтобъ мы попробовали,—

*) Дѣло идетъ о разводѣ Николая Платоновича Огарева съ его первой женой.

тогда попробуемъ, а прежде не рѣшусь, боюсь повредить. Да ты ужасно глупо пишешь: «ѣдемъ въ Петербургъ». Когда? кто? зачѣмъ? и пр., можно бы подѣльнѣе написать; знаю, что не хочется, а зачѣмъ же друзья, какъ не затѣмъ, чтобъ дѣлать иногда то, что не хочется. Ну, пора, несу письмо на почту. Обнимаю васъ. Живите и наслаждайтесь. Послѣднее-то лишнее,—живите, этого довольно. Александръ Герценъ».

Наталья Александровна Герценъ—Натальѣ Алексѣевнѣ Тучковой.

«Суббота.

«Мнѣ помѣшали; я расположилась-было хорошо побесѣдовать съ тобой. Я живу теперь à la Robinson—маленькій домикъ, состоящій изъ одной маленькой комнаты, въ нее ведетъ лѣсенка, сплетенная изъ вѣтвей древесныхъ, кругомъ цвѣты, а у входа три тополя, достигающіе неба, стерегутъ меня отъ зноя солнца и отъ холода людей. Не шутя, другъ, я никогда не жила такъ свободно и иной разъ сама хожу за водой. Что бы дала я за то, чтобъ ты пробыла теперь со мною 24 часа. Я бы дала за эти 24 часа—жизнь, болѣе нельзя дать. Твоя Natalie».

Наталья Александровна Герценъ—Натальѣ Алексѣевнѣ Тучковой.

«Видишь, какъ это случилось (если интересуетъ, прочти, а если нѣтъ—пропусти). Я пріѣхала съ визитомъ къ Луизѣ Ивановнѣ, которая нанимаетъ здѣсь чуднѣйшій паркъ; воздухъ, трава, природа—словомъ, все противоположное тому, что въ Парижѣ, очаровало меня такъ, что я не могла возвратиться въ него, взяла эту комнатку, переночевала и живу въ ней; ко всѣмъ прелестямъ пріятное разстояніе отъ родственниковъ, которое не мѣшаетъ однако отправлять (?) у нихъ обѣдъ и пр.

«Со мной Саша и Наташа; Александръ переѣхалъ къ намъ. A Monte Mario французы заняли... O Spini ни

слуха, ни духа. Холера здѣсь свирѣпствуетъ; жена Рейхеля пріѣхала къ Луизѣ Ивановнѣ въ гости, занемогла у нея и черезъ недѣлю умерла въ страшныхъ мученіяхъ. Тургеневъ собирался въ Пиренеи; передъ отъѣздомъ переѣхалъ къ намъ и занемогъ, но теперь внѣ всякой опасности и почти выздоровѣлъ; къ сожалѣнію, ни ты, ни холера не сблизили насъ; остальные всѣ, слава Богу, живы и здоровы и кланяться не приказали.

«Чувствую себя свѣжо, ярко и юно, мой другъ; не знаю, чего бы особенно недоставало для полноты моего существованья; для удобства многаго недостаетъ, тысячу разъ удобнѣе было бы мнѣ склонить голову на твое плечо—какъ, помнишь, въ ту ночь въ неудобномъ дилижансѣ?—чѣмъ утонуть въ пуху; тысячу разъ удобнѣе было бы, если-бъ вообще перестроилось многое на свѣтѣ, и было бы удобнѣе, моя Consuela, посмотрѣть въ твои глаза, вмѣсто того, чтобъ скрипѣть перомъ на бумагѣ. До сихъ поръ я не называла Огарева; это отъ того, что когда я говорю съ тобой, такъ думаю, что и съ нимъ. Такъ дайте же обнять васъ обоихъ крѣпко-крѣпко. А отчего же вы не напишете намъ ни слова такъ долго? Это нехорошо.

«Не могу не передать тебѣ пріятное чувство, которое я испытала вчера: была ужасная гроза, дождь лилъ, какъ изъ ведра, Александръ былъ въ Парижѣ, дѣти шагахъ въ ста, одна Наташа спала въ моей комнатѣ; ну, кто спитъ, тотъ тоже не ближе ста шаговъ отъ насъ, итакъ, я была совершенно одна; это не часто случается мнѣ; это было безконечно пріятно. Я сидѣла долго-долго у открытаго окна; когда я одна—я ничего не боюсь. Я какъ-то дышала полнѣе и шире отъ того, что ни милое, ни постылое прикосновеніе не мѣшало мнѣ. Изъ этого не значитъ, что милая помѣха непріятна, никогда, совсѣмъ нѣтъ!

«Обними за меня Hélène, прижми покрѣпче къ груди.

«Твоя Natalie».

«Апрѣль 1849 г.

«Какъ я жалѣю, что мы не послушались нашего инстинкта, а твоей настойчивости, другъ; тяжелый день; Георгъ былъ—опять отказъ. Онъ оставилъ письмо и

сейчасъ же получилъ отвѣтъ. Фу! Мнѣ не только было больно и тяжело за васъ, но я была страшнымъ образомъ оскорблена за человѣка. Нельзя предположить возможности подобной жестокости, низости и безумія. Вчера у нея была Эмма,—но къ чему подробности. Маска спала, и эгоизмъ, одинъ жгучій, страшный эгоизмъ, явился во всей формѣ своей. Не только осторожно, но быстро, какъ можно быстрѣе надо дѣйствовать. Вѣрь мнѣ и слушайся непремѣнно, непремѣнно. Мнѣ грустно, больно и страшно. Мщеніе найдетъ вездѣ дорогу и средство повредить. Слышишь ты это? Все послѣднее время я находилась подъ самыми тяжелыми впечатлѣніями. Въ Москву, скорѣй домой, и мы отдохнемъ. А въ той аллеѣ, гдѣ мы ѣздили вдвоемъ въ кабріолетѣ и насъ подвезли къ погребку, помнишь, кучеръ принялъ одну изъ насъ за молодого человѣка.

«Пишите, ради вашей любви, и пишите. Natalie».

Изъ Парижа Герцены переѣхали въ Ниццу. Въ 1850 году ихъ поразило глубокое семейное несчастіе. Мать Александра, возвращаясь изъ Парижа съ меньшимъ сыномъ его, Колей, черезъ Марсель, потонула вмѣстѣ съ ребенкомъ и его гувернеромъ въ Средиземномъ морѣ. Это такъ поразило Наталью Александровну, что ея уже разстроенное здоровье не поправлялось болѣе. Въ 1852 году у Натальи Александровны родился слабый ребенокъ и вскорѣ умеръ. Послѣ родовъ у нея открылась скоротечная чахотка, которая свела ее въ гробъ весной 1852 года.

Вотъ что писала о ея кончинѣ, спустя одиннадцать лѣтъ, старшая дочь ея, также Наталья Александровна, которую въ семьѣ звали Татой, къ Натальѣ Александровнѣ Огаревой въ Россію.

Наталья Александровна Герценъ (дочь)—Натальѣ Алексѣевнѣ Огаревой.

«Италія.

«Уже одиннадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ мамаша скончалась. Боже мой, какъ время летитъ! Однако я довольно ясно помню послѣднее время—осо-

бенно послѣдній день. Я тебѣ, кажется, уже нѣсколько разъ разсказывала все, что помню,—но позволь еще разъ припомнить и написать, чтобъ у меня въ памяти тоже яснѣе осталось; помню, что встала я очень рано и, какъ обыкновенно, выбѣжала въ садъ. Мало-по-малу я стала замѣчать, что всѣ очень печальны; у Маши, m-me Энгельсонъ, m-me Тесье, у горничныхъ были заплаканы глаза; онѣ собирали цвѣты, вносили ихъ въ мамашину комнату, а въ послѣднее время мнѣ говорили, что цвѣты ей вредны; я тоже взяла нѣсколько цвѣтовъ и хотѣла войти, но меня не пустили,—это меня поразило; я возвратилась въ садъ, не зная, что думать, но предчувствуя что-то; тутъ папа позвалъ меня изъ окна. Я вошла къ нему—и помню, какъ будто бы вчера случилось,—онъ сѣлъ на диванъ, обнялъ меня, въ лобъ поцѣловалъ и такимъ голосомъ сталъ говорить, что слышно было, какъ онъ старается задержать слезы,—я уже раньше отгадала, въ чемъ дѣло,—онъ сказалъ: «Тата, мой дружокъ, ты не знаешь—мамаша умерла». У меня все кружилось въ головѣ и что-то давило грудь. Маша меня позвала наверхъ, къ постели; только тутъ я какъ будто поняла, видя, что мамаша не двигается, на меня не смотритъ, не ласкаетъ, — и зарыдала. Послѣ этого все становится смутнѣе; только какъ сквозь сонъ помню, что приходили многіе знакомые, откуда—не знаю, т. е. крестьянки, многихъ я никогда не видывала,—помню, что разъ вечеромъ нѣсколько вошло вмѣстѣ,—я была одна въ комнатѣ, въ нишѣ,—одна молоденькая крестьянка хотѣла поднять вуаль съ лица мамашинаго, старая ее остановила и сказала: «ничего не тронь». Онѣ всѣ поцѣловали у нея руку и ушли.

«На другой день я опять была въ комнатѣ мамы; мнѣ сказали послѣдній разъ поцѣловать мамашу и брата маленькаго. Въ это время я увидѣла въ другой комнатѣ дѣвочку, одѣтую въ черное платье. Ей сказали войти и тоже поцѣловать маму, но она съ какимъ-то страхомъ взглянула и сказала, что не хочетъ; ей потомъ сдѣлали подарокъ, два пистолетика крошечныхъ; кажется, это была дочь Гарибальди, если не ошибаюсь; два человѣка вошли за гробомъ—и меня увели. Тата» (Наталья Александровна Герценъ дочь).

Я помѣстила нѣсколько писемъ изъ имѣющейся у меня переписки семействъ Александра Ивановича Герцена и Огаревыхъ для бо́льшей ясности ихъ характера и взаимныхъ ихъ отношеній.

Александръ отъ времени до времени переписывался съ Огаревымъ, который жилъ въ своемъ пензенскомъ имѣніи. Кажется, получивши первое письмо отъ Александра изъ-за границы, Огаревъ написалъ слѣдующіе стихи:

Е М У.

О! Если-бъ ты подумать только могъ,
Что пробудилъ во мнѣ твой голосъ издалека,
Какъ вызвалъ тьму заглохнувшихъ тревогъ,
Какъ рану старую разбередилъ глубоко.
Въ испугѣ ты и съ воплемъ бы ко мнѣ
На шею кинулся, любя меня какъ прежде...
Но, свидясь вновь, мы въ скорбной тишинѣ
Уже не ввѣримся ребяческой надеждѣ.
Нѣтъ! проклятъ будетъ этотъ вѣкъ,
Гдѣ торжествуетъ все, что низко и лукаво,
И гдѣ себѣ хорошій человѣкъ
Страданья пріобрѣлъ убійственное право,
Но все-жъ впередъ! Быть-можетъ, намъ дано
Прожить еще года въ безплодномъ этомъ спорѣ,
И какъ святыня...—одно
Для насъ останется: безвыходное горе!

Огаревъ.

Въ деревнѣ Огаревъ занимался сельскимъ хозяйствомъ и Тольской бумажной фабрикой. Фабрика сгорѣла. По случаю этого пожара Александръ писалъ другу своему слѣдующее письмо и вмѣстѣ съ тѣмъ послалъ посмертное письмо своей жены къ Натальѣ Алексѣевнѣ Огаревой, писанное къ ней въ послѣдніе дни ея жизни.

Александръ Ивановичъ Герценъ — Николаю Платоновичу Огареву.

«Лондонъ. Послать немедленно.

«А ты, другъ, Боже мой! Зачѣмъ былъ этотъ пожаръ; какъ все глупо! Моя сердечная, страстная дружба,—Воробьевы горы, Кунцево, 1829 годъ съ тобой. Я жду тебя. Посылаю ея волосы,—ея, такъ много страдавшей, погибшей за прикосновеніе съ гнуснымъ западомъ. Да еще письмо къ твоей женѣ (посылаю копію), оригиналъ мнѣ слишкомъ дорогъ. Цѣлую тебя и ее.

«А. Г.».

Наталья Александровна Герценъ—Натальѣ Алексѣевнѣ Тучковой *).

«Ницца. 1852 г. 10-го марта.

«Съ недѣлю я отправила къ тебѣ письмо мое, и снова необходимая потребность говорить,—говорить съ тобой, другъ мой, моя Наташа. Дойдутъ ли до тебя мои строки и когда?—можетъ, сама отдамъ ихъ тебѣ. Я еще въ постели. Вставать и ходить нѣтъ силъ, а душа такъ жива и такъ полна—не могу молчать. Послѣ страданій, которымъ, можетъ, ты знаешь мѣру, иныя минуты полны блаженства, всѣ вѣрованія юности, дѣтства не только свершились, но прошли сквозь страшныя, невообразимыя испытанія, не утративъ ни свѣжести, ни аромата—расцвѣли съ новымъ блескомъ и силой. Я никогда не была такъ счастлива, какъ теперь.

«Александръ разсказалъ когда-то въ маленькомъ фантастическомъ отрывкѣ, какъ онъ, мальчикъ шести лѣтъ, нервный, худой, съ огненными глазами, рѣзвый, вдругъ разъ присмирѣлъ и задумался, глядя на падающую съ неба звѣздочку. Въ это время вошла въ комнату его мать и сказала ему: «а у тебя родилась сестрица» **).

---

*) Предсмертное письмо Н. А. Герценъ къ Н. А. Огаревой.

**) Наталья Александровна Герценъ—двоюродная сестра А. И. Герцена.

«Съ той минуты мы были неразлучны—я въ это вѣрю, я это чувствую; родство съ нимъ спасло меня, съ раннихъ дней не давало мнѣ ни погибнуть, ни заснуть въ душной, пустой жизни.

«Смерть отца бросила меня съ семи лѣтъ въ чужой домъ. Мнѣ казалось, что я попала въ него ошибкой и что вернусь скоро домой,—но гдѣ же былъ мой домъ? Уѣзжая изъ Петербурга, я видѣла большой сугробъ снѣга на могилѣ моего отца; мать, оставляя меня въ Москвѣ, скрылась изъ глазъ моихъ на широкой безконечной дорогѣ. Послѣ того мнѣ всего отраднѣе было смотрѣть на небо, усѣянное звѣздами; я горько плакала и молила Бога взять меня скорѣй.

«Перебирая воспоминанія, хотѣлось бы все передать тебѣ, зная, какъ ты хотѣла бы ихъ слышать, но ни силъ, ни терпѣнья на это нѣтъ; теперь я могу остановиться только на тѣхъ, гдѣ является онъ».

«Мая 20-го.

«Грусть, страшная грусть—я ее не лелѣю, не предаюсь ей, но и бороться съ ней нѣтъ болѣе силъ,—утомлена. Гдѣ та точка симпатіи, на которой видишь ясно въ родной душѣ, сознательно, какъ животный магнитизмъ видитъ въ другомъ безсознательно? Или зачѣмъ она такъ мимолетна! Вотъ-вотъ, кажется, достанешь—и снова въ бездну одиночества.

«Какъ медленно возвращаются силы. Іюнь уже недалеко, перенесу ли? А мнѣ бы хотѣлось жить для него, для себя,—о дѣтяхъ уже не говорю. Жить для него, чтобы залѣчить всѣ раны, которыя я ему нанесла, жить для себя, потому что я узнала его любовь какъ никогда, довольна ею какъ никогда.

«Все лихорадка—если проживу—останусь незнакомой дѣтямъ, ужасно мнѣ больно. Любовь мою они знаютъ и не забудутъ ее, но—хоть ты скажи имъ тогда. Самолюбіе мое никогда не переходило круга людей симпатичныхъ, глубоко уважаемыхъ мною,—до свѣта мнѣ дѣлъ не было,—дѣтей моихъ я не только люблю, какъ моихъ дѣтей—натуры мнѣ ихъ симпатичны, я уважаю ихъ, вѣрю въ нихъ, какъ въ будущихъ людей. Какъ-нибудь бы наскоро передать тебѣ жизнь мою. Рѣдкія минуты, въ которыя я лучше себя чувствую,

нужны мнѣ на другое: то Наташу поучить по-русски, то съ Олей поиграть, съ Сашей, съ Александромъ поговорить, придетъ навѣстить кто-нибудь—вотъ я и утомлена совсѣмъ. Жаръ.

«Опять совсѣмъ больна—мой бѣдный, бѣдный Александръ! Какъ онъ мучится, когда же я дамъ ему хоть одну свѣтлую минуту».

(Приписка Александра). «Вотъ вамъ, Консуела, какъ она звала васъ, копія съ письма; оно переписано безо всякаго измѣненія, даже подчеркнутыя слова на концѣ, все вѣрно. Я его нашелъ три дня послѣ ея кончины въ маленькомъ бюро. Прощайте».

Александръ Герценъ за границей *).

Прости, прости, мой край родной.
Байронъ.

Огаревъ, давно желавшій увидаться съ своимъ другомъ, какъ только получилъ разрѣшеніе ѣхать за границу, то и собрался вмѣстѣ съ женой своею въ Лондонъ въ 1856 году.

Съ дороги Огаревъ писалъ Сатину:

«Варшава, 14-го марта 56 года.

«Отдыхаемъ здѣсь второй день, саго Сатинъ! Завтра ѣдемъ далѣе. Вѣроятно, найдутся письма отъ васъ въ Берлинѣ. Пиши чаще! Скучно—Польша до смерти надоѣла. Радъ, что уѣду изъ нея. Панкратова еще не

*) Считаю долгомъ передать все, что я знаю о дѣятельности Герцена и Огарева, для ихъ біографіи и указать на ошибки относительно ихъ не только-что дальнихъ имъ людей, но и самыхъ близкихъ, какъ Татьяна Петровна Пассекъ,—оба они замолкли навсегда. Судить о такихъ исключительныхъ дѣятеляхъ мнѣ не подъ силу; но когда все исчезло, всѣ знавшіе ихъ изъ русскихъ тоже перешли въ вѣчность, кому же говорить о нихъ? Изъ иностранцевъ, которые ихъ знали коротко, нѣкоторые живы, но едва ли могли судить о ихъ дѣятельности, не зная нашего языка.

Вотъ что говоритъ самъ Герценъ, почему онъ началъ писать: «напрасно искалъ я всемірнаго суда; оказалось, что это пустая фраза»; разочарованный въ своихъ западныхъ пріятеляхъ—друзьями, онъ сталъ писать и искать суда у своихъ.

Онъ началъ свой разсказъ «Былое и думы» съ перваго года своей жизни и довелъ до конца: пятый томъ верхъ изящества, правды и простоты. Дѣти покойнаго едва ли рѣшатся когда-нибудь напечатать этотъ томъ. Н. Огарева.

видалъ, не засталъ его, а онъ еще не былъ. Онъ женатъ на Горчаковой, и уже есть дѣти.—Вотъ тебѣ посвященные стихи:

НЕМНОГИМЪ.

Я покидалъ васъ, но безъ слезъ...
и пр.

«Если понравятся, отдай Коршу, если нѣтъ—спрячь въ карманъ.

«Не забудь послать деньги Василію Семеновичу. Въ моемъ портфелѣ найдешь письмо Панаева, гдѣ полученіе денегъ для Анны Петровны; можетъ, оно понадобится.

«Что̀ Гавриловъ? Ты меня извини передъ М. Я думаю, что хорошо сдѣлалъ по причинамъ. Сюда мы прибыли совершенно благополучно. Я пью одну воду и здоровъ какъ нельзя лучше, даже голова свѣтлѣе. Обнимаю дѣтей, maman, Елену и тебя и пойду на почту. Пишите, пишите!»

Уѣзжая за границу, Огаревъ написалъ, сколько помнится, въ этотъ отъѣздъ стихи:

ПРОЩАНІЕ СЪ РОССІЕЙ.

Прощай, прощай, моя Россія!
Еще недолго, и ужъ я
Перелечу въ страны чужія,
Въ иные, свѣтлые края.
Благодарю за день рожденья,
За ширь степей и за зиму,
За сердцу сладкія мгновенья,
За горькій опытъ, за тюрьму,
За благородныя желанья,
За равнодушіе людей,
За грусть души, за жажду знанья
И за любовь, и за друзей,
За всѣ блаженства, всѣ страданья.
Я все люблю, всѣ святы мнѣ
Твои, мой край, воспоминанья
Въ далекой будутъ сторонѣ,
И о тебѣ не разъ вздохну я,
Вернусь и съ теплою слезой
На небо сѣрое взгляну я,
На степь подъ снѣжной пеленой...

Огаревы, послѣ бурнаго переѣзда изъ Остенде въ Дувръ, прибыли благополучно въ Лондонъ. До пріѣзда Огарева у Герцена изъ русскихъ бывали только Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ да докторъ Пикулинъ. Герценъ былъ имъ безконечно радъ. Пикулинъ передалъ Огаревымъ адресъ Герцена: предмѣстье Лондона, Richmond Chamvy Lodge,—туда они и отправились тотчасъ; но въ Richmond'ѣ Герцена уже не было, онъ переѣхалъ съ семьей совсѣмъ въ другую сторону Лондона.

На обратномъ пути изъ Richmond'а въ Лондонъ, несмотря на свое страшное нетерпѣніе видѣть Герцена, Огаревъ рѣшился позавтракать въ первомъ попавшемся трактирѣ, боясь обморока отъ устали и сильныхъ потрясеній. Потомъ они сѣли опять въ карету (cabe), а на нее поставили чемоданы и отправились отыскивать Герцена по новому адресу, полученному въ Richmond'ѣ: кажется, Fulham, Finchle road, № 21 (нумеръ дома). Для перваго знакомства съ Лондономъ, ихъ немало удивило, что посреди города есть частныя владѣнія, стоятъ будки, изъ нихъ выходитъ человѣкъ и требуетъ нѣсколько пенсовъ за проѣздъ черезъ частную собственность какого-нибудь богатаго лорда,—это что-то средневѣковое.

Было часа три или четыре пополудни, когда кучеръ позвонилъ въ № 21. Поваръ, привезенный Герценомъ изъ Италіи, François, отворилъ пріѣзжимъ, сказавъ на ломаномъ французскомъ языкѣ, что «monsieur pas à la maison». Но, къ его удивленію, пріѣзжіе все-таки вышли изъ экипажа и велѣли снять чемоданы, — затѣмъ отпустили кучера. Входя въ домъ, Огаревъ спросилъ своимъ тихимъ голосомъ: «Et quand est-ce qu'il reviendra à la maison?»—«Et les enfants où sont-ils?»—сказала Натали. François стоялъ передъ ними, широко раскрывъ ротъ, не находя отвѣта на ихъ торопливые разспросы. Герценъ въ то время боялся безцеремонности и даже назойливости нѣкоторыхъ русскихъ (тогда онъ уже разстался навсегда съ Энгельсономъ и его женой, бывшими недавно его горячими поклонниками). Герценъ притаился на лѣстницѣ и ждалъ, чѣмъ кончится разговоръ съ François и кто это можетъ быть. Но едва онъ услышалъ голосъ Огарева, какъ быстро сбѣжалъ съ лѣстницы и бро-

сился въ его объятія. Онъ громко позвалъ дѣтей. Двѣ дѣвочки, блондинка 11 лѣтъ, брюнетка пяти, тотчасъ вошли съ Мальвидой von Meysenboug, ихъ гувернанткой. Антипатичная наружность Мальвиды не понравилась Натальѣ Алексѣевнѣ, несмотря на ея предупредительность; ея безцвѣтные глаза, большой ротъ предвѣщали что-то зловѣщее. Она говорила больше по-французски, не щадя языка, враждебнаго ея странѣ.

Спустя немного времени пришелъ съ урока семнадцатилѣтній сынъ Герцена Александръ. Это былъ юноша высокій, худой, еще не вполнѣ сложившійся. Онъ очень обрадовался Огареву и впослѣдствіи съ большимъ довѣріемъ относился къ Натальѣ Алексѣевнѣ. Хорошему отношенію дѣтей Герцена къ Огаревой много мѣшала Мальвида; но когда въ семьѣ Герцена встрѣчалась необходимость въ преданности, то обращались къ Натальѣ Алексѣевнѣ, что отчасти видно изъ прилагаемой здѣсь переписки Александра Ивановича Герцена съ Огаревымъ *).

Въ 1857 году, спустя годъ по пріѣздѣ Огаревыхъ въ Лондонъ, по иниціативѣ Николая Платоновича Огарева, А. И. Герценъ сталъ вмѣстѣ съ нимъ издавать русскую газету подъ названіемъ «Колоколъ». Передовыя статьи и смѣсь писалъ Герценъ; статьи Герцена обратили на себя всеобщее вниманіе мѣткостью, сжатостью, иногда безпощадностью и оригинальнымъ слогомъ, который доходилъ временами до необыкновенной высоты. Герценъ увлекалъ людей даже противоположнаго съ нимъ воззрѣнія. Огаревъ печаталъ свои стихи и статьи о внутреннемъ устройствѣ Россіи. Стихи Огарева были очень хороши, но талантъ его угасъ вдали отъ родины; статьи же его были писаны, большей частію, тяжелымъ слогомъ, но тѣ, которые интересовались вопросами, а не формой, были въ восторгѣ отъ нихъ.

Вскорѣ послѣ появленія «Колокола» Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ возсталъ противъ его изданія; онъ увѣ-

*) Въ письмахъ этихъ о семействѣ Ал. И. упоминается очень мало. Подъ литерами NN скрываются имена иныхъ дѣятелей—это, къ сожалѣнію, запутываетъ смыслъ до того, что нѣкоторыя письма становится трудно понимать и слѣдить за развитіемъ событій.

Н. Огарева.

рялъ, что «Колоколъ» не можетъ и не будетъ имѣть успѣха въ Россіи. Конечно, его не послушали, и «Колоколъ» продолжалъ звонить.

Не прошло и года, какъ со всѣхъ концовъ Россіи стали присылать всевозможныя статьи: слѣдственныя дѣла и пр. Кромѣ собственныхъ статей, изъ Россіи постоянно высылалась такая бездна матеріала для «Колокола», что тѣ статьи, которыя не соотвѣтствовали направленію «Колокола», стали печататься какъ «прибавленія» отдѣльными брошюрками подъ заглавіемъ «Голоса изъ Россіи».

Когда явился въ Лондонъ Бакунинъ, то и его статьи печатались довольно часто въ брошюркахъ.

Въ этотъ періодъ времени много нашихъ соотечественниковъ перебыло у Герцена, отъ придворныхъ и до самыхъ простыхъ. Всѣ пріѣзжали нарочно, ради Герцена и Огарева.

Англія лежитъ въ сторонѣ для праздныхъ туристовъ.

Въ эти посѣщенія входило и любопытство, и желаніе похвалиться свиданіемъ съ Герценомъ, и новизна смѣлаго шага двухъ лицъ, которыя ничего не желаютъ, ничего не ищутъ, кромѣ блага своей страны.

Русскіе путешественники были въ восторгѣ отъ Герцена, они не могли надивиться, что такой геніальный человѣкъ такъ радушно принималъ ихъ, показывалъ имъ Лондонъ, угощалъ устрицами въ лондонскихъ тавернахъ и оживлялъ своимъ добродушнымъ юморомъ, безъ малѣйшей аффектаціи, просто, весело, умно. Все это поражало посѣтителей и привлекало къ нему. Нѣкоторые относились сердечно и къ Огареву, но обаянья Герцена никто не избѣжалъ.

Вскорѣ послѣ освобожденія крестьянъ, въ 1861 году, въ Варшавѣ были какія-то демонстраціи, а на улицахъ стрѣляли *). Эта печальная исторія мгновенно сообщена

*) Въ это время я была въ Парижѣ и получала «Колоколъ»; прочитавши статью Герцена Stabat mater dolorosa, я сказала: да, статья написана хорошо, но превредная. «Колоколъ» лишился почти всѣхъ своихъ подписчиковъ. Впослѣдствіи распространился слухъ, что демонстрація въ Варшавѣ была сдѣлана искусственно, чтобы вызвать противодѣйствіе и возбудить къ себѣ всеобщее сочувствіе Европы.

была въ Лондонъ и измѣнила тонъ праздника, который Герценъ давалъ по случаю освобожденія крестьянъ.

Въ назначенный день у Герцена былъ торжественный русскій обѣдъ. На обѣдѣ этомъ, кромѣ множества посѣтителей, былъ и графъ Уваровъ *).

По случаю событія въ Польшѣ Герценъ написалъ горячую статью съ эпиграфомъ: «Ты побѣдилъ, галилеянинъ», и измѣнилъ тостъ за освобожденіе, который собирался предложить за обѣдомъ, на тостъ за счастіе Россіи и ея успѣхи во всемъ. Домъ былъ снаружи ярко освѣщенъ и украшенъ красными флагами съ надписями по-англійски о совершившемся событіи. Вечеромъ былъ раутъ; на раутъ приглашались въ «Колоколѣ» всѣ сочувствующіе этому празднику, какъ русскіе, такъ и иностранцы: незнакомыхъ было множество.

Князь Юрій Николаевичъ Голицынъ сочинилъ въ честь этого событія квартетъ, который и былъ исполненъ въ день праздника подъ его руководствомъ. Народа была такая толпа въ домѣ и у подъѣзда, что полиція явилась къ дому охранять отъ неизбѣжнаго воровства въ такихъ случаяхъ.

Незадолго до этого праздника въ Лондонѣ случилось одно замѣчательное событіе: въ книжномъ магазинѣ Трюбнера, въ который всѣ путешественники являлись для покупки книгъ и за адресомъ Герцена, служилъ какой-то полякъ Михайловскій, который говорилъ немного по-русски. При появленіи русскихъ въ лавку, Михайловскій подходилъ къ нимъ, давалъ адресъ Герцена, вкрадчиво узнавалъ фамилію путешественника и записывалъ ее въ особый списокъ. Когда набралось нѣсколько сотъ именъ, списокъ былъ черезъ посланника препровожденъ къ императору; но Царь-Освободитель, не читая, бросилъ этотъ списокъ въ пылавшій каминъ. Посланникъ былъ переведенъ.

Пріѣздъ Бакунина былъ несчастіемъ для русской типографіи. Герценъ это предвидѣлъ, когда получилъ письмо Бакунина изъ Америки, извѣщавшее о его скоромъ прибытіи въ Лондонъ.

---

*) Кажется, сынъ графа Уварова, министра народнаго просвѣщенія. *Т. Пассекъ.*

Личность Бакунина была странна и замѣчательна: умный, начитанный, обладающій даромъ слова, проникнутый нѣмецкой философіей, онъ иногда былъ малодушенъ какъ ребенокъ, которому хочется какого-нибудь дѣла: если печатать, то прокламаціи; если дѣйствовать, то все вездѣ поставить вверхъ дномъ, ничего не щадить, никогда не задаваться мыслію, что̀ изъ этого можетъ выйти,—идти напроломъ! Такимъ образомъ онъ многихъ сгубилъ въ Россіи, хваля ихъ незаслуженно въ письмахъ къ друзьямъ или роднымъ.

Герценъ, напротивъ, жалѣлъ каждую личность. Онъ никогда не писалъ въ Россію. «Зачѣмъ?—говорилъ онъ:—мы ведемъ бесѣду въ «Колоколѣ»; пусть отвѣчаютъ, а мы напечатаемъ».—Онъ не любилъ давать и портретовъ своихъ возвращавшимся въ Россію. «Зачѣмъ?—говорилъ онъ:—могутъ выйти непріятности».

Бакунинъ часто вредно вліялъ на Герцена, не прямо, а черезъ Огарева, что̀ видно изъ собственныхъ писемъ Герцена. Герценъ часто уступалъ Огареву даже вопреки своимъ взглядамъ. Съ одной стороны это вредило «Колоколу», съ другой—печать въ Россіи была менѣе стѣснена, многое можно было говорить и дома. Сверхъ всего бо̀льшую часть русскихъ оскорбляли горячія статьи Герцена о Польшѣ.

Появленіе Бакунина повредило еще тѣмъ, что его стали смѣшивать съ Герценомъ. Сочувствіе Герцена къ страждущимъ полякамъ толковали иначе. Герценъ никогда не симпатизировалъ и не принималъ участія въ польскихъ дѣлахъ и не звалъ русскихъ подъ польскія знамена. Разъ, въ 65 году, была напечатана статья съ названіемъ «Въ топоры»; писалъ ее не Герценъ, но онъ виноватъ былъ тѣмъ, что допустилъ ее въ «Колоколѣ».

Алексѣй Алексѣевичъ Тучковъ, отецъ Натальи Алексѣевны, жены Огарева, рѣзко заявилъ какъ Герцену, такъ и Огареву, что они сами не знаютъ, какія послѣдствія могутъ быть отъ такого воззванія.

Это замѣчаніе повело къ охлажденію между Алексѣемъ Алексѣевичемъ и Герценомъ *).

Герценъ не былъ и не могъ быть дѣятелемъ-практикомъ даже по своему положенію добровольнаго изгнан-

*) Замѣчено Натальей Алексѣевной Огаревой.

ника,—онъ былъ оттолоскомъ мыслящей Россіи, а въ общественной жизни Россіи тѣмъ, чѣмъ былъ Бѣлинскій въ литературной жизни ея. Развѣ это не служеніе родинѣ?

Въ Лондонѣ Огаревы заняли одинъ домъ съ Александромъ. Герценъ былъ радъ имъ безмѣрно и плакалъ какъ ребенокъ, увидавшись съ ними.

Спустя годъ по пріѣздѣ Огаревыхъ въ Лондонъ, ихъ стали звать изъ Россіи обратно на родину. Огаревъ отвѣчалъ на призывъ въ «Колоколѣ» отказомъ въ формѣ письма.

«Полярная Звѣзда» и «Колоколъ» имѣли успѣхъ.

«Колоколу» часто вредилъ Бакунинъ своими слишкомъ горячими симпатіями къ Польшѣ.

Въ 1857 году Александръ напечаталъ въ «Колоколѣ» письмо къ императору Александру Николаевичу, въ которомъ радостно привѣтствовалъ его со вступленіемъ на престолъ.

Началось новое царствованіе.

Съ новымъ царствованіемъ почувствовалась необходимость коренныхъ реформъ какъ въ обществѣ, такъ и въ высшихъ государственныхъ сферахъ.

Вмѣсто мечтательныхъ стремленій къ свободѣ, сталъ на очереди практическій вопросъ «уничтоженія крѣпостного права». Герценъ въ большихъ и мелкихъ статьяхъ высказывалъ свои взгляды на основныя начала «освобожденія крестьянъ съ землею». Этого желалъ не онъ одинъ.

Этого желалъ государь; этого желала вся Россія.

Политическимъ практикомъ, въ точномъ значеніи этого слова, Александръ не былъ; въ своихъ сочиненіяхъ онъ касался политики только съ теоретической точки зрѣнія, и несмотря на то, что въ нихъ политическія событія играютъ видную роль, всѣ они чисто литературныя.

Съ восходомъ «Полярной Звѣзды» начинается болѣе опредѣленная политическая дѣятельность Александра. Этому способствовали всѣ условія того времени и самое положеніе его: на Западѣ реакція послѣ іюльскихъ дней; въ Россіи—Крымская война, вѣянье чего-то новаго, свѣжаго; въ Лондонѣ его окружило общество изгнанниковъ и политиковъ разныхъ странъ, въ которыхъ революція

пала. При такихъ условіяхъ мало-по-малу онъ долженъ былъ перейти на поприще политической пропаганды; но это вышло не изъ его характера и не изъ склада его ума, а изъ положенія самыхъ дѣлъ. Въ то время въ Россіи всѣ были увлечены государственными реформами: поэты и философы, ученые и промышленники, духовенство и дворяне. Въ Лондонъ пріѣзжали за лозунгомъ люди всѣхъ сословій и чиновъ. Голосъ Александра доходилъ до высшихъ сферъ... и шелъ въ глубь обширной страны русской, пробуждалъ мысль и призывалъ на великое дѣло освобожденія.

Время отъ Крымской войны до окончанія работъ по дѣлу эмансипаціи было временемъ высшей дѣятельности Герцена.

Вліяніе его въ исторіи русской мысли было не только вслѣдствіе того, что онъ опредѣлялъ ясно и мѣтко то, что всѣ чувствовали, думали, чего хотѣла передовая часть общества, что допускало само правительство; но необходимость этихъ улучшеній носилась въ самомъ воздухѣ.

Другъ Александра, Огаревъ, дополнялъ и поддерживалъ его дѣятельность. Кругъ русскихъ выходцевъ постоянно присоединялся къ нимъ и требовалъ работъ. Но только у одного Огарева было общее съ идеальнымъ настроеніемъ души Александра.

Въ 1861—1862 годахъ русская типографія въ Лондонѣ приняла другое направленіе. Александръ уже не довольствовался вліяніемъ на общее настроеніе, а сталъ настаивать на положительной программѣ, какъ бы практическій государственный человѣкъ, и надѣлалъ пропасть ошибокъ. Доказательство, что политикомъ-практикомъ онъ не былъ никогда,—на это у него не находилось и внутренней силы.

Не довольствуясь ролью публициста, онъ вообразилъ, что одинъ онъ можетъ указать прямой путь Россіи, и сталъ дѣйствовать, какъ дѣятель-практикъ. Но чѣмъ болѣе онъ удалялся отъ прямой цѣли реформъ, тѣмъ болѣе терялъ силу и вліяніе. Когда же, въ 1863 году, вспыхнуло польское возстаніе, тогда вліяніе Александра точно оборвалось и вдругъ исчезло. Онъ смотрѣлъ на польское возстаніе, какъ на міровое значеніе для славянъ.

Когда же Александръ сталъ выражать крайнее сочувствіе Польшѣ, тогда въ Россіи лишился всѣхъ своихъ приверженцевъ; журналъ его продолжалъ издаваться, но не имѣлъ и сотой доли прежнихъ читателей, и все, чему онъ приносилъ въ жертву лучшую часть своей жизни, упало. Гдѣ же онъ политикъ-практикъ?

Освободивъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, Россія исполнила свою задачу, а Александръ продолжалъ идти далѣе, не замѣчая, что идетъ одинъ.

Несмотря на свои ошибки, Александръ былъ человѣкъ замѣчательный, цѣльный типъ русскаго человѣка, съ его достоинствами и недостатками. Въ немъ былъ и народный духъ, и художественное чутье, и научное образованіе.

Россію онъ любилъ, смотрѣлъ на нее, какъ на единую свѣжую страну въ Европѣ, ставилъ ее въ примѣръ Западу и старался въ нѣдрахъ ея открыть условія для ея самостоятельной жизни.

Главный же характеръ направленія было преслѣдованіе всего, что̀, по его мнѣнію, было вредно Россіи, и всего, что̀ мѣшало ея дальнѣйшему развитію.

Между его дѣятельностью и дѣятельностью тѣхъ, которые, по кончинѣ его, на станкахъ, на которыхъ печатались «Полярная Звѣзда» и «Колоколъ», печатали свои воззванія къ неграмотному народу и неопытной молодежи, общаго не было ничего.

Общій фондъ.

По окончаніи польскаго возстанія, въ 1864 году, Александръ оставилъ Лондонъ и вмѣстѣ съ семействомъ своимъ и Огаревыми поселился въ Женевѣ. Туда же онъ перевелъ и свою типографію.

Въ Женевѣ Александръ жилъ постоянно до 1866 года. Эти года были для него тяжелыми годами. «Колоколъ» выходилъ, но вліяніе его пало; ясно было, что въ Россіи настала новая эпоха, и вѣтеръ, прежде ему попутный, сдѣлался противнымъ. Въ Женевѣ, этомъ международномъ центрѣ политической эмиграціи, появились изъ Россіи молодые эмигранты.

Съ ихъ появленіемъ горизонтъ жизни Герцена не рас-

ширился, а сузился, бесѣды сдѣлались однообразны и скучны до того, что иной разъ нечего было и сказать другъ другу. За границей этихъ молодыхъ людей ничто не интересовало; наукой, дѣлами они не занимались; за газетами почти не слѣдили. Герцену и Огареву они отравляли жизнь. Разладъ повторялся въ разныхъ формахъ каждодневно, отъ различія образованія и взглядовъ.

На Герцена и Огарева они смотрѣли, какъ на отсталыхъ инвалидовъ, какъ на прошедшее, и наивно дивились, что они не очень отстали отъ нихъ. Мало-по-малу они приняли покровительственный тонъ и стали поучать стариковъ, потомъ обвинять въ барствѣ, наконецъ въ присвоеніи себѣ чужихъ денегъ.

Въ разгаръ эмигрантскаго безденежья молодые соціалисты узнали, что Герцену вручена какая-то сумма для пропаганды, имъ показалось справедливымъ отобрать отъ него эти деньги. Александръ денегъ не давалъ и спрашивалъ: на что? Одни говорили, для посылки эмиссаровъ образовывать центръ на Волгѣ, другіе—издавать журналъ, третьи—отправить въ Одессу. Герценъ говорилъ, что ни въ чемъ этомъ нѣтъ надобности. «Колоколомъ» были недовольны.

— Старъ, скупъ становится,—говорили одни.

— Да нечего на него смотрѣть,—добавляли самые рѣшительные.—Взять отъ него эти деньги и баста. А будетъ упираться, продернуть его въ журналахъ,—забудетъ чужія деньги задерживать.

Денегъ Герценъ имъ не далъ. Въ журналахъ не продернули, хотя и ругали впослѣдствіи.

— Я не бросаю камнемъ въ молодое поколѣніе,—говорилъ Герценъ; но эти представители были представителями крайности—временной типъ, переходная форма, болѣзнь, развившаяся изъ застоя.

Самыя простыя отношенія съ ними были затруднительны. У нихъ не было ни воспитанія, ни научной подготовки.

Конечно, все это необходимо должно было переработаться и перемѣниться; жаль только, что подготовленная почва была слишкомъ проросши плевелами.

Общій фондъ, о которомъ слышали и такъ заботились пріобрѣсти для себя молодые эмигранты, составился слѣдующимъ образомъ.

Кажется, въ 58 году въ Лондонъ пріѣхалъ молодой человѣкъ Бахметьевъ изъ Симбирской губ. У него были какія-то семейныя непріятности, о которыхъ онъ не распространялся, но которыя произвели на него настолько сильное впечатлѣніе, что онъ рѣшился оставить Россію навсегда и завести на соціальныхъ началахъ коммуну на Маркизскихъ островахъ. «Скрыться куда-нибудь подальше отъ родныхъ»,—говорилъ онъ. У него было съ собой 50.000 франковъ капитала, изъ которыхъ 20.000 онъ желалъ употребить на какую-нибудь полезную пропаганду въ Европѣ.

Сначала Герценъ не могъ понять, почему Бахметьевъ его такъ допрашиваетъ, нѣтъ ли какой-нибудь коммерческой мысли въ изданіи «Колокола», «Полярной Звѣзды», «Былое и Думы» и пр. Герценъ на это разсмѣялся и объяснилъ ему, что типографія ему стоитъ 10.000 фр. въ годъ, что иногда она окупается отчасти продажей книгъ, а иногда и нѣтъ; что это его вовсе не заботитъ, потому что средствъ у него достаточно, а онъ просто осуществляетъ съ Огаревымъ завѣтную мысль съ дѣтства—служить своей родинѣ хоть издалека.

Выслушавъ это, Бахметьевъ задумался, а черезъ нѣсколько дней объявилъ Герцену, что онъ оставляетъ ему на издержки типографіи или чего онъ еще придумаетъ 20.000 фр., а самъ съ 30.000 поѣдетъ заводить коммуну на Маркизскихъ островахъ. Напрасно Герценъ убѣждалъ его не оставлять ему этихъ денегъ, что онѣ ему не нужны, и не ѣздить заводить коммуну; говорилъ, что такихъ людей, добродушныхъ и довѣрчивыхъ, какъ онъ, почти нѣтъ на свѣтѣ, и потому ничего у него не выйдетъ. Но Бахметьевъ былъ упрямъ и никакихъ доводовъ не допускалъ. Наконецъ Герценъ согласился взять эти 20.000 франковъ, говоря ему: «Я сберегу ваши деньги на пропаганду, если понадобится; буду тратить лишь проценты, и когда бы вы ни вернулись, капиталъ вашъ будетъ цѣлъ. Онъ вамъ пригодится, если мои предположенія сбудутся. Напрасно вы не соглашаетесь пожить здѣсь; вы бы увидѣли эмигрантовъ всякихъ націй и убѣдились бы, что ваши мечты неосуществимы».

Бахметьевъ покачалъ головой, говоря:

— Оставимте этотъ разговоръ,—все давно рѣшено въ моей головѣ. Поѣдемте лучше къ Ротшильду.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ Герценъ:—мы съ Огаревымъ дадимъ вамъ расписку.

— Не надобно,—отвѣчалъ Бахметьевъ.

Но Герценъ настоялъ, и расписка была дана обоими. Вотъ что и было подъ названіемъ «Общаго фонда».

Съ тѣхъ поръ никогда не было ни слуха, ни духа о Бахметьевѣ, но Герценъ хранилъ свято свое слово—капиталъ былъ цѣлъ. Только въ 1867 или 68 году Герценъ понялъ дурную сторону двойной подписи на распискѣ. Когда, кажется, въ 68 году, Александръ пріѣхалъ въ Женеву на короткое время для свиданья съ Огаревымъ, онъ почувствовалъ себя въ самомъ дурномъ расположеніи духа, увидавши, что Огаревъ слишкомъ поддается вліянію Бакунина и эмигранта Нечаева. Нечаевъ былъ до того антипатиченъ Герцену, что онъ постоянно отдалялъ его и никогда не допускалъ въ свое семейство. Если же Нечаевъ появлялся у него въ домѣ, то говорилъ своимъ: «Ступайте, куда хотите—вамъ незачѣмъ видѣть эту змѣю».

Огаревъ просилъ настойчиво пять тысячъ изъ Бахметьевскаго фонда и намекалъ, что имѣетъ такое же право по распискѣ, какъ и Герценъ.

Видя, что Герценъ этимъ встревоженъ, Наталья Алексѣевна рѣшилась посовѣтовать ему раздѣлить капиталъ на двѣ равныя части и предоставить Огареву распоряжаться одной, а другую оставить у себя безъ контроля. Къ ея удивленію, Герценъ тотчасъ согласился. «Совершенно справедливо,—сказалъ онъ:—вѣдь они не удовольствуются пятью тысячами, а тутъ по крайней мѣрѣ граница—черта». Такъ и было сдѣлано. Въ концѣ 69 года отъ части Огарева уже не оставалось ничего. Въ это время Герценъ вмѣстѣ съ Натальей Алексѣевной вернулся изъ Флоренціи въ Парижъ съ своей больной дочерью и самъ былъ очень нездоровъ и разстроенъ. Несмотря на это, Огаревъ, подчиняясь волѣ Бакунина, постоянно писалъ объ остальныхъ десяти тысячахъ и наконецъ сообщилъ, что Нечаевъ самъ ѣдетъ въ Парижъ для личныхъ переговоровъ съ нимъ. Александръ взволновался. «Не приму его у себя,

лучше пойду къ нему на квартиру. Когда Нечаевъ услышитъ, что я не дамъ ни копейки изъ десяти тысячъ, то, конечно, убьетъ меня и перепугаетъ васъ всѣхъ». Но свиданья не было—грозное 19 января 70 года наступило раньше.

Послѣ кончины Александра Ивановича Наталья Алексѣевна передала сыну его всѣ подробности этого дѣла. Огаревъ продолжалъ писать объ этихъ деньгахъ къ сыну своего друга.

— Пошлю имъ остальныя десять тысячъ,—сказалъ Александръ Александровичъ Герценъ:—отецъ могъ ихъ удерживать для своихъ плановъ, а мы—частные люди; пустъ Огаревъ съ Бакунинымъ дѣлаютъ изъ нихъ, что хотятъ, лишь бы эти деньги не оставались въ нашей семьѣ.

И послѣднія десять тысячъ франковъ были посланы Огареву, который и передалъ ихъ Бакунину.

Спустя нѣсколько времени по кончинѣ Александра Ивановича, дѣти его приступили къ полному изданію его сочиненій, еще не бывшихъ въ печати. Въ числѣ статей, предполагавшихся къ напечатанію въ этомъ изданіи, была статья подъ названіемъ «Общій фондъ», въ которой Александръ Ивановичъ высказываетъ свои взгляды относительно крайней революціонной партіи того времени. Руководители этой партіи, узнавъ объ этомъ намѣреніи дѣтей Александра Ивановича, отправили къ его сыну письмо съ бланкомъ «Народная расправа» съ угрозами. Письмо было безъ подписи.

Въ «Народную расправу» былъ посланъ слѣдующій отвѣтъ: «Дѣти Александра Ивановича Герцена не боятся народной расправы».

Статья была напечатана.

Александръ Ивановичъ Герценъ совсѣмъ оставилъ Женеву еще въ началѣ 1867 года и сталъ выбирать мѣсто, куда бы могъ перевести свою типографію, поселиться тамъ самому и продолжать свою литературную дѣятельность.

Швейцаріи онъ не любилъ, всегда говорилъ, что мѣщанскій духъ ея ему несимпатиченъ.

Ни во Франціи, ни въ Италіи, ни въ Бельгіи открыть типографію его не допустили бы, вслѣдствіе чего онъ

и рѣшился оставить ее въ Женевѣ, а самому поселиться тамъ, гдѣ придется больше по душѣ.

Въ 1860 году у Натальи Алексѣевны Огаревой родилась дочь Лиза, а послѣ нея еще двое дѣтей, близнецы, которыхъ она лишилась въ 1864 году и такъ была убита потерей этихъ малютокъ, что нигдѣ не находила по себѣ мѣста, чтобы успокоиться, и уѣхала съ Лизой въ Ниццу, гдѣ были похоронены ея малютки-дѣти, а оттуда, отъ времени до времени, ѣздила въ разныя мѣста Франціи и Швейцаріи.

Въ продолженіе этого общаго передвиженія обѣ дочери Александра Ивановича бо́льшей частью жили въ Италіи, а Огаревъ въ Женевѣ, завѣдывалъ редакціей и постоянно переписывался съ ними.

Александръ, путешествуя, дѣлилъ свое время между своими дѣтьми и семействомъ Огарева, временами жилъ съ ними вмѣстѣ, временами навѣщалъ Огарева. Въ послѣдній годъ своей жизни онъ ѣздилъ въ Ліонъ, Бельгію и Голландію. Въ Ліонъ пріѣзжала къ нему старшая дочь его Наталья Александровна и Наталья Алексѣевна съ Лизой. Изъ Бельгіи онъ пріѣхалъ въ Парижъ, чтобы тамъ устроиться на болѣе продолжительное время.

Съ 1864 года Александръ Ивановичъ страдалъ діабетомъ. Болѣзнь его опредѣлилъ Сергѣй Петровичъ Боткинъ. Александръ лѣчился, но не послѣдовательно. Ему совѣтовали пользоваться водами Виши и послѣ предварительнаго лѣченія избѣгать всякаго душевнаго потрясенія.

Но какъ ихъ избѣжишь?

Въ 1866 году Александру дали знать телеграммой, что Огаревъ сломалъ себѣ ногу. Это такъ поразило его, что онъ совсѣмъ растерялся и, сбираясь къ нему ѣхать, въ полномъ отчаяніи говорилъ: «я его не застану». Хотѣлъ ѣхать и не могъ тронуться съ мѣста, не могъ успокоиться, пока собрали все необходимое для поѣздки и проводили его на желѣзную дорогу.

Другой ударъ поразилъ его еще сильнѣе. Въ 1869 году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, Александръ, пріѣхавши въ Парижъ изъ Бельгіи, получилъ письмо отъ своего сына, въ которомъ тотъ просилъ его поскорѣе пріѣхать во Флоренцію, такъ какъ одна изъ сестеръ его сильно заболѣла.

Александръ поспѣшилъ въ Италію вмѣстѣ съ Натальей Алексѣевной и Лизой, а въ декабрѣ 1869 года перевезъ обѣихъ дочерей своихъ въ Парижъ. Больная вскорѣ оправилась и впослѣдствіи совершенно выздоровѣла.

Въ Парижѣ, 1870 года 13 января новаго стиля, Александръ простудился—у него сдѣлалось воспаленіе легкихъ, что въ діабетѣ очень опасно.

И Герцена не стало.

Такъ какъ Александръ Ивановичъ Герценъ, несмотря на ошибки свои, былъ русскій, любилъ Россію, писалъ и работалъ для русскаго общества, то какъ онъ самъ, такъ и трудъ его и все, что касается его жизни и трудовъ, не лишено для Россіи интереса и извѣстнаго значенія.

Имѣя нѣсколько писемъ, писанныхъ Александромъ Ивановичемъ въ продолженіе двухъ послѣднихъ лѣтъ его жизни, я рѣшилась помѣстить нѣкоторыя изъ нихъ сперва въ уважаемомъ мною журналѣ «Русская Старина», а потомъ среди моихъ воспоминаній «Изъ дальнихъ лѣтъ».

Въ этихъ послѣднихъ письмахъ его къ своему, также уже покойному, другу Николаю Платоновичу Огареву ярче всего очерчиваются какъ взгляды его на тотъ періодъ его жизни, такъ и его дѣятельность *).

«11-го ноября (1866 г.). Понедѣльникъ.

«Изъ письма къ Тхоржевскому ты увидишь, что въ Америкѣ мы одержали викторію, и что потери прошлыхъ годовъ могутъ вознаградиться такъ, что дохода въ прибавкѣ будетъ 5.000 фр. ежегодно. (Да въ убавкѣ Virginio Ohio Stoch). Прошлогодніе дефициты симъ покроются и свободы движенья больше. Теперь только куплены Un Sl. 6%—1882 (?)—на половины суммы.

«Для другой операціи надобно съѣздить въ Парижъ. Постороннимъ объ этомъ не толкуйте,—ни даже Баку-

*) О значеніи литературной и публицистической дѣятельности А. И. Герцена (Искандера) много вѣрныхъ замѣчаній въ обширномъ трудѣ Н. Н. Страхова «Борьба съ западомъ въ нашей литературѣ». Спб., 1882 года, статья «Герценъ», стр. 1—144 и слѣдующія.

нину. Къ тому же на итал. фондахъ будетъ большая потеря.

«Я еще не знаю—когда и куда поѣду; вѣроятно, придется съѣздить въ Туринъ, можетъ, и во Флоренцію на недѣлю; тогда я поѣду въ Парижъ—послѣ.

«Дома все печально; теперь Натали рѣшается ѣхать не въ Россію, а въ Америку. И говоритъ пресерьезно. Есть, должно-быть, что-нибудь противъ Сатина (Жемчужниковъ говоритъ, что онъ проигрываетъ кушами въ 5 и 6.000—меня это бѣситъ)! До мая я за все отвѣчаю.

«Устрой объявленіе о Колоколѣ въ журналахъ, въ родѣ...»

(Далѣе лоскутъ оторванъ).

«Я возьму у Ротшильда 15.000—изъ нихъ ему дамъ 7.000—а остальное на подмазываніе польск.—типогр. нашихъ дѣтскихъ. (?) Стало, и тебѣ могу прислать. Иду къ Авендору.

«Получилъ ли мою статью русскую? Чернецкій получилъ французскую».

«15-го апрѣля (1867 г.). Вторникъ. Ницца,
«27, Prom. des Anglais.

...«Ты, Огаревъ, во всемъ durch und durch неправъ—даже въ твоемъ униженіи себя. Но, оставляя все—я говорю, что ты живешь жизнью своей, что ты вѣчно занятъ (положимъ, апокалипсисомъ, и безъ толку)—и въ минуты прострацiи или устали—ищешь силъ и освѣженья не на людяхъ,—а въ винѣ. Да и при этомъ ты въ 28 лѣтъ—не вынесъ бы 28 дней твою Лансійскую обитель. У тебя, сверхъ того, бездна кротости и снисхожденія. Теперь я спрашиваю: гдѣ же у Саши хоть одинъ элементъ, годный на борьбу—на борьбу жизни при такой обстановкѣ, да еще изъ-за дѣвочки—выдутъ ея родители. Все твое разсужденіе о сестрахъ мужа—въ противоположность сестрамъ замужней сестры—мнѣ кажется неосновательнымъ, и тутъ равно можно рѣшать вопросы по + и по —. Но что строй всей ихъ жизни испорченъ вводомъ гетерогеннаго элемента, это ясно. Я тебя также спрошу, гдѣ ты нашелъ «единодушное простодушіе»? и находилъ ли его? А соглашеніе inter pares—эквилибрація,—какъ ты называ-

ешь, при извѣстномъ развитіи есть. Inter pares—не значитъ по происхожденію, даже по состоянію—а значитъ—имѣть общую историческую базу и что-нибудь о б щ е е во внутренней жизни. Искалъ ли ты ее с е р ь е з н о—въ обоихъ случаяхъ твоей жизни, въ 1837 и въ 1850 г. и въ 1857 г.? Когда есть э т о о б щ е е—можетъ выйти трагедія, какъ у меня, а не драка, не перемежающееся обругиваніе,—и не та психическая даль, въ которой ты живешь. Я Сашѣ говорилъ,—я Сашѣ писалъ на-дняхъ. Затѣмъ съ стѣсненнымъ сердцемъ мою себѣ, какъ Пилатъ, руки. Бракъ его опаснѣе перехода черезъ Mont Cenis.

«Еще потерянная баталія! И контузія, отъ которой боль будетъ чувствоваться десятки лѣтъ.

«Насчетъ твоего желанья видѣть всѣхъ я никогда не сомнѣвался и не такъ ставилъ вопросъ. Перечитай—а я перейду къ другому. Что къ концу мая я Natalie и Лизу отсюда увезу, это вѣрно. Но надолго ли, и легокъ ли будетъ визитъ или съѣздъ Camp d'or—между Женевой и Лозанной—не знаю. Сдѣлаю, что могу. Лучше всего, если-бъ Тхоржевскій нашелъ что-нибудь путное въ Пранжіусъ *) Nyon, даже Corpet'ѣ. Лозанну боюсь,—и еще въ Вевей ѣдетъ Ж е м ч у ж н и к о в ъ съ своей чахоткой. Кромѣ Швейцаріи жизнь все же невозможна.

«Какъ же ты могъ вообразить, что письмо отъ малоросса? Ничего общаго, ни малороссійскихъ оборотовъ, ни украинскихъ вопросовъ. Петербургъ и Петербургъ. Печатать необходимо—можно оговориться. Если въ самомъ дѣлѣ малороссъ пришлетъ, то я готовъ издать русское прибавленіе 1 м а я одно безъ франц.,—если ты того-жъ мнѣнія. Пожалуй, даже одно это письмо**). Онъ обѣщаетъ продолженіе.

«Гу..... вѣроятно, въ Женевѣ,—это страшнѣйшая....—какъ вся банда, находимая тобой милыми юношами—Венерики, Элпидики, Касатики, Ме... Мое непреодолимое отвращеніе оправдывается ежедневно. Прощай. Мечникову передай, что я прошу его о ч е т ы р е х ъ ли-

---

*) Пранжіусъ — загородный домъ недалеко отъ Женевы, который одно время занималъ Герценъ.

**) Но тогда этого будетъ мало—нѣтъ ли чего у тебя?

стахъ, но что невозможно же впередъ сказать и потому—можно, если нужно, прибавить нѣсколько страницъ—два листа къ 1 іюню, два листа къ 1 іюлю».

«8-го іюня (1867 г.), воскресенье (Ліонъ).

«Доискался-таки твоего письма въ здѣшнемъ постофисѣ. Штемпель Génève былъ на фамиліи, написанной тончайшимъ и мельчайшимъ шрифтомъ.

«Но, карѣйшій, фондъ или фонъ дѣла не измѣнился—вотъ въ апёпрях? что ты писалъ: «Итакъ, вы ѣдете во вторникъ. Признаюсь, что происходящее передвиженіе меня настраиваетъ грустно... тѣмъ паче, что Туцъ безпрестанно спрашиваетъ Юлу... и я не знаю... etc., etc.» Если ты забылъ или написалъ сгоряча, то все же оно остается schwarz auf weiss... Я тутъ требую только нелицепріятной и безпощадной правды и самъ ею плачу. Вопросъ такъ выразится:—взглянуть на Лизу, Тату и Natalie, не говоря обо мнѣ, доставитъ тебѣ n—удовольствія, а съѣздить за городъ и провести мѣсяцъ вдали отъ привычекъ: p—горестей. Ну, и надобно себѣ на духу сказать, что n <p или p <n? Я смѣло говорю, что p < n... *). Чтобъ сдѣлаться понятнѣе, я даже принялъ исковерканный языкъ Дм. Мат. Перевощикова. Я тебя и спрашиваю—дай мнѣ намекъ, какъ пріѣхать съ Лизой и Natalie въ Женеву—не безобразно, или отложимъ всю поѣздку на неопредѣленное время, а я на-дняхъ пріѣду на двое сутокъ. Всего жалчѣе при этомъ Лиза—она дѣйствительно тебя любитъ и хочетъ видѣть,—и я не думаю, чтобъ ей можно было, въ 9 лѣтъ, внести сумбуръ нашей жизни безнаказанно въ голову. Она очень умна и страшно смѣтлива. Вотъ и все.

«Чѣмъ больше я смотрю на Ліонъ—вотъ городъ, въ которомъ можно жить à l'abri сплетенъ (онъ слишкомъ великъ и занятъ; въ немъ нѣтъ русскихъ), и пріѣзжать изъ него мнѣ очень легко. Оставимъ Prangius до августа или до сентября. Въ антрактѣ мы съѣздимъ (безъ всякой пользы) въ Алзасъ; Тата, вѣроятно, пріѣдетъ къ

*) Ясно, что если-бъ ты могъ видѣть всѣхъ въ Женевѣ—p=o и n въ maximum'ѣ. *А. Г.*

концу іюня—въ Mülhouse или Colmar. Саша собирается (Юлу тутъ на мѣсто) въ Германію женившись и хочетъ заѣхать въ Швейцарію. А propos, Тата мнѣ писала, что ты Сашѣ проповѣдывалъ, что «бракъ вообще несчастіе—а ужъ тамъ все равно—на Терезинѣ или на Акулинѣ жениться». Его остановить было нельзя. Не такой аксіомой можно было подстрекнуть. Коли все равно—why nor? Это совершенно противоположно моему воззрѣнію, жениться на ребенкѣ безъ состоянія, безъ развитія, безъ образованія, изъ чуждой среды—показываетъ, что на Акулинѣ жениться лучше, меньше черныхъ шансовъ. Его ждетъ опущеніе, обѣднѣніе, тѣснота и дѣти,—все вещи, легко побѣждаемыя влюбленными, пока длится любовь *). Чтобъ кончить семейныя идиллiи, Natalie пытается обуздывать себя, и когда все тихо, идетъ жизнь такъ себѣ. Но при малѣйшемъ поводѣ воскресаетъ снова «старая Ева» (?), и всѣ первыя движенія анти-гуманны.

«Не мѣшаетъ прислать mise en page франц. «Колокола».

«Я подожду еще отъ тебя письма или двухъ и, можетъ, въ среду (или четвергъ) пріѣду, заранѣе пана увѣдомлю. Вообще я изъ Ліона тороплюсь медленно, а потому разсчесть присылки mise en page не трудно. Корректуру «Полярной Звѣзды» (о Франціи) могу сдѣлать въ Женевѣ. И затѣмъ прощайте».

«Тхор—му. Воскресенье.

«А ужъ вы, ясновельможный, и въ воскресенье и часъ назначили... нѣтъ, и я сталъ двигаться медленно. Это одинъ Нефтель у насъ по бурямъ и чудесамъ носится себѣ за океанъ.

«Я не на шутку думаю, что въ Ліонѣ можно жить до зимы и имѣть постоянную квартиру. Всѣ условія есть

*) А. А. Герценъ (сынъ) женился на той итальянкѣ, за счастье съ которой А. И. опасается въ этомъ письмѣ. Отецъ ошибся. А. А. живетъ очень счастливо, жена его прекрасная женщина, милая, умная. Я провела съ ними во Флоренціи нѣсколько дней и радовалась на ихъ счастье, любовалась ихъ прелестными дѣтьми. У нихъ восемь сыновей и дочь. А. А. отличный семьянинъ, кроткій, умный, занимается естественными науками и читалъ лекціи во Флоренціи въ университетѣ, а нынѣ въ Лозаннѣ. Всецѣло преданъ наукѣ и воспитанію дѣтей. *Т. П. Пассекъ.*

и жизнь недорога; отсутствіе живущихъ туристовъ замѣтно на человѣческомъ обращеніи народа, лавочниковъ. Вотъ кто бы думалъ?

«П о с лѣ о б ѣ д а. Сейчасъ получилъ письмо отъ Meysenbûg—она отправляется 12-го въ Крейцнахъ, будетъ съ Ольгой—въ Мюнихѣ и Тиролѣ и осенью черезъ Бреннеръ въ Италію. Тата ѣдетъ съ какими-то англичанами черезъ Splugen и Baden (нѣтъ ли порученій Тургеневу?)—въ Baden'ѣ будетъ ждать—назначенія rendez-vous. Саша отправл. въ Берлинъ.

«П а к и О г а р е в у. Ты видишь, что партія движущихся гораздо богаче столпниковъ байбаковъ (не по болѣзни, а по форлибѣ).

«Жду С а з о н о в а панихиду.

«Манускриптъ Мейзенбугъ вамъ отдастъ С о м ь е».

«1-го августа (1867 г.?). Chateau Laufen (возлѣ водопада).

«Хотя ты на меня, вѣроятно, и посердился за прошлое письмо, но дѣлать мнѣ было нечего. Вслѣдъ затѣмъ оказалось, что у меня съ собой денегъ очень мало, и это не только потому, что путешествіе все же дорого, но и потому, что я послалъ, въ два пріема, Мейзенбугъ 1.000 fr.—Словомъ, оказалось у меня 400 ф. съ чѣмъ-то,—съ уплатой счетовъ и желѣзной дорогой этого не могло хватить больше, какъ на 8 дней (теперь насъ четверо). Только что я хотѣлъ писать Тхорж., а онъ пишетъ, что ѣдетъ въ Бернъ. Я его задержалъ телеграммой и послалъ ему чекъ въ 1.500 ф. Если тебѣ 500 нужны для Мечникова? можешь взять. Мнѣ Тхор. долженъ переслать 1.000 ф. въ Цюрихъ—poste restante. Вѣроятно, во вторникъ или среду утромъ получу 4 или 5—и буду ждать послѣднихъ распоряженій по Prangius. Въ rez de chaussée сомнѣваюсь. Какими судьбами Тхор. успѣлъ тебя свозить кататься, это его Садова.

«Водопадъ хорошъ и очень внизу,—вѣроятно, ты его видѣлъ.

«Съ К и н н е л е м ъ у меня было курьезное столкновеніе. Онъ явнымъ образомъ самъ въ фальшивомъ положеніи—снова anti-прусакъ и подъ вліяніемъ поляковъ. Поляки насъ, должно быть, шельмуютъ всѣмъ на свѣтѣ. Онъ меня началъ допрашивать о нашей пере-

мѣнѣ, а самъ ничего не читалъ. Я старался сначала обратить все дѣло въ шутку, но былъ вынужденъ написать ему письмо, котораго копію покажу. Разумѣется, я съ ними всѣ сношенія прерву. Но насъ это ждетъ еще не разъ. Сочувствіе и дружба сдѣлали немногое, благодарность—ничего. Поляки и твои женевскіе protégés покажутъ, что̀ можетъ дѣлать зависть и ненависть.

«Вѣроятно, поѣдемъ въ S.-Gallen, а можетъ, и до озера (Констанскаго). Во всякомъ случаѣ, во вторникъ буду въ Цюрихѣ—и на poste restante.

«Лиза очень хочетъ тебя видѣть. Все идетъ такъ себѣ—но и хорошаго не много.

«К е л ь с і е в а почти дочиталъ и все еще преступленія не нашелъ. Ему надобно новую ссылку, тогда онъ отрезвѣетъ. Ты, кажется мнѣ, просмотрѣлъ хорошую сторону романа Толстого и преувеличилъ черную сторону Кельсіева—самъ ты или по наговору Мерчинскаго? Онъ Татѣ говорилъ и о Толстомъ, и о Кельсіевѣ?

На о б о р о т ѣ: «8 вечера San Gallen.

«Пріѣхали въ Hôtel du Lion. Прощай».

«Пятница (1867 г.?).

«Твои консультаціи и Тхор. рапорты получилъ. Хотя Frangius и дорогъ, но одинъ мѣсяцъ villegiat'уры куда ни шло. Только во всемъ этомъ нѣтъ салона. Я писалъ Тхор., что за салонъ можно уступить luncheon. Потолкуй съ нимъ объ ѣдѣ.

«Тебѣ рѣшительно нечего прятаться отъ Алексѣя Алексѣевича (хотя ты его, кажется, напрасно ждешь скоро, я этого не писалъ)—ты безусловно правъ. Да и я боюсь въ немъ только скучной болтовни и безсонницы. Вопросъ не тутъ, а все-таки въ фантазіи и постоянномъ метаньи изъ одной крайности въ другую Natalie. Я знаю, напр., во всякомъ случаѣ, какъ ты поступишь, даже какъ Тата, а съ Natalie не знаю. Ты поставилъ какую-то схоластику—чье право иниціативы, кто спрашиваетъ, кто только отвѣчаетъ,—эта казуистика не идетъ къ капризамъ. Насчетъ офиціальности, Natalie рѣшительно не знаетъ, чего хочетъ. Если-бъ была сила—надобно passer outre—и деспотически идти и вести своей дорогой. Мое присутствіе р ѣ ш и т е л ь н о п о л е з н о для Лизы, при мнѣ онѣ живутъ въ одной

атмосферѣ. До какой степени она умна, ты увидишь, только ее надобно разговорить. Одна она глохнетъ. О ней я представлялъ всѣ резоны—не Соловецкій монастырь страшенъ, а Смольный. На первый случай опять побѣдилъ. Что дальше—и гадать не умѣю.

«Запрятавши грузинскіе когти, Никол. въ предисловіи къ Черныш. зацѣпилъ насъ и совершенно съ той точки зрѣнія, съ которой Писаревъ въ Базаровѣ (видно, я не ошибся). Тебѣ Богъ попрыскалъ очи такой водой, что ты розы видишь, а шиповъ не можешь видѣть. Замѣть, что, какъ истые подлецы, они о насъ не упоминаютъ и бьютъ намеками, отъ которыхъ отпереться легко, а нападать на которые трудно.

«Вѣроятно, больше мѣсяца въ Алзасѣ не застрянемъ и къ іюлю можемъ пріѣхать. Я тебя приглашаю на мѣсяцъ, съ правомъ уѣхать на другой или третій день.

«Насчетъ отзыва поляка-аристократа не полагайся. «Колоколъ» въ Россіи не идетъ, а одна причина и есть для изданія удержать вживѣ органъ. Теперь, можетъ, пошелъ бы ежедневный листъ, такой, какъ предлагалъ Панаевъ (въ Брюсселѣ воскресло «Эхо», подъ именемъ «Polyglotte»—плохо). Сдѣлаемъ вызовъ печатно и посмотримъ.

«Въ «Голосѣ» много путнаго и рѣзкаго. Читаешь ли ты его хоть изрѣдка? Между новыми книгами въ Петербургѣ вышла: «Радищевъ и его путешествіе изъ Петербурга въ Москву». Если ты не читалъ статью изъ Смоленска о голодѣ, я пришлю».

«Январь (1868 г.?). Четвергъ. (Ницца).

«Наконецъ явились «Отечественныя Записки», старый «Вѣстникъ» (одинъ, а не два, какъ ты пишешь) и письмо.

«Раздѣлить Прибавленіе на французскую и русскую часть можно заглавіями, но продавать врознь нельзя—никто не купитъ русской части. Да и когда же придетъ протестъ книгопродавцевъ—когда это будетъ послѣдній листъ? Въ «Figaro» было нѣсколько строкъ о прекращеніи «Колокола» и переведенъ весь анекдотъ о NN. Замѣть, ни одного русскаго голоса—ни даже частнаго. «Колоколъ» умеръ, какъ Клейнмихель, «никѣмъ

не оплаканъ», и мы лѣзли изъ шкуры для этой милой св.....

«А propos «Полярной Звѣзды»—можно начать печатать тотчасъ, какъ Георгъ заплатитъ за всю прошлую. А если та не разойдется, мое мнѣніе—вовсе не начинать. Статья моя in Bakourrinen кончена, но она можетъ и полежать.

«Толкай, совѣтуй, подстрекай Чернецкаго... въ ассоціацію—пусть дѣлаетъ уступки.

«Могу себѣ представить, что̀ дѣлается у васъ, когда сухой холодъ здѣшнихъ вечеровъ заставляетъ дрожать, какъ въ лихорадкѣ. Гдѣ же жить? Неужели четыре, пять мѣсяцевъ зимы въ холодныхъ домахъ должны проводить всю жизнь и искупаются наслажденіемъ неподвижности? Съ Ниццей я прощаюсь—довольно, а куда изъ нея, не знаю.

«Сейчасъ получилъ отъ Ротшильда счетъ. Все исправно. Американская продажа покрыла всѣ дефициты. Прощай».

«7-го апрѣля 1868 г. Пятница.

«Журналы необыкновенно интересны. Какъ-то пульсъ старушки поднялся, и даже «Голосъ» буянитъ не въ свою голову. Въ немъ двѣ рѣзкія статьи. Далѣе, поручи Тхоржевскому достать «Revue des deux mondes» 1-го апрѣля и прочти статью Мазада о Россіи; не смотри на пошлое, шляхетски «вѣстовое» окончаніе,—статья очень интересна. Мнѣ теперь лафа—все уѣхало или уѣзжаетъ, и въ Casino человѣкъ пять и сотня журналовъ. Охъ, слѣдовало бы теперь поработать гдѣ-нибудь на виду. Въ Парижѣ, я увидѣлъ, вновь было бы легко поставить барку по теченью... но... частныя дѣла, можетъ, больше всего мѣшаютъ всему. Вчера Тата писала Natalie письмо, очень умное; для нея начинается совершеннолѣтіе; въ самомъ дѣлѣ, она оглядывается кругомъ и говоритъ чуть ли не сквозь слезы—«выхода для всѣхъ насъ я не вижу и потому не дѣлаю ни плановъ, ни проектовъ». Вотъ куда мы привели молодежь нашу. Ей бракъ Саши*) непріятенъ**), я это чутьемъ

*) Сынъ Герцена—Ал. Александр.

**) Наталья Александровна всегда была и осталась въ самыхъ теплыхъ отношеніяхъ съ семействомъ брата.

Т—евѣ хороша. Цѣна очень дорога. Выходить онъ не будетъ. Можетъ, я напишу нѣсколько строкъ для французскаго «Колокола».—Гул..... (одинъ изъ худшихъ) говорилъ, что нашъ монополь мѣшаетъ имъ писать,—ну, вотъ, монополь снятъ,—увидимъ».

«Отъ Алексѣя Алексѣевича есть письмо, онъ очень жалѣлъ о тебѣ. На годъ долгъ отсроченъ. Опять говоритъ, что пріѣдетъ въ продолженіе года. Natalie сердится на Сатиныхъ за то, что мало тревожились о тебѣ, не странно ли?»

«Что Фогтъ вретъ о Бакунинѣ? Какой журналъ и гдѣ же будетъ издаваться,—развѣ въ Элпидовкѣ (статья о Европѣ, можетъ, его). А моя статья о Польшѣ провела между нами ту черту, которую я давно хотѣлъ обозначить.

«Жду твоего отвѣта.

«Ты спрашиваешь о поднятомъ тонѣ газетъ; да читай ты бой съ клерикальной партіей и во Франціи, и въ Австріи, рядомъ съ бряцаніемъ оружія и ирландскими дѣлами. Это не летаргія. Статью о Мазадѣ пошлю завтра. Пану поправляй, урѣзывай (властною рукою).

«На это немедленный отвѣтъ».

«1-го мая 1868 г. Пятница. (Ницца).

«Caro mio—ты весь «въ обломкѣ древней истины»—какъ называлъ Баратынскій предразсудокъ. Ну, какъ можешь ты вообразить, что на официальный запросъ—Бисмаркъ или другой—поставитъ ловушку. Нельзя теперь выдумывать исторію Іоанна Гусса или Войнаровскаго. Гдѣ же примѣръ за 50 лѣтъ?

«Не легче ли или не гибель сказать «нельзя». Если бояться несбыточныхъ бѣдъ, то вдвое надобно бояться желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ.

«Рѣшено ѣхать 25 мая. Отчего не взглянуть на Альзасъ,—къ тому же Мюльгаузъ отъ Базеля часахъ въ двухъ—стало, это у вашихъ у воротъ. Вѣроятно, я съѣзжу въ Парижъ—мнѣ все мерещится, что тамъ можно многое сдѣлать для насъ.

«А Мерчинскій при всемъ знаніи Мейендорфики—видно, дѣло плохо знаетъ. Если бы было просто сумасше-

ствіе, Будбергъ не слетѣлъ бы. А видѣлъ ли ты, что братъ Мейзенб. будто бы назначенъ посломъ въ Римъ отъ Австріи? Это гнусный клерикалъ».

«? Что ты поправилъ или переписалъ твое посмертное письмо?

«? И о чемъ ты именно пишешь?—Какая мысль или работа тебя занимаетъ—скажи только предметъ?...»

«2-го мая 1868 г. Суббота.

«Шестнадцать лѣтъ тому назадъ здѣсь—въ ста шагахъ—скончалась Natalie*). Вчера я съ Лизой шелъ недалеко отъ того дома—и теперь только замѣтилъ, что наслѣдникъ умеръ возлѣ. Что за странная случайность. Съ тѣхъ поръ и пошла жизнь неправильно. Вѣра въ нее и въ себя были потрясены...»

«А тухлая грязь своимъ чередомъ. Вчера я встрѣтилъ Вормса одного, пошелъ прямо на него и сказалъ:

«— Зачѣмъ вы пишете мнѣ глупыя и наглыя письма?»

«— Да вы меня компрометировали и сказали, что знаете меня... и бранили мои стихи, отзываясь обо мнѣ, какъ о потухшемъ факелѣ.

«— Я этимъ слогомъ не выражаюсь и до сихъ поръ не встрѣчалъ человѣка, который бы такъ боялся меня. Я дивлюсь вамъ, у васъ совѣсти нѣтъ—стыдно вамъ, и говорю откровенно—не отвѣчалъ вамъ изъ глубочайшаго презрѣнія.

«— Ну, да что тутъ толковать,—и онъ пошелъ, сказавши имя русскаго, который ему говорилъ. Совсѣмъ лицо неизвѣстное.

«Вотъ главное слово въ слово. Вѣроятно, онъ сходитъ на меня опять письмомъ. Аристократъ ли я, дуракъ ли я—не знаю—но съ Долгорукимъ (князь Петръ Владиміровичемъ) у меня есть общій языкъ, и Долгорукій никогда не оскорблялъ ни меня, ни тебя—такимъ образомъ. А его мы отлучили отъ воды и огня. А эти плащицы не съ Аполлоновыхъ—а съ м.... «Современника»—ходятъ подъ какой-то амнистіей. Что они меня потащили бы на висѣлицу—въ этомъ я убѣжденъ. Что они

---

*) Наталья Александровна Герценъ, жена А. И. Герцена.

еще сдѣлаютъ засаду—это ты увидишь. Поэтому надобно предупредить ихъ и стать на военную ногу—статьей—или убить на дуэли какую-нибудь дрянь,—тогда, если не убьютъ, можно спокойно вѣкъ дожить.

«Здѣсь одинъ изъ юношей—Базаровыхъ—к о л о т и т ъ свою мать. Они развиваются. К..... и Ч***, Г—вы—пьяные и Б—тинскіе — трезвые — всѣ лучше и нравственнѣе этихъ негодяевъ, этого сифилиса нашей революціонной б..... Да что ты, въ самомъ дѣлѣ, не раскусишь съ 1861 года тургеневскаго Базарова,—нельзя же всю жизнь на него смотрѣть съ утячей точки зрѣнія, какъ капелька и жукъ. Онъ слабъ, поверхностенъ, дурно задуманъ—но онъ богъ передъ этими свиньями. Иногда подумай и объ этомъ.

«На-дняхъ забѣжалъ ко мнѣ У—проститься (здороваться не пріѣзжалъ), ѣдетъ въ Парижъ, краситъ волосы и возвращается въ Россію. Плохъ до безконечности.

«Итакъ, въ пятницу перенесеніе нетлѣнныхъ—въ rue des petits philosophes. Я Татѣ писалъ уже. Ce n'est pas mal pour la rue d'avoir un grand—et très bien pour Ogareff d'aret si modeste. Вѣрую въ Тхоржевскаго и помощь неустанную и неусыпную. Тотчасъ рапортую. Прощай.

«Ѣдемъ на кладбище. Вчера былъ длинный разговоръ—серьезный и не выродившійся въ бойню—но до результата далеко. Все, все лежитъ въ непониманьи и характерѣ, да еще въ несправедливости желаній, чтобъ всѣ признали свою вину—кромѣ виноватаго.

«Лиза ничего, даже и дурныя шалости оставила бы скоро, если-бъ искра таланта или вниманіе была приложена. Она учится хуже (жарко и тяжело), но умна и развязна. Выросла очень».

«7-го мая 1868 г. Четвергъ. (Ницца).

«Описывая всякія подробности о квартирѣ, ты забылъ одну довольно важную для переписки—а д р е с ъ. Rue des petits philosophes ничего еще не значитъ. А потому опять адресую Тхоржевскому.

«Если тебѣ теперь трудно работать, то для чего же ты работаешь? Есть Мечниковъ—ну, и печатать его. Въ будущій №—Якушкинъ (выйдетъ almeno 22—23 ко-

лонны). Ad Мечникова. Пришли свидѣт. о Сазоновѣ, просто мнѣ. Что же ты Боткина увидишь или нѣтъ? ты о его пріѣздѣ какъ-то пишешь таинственно—«другъ Mons. D-r...», это все принадлежитъ къ другой эпохѣ и къ другой ипохондріи,—къ той, въ которой можно думать, что Бисмаркъ покроется грязью для—глазъ союзника. Его совѣтъ былъ бы недуренъ.

«Насчетъ Базарова позабудь ты существованіе Тургенева и отрѣшись отъ нашихъ популярничаній,—тогда ты поймешь слабую и нагую вѣрность типа. Базаровъ нравственно—выше послѣдующихъ Базароидовъ. Онъ у Тургенева—храбръ, уменъ, не воръ, не доносчикъ, не вонючій клопъ. Ты напрасно стираешь нюансы, и человѣкъ, который изъ ревности хватилъ въ зубы жену и прогналъ—ничего не похожъ на сына, который колотитъ мать-старуху и живетъ съ ней, на ея счетъ. Эта защита гнилого помета—у тебя игра. Оттого-то я и не могу оставить безъ отвѣта. Долгорукій (Петръ Владиміровичъ) и N***—при страшной наглости, въ душѣ признаютъ за нами к о е - ч т о, и это кое-что ставитъ границы. Тѣ ничего не признаютъ—и vogelfrey. Я смотрѣлъ прямо въ глаза Вормсу—я видѣлъ одну злобу, смѣшанную съ вопросомъ:—«Ну, а какъ хватитъ въ зубы?» — Ничего, — ни одного движенья сердца, души. Оттого, что ты этого не понимаешь,—оттого ты не понимаешь, почему ихъ сплетни—страшны, и почему я, не скрывая Туца, думаю, что не надобно его ежедневно дѣлать вызывающимъ средствомъ—для негодяевъ.

«Долгорукій объявилъ Docteur Levier, что онъ ѣздитъ къ нашимъ во Флоренцію не будетъ, ибо Саша визита не заплатилъ.

«Вотъ и финалъ.

«Изъ Россіи письма—и, какъ всегда, все тотчасъ пошло вверхъ дномъ. Все шло мирно—теперь все опять sur le lapin. Сатинъ и его жена зовутъ въ Россію Natalie съ Лизой—непремѣнно. Сатинъ, между прочимъ, пишетъ: «пора имъ убѣдиться, что эмиграція теперь потеряла смыслъ». Что это? приглашеніе... намеки... Далѣе Алексѣй Алексѣевичъ на годъ вывернулся. Елена пишетъ, что она предлагаетъ ему взять его имѣнье и платить ему около 4.000 руб. ренты. Это хорошо. Но, мнѣ кажется, не совсѣмъ справедливо относи-

тельно Лизы,—если имѣнье представляетъ дохода до 12.000 фр.,—то оно достанется все даромъ послѣ смерти Алексѣя Алексѣевича Сатинымъ. Я замѣтилъ это и навлекъ на себя безконечный гнѣвъ. Что, я ошибаюсь или нѣтъ.

«Алексѣй Алексѣевичъ удивленъ, что Natalie не съ тобой послѣ перелома ноги. Сатинъ пишетъ, что онъ догадывается. Это окончательно привело въ смущеніе. Предлагаетъ оставить ее въ Альзасѣ, при пансіонѣ, туда выпишетъ Natalie Алексѣй Алексѣевичъ—требуетъ совершенно о ф и ц і а л ь н а г о признанія;—но сколько я ни спрашивалъ, ч т о т а к о е—одинъ отвѣтъ: «стало, ѣхать въ Россію» *). Все это очень невесело—и я торопиться въ Prangius все же не буду. Ѣдемъ отсюда 28—29. Что, Тхоржевскій пріѣдетъ? Мнѣ это не нужно для дѣла,—чисто для него хотѣлось мнѣ сдѣлать удовольствіе. Онъ можетъ пріѣхать хоть 20—21—22, или совсѣмъ не ѣздить.

«Вдаль я не смотрю. Конечно, Тату всѣхъ больше жаль,—да и она, при маленькихъ недостаткахъ,—всѣхъ больше симпатична. Мещерскій положительно уѣзжаетъ въ Германію и Россію. Прощай.

«Ницца опустѣла и во всей пышности цвѣтовъ, тепла etc. Жаль ее покидать, все же это лучшее мѣсто.

«P. S. Видѣлъ ли ты, какъ Бамбергофъ въ Берлинѣ—пруситъ. Да онъ прямо идетъ въ министры или послы.

«О Юмѣ—читалъ.

«Бога ради, не опаздывайте съ Le «Колоколомъ». 15 онъ долженъ быть разосланъ.

«Передайте—Пап. (sic) Огареву эту записку. Да напишите его адресъ съ N. и вашъ новый.

«Mr Levier 50 фр. послать можно».

«10-го мая 1868 г. Воскресенье. (Ницца).

«Вчера получилъ рапортъ о торжественномъ шествіи изъ Lamy въ Философьевку. Тхоржевскій пишетъ, что переѣздъ былъ такъ хорошъ, «что Николай Платоновичъ спокойно о т д ы х а л ъ м а я в ы м ъ воздухомъ». Ну, и въ добрый, въ архангельскій счастливый часъ.

---

*) Ты называешь — «случайно оступиться» — когда люди, очертя голову, годы шли по льду. Эта казуистика недурна. *А. Г.*

«Черезъ двадцать дней и мы будемъ въ торжественномъ шествіи. Куда и какъ—не знаю. Одно вѣрно, что увижу Стелу-полковника. Ѣхать, пожалуй, отсюда и не дурно,—жары начались тяжелыя. Послѣ письма изъ Россіи длинныя бесѣды. Natalie показывала часть отвѣта своего Сатиной,—я имъ ужасно недоволенъ; она представляетъ себя какими-то мрачными красками, опять мортоманія.....—Я сказалъ, что письмо надобно бросить—и потомъ спросилъ не о Лизѣ, а объ ея отношеніяхъ. «За что же наконецъ дѣтямъ ее любить?»... Были порывы и слезы, и... но я заключилъ тѣмъ, «что всѣ будущія бѣдствія падутъ на ея совѣсть, и что она отстранитъ ихъ только тогда, когда пойметъ, что и прошлыя съ Parkhous'a—всѣ по ея винѣ.

«Я полагаю, что Альзасъ въ мѣсяцъ надоѣстъ. Но все же въ Prangius поѣду—когда будутъ другія созвѣздія. Можетъ, пріѣду прежде одинъ. Тату я не стану торопить.

«A propos, Лиза стала купаться въ морѣ. Когда она въ первый разъ пришла, то купальщики очень обрадовались ей и говорятъ: «Voilà que la petite Tata vient déjà!» Они лучше Natalie понимаютъ ихъ отношенія. Довольно.

«Напиши о полученіи письма на новой квартирѣ».

«Послѣ обѣда.

«Далѣе сказать нечего. Сегодня все тихо,—говорили много. Все перемежающаяся лихорадка. Прощай».

«Въ публичномъ саду.

«Письмо твое получилъ на дорогѣ. На душѣ легче, что квартира хороша. Цѣлую Тхоржевскаго за это. Музыка гремитъ,—толпы гуляющихъ и жаръ.

«Слѣдующую страницу отдай Тхоржевскому».

ГЛАВА VI *).

Письма.

23-го мая 1868 г. Суббота.

Вѣроятно, ты читалъ статью Щенковича. Я удивился, послѣ нашихъ поросятъ,—ея учтивости, хотя она и дерзка. Отвѣчать нечего—для нихъ существуютъ только личные вопросы,—поэтому Щенковичъ и удивляется, чѣмъ я обидѣлся,—а то, что у меня на душѣ было сказать, въ какомъ мы отношеніи были къ польскому вопросу—объ этомъ онъ и не помянулъ. Досадно, что онъ выѣхалъ на Бакунинѣ, хотя и это межеваніе черезполосицы было необходимо. Ему хочется мнѣ за то (не безъ вашего архипастырскаго благословенія) поднести конфектъ. Я желалъ бы перепечатать 3/4 его статьи въ La Démocratie съ пріятною introduction. Вѣроятно, мѣсто найдется, да и можно пробрать бревьеромъ.

Корректуры «Полярной Звѣзды» я еще не получалъ. А Якушкина третьяго-дня рукопись отправилъ, — жду вѣсти о полученіи.

Здѣсь до такой степени хорошо, несмотря на такой жаръ (одна Лиза посягаетъ днемъ выходить), что слѣдовало бы не очень торопиться въ разные Колмары. Но пусть идетъ, какъ идетъ.

Плетн. не забыли, какъ вы супонуете, по поводу старика въ «Колоколѣ»,—а вспомнили и оставили для наказанія «каторжныхъ и бѣглыхъ изъ Сибири», а несчастный богословъ именно въ ефтомъ положеніи и былъ.

Если у тебя малѣйшій скрупулъ насчетъ Бакуніады, то оставь и не печатай.

---

*) См. «Русск. Стар.» изд. 1872 г., томы VI и VII; изд. 1876 г., томы XV, XVI и XVII; изд. 1877 г., томы XVIII, XIX и XX; изд. 1878 г., томы XXI и XXII; изд. 1879 г., т. XXVI; изд. 1882 г., т. XXXIV и изд. 1886 г., т. XLIX; т. LII, октябрь, стр. 149—180, ноябрь, стр. 311—332.

Мысль-съ?

Можно написать рядъ драматическихъ сценъ, начинающихся въ Парижѣ въ 1814 году и кончающихся въ Петербургѣ въ 1826 г. на гласисѣ крѣпости. Гдѣ надобно стихнуть—стихни, т. е. стихами—гдѣ надобно грозить—постараюсь. Кадры—кадры. Will you. Да что же успиновъ (?) романъ Толстого—спроси Пана (Тхоржев.).

6 часовъ вечера. (Ницца).

Сейчасъ получилъ корректуру «Полярной Звѣзды» и письмо съ ничѣмъ. О какой статьѣ рѣчь? «Гранклемана»,—что это изъ Абиссиніи?

31-го мая (1868?). Пятидесятница (Ницца).

Ахъ вы, мой милѣйшій шутъ, ты не повѣришь, что я искренно смѣюсь надъ тобой и надо мной—безъ тѣни злобы или чего такого. Я зналъ и тебѣ писалъ въ Женевѣ, что Лозанна ли, Пранжинъ ли—тебѣ это ножъ острый *),—ты такъ хорошо улежался и успокоился въ норкѣ своей, что всякое движеніе, прогулка тебя пугаетъ. Ну, и слава Богу, только зачѣмъ же ты ждалъ, когда чемоданы уложены и все готово, чтобъ написать, въ какое трудное положеніе тебя поставилъ Туцъ (какъ будто онъ долженъ тоже думать, что люди живутъ, какъ Симеоны Столпники).

Не ѣхать поздно—выдумай же какой-нибудь планъ. Твое крипто желаніе, чтобъ пріѣхать въ Женеву. Научи какъ, и я сдѣлаю. Одно затрудненіе въ Лизѣ (которая поэтически тебя любитъ и помнитъ)—неужели ты рискнешь, чтобы ей сразу сказать не только всю подноготную, но двѣ подноготныя?... Поэтому я тебѣ предлагаю: изъ Ліона пріѣхать мнѣ одному сначала, а остальное удалимъ и устранимъ. Я же не могу ручаться, чтобъ все было хорошо въ Prangius. Изъ-за мира иногда бываютъ очень дурные признаки. Одно мнѣ объясни, зачѣмъ же ты мнѣ говорилъ, что я неправъ, что ты въ самомъ дѣлѣ хочешь въ Лозаину и куда угодно, чтобъ видѣться со всѣми и немного провѣтриться отъ твоей монотонной жизни, тяжелой для

*) Ты сгоряча принялъ, а я сгоряча предложилъ. *А. Г.*

меня. Я все бы такъ и устроилъ. Но и теперь бѣды нѣтъ. И теперь даже жертва съ твоей стороны легко не примется, потому что жертва чувствуется. Вѣрь только, что я устрою все, до оскорбленія Лизы и до ридикюля включительно. Ридикюля (т. е. смѣшного), какъ оскорбленья, я выносить не могу,—остальное можно уладить, и вѣрь, что я сдѣлаю все для того, чтобъ было и хорошо, и не бросилось въ глаза. Ну, и аминь.

Текстъ у Чернецкаго для «Полярной Звѣзды» есть, но нельзя же все набирать мои статьи—надобны: 1) твои стихи, 2) твоя проза, 3) что-нибудь чье-нибудь, ну хоть Мечникова (листа 2) или Бакунина.—Я буду платить по 80 фр. съ листа.

Туцу положено на платье, ученье, ѣду 500 въ годъ—надобно было не 100, а 80 прислать—это не много. Деньги теперь есть и у всѣхъ довольно. А если Тхорж. заплатилъ—отдай ему, чтобъ не мѣшать счетовъ.

Анекдота о NN я не нашелъ, можно и напечатать, хотя важности въ немъ нѣтъ.

Есть длинная статья «Кельсіевъ» и еще лучше повѣсть о Громекѣ, который стрѣляетъ въ мужиковъ, усмиряетъ волости (??) и пр. Я донесу на него.

Отчего Тхоржевскій и ты такъ скупы вѣстями о Долгорукомъ *)?

Гранклемана я помню, но не могъ прочесть его имя

Пану (Тхоржевскому).

1) Получены ли 1.000 фр.?

2) Уговорите Чернецкаго не посылать мнѣ непоправленныя корректуры—пусть онъ прежде посылаетъ Огареву.

3) У него должно быть много матеріала для «Полярной Звѣзды» (эмигранты).

4) Отчего не пишете о Долгорукомъ?

Прощайте. P. S. Когда придется посылать «La belle France» — слѣдуетъ въ письмѣ. Да и то врядъ дойдетъ ли.

---

*) Князѣ Петрѣ Владиміровичѣ Долгорукомъ, въ это время бывшемъ тяжко больнымъ. *Т. П.*

Ѣдемъ послѣзавтра. Жаль Ниццу, несмотря на то, что жаръ 32—33°. Морская база ужасно облегчаетъ.

4 чемоданчика отправлены. Будутъ завтра къ вамъ 50 H (?) Savony (?).

3-го іюня (1868 г.) 7 час. утра. Городъ Левъ *).
Hôtel de l'Europe.

Съ грозой и жаромъ, въ сопровожденіи Бернацкаго, который возвратился изъ Флоренціи и на пароходѣ ѣхалъ съ Б—ской (спавшей въ каютѣ, пока я ее ждалъ), прибыли мы въ 10 вечера въ Марсель—и сегодня въ 6 съ 1/4 въ вагонѣ, наполненномъ до противности, пріѣхали въ Ліонъ.

Всѣ здоровы. И я радъ отчасти избавленію отъ ужаснаго жара—я разъ пять выкупался въ морѣ...

5-го іюня (1868 г.). Пятница. Hôtel de l'Europe.
Ch. № 59.

Я всегда имѣлъ слабость къ Ліону и теперь тоже—печально большой, серьезно занятой и необычайно красивый городъ. Всѣ удобства жизни, все, что̀ нужно для воспитанія—и ширь, какой въ Швейцаріи нѣтъ, въ Италіи нѣтъ, въ Ниццѣ нѣтъ. Зима, вѣроятно, женевская, но кто же заставляетъ нормальныхъ людей не уѣзжать на четыре мѣсяца? Вся Англія такъ живетъ. Если-бъ Франція на нѣкоторую долю предоставила покой, не задумавшись, нанялъ бы здѣсь домъ съ садомъ—5 часовъ отъ Женевы, 13 отъ Парижа, и еще на улицахъ чистый воздухъ.

Статья Шедо Фероти въ Polyglott'ѣ глупа; пошли набрать прилагаемую отмѣтку, бревьеромъ, какъ подстрочное примѣчаніе къ статьѣ Бакунина.—«Голосъ» и все пришло. Писемъ отъ тебя здѣсь еще не было. Отъ Тхорж. получилъ. Вѣроятно, 10-го поѣду, т. е. поѣдемъ въ Мильгаузъ,—но объ этомъ еще напишу.

А propos къ выгодамъ Ліона—ни одного русскаго—ни мерзкихъ ...скихъ харь нашихъ туристовъ, ни безобразныхъ, исхудалыхъ Каиновъ—нашей золотой юности... идти по улицѣ и знать, что не встрѣтишь

**) Пріѣздъ изъ Ниццы послѣ водолѣченія. *Т. П.*

чижичка, ..., капельку, ж.... и жука—одно увлекаетъ уже.

Тхоржевскаго прошу мнѣ «Колоколъ» не посылать больше 5 экземпляровъ, да и то пусть подождетъ адреса—a mise en page можно сюда прислать. Русскій mise en page я получилъ—вели печатать, я разъ читалъ.

16-го іюня (1868 г.). Вторникъ. (Ліонъ).

Corpus Del... Ну, вотъ тутъ и пиши Бакунинъ о рѣшительномъ уничтоженіи государства,—а ты о раціональныхъ законахъ—математическихъ и Мерчинскихъ въ экономическихъ отношеніяхъ. Круповъ стоитъ, хохочетъ и говоритъ à la Noscoff—«мелите кривые—грошъ на полкѣ».

Мимо нашихъ оконъ тянулась впередъ и назадъ процессія—драгуны, пѣхота, генералитетъ, попетъ, эпископетъ и пр., сотни дамъ, дѣтей, съ разными игрушками и пѣніями, все это въ волнахъ народа. Сочетаніе войска и поповъ очень хорошо—пышность etc., etc. На два вѣка всего этого станетъ—1792 и 1840 годъ—для Ліона также прошли, какъ для его сосѣдей—и кучка студентовъ по Конту и не по Конту остается ново-мандаринской кастой. Что же искать законовъ логики у поврежденнаго?

Вѣроятно, послѣзавтра, въ четвергъ, мы поѣдемъ прямо въ Колмаръ, а потому до перемѣны можно писать на мое имя: Colmar (Haut Rhin), Poste Restante. Въ Colmar'ѣ, вѣроятно, останемся до 1-го іюля. Погода превосходная. Я еще разъ пишу, что Ліономъ совершенно доволенъ.

Часть записокъ Мейзен. прочелъ; чтобъ ихъ печатать, я меньше вижу препятствій, чѣмъ на то, чтобъ ихъ читать (не по дружбѣ, а просто). Мнѣ кажется, что ты очень дурно знаешь современное мыльe—отъ того тебя и Барни дивитъ. Отшельничество и дума ставитъ человѣка внѣ торговой бани и рынка... въ одиночествѣ душа съ Богомъ говоритъ—а на рынкѣ «та... та... та... тра... тра... тратата... и она ему сказала «плевать мнѣ на тебя» и онъ, матушка, такъ и заиндевѣлъ... а злодѣйка-то, Аленка, смотритъ изъ-за угла—и смѣется... а зубищи-то черные—все отъ румянъ... та... та...», а мудрый ищетъ формулу—и другой мудрый ее поймeтъ

черезъ сто лѣтъ, a chemin faisant всѣхъ habebit humus.

Дома тихо, хотя былъ и мирнобурный разговоръ, который показываетъ, что тутъ ничего не поправишь. Разговоръ заставилъ о многомъ подумать,—но еще не стану писать.

«Колокола» нѣтъ. Если быстро отвѣтите и пошлете на почту до 2-хъ часовъ—письмо придетъ въ 8 утра въ четвергъ. А впрочемъ, пожалуй, посылайте въ Colmar—туда же и «Голосъ».

P. S. Тхорж. былъ правъ; я очень скверно провелъ ту ночь. Посылаю тебѣ 1-ю часть Базарова, я ее промылъ и забылъ отдать. Попробуй хладнокровно прочитать и отдай Чернецкому или дашь imprimatur?

20-го іюня (1868 г.). Colmar. (H. Rhin).
Hôtel des deux clefs.

Ну, батюшка, Николай Платоновичъ, путь сюда—это стоитъ абиссинской кампаніи. Я нѣсколько разъ думалъ, что если-бъ ты—до преломленія*) былъ въ этомъ положеніи? Жаръ доходилъ до 30° Ц. въ тѣни, вагоны накалены,—у меня повторилась головная боль, какъ въ Женевѣ, да къ тому же насморкъ. Мы раздѣлили путь на двѣ части и въ Безансонѣ ночевали. Франція во всѣхъ нутрахъ своихъ,—не на самыхъ главныхъ артеріяхъ,—еще находится въ состояніи временъ Тюрго. Пріѣхали въ 11 часовъ (опоздавши часомъ). Въ отелѣ заставили ждать..... (?). Лиза посоловѣла, ночь,—наконецъ рѣшились признаться, что у нихъ утромъ выгорѣло полдома, и что мѣста нѣтъ. Насъ повели въ какой-то Саранскій постоялый дворъ, въ которомъ даже кофею нельзя было достать въ 12 ч. ночи. Выспались кое-какъ, утромъ опять въ вагоны—жаръ еще ужаснѣе, я началъ серьезно бояться прилива. А тутъ въ Белфорѣ—ждать на станціи 2½ часа, въ Мильгаузѣ 2 часа—разныя дороги, не умѣвшія согласоваться. Наконецъ вчера, пріѣхавши въ 9 ч. вечеромъ въ Colmar, я въ десять бросился въ постель—всю ночь въ какомъ-то полубреду (серьезно); утромъ у меня пошла кровь изъ носу, чего не бывало лѣтъ сорокъ...

---

*) Н. П. Огаревъ сломалъ себѣ ногу въ 1867 г *Т. П.*

Я писалъ къ Шофуру, чтобъ прислалъ сюда рекомендательное письмо къ I. Масѐ. Школа знаменитая отсюда не далеко (кажется, двѣ станціи). До 30-го, вѣроятно, останемся здѣсь. Иду на почту.

Ты знаешь, что Тата (Натал. Герц.) вдругъ написала, что ѣдетъ съ кѣмъ-то черезъ Mont Cenis и Culoz въ Женеву и оттуда къ намъ въ Lyon. Я писалъ, чтобъ остановить недѣли на двѣ. О Prangius еще ничего не знаю, я на тотъ счетъ имѣлъ дурной разговоръ, хотя summa summarum все идетъ тихо.

Прощай.

Тхоржевскому препоклоны. Корректуру и все посылать на мое имя, а не на имя Natalie, такъ я распоряжусь на почтѣ.

Потому, что я вижу здѣсь вездѣ Kleinstädchen'ы—и аминь, аминь глаголю вамъ...

Est ist nur ein Löwe,
Est ist nur eine Stadt Lyon.

И я предлагаю до Ниццы жить тамъ. Къ тому же въ Hôtel de l'Europe хозяйка влюблена въ Лизу, и насъ носятъ всѣ на рукахъ.

Предлагаю на адресахъ къ близкимъ знакомымъ не писать Monsieur и М-г.

12 часовъ.

Жаръ опять страшный, голова болитъ. Аптекарь совѣтуетъ пить кремортартаръ.

Ворохъ писемъ. Отъ Шофура, ваши и проч. Если-бъ Тата внимательнѣе читала мои письма, она не поѣхала бы теперь,—что она будетъ дѣлать три недѣли или almeno 2. Я совѣтую остановиться у Володимеровой—и съѣхаться потомъ, по общему условію,—ну, хоть въ Базелѣ или въ Ліонѣ, не ближе 5-го іюля.

Книгу Кельсіева... полцарства за книгу Кельсіева. Я пишу иммедіатно разборъ.

О Базаровѣ—опять-таки я не настаиваю; второе письмо готово, я его пришлю на-дняхъ. Выписка «она въ глубинѣ души...» очень ясно по смыслу идетъ въ продолженіе другой выписки.

23-го іюня (1868 г.). Colmar. (H. Rhin).
Вторникъ. Deux Clefs.

Осматривали Бебленгеймъ. Приняли насъ чудесно. Много хорошаго, много такъ себѣ. Но такъ какъ серьезной цѣли при этомъ не было—то и all right. I. Масé замѣчательный дѣятель—простой, но умный человѣкъ, живущій 16 лѣтъ въ Бебленгеймѣ—и дѣлающій чудеса пропагандой сельскихъ библіотекъ и Ligu'ой первоначальнаго образованія. У него тысяча адгерентовъ во всей Франціи. Я тебѣ пришлю бюллетени презамѣчательные. Религія и политика—формально исключены (положительно и отрицательно). При свиданьи разскажу много.

Все время былъ боленъ—приливы, насморкъ и головныя боли безъ перерыва. Сегодня лучше. Имѣлъ tochets (?) сходить въ военный госпиталь и посовѣтоваться съ тамошнимъ докторомъ.

.... 25-го числа вечеромъ ѣдемъ въ Мильгаузъ (если будутъ письма, перешлютъ за мной). Здѣсь братъ Шофура—у того Ш., котораго ты видѣлъ, отнялись ноги—но надѣются исправить. Я поѣду къ нему въ Танъ.

Радушіе вездѣ большое, и Шофуръ правъ; онъ въ отвѣтъ на мою просьбу—о рекомендаціи Масé—написалъ: «вотъ вамъ записка, mais je m'en garde bien de me donner le ridicul de vous recommander—votre nom suffit en France»,—и безъ хвастовства—оно выходитъ такъ.

Листъ «Полярной Звѣзды» (ужасно дурно поправленный тобой—замѣтъ, что ты все меня винишь, а я тебя—мелкихъ ошибокъ 50 almeno) посылаю Чернецкому. Одно письмо я нашелъ здѣсь, затѣмъ ни слова. Что же Тата? Лучшее, что она можетъ сдѣлать—это ѣхать: а) къ Марьѣ Каспаровнѣ дня на два—и потомъ прямо въ Мильгаузъ. Но все же разъ впередъ написать. А когда я напишу объ отелѣ—если нужно телеграфировать. Засимъ прощай.

Адресъ: Mülhouse, poste restante. (Haut Rhin).

30-го іюня (1868 г.). Вторникъ.
Mülhouse. H.-Romanne.

Вѣсть о смерти Матеучи поразила меня не только потому, что это ударъ для всей Италіи и для Сапи—онъ былъ сторожъ свободы преподаванія,—но еще потому, что я его видѣлъ въ декабрѣ сильнымъ, полнымъ жизни и дѣятельности, безпрестанно двигающимся и говорящимъ обо всемъ. Долгоруковъ (Петръ Влад.) при всей силѣ былъ какой-то fungus bestialis—уродство,—а это—гуманное явленіе. Да-съ... Memento mori. Довольно.

У Шофура я провелъ превосходно день; они живутъ богатыми помѣщиками, и вся семья удивительно образованные люди; одинъ изъ семьи (Шереръ) химикъ и натуралистъ, поклонникъ Шифа. Старикъ Кестнеръ—глава дома, хромой, энергическій, и тотъ Шофуръ, котораго ты видѣлъ—очень больной, у него начало онѣмѣнія позвоночнаго мозга; Шереръ говоритъ, что онъ на плохой дорогѣ. Пріемъ былъ самый горячій, больной самъ пріѣхалъ меня встрѣтить на желѣзную дорогу—остальное при свиданіи.

Сегодня вечеромъ ѣдемъ въ Basel. Тамъ, вѣроятно, дождусь Тату, а не то въ Люцернѣ, гдѣ буду ждать Пранжинской исторіи. Люцернъ очень красивъ, я готовъ тамъ жить хоть мѣсяцъ.

А хотѣлось бы и мнѣ гдѣ-нибудь пріютиться—но ничего не предвижу... Ты проповѣдывалъ неподвижность—вотъ и ходить не можешь; я, напротивъ, движеніе—и въ 56 лѣтъ не имѣю столько осѣдлости, какъ панъ Сверценевичъ или Жижоль. Не знаю, какъ выработаться изъ этого положенія. Не посовѣтоваться ли съ Грезингеромъ—это по его части.

Особенно хорошаго отъ свиданія съ Татой не жду. Прощай.

Лиза здорова, но Натали (О—ва) убѣждена, что она больна и хочетъ совѣтоваться съ Ад. Фогтомъ.

2-го іюля (1868 г.). Bâle. Hôtel Trois rois, № 3.

Ну вотъ и Швейцарія и Рейнъ. Въ субботу двигаемся въ Люцернъ и halte—до Prangins. Тхор. думаетъ, что до 1-го августа врядъ ли удобно тебѣ переѣхать—ну, и оставимъ до 1-го августа, оно не за горами. Я

природу Люцерна очень люблю, потому и избралъ его центромъ.

Вчера получилъ отъ Таты и Тхор. письма, въ тотъ же день, стало, изъ Женевы въ сутки. Отъ тебя что-то давненько нѣтъ—или такъ кажется. Вчера я послалъ Чернецкому sombonds (?) записки Мейзен. (я согласился съ тобой à la fin, что ихъ печатать нельзя, писалъ zart объ этомъ М., но тутъ врядъ что-нибудь сдѣлаешь) и второе письмо о Базаровѣ, которое, пожалуйста, предварительно прочти. Вымарывай, что хочешь. Я возражаю только на твою теорію—и не понимаю, отчего же мы высоко поставлены, что не должны оскорбляться оскорбленіями и защищаться—не идетъ ли это къ прошлой эпохѣ грандомства... Недосягаемыя выси—не къ лицу передъ Альпами.

Съ отъѣзда Тхор. «Голоса» нѣтъ. Не могъ ли бы Чернецкій на недѣлю взять эту обузу—очень легкую—на себя?

Ну, Долгорукій наказанъ черезъ мѣру. Тхоржевскому оставляетъ 1.000 ф. р е н т ы и мебель. Нѣтъ худа безъ добра.

Тата (Наталья Александровна) пишетъ о томъ, что Рейхели сильно бѣдствуютъ съ этой охабкой дѣтей.

У Шофура пробылъ день, славная семья—всѣ три поколѣнья, старикъ, его сыновья (одного ты видѣлъ) и наконецъ молодые, т. е. лѣтъ 30 или 25. Всѣ въ хорошихъ принципахъ до конца ногтей. Одинъ химикъ и адмираторъ Шифа etc. Они, должно-быть, очень богаты. Пріемъ былъ необыкновенно радушенъ. А все-таки всякій разъ, какъ я оставляю Францію—на душѣ легче. Въ Альзасѣ—неудовольствія много, онъ начинаетъ ненавидѣть Францію и совершенно въ томъ отношеніи къ ней, какъ Рейнскія провинціи были въ 1847 къ Пруссіи. Присоединиться бы имъ и всей южной Германіи (Виртембергъ, Баварія, Баденъ) — республиканскими кантонами къ Швейцаріи. Такія мысли бродятъ. Но глупъ человѣкъ—и ничего не выйдетъ.

2 ч а с а. Почта пришла—отъ тебя ни строчки. Всѣ остальныя пришли.

5-го іюля (1868 г.). Lucerne.

Почти по сосѣдству. Письмо твое и «Голосъ»—двѣ посылки получилъ. Одна гдѣ-то залежалась. Вообще

письма доходятъ исправно. Маленькій проѣздъ изъ Базеля сюда былъ противно смѣшонъ. Ужасное, невѣроятное количество путешественниковъ (бо́льшею частью англичане), въ первыхъ мѣстахъ все биткомъ набито,— въ остальныхъ—вдвое... все это мечется съ какой-то животной торопливостью. Въ Ольтенѣ 20 мин. для завтрака, большой буфетъ,—мы туда—все занято, какъ въ церкви, гарсоны бросаются, бросаютъ тарелки—тамъ никогда не кормятъ ни лошадей, ни собакъ, крикъ... и мы бѣжали въ вагоны. Красива буржуазная цивилизація.

Мы остановились въ Beau Rivage, но, вѣроятно, перейдемъ въ H-l Belle Vue—мы пріѣхали въ проливной дождь, который лилъ весь день—тутъ было не до выбора (и теперь льетъ).

«Современность» читалъ. Пока ты защищаешь материнскимъ крыломъ милыхъ щенятъ псевдо-нигилизма, они сами себя начинаютъ выводить на свѣжую воду. Это заставляетъ меня прощать messe de morts о насъ. Итакъ, эта бездарная пѣна, эта гниль на корню—развѣетъ сама себя. Превосходно! Одинъ вопросъ имъ слѣдуетъ сдѣлать, т. е. высокимъ порицателямъ своихъ: «въ чемъ же ихъ воззрѣніе?...» Они говорятъ свысока: «Мы, молъ, знаемъ—а тѣ нѣтъ». Heraus damit.

У Лизы сдѣлался панари на пальцѣ, что при ея нетерпѣливости дѣло невеселое. Я все не совсѣмъ въ своей тарелкѣ. Жары тогда подъѣли меня. Съѣзжу къ Адольфу Фогту... Lithine—щелочь, какъ сода особыхъ свойствъ—это средство слабое.

Тата, вѣроятно, пріѣдетъ между 10 и 13. Панъ ее провожаетъ. А ты и поклонъ ей сюда посылаешь. Встрѣча будетъ хороша—и здѣсь, и въ Prangius устроимся... а потомъ?

Работается плохо,—да я, просто, ничего не дѣлаю, и это не отъ переѣздовъ (хотя и они способствуютъ)— а такъ, тяжелая и апатическая полоса. Колокольныя статьи французскія не допускаютъ полемики—русскій «Колоколъ» не существуетъ (какъ и вся наша дѣятельность въ Россіи). Я все жду Schwung'a, толчка, перемѣны. Ну, хоть бы полемику съ Бакунинымъ или съ новымъ органомъ. Нѣтъ Anregung, а говорить одному скучно. Ты думаешь одинъ—это другое дѣло—für sich.

Вотъ и все.

Получилъ письмо отъ Сазонова-сына—фразисто, zu französisch.

Addio.

7-го іюля (1868 г.). Вторникъ. Hôtel Belle-Vue. Lucerne.

Получилъ письмо отъ сына Долгорукова, съ просьбой отъ отца—пріѣхать проститься. Тхорж. пишетъ, что Петръ Владиміровичъ хотѣлъ телеграфировать и опять хотѣлъ меня назначить душеприказчикомъ или распорядителемъ. Онъ все боится за бумаги и думаетъ, что у сына инструкція. Фогтъ полагаетъ, что онъ не переживетъ восьми дней. Я написалъ отвѣтъ сыну, что, считая себя правымъ въ нашей размолвкѣ, я готовъ забыть ее передъ торжественной минутой смерти—и готовъ пріѣхать, если и послѣ его пріѣзда Долгоруковъ считаетъ это нужнымъ.

Письмо Тхоржевскаго сконфуженно—онъ какъ-то неясно выражается насчетъ юнаго принца.

Съ одной стороны—жестко отказать умирающему—и я готовъ ѣхать, но видѣться съ сыномъ мнѣ бы не хотѣлось. Какъ твое мнѣніе? Хоть телеграфируй; если ты думаешь, что ѣхать не надобно,—я скажусь больнымъ.

Здѣсь очень хорошо лѣтомъ. Hôtel дорогъ и кормленіе такъ себѣ, но видъ изъ оконъ—и кругомъ поля, сады и горы... передъ глазами озеро и опять горы.

Люцернъ несравненно изящнѣе Женевы,—но, вѣроятно, холодно съ начала октября. Мнѣ кажется, что и Natalie устала отъ вагабондажа, но гдѣ осѣсть—посовѣтуюсь съ Татой. Моего ума не хватаетъ! Ты не повѣришь, какъ я усталъ. Домъ бы,—домъ бы поудобнѣе, съ полемъ—и на отдыхъ!

Я затерялъ «Современность», а она мнѣ нужна; хочу писать разборъ и похвалить серьезно эти Грузины. Я думаю, что похвала наша должна ихъ окончательно разссорить.

Что новаго? Твои письма sterily (безплодны, пусты).

Прощай.

Жду изуродованнаго Крупова въ бандажахъ.

11-го іюля (1868 г.). Bernerhoff № 6. Bern.

Пишу тебѣ почти то же, что̀ писалъ въ Люцернѣ. Я вчера прожилъ длинный день, который долго не за-

буду. Начался онъ скучно отъ дурного расположенія Natalie; я уѣхалъ low spirited (удрученный духомъ), но отъ Olten'a всю дорогу ѣхалъ съ Л ю й с о м ъ и его женой (ну, которая пишетъ англійскіе романы); онъ оживилъ меня,—необыкновенно умный и бойкій человѣкъ. Между прочимъ, спросилъ меня: «est ce que votre «Golos» paraît toujours?», за что̀ ему досталось порядкомъ.

Но къ трагедіи. Долгоруковъ (кн. Петръ Владим.) очень плохъ, но сильный организмъ не сдается, какъ крѣпость. У него изъ ногъ пущена вода и льется постоянно. Лицо его совершенно осунулось и стало какъ-то важнѣе. Говоритъ несвязно, глаза потухли—онъ не знаетъ близости конца, но боится. А главное: внутри его идетъ страшная передряга. Мнѣ онъ былъ радъ безъ мѣры, но и безъ шума,—онъ постоянно жметъ мнѣ руки и благодаритъ. Вѣритъ онъ во всемъ мірѣ мнѣ одному и моему намѣстнику Тхоржевскому. Утромъ призываетъ онъ Тхоржевскаго и Фогта... затѣмъ, послѣ разныхъ страшныхъ вещей, онъ послалъ Фогта сказать, чтобъ N... сейчасъ ѣхалъ назадъ...

Фогтъ исполнилъ порученіе. N..., разумѣется, вспылилъ. Но Долгоруковъ его тотчасъ позвалъ и сталъ просить прощенья. Когда я взошелъ, онъ всѣхъ выслалъ и, взявъ меня за обѣ руки, уставилъ на меня, приподнявшись, мутный взглядъ.

— «Герценъ, Герценъ, Бога ради скажите, я вамъ, одному вамъ вѣрю, одного васъ уважаю,—вѣдь это сумасшествіе, вѣдь это вздоръ?»

— «Вы сами видите, что сумасшествіе, гдѣ же послѣдствія?»

— «Да, да, очевидно, бредъ — такъ вы думаете: бредъ?» (и это десять разъ). И вдругъ, опускаясь, онъ тихо повторилъ раза два:

— «Нѣтъ, ужъ вы—ужъ Бога ради—вы ужъ понаблюдите надъ тѣмъ, что̀ со мной дѣлаютъ»,—и показалъ видъ, чтобъ я молчалъ; послѣ чего онъ задремалъ и, проснувшись, попросилъ откушать съ сыномъ, что мы и сдѣлали. Сынъ былъ раздраженъ сначала, но за обѣдомъ, послѣ двухъ-трехъ бутылочекъ и абсенту, оправился,—странный онъ человѣкъ. Все это вмѣстѣ

такъ нервно подѣйствовало на меня, что я всю ночь не спалъ, и голова тяжела.

Скажи, какое впечатлѣніе на тебя сдѣлаетъ мое письмо?

Фогтъ говоритъ, что ни одного шанса нѣтъ на спасеніе, и что ежели его оставить такъ, то и карачунъ. Мнѣ кажется, силъ еще много...

Тата здѣсь. Письмо ея я получилъ, которое она ждала въ Люцернѣ.

Нашлись ли корректуры, и что дѣлается съ Круповымъ (изд. записокъ доктора Крупова)?

13-го, въ полдень, уѣду съ Татой въ Люцернъ.

Одинъ листъ «Le Kolokol» посылаю, другой, если пришлетъ Тхор., отошлю тотчасъ. Прощай.

Узнай, пожалуйста, у Чернецкаго, гдѣ я могу достать брошюру противъ Мирославскаго—Бакунина. Густавъ Фогтъ ее имѣетъ, Рейхель имѣетъ. А я ищу, гдѣ бы достать. Если Бакунинъ не запретилъ, я желалъ бы имѣть.

14-го іюля (1868 г.). Lucerne. Belle-Vue.

Ну, наконецъ я освободился отъ Долгоруковскаго кошмара. Что за страшная агонія и, къ тому же, ему положительно лучше, онъ ѣстъ безпрерывно и этимъ себя поддерживаетъ. Ад. Фогтъ выбился изъ силъ. Третьяго-дня еще дикая сцена съ ....мъ при мнѣ, потомъ я ихъ мирилъ. Онъ увѣренъ, что тотъ только и ждетъ, чтобъ взять его деньги да и ѣхать!... Пришелъ *... и возразилъ на что-то. П. В. закричалъ:

— Молчать, и сейчасъ въ Петербургъ!

Потомъ прислалъ Фогта сказать, чтобъ онъ не ходилъ къ нему. И когда я его немного урезонилъ, онъ все-таки .... сказалъ при первомъ свиданіи на другой день, чтобъ онъ уѣхалъ и далъ бы ему спокойно умереть или лѣчиться. Одинъ Тхоржевскій невозмущаемъ идетъ въ этомъ болотѣ, и хотя сильно скучаетъ, но держитъ себя хорошо.

Какая неотесанная, дерзкая свинья Чернецкій—это трудно себѣ представить. Посылая Крупова (въ которомъ, за исключеніемъ одной ошибки моей, всѣ произошли отъ спутанья приписанныхъ фразъ), онъ пишетъ: «Типографія не отвѣчаетъ за безсмыслицу оригинала». Какъ вамъ это нравится? Хотя, я по-

вторяю, удивительно, какъ ты могъ пропустить совершенный бредъ, не справляясь съ рукописью.

Я ищу какого-нибудь зонтика отъ дерзости и не нахожу. Ты такъ счастливо поставленъ, что тебя суета суетствій минуетъ.

.... Фогтъ говоритъ, что сильное расположеніе къ діабету, и покамѣстъ рекомендовалъ пить натуральный спрудель въ Люцернѣ и черезъ двѣ недѣли опять ѣхать въ Бернъ. Вообще мнѣ теперь лучше, но (все-таки нездоровится).

Тата пріѣхала со мной.

Здѣсь Ауэрбахъ съ женой, они недавно изъ Россіи и были въ Веверѣ. Бакунинъ совершенно принадлежитъ партіи Элпидина и съ нимъ въ кошонной дружбѣ.

Caro mio—намъ пора въ отставку и приняться за что-нибудь другое—за большія сочиненія или за длинную старость!

Еще Чернецкій пишетъ, что у него скоро недостанетъ оригинала для «Полярной Звѣзды», и грозитъ мнѣ за это какимъ-то разсчетомъ business like (затѣетъ тяжбу), въ случаѣ остановки. Да не сошелъ ли онъ съ ума? Прощай.

Лиза очень рада Татѣ, встрѣча была хороша. Я Татой очень доволенъ.

2 часа.

Сейчасъ пріѣхалъ Тхоржевскій для отдыха и привезъ вѣсть, что Долгорукову несравненно лучше. Вотъ вамъ и медицина!

17-го іюля (1868 г.). Пятница. Lucerne. Belle-Vue.

Переписка вяла, не идетъ, работа тоже—головы тоже, дурной годъ или дурной чередъ. Безъ инцидента Долгорукова—нечего было бы сказать, безъ глупости Чернецкаго—нечего было бы ругать. Развѣ статья В—ва «Paris et Londres». Что̀ за колоссальная .....! Пошелъ au bout du Com(p)te—въ беллетристы.

Карлсбадскую воду пью по три стакана; посмотрю, что̀ будетъ и что̀ предпринять. Самое трудное сыскать мѣсто жительства. Не придумаю. Развѣ въ Цюрихъ ѣхать—послѣ Prangins?

18-го, суббота.

Пока мы съ Лизой были на пароходѣ, подъ дождемъ, и осматривали Tell's Platz—явилось твое письмо; изъ него видно: a) что все дѣло о Туцѣ—ты изложилъ не такъ, и чѣмъ тебя ошеломило оно, не понимаю. Какія экскурсіи въ 5 лѣтъ? b) что я описался—и поставилъ bibliothèque вмѣсто biblique—но будто это трудно было поправить? Даже слово sainte—выдумано, у меня написано société—дай какому угодно эксперту; c) никакія ошибки не даютъ Черн. право писать дерзости; d) если Чернец. не жаловался почтовому вѣдомству, то чтобъ жаловался сейчасъ, или на-дняхъ пріѣдетъ Тхорж., безъ котораго недостаетъ масла, и станокъ скрипитъ.

Насчетъ лѣкарства съ мышьякомъ я думаю, что безъ крайней крайности ничего такого предпринимать не надобно. Ты много пострадалъ за ногу *)—пострадай финалъ. Тата (и я самъ) не надивится, что ты не можешь научиться ходить на костыляхъ—а постоянно лежа, голова должна быть плоха. Ты теперь съ полгода не пилъ—такого случая сдѣлать черту другого не будетъ. Я это считаю капитальнымъ.

Отвѣчать полякамъ не стану.

Что же писать о маневрахъ—мы не въ 185у году—всѣ эти экарты не идутъ намъ.

Тхоржевскій привезетъ тебѣ 500 фр. за августъ, и можетъ дать Мечникову 300 франк. до разсчета. Но ты не отвѣчалъ на вопросъ о «Полярн. Звѣз.»—я не могу платить иначе, какъ экземплярами.

Если Долгоруковъ умретъ—до 1 января всѣ журналы буду получать я. Вообще читальня невозможна, и еще менѣе возможно, чтобы я взялъ изъ 6.000 полученныхъ тобой 350. Эти вещи навсегда надобно похерить. Ты меня спрашивалъ, хочу ли я выписывать съ Мечниковымъ—я написалъ, что «можетъ-быть»—предполагая, что мы будемъ получать и отдавать ему. Теперь является читальня, въ которой засядутъ Николаи—Сѣрно-Солов., Элпидини, Чесновичъ—и или они будутъ бѣситься за то, что ты или я задержали листъ—

*) Н. П. Огаревъ сломалъ на охотѣ въ 1867 г. ногу, долго и сильно страдалъ. Отъ ампутаціи ноги онъ отказался. *Т. П.*

или мы за то, что они задержали. Спроси предварительно, какъ разрѣшаетъ Мечниковъ эти затрудненія. Наконецъ тутъ есть соприкосновеніе—съ В... сами и другими негодяями. Идешь ты на него или нѣтъ? Если я не понимаю, растолкуй.

Карлсбадскія воды продолжаю. Вчера было-вспухла вся кисть—за ночь лучше. Черезъ 10 дней самъ поѣду къ Фогту.

Адье. Прощайте.

Неужели ты не читалъ въ «Голосѣ» статью Родіонова противъ меня: «Фельетонъ и вопросы»?

NB. Отчего Чернец. не присылаетъ отпечатанныхъ листовъ «Полярн. Звѣз.»? Отчего на «Колоколѣ» бумага скверная?

23-го іюля (1868 г.). Четвергъ. Lucerne.

Хочу на твое длинное письмо писать zweimal so длинное—и обо всемъ разсудить и отвѣтить.

1) Медицинское отдѣленіе... Мнѣніе Фогта то же, что̀ Шифа, что diabet'ы еще нѣтъ, но есть явная къ ней тенденція; въ предупрежденіе дальнѣйшаго развитія онъ ничего не знаетъ, кромѣ діэты (менѣе безумная, чѣмъ предписанная See) и употреблять карлсбадскую воду или Виши.

2) Отдѣл. почтовое. Должно-быть, въ письмахъ, что они приходятъ вмѣстѣ—виноватъ я. Вѣроятно, въ Женеву отсюда одна почта,—а потому посланное утромъ или вечеромъ приходитъ въ одно время. Но почему ты на почту посылаешь Генри для объясненій—я не постигаю. Самое слово почта—должно было тебѣ напомнить о средствѣ, замѣняющемъ посланниковъ—оно просто состоитъ въ писаніи Au bureau de la poste aux lettres à Génève. Это же и не франкуется (à propos, твое прошлое письмо пришло съ скромнымъ афраншементомъ въ 5 сант. вмѣсто 10). Чернецкій долженъ настаивать.

3) Подѣлу Чернецкаго. Безсознательно писать дерзости нельзя, а можно глупости. Наконецъ, если и можно, то десятый рецидивъ показываетъ преднамѣренность, и ему это даромъ не сойдетъ. Спроси у Тхорж—го письмо, которое я ему далъ въ Бернѣ. А теперь есть другое письмо, съ насмѣшечками.

4) По дѣлу читальни. Когда хартія, ограничивающая женевскую вольницу, будетъ написана, мы поговоримъ. Мечниковъ прожектеръ,—отчего онъ не держится предложенья вмѣстѣ выписывать газеты? А когда онѣ нами прочтены, онъ можетъ заводить изъ нихъ Казино, или жечь, или употреблять на папильоты. За это наша привилегія—получать и держать, пока нужно. Тогда вся дрянь можетъ питаться крупицами изъ милости, и рекламаціи будутъ невозможны. Какъ можно имѣть съ ними что-нибудь общее—кромѣ дружбы Бакунина—я не постигаю. Врагамъ никакихъ удовольствій дѣлать не хочу, къ равнодушнымъ—равнодушенъ.

5) По дѣлу Тхоржевско-Мечниковскому. Не хлопочи очень о Мечниковѣ. Тхорж—му я писалъ, чтобъ онъ ему до разсчета прислалъ или отдалъ 300 фр., напишу еще. Мечниковъ всю жизнь не имѣлъ денегъ и искалъ на перехватъ—это его натуральное положеніе. Не могъ же я предвидѣть, что Долгоруковъ опять занеможетъ. Что̀ касается до тѣхъ денегъ, о которыхъ онъ думаетъ, что получитъ, онъ ихъ не получитъ. Ожидать деньги у него тоже привычка. Говорилъ ли ты ему о предложеніи переводить для какого-то г-на въ Саксоніи—я писалъ тебѣ? Это не слѣдуетъ терять изъ вида.

6) По дѣлу Мрачновскаго. Ты старый и не раскаянный грѣшникъ—стоишь на томъ, чтобъ разбить Оболенское счастье—я вступаюсь за то и открываю пари, что Мрачновскій ни на комъ ни оффиціель, ни private—не женился, и что слѣдовательно его жена не могла тебѣ понравиться. 25 сигаръ по 50 сант. each (каждая).

7) По дѣлу Долгорукова и стоустой фамы. Сложныя дѣла обсуживай многосторонне. Когда я писалъ тебѣ изъ Берна въ 1-й разъ, дѣло объ объясненіи Долгорукова-сына было извѣстно Тхорж., Фогту и мнѣ. Я не хотѣлъ (думая, что Долгоруковъ умретъ), чтобы черезъ меня вышло это, я и Тхорж—му говорилъ. Изволили пустить въ забвеніе, что я писалъ о второй скандальной сценѣ,—гдѣ Долгоруковъ кричалъ. Тогда всѣ узнали—garde malade, трактирщикъ etc. А когда онъ прогналъ *...—узналъ весь городъ и

часть кантона (не въ Китаѣ, а около Берна). Чему же ты дивишься, что Бакунинъ, любившій всегда быть стокомъ сплетней, зналъ черезъ Фогтовъ и пр. Засимъ часть общая.

Но и тутъ, вмѣсто перехода, 8) По дѣлу Кельсіева. Послѣ десятикратнаго вызова съ моей стороны, въ которомъ я писалъ, что жду записокъ его, какъ воронъ крови, ты усомнился, буду ли писать. Всенепремѣнно, безотлагательно, неумытно. Зачѣмъ ты такъ meticuleux (боязливъ) и такъ конституціоненъ. Послалъ бы мнѣ книгу, и дѣло съ концомъ. А Мерчинскій расхныкался бы — бацъ — телеграмму въ Люцернъ,—а я ребацъ по почтѣ.

(NB. О Кельсіевѣ статья будетъ въ «Пол. Зв.»—разумѣется, во всякомъ случаѣ).

Вчера я положилъ въ 10 вечера тебѣ письмо въ ящикъ, и въ немъ отъ Лизы, которая, entfesselt (отрекшись) отъ городской жизни, жуируетъ лѣсомъ и полемъ, такъ что жаль увозить. Съ Татой (Нат. Алекс. Г**) шло бы хорошо, но грубыя выходки Лизы (единственный серьезный порокъ ея) Тату раздражаютъ. Natalie, разумѣется, тогда дѣлаетъ все, чтобъ ухудшить дѣло. Прока изъ этого не будетъ.

Въ вчерашнемъ письмѣ я именно тебѣ писалъ—о бастованіи—жерновъ останавливается больше и больше—мы вяло толчемъ воду—окруженные ..... смѣхомъ и подлой завистью. Россія глуха. Посѣвъ сдѣланъ, она прикрыта навозомъ—до осени дѣлать нечего. Мнѣ пришло въ голову написать тебѣ письмо (т. е. оффиціальное)—съ предложеніемъ сдѣлать stoppage (остановку)—я и сдѣлаю это.

Но какъ ты могъ дойти до мысли, что подъ именемъ отставки, покоя отъ «Колокола», Чернецкаго, Ел..... и Щенкевичей—разумѣлъ какое-то пустое бездѣйствіе, да и какъ его начать? Прежде надобно полное размягченіе мозга, затвердѣніе сердца, боязнь за здоровье. Я на гробѣ «Колокола» желалъ бы одного—внѣшняго покоя, умѣнья съ одной стороны быть покойнымъ, почти безучастнымъ къ окружающимъ уколамъ. Но это не «Колоколъ», съ этимъ не сладишь, благо ты его имѣешь—пользуйся. Прощай.

Попозже.

Собираемся сдѣлать прогулку въ горы и дикія мѣста Унтервальденскія. Помни общее правило—до перемѣны мной адреса—писать на старый, хотя бы я былъ въ Женевѣ.

3-го августа (1868 г.?). St.-Gallen.

Вотъ и въ Германіи побывали, т. е. въ Констансѣ,—о паспортахъ никто и не думаетъ. Погода была превосходная. Сегодня ѣдемъ въ Апенцель—завтра вечеромъ будемъ въ Цюрихѣ, и тамъ, вѣроятно, будутъ и деньги отъ Тхоржевскаго. Если я тамъ ихъ найду и письма, то въ середу поѣдемъ, но пути еще не знаю, можетъ, на Тунъ—Omni Caru 15 въ Prangius.

Дочиталъ Кельсіева; я рѣшительно отказываюсь писать, да и тебѣ не совѣтую. Предоставь это дѣло нашимъ милымъ Сенъ-Жюстамъ изъ Грузіи — нашимъ ..... дѣтямъ. Я вреда книги не вижу и спрашиваю, что бы онъ дѣлалъ за границей? (развѣ въ Тульчинской школѣ?)—да что и мы дѣлаемъ? Мы, по правдѣ, сдѣлали кое-что и были полезны. А вся эмиграція—была нелѣпость. Гулевичъ просилъ смиренно прощенья, а простилъ его не государь, а эмигранты. Кельсіевъ сдался, какъ сумасшедшій, но не измѣнилъ.

Неужели ты не помнишь его писемъ послѣ смерти Варв. Тим. (его жены) къ намъ? Онъ тогда уже писалъ, что съ поляками во враждѣ, что въ западную революціонную идею не вѣритъ. А что мы съ поляками въ дружбѣ? Или съ западной идеей въ ладу?

Мы слишкомъ далеко зашли, останемся въ нашей фортеціи умирать—но пусть гарниза (желающая) идетъ по дворамъ.

Лиза хочетъ тебѣ писать, что мы Рейнъ переплывали подъ водопадомъ. Она здорова, ѣстъ за двухъ, спитъ за трехъ, и если-бъ можно было Natalie убѣдить не портить ее, можно было бы ею похвастаться въ Prangius. Капризы портятъ ее страшно.

Писемъ, разумѣется, съ 30-го іюля я не имѣлъ. Найду нѣсколько въ Цюрихѣ.

Наконецъ-то ты раскусилъ Мрачновскаго—безъ теоріи о бракѣ.

А что процессъ о воровствѣ Сенъ-Жюстовъ?—Что масса Бакунина?

Addio.

Напиши письмо въ Цюрихъ, его пришлютъ за мной. Для вящшей аккуратности, можешь сзади пакета написать—en cas de départ faire suivre.

Не знаю, гдѣ Тхоржевскій—у принца ли (т. е. у сына кн. П. В. Д.), и что̀ Долгоруковъ,—у него возвратная водяная..... Это уже комедія въ агоніи.

23-го сентября (1868 г.). Vichy *) (Allier).
H-l des Ambassadeurs.

Ну вотъ я и попалъ въ цехъ водниковъ. Въ 7 отправляюсь въ горячую ванну, въ 8 пью изъ ключа Grande Grille, въ 10—полъ-обѣда, въ 3 еще два стакана, къ ½ 6 другой обѣдъ и въ одиннадцатомъ ложусь—что̀ изъ всего будетъ, увидимъ. D-r, котораго я выбралъ по указанію Боткина, Durand Fardel, какъ слѣдуетъ, все торопится; однако и онъ, осмотрѣвши грудь и животъ, тотчасъ забросилъ мозговые вопросы—и хотя онъ не сказалъ, но понять можно, что и онъ болѣзнь отнесъ къ мозгу. Боткинъ сомнѣвается въ излѣченіи, но полагаетъ, что съ Виши, а потомъ Карлсбадомъ, при моей силѣ организма, можно бороться годы безъ страданій. Остраго оборота онъ не ожидаетъ (и считаетъ его очень опаснымъ). Разстался я съ Б. очень дружески—о платѣ не смѣлъ и заикнуться. Все, что онъ говорилъ, я понимаю,—а Фогта и Левье не понимаю, да и всѣхъ докторовъ. А вѣдь See-то былъ правъ годъ тому назадъ!

Отъ N. получилъ письмо изъ Prangius очень хорошее. Я еще не знаю—сюда ли ихъ приглашу или самъ съѣзжу. Durand Fardel говоритъ, что перерывъ на день, на два вовсе не дуренъ. Жду пуще всего русскихъ газетъ и даже журналовъ, если будутъ. Если N. пріѣдетъ съ Татой, я здѣсь въ отелѣ не останусь—дорого (14 фр. пансіонъ въ день).

Надѣюсь, что моя телеграмма, посланная въ 9 часовъ утра 21—пришла во̀-время?

Жду «Колок.»—жду стихи, и вели готовить «Полярную Звѣзду» къ 15 октября. Обертка должна быть толстая, цвѣта «Былого и Думы»—я напишу объявленіе—затѣмъ иду въ Термы.

*) А. И. Герценъ былъ одинъ, безъ семьи, въ Виши.

Писалъ ли ты въ Писовой конгрессъ? Это было необходимо, какъ политесъ. Получилъ сейчасъ телеграмму о пріѣздѣ нашихъ въ Ліонъ; вѣроятно, они пріѣдутъ сюда. Съ тѣмъ вмѣстѣ получилъ премилое письмо отъ Ханыкова (у котораго былъ въ Парижѣ и не засталъ), онъ пишетъ, что физикъ Biot тридцать лѣтъ занимался производствомъ сахара, и что Ив. Тургеневъ влюбленъ, какъ 18-лѣтній мальчикъ, въ Віардо.

Затѣмъ жду твоей миссивы.

30-го сентября (1868 г.). Hôtel de l'Amérique.
Rue Clermont Tonnerre.

Переѣхалъ и провелъ первую скверную ночь въ Vichy. Не спалъ, отъ грозы ли, простуды ли, или отъ того, что вчера какой-то проклятый французъ уговорилъ меня выпить здѣшней же кипучей воды совсѣмъ изъ другого источника. Но все это вздоръ. Нормально воды на меня дѣйствуютъ благодатно и покой абсолютный. Не знаю, что̀ будетъ съ дамами, жду ихъ въ 8 ч. вечера. Письма хороши. Черезъ десять дней сдѣлаю другой анализъ. Durand Fardel думаетъ, что мѣсяца довольно (финалъ 21 октября).

Теперь объ общемъ. Мнѣ какъ воздухъ нужны: 1) рѣчи Бакунина и Вырубова, 2) исторія ихъ отставки изъ Писа. Я не могу писать, не имѣя документовъ, а писать хочу и въ ихъ пользу. Умоляю Тхор. написать какихъ-нибудь сплетень о писовкѣ (конгрессъ мира?).

3) Читалъ ли ты діатрибу К. противъ меня въ «Русск. Вѣстникѣ»? Ужъ не отвѣтить ли ему? У тебя есть другой экземпляръ, прочти непремѣнно, а не то я пришлю

Для П. что-нибудь напишу. «Колоколъ» рѣшительно слѣдуетъ прекратить—посылаю тебѣ начало письма къ тебѣ (что я пишу не къ публикѣ, а къ тебѣ)—это самая оскорбительная форма,—но я не могу кончить безъ Бакунинской писовки.

2-го октября (1868 г.). Hôtel d'Amérique.
R. Clermont Tonnerre.

Ну вотъ и наши явились въ Vichy въ полномъ здравіи; я послѣ небольшой передряги опять очень здоровъ и увѣренъ, что дольше 20-го октября Durand Fardel меня не продержитъ. Оттуда въ Ліонъ, а если

война, въ Цюрихъ до конца декабря; такъ рѣшилъ я, и такъ принято единогласно. Я непремѣнно побываю въ Женевѣ.

Для того, чтобъ окончить статейку о Бакунинѣ, мнѣ нужно знать текстъ отставки его и Вырубова, или не напишешь ли ты какихъ-нибудь подробностей? Пришлю еще въ смѣсь. Ну, а «Полярную Звѣзду» пора и того.

Читалъ ли ты въ «Голосѣ» исторію Снегирева? Вотъ horror'то... и вѣдь это 72-хъ-лѣтній Иванъ Михайловичъ, знаменитый острякъ, латинистъ, ценсоръ...

Толкай Мерчинскаго въ Россію всѣми силами, это совѣтъ Ботк.: онъ идетъ въ такую же петлю, если не бѣды, то бѣдности. Боткинъ любитъ его и помогалъ ему, но говоритъ, что выхода нѣтъ.

Отъ Саши, изъ Берлина, есть письмо. Онъ пишетъ мнѣніе Дарделя объ операціи *), оно недалеко отъ Девиля. Конечно, Фогтъ слишкомъ легко принялъ дѣло. Безъ боли и слѣдовательно хлороформа не обойдется; я могу прежде Женевы увидѣться съ бернскимъ операторомъ. Да наконецъ, что же говоритъ Маіоръ? Это важно, заставь его сказать категорично, прикрикни на него, какъ онъ кричитъ на всѣхъ. Прощай.

10-го октября (1868 г.). Hôtel d'Amérique.

Живу мыслью, что Мечниковъ, по обыкновенію, совралъ и не пріѣдетъ въ Виши (Виши 7 часовъ отъ Ліона въ сторону, 2-е мѣсто 18 фр., и отсюда на югъ дороги нѣтъ). У насъ совершенный штиль, и жизнь идетъ какъ часы, да и Богъ съ нимъ. Сегодня вечеромъ аптекарь доставитъ 2-е разложеніе; дѣлаетъ онъ превосходно анализъ. Ну, увидимъ. Я давно не чувствовалъ себя свѣжѣе.

Для умиротворенія Тхорж. послалъ ему свой портретъ. Онъ не старше Туца. А, саго, вѣдь и у тебя есть панскія стороны, и когда я, забывшись, попадаю въ нихъ, ты являешься ярымъ львомъ. Выраженье: «Саша не посмѣлъ» сдѣлало бониваря въ тебѣ. Неужели я думалъ, что онъ тебя боится? Есть извѣстное нежеланье у людей дотрогиваться до чего-то въ родѣ замѣ-

*) Н. П. Огаревъ сломалъ себѣ ногу, и ему предстояла операція. *Т. П.*

чаній. Я Тхоржев. писалъ, что ты боишься Маіора (что̀ и правда); я увѣренъ, что ты испугался необходимости сказать почтальону, что письма надобно класть не въ щель, а въ руку... но, зная твой бониварь, глупо и то, что я такъ выразился.

Побережемъ зубы на другое. Хорошо, изволь, благо охота работать воротилась, я К—ва проберу. Но ужъ безъ ценсуры (кромѣ частностей). Статья будетъ leading (передовая) въ слѣдующемъ «Колок.» (15-го нояб.), она будетъ очень дерзка, очень лична и du haut en bas.

Выруб. рѣчь послалъ Чернецкому. Могу и еще смѣси прибавить.

Статья Миртова очень хороша. Но я не могу видѣть журнала безъ числа. Попроси П*** для меня выставлять.

У насъ покой и совѣтъ; здѣсь очень хорошо жить, мы середь парковъ и садовъ; я готовъ послѣ срока прожить недѣлю безъ ваннъ, онѣ надоѣли.

Лиза страшно умна и шалитъ не очень. Прощай.

Читалъ ли кто въ «Шаривари» статью Bacounine? Что̀ записки Карабанова? у меня есть, могу прислать *).

Не вели печатать о Г* Л*, хотя это и правда, потому что я вижу, что онъ опять въ Берлинѣ; видно, попросилъ прощеніе? Вмѣсто этого не хочешь ли:

On s'inquiète en Russie de sourdes rumeurs d'un remaniement dans le sens retrograde des nouvelles institutions judiciaires. Si ces rumeurs ont quelques bases et de quoi peut on jurer avec notre..... flottant nous demanderons à quant le retablissement du servage?

Присылай mise en page.

11-го октября (1868 г.). Воскресенье.

Я задержалъ письмо, чтобъ тебѣ сообщить о результатѣ химическаго анализа, и хорошо сдѣлалъ. Успѣхъ колоссальный — вѣсъ уменьшился, но главное — сахара 0,2.

Затѣмъ, я полагаю, что первый пури оконченъ. Се-

*) Кажется, это тѣ Записки Карабанова, которыя потомъ напечатаны кн. А. Б. Л—мъ-Р—мъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1870—1871 гг. *Ред.*

годня пойду къ Durand Fardel'ю. Пить еще буду дней пять; ѣхать мы еще не торопимся. Здѣсь тихо и хорошо.

Рѣчь Бакун., конечно (первую), слѣдуетъ помѣстить прежде Выруб.; если мѣста не будетъ, сдѣлать одно объявленіе о «Полярной Звѣздѣ», съ оглавленіемъ. Предисловіе писать не хочется. Вели ее просто издать къ 1-му ноября.

Въ слѣдующемъ письмѣ напишу, когда собираемся ѣхать, и что̀ скажетъ D-r. Отъ Саши письмо. Берлинъ ему не понутру.

Mise en page—пожалуй, не посылай, но смѣсь о Самаринѣ, Бакунинѣ и Левитовѣ—просмотрѣть слѣдуетъ. Сообщи Тхорж. о сахарѣ.

13-го октября (1868 г.). Vichy.

Статья моя въ отвѣтъ К—ву ужасно помѣшаетъ письму къ тебѣ, а потому я предлагаю издать двойной № «Kolokol» къ 1-му декабря, въ три листа, пожалуй, въ три съ половиной. Я изъ «Былого и Думы» всегда могу наполнить; № будетъ великолѣпный и финальный. Иначе будетъ казаться, что мы бастуемъ отъ этихъ нападокъ: согласны ли?

Хотя у насъ и начинаются облака (vice versa—съ сахаромъ), но, кажется, съ рѣшеній всего остального мы поѣдемъ изъ Ліона въ Лозанну, т. е. до рѣшенія съ ногой*) и съ «Колоколомъ». Это всего умнѣе—я удивляюсь, что уговорилъ. Жаль, что въ Женевѣ никакъ не приходится оставаться—вотъ еще и лавина Бакунинъ. (А ты все-таки его не спрашивалъ, зачѣмъ онъ секретничалъ, зачѣмъ скопъ дѣлалъ тайный съ Элпидиномъ, и не онъ ли одобрилъ Миколку публиц.?) А что же У—нъ хотѣлъ? (это bis и her).

Погода здѣсь удивительная, лѣто, да и только. Splendid. До дождей я не поѣду. Думаю, такъ дней пять въ Ліонѣ, и въ Лозанну, а можно и другой дорогой, прямо въ Лозанну (черезъ Pontarlier).

Мнѣ больше трехъ лист. «Колок.» не присылайте. Скажи Тхорж., чтобъ послалъ Сашѣ два экз. A. M. D-r. Bis. H. Prediger Ebeling—Koeniggötzer Strasse № 128—2. Trep. Berlin.

---

*) По поводу сломанной ноги Н. П. Огарева.

Этотъ № не мѣшало бы послать въ «Голосъ» и еще куда-нибудь въ Россію.

NB. За что мнѣ не посылается «La Pologne» Щенковича; о послѣднемъ № даже «Голосъ» говоритъ.

14-го. Среда.

Лѣченье оканчивается 17-го, но никто изъ Vichy ѣхать не хочетъ, и потому я, вѣроятно, останусь еще дней пять послѣ 17-го. Здѣсь, дѣйствительно, очень хорошо. Тихо, покойно и не дорого. Писемъ нѣтъ.

7 час. вечера.

Письмо пришло. Всѣ бернскія негоціаціи беру на себя. Ты сиди спокойно. Маіора ты боялся не отъ ссоры, а отъ неловкости. Если-бъ ты просто сказалъ Мечникову въ первый разъ, я письма достану, а какъ вамъ ѣздить, дѣло было бы улажено. Посылаю карточку для Гаридо, онъ въ центрѣ демократическаго конгресса требуетъ уничтоженія арміи и смертной казни, требуетъ федеральнаго устройства. Пошли ему сейчасъ... Тургенева предисловіе на Ауеркухенъ*) я не читалъ.

Статья о К—вѣ кончена. Прощай.

D-r Fard. говоритъ, не слѣдуетъ обрывать сразу лѣченье—еще три ванны.

18-го октября (1868 г.). Воскресенье. Vichy.

Письмо твое съ иллюстраціей Маіора получилъ. Такую же иллюстрацію сдѣлалъ Саша, и ее-то я и показывалъ Боткину. Письмо это почти служило отвѣтомъ на мой вопросъ: la bourse ou la vie? Если ты сколько-нибудь убѣжденъ въ мнѣніи Маіора, если операція трудна, то слѣдуетъ ли и начинать? Мнѣ кажется, что ты съ очень непріязненной точки смотришь на операцію и дѣлаешь уступку, не проще ли же ее не дѣлать?

Важный вопросъ: можешь ли ты сколько-нибудь ходить безъ костылей, и оросъ ли костью переломъ?

Получивъ твое письмо, мы поѣдемъ и, стало, въ среду навѣрное (если что не помѣшаетъ) будемъ въ Lyon'ѣ,

*) То-есть предисловіе къ роману Ауербаха въ «Вѣстникѣ Европы». *Т. II.*

туда и пиши poste restante. Если нуженъ Люкке (?), если ты хочешь его, я сейчасъ напишу къ Фогту и самъ поѣду. Если нѣтъ—я торопиться не буду. Дѣлай по интимному внутреннему голосу.

Теперь новости. Первое—смерть Алексѣя Александровича (Яковлева), химика, онъ умеръ 72-хъ лѣтъ въ Петербургѣ.

Второе—на мѣсто Матеучи (вспомни мое пророчество) поступилъ гнусный ретроградъ; онъ уже началъ дѣлать непріятности Шифу и, между прочимъ, увидя, что Саша отпущенъ на семестръ, сказалъ, что если онъ не пріѣдетъ ко 2-му ноябрю, онъ его исключитъ изъ службы. Саша требуетъ моего совѣта. Я ему писалъ подробно. Тутъ опять исторія твоей операціи—человѣкъ самъ долженъ рѣшить. Мое мнѣніе—написать Pascatore гордое и холодное письмо и бросить мѣсто. Остаться семестръ въ Берлинѣ и въ продолженіе этого времени вызондировать, можетъ ли онъ, какъ швейцарецъ, съѣздить въ Россію, а тамъ узнать: можетъ ли онъ надѣяться на мѣсто; пока же ѣхать въ Москву къ Егору Ив. (Герцену). Можетъ, это и не пришло бы въ голову мнѣ, но вмѣстѣ съ письмомъ Саши прислала Марья Касперовна письмо Егора Ив. (Герцена, изъ Москвы), который съ величайшимъ вниманіемъ спрашиваетъ о Татѣ, Сашѣ и пр., и проситъ ихъ писать. Вѣроятно, и смерть Ал. Ал. (Яковлева) его двинула. При свиданьи съ Сашей онъ можетъ многое сдѣлать и передать ему.

Какъ ты обо всемъ этомъ думаешь?

Саша своей женитьбой прямой путь работы исказилъ. Въ Россіи мое имя ему все же поможетъ. Во всякомъ случаѣ, если онъ рѣшится, я его зову на общее совѣщаніе въ Женеву безъ Терезины.

Засимъ поручаю васъ молитвамъ Пресвятой Дѣвы.

Я Тхоржевскому послалъ портретъ, получилъ ли онъ? Портретъ, впрочемъ, плохъ.

Отчего «Колоколъ» такъ опоздалъ, не понимаю? Насчетъ того, чтобы «Кол.» издать двойной 1-го декабря, ты не отвѣчалъ. Насчетъ Карабанова записокъ—тоже.

19-го. Понедѣльникъ.

Дождь льетъ два дня, ѣдемъ въ среду въ Ліонъ.

Здѣсь было очень покойно, и миръ у насъ удержался безъ бернскаго конгресса.

12 час. 20-го. Вторникъ.

Отвѣта нѣтъ отъ тебя, но, вѣроятно, скоро будетъ, т. е. сегодня вечеромъ. Если получимъ, ѣдемъ завтра въ 10 час. утромъ и въ 1/2 6 будемъ въ Ліонѣ. Приготовилъ ли Тхоржев. бумаги Долгорукаго для разбора и гдѣ юный принцъ (т. е. сынъ кн. П. В. Долгорукаго)? Прошу писать: Lyon, poste restante.

Если ты все еще хочешь Люкке, я могу 25-го быть въ Бернѣ и Женевѣ. Съ тѣхъ поръ какъ холодно, мы начинаемъ мечтать всѣ о Ниццѣ—я предлагаю Барселону,—это à la mode.

7 час. утра. 21-го. Среда.

Письма нѣтъ. У Таты болитъ голова, придется ѣхать завтра утромъ.

23-го октября 1868 г. Пятница. Lyon.
Hôtel de l'Europe.

Ну вотъ и въ Ліонѣ. Пріѣхали по новой дорогѣ, только-что открытой черезъ Тарару. Итакъ, chapitre лѣченья окончился. What next? (Что потомъ?). Во всякомъ случаѣ пріѣду въ Женеву. У насъ ничего не рѣшено, N. хочетъ въ Ниццу—здѣсь мы на дорогѣ. Я говорю, надобно все подчинить воспитанію Лизы. Она съ каждымъ днемъ растетъ умомъ, и это совершенно естественно; т. е. не въ ущербъ тѣлу. Конечно, Ницца для воспитанья ничего не представляетъ, кромѣ климата. Даже Ліонъ богатъ музеями и всѣмъ, а Лизѣ это-то и необходимо. Конечно, одну зиму можно пожертвовать, но далѣе я несогласенъ.

Въ «Полярной Звѣздѣ» слѣдуетъ хоть на оберткѣ сзади сказать, что мы считаемъ это частью, а не цѣлымъ, можно влѣпить на цвѣтной бумагѣ, какъ это нѣмцы дѣлаютъ—Ex. Gr.

Вторая половина «Полярной Звѣзды» выйдетъ въ 1869 г.

Жду отвѣта послѣзавтра. Прощай.

Адресуй въ Hôtel d'Europe.

25-го октября (1868 г.). Середа. Lyon.

1) Обертка хороша, и бумага и цвѣтъ. Печатайте,

Бога ради, какъ хотите—оговорку я сдѣлаю въ «Колоколѣ». Продолженіе не статей, а книги, обѣщанной въ 20 листовъ. Только издавайте скорѣе и не упускайте Георга.

2) Насчетъ статьи К., его ругать больше не хочу и нашу дѣятельность повергать на судъ... не хочу тоже,—я имъ какъ .... дѣтямъ бросаю въ глаза nos titres—съ наглостью; въ ихъ судъ (судъ сверху К., въ серединѣ Аксакова, внизу Сѣрно-Соловьев.)—не вѣрю. Но можно статьи вовсе не печатать, на это очень согласенъ. Тогда напечатать по-французски и по-русски мое письмо къ тебѣ, съ поправками, отрывки изъ «Былого и Думы» и смѣсь. Такой финалъ безъ обращенія къ публикѣ—страшно грубъ и потому мнѣ нравится. Объ этомъ рѣши.

Я, вѣроятно, въ воскресенье или въ понедѣльникъ явлюсь (жду изъ Парижа деньги); не забудь сказать Чернецкому, чтобъ онъ набралъ изъ «Былого и Думы» въ «Колоколѣ»; думаю пробыть до 10-го. Здѣсь суровохолодно или гнусно-дождливо. Я соглашаюсь, что слѣдуетъ на зиму уѣхать, если есть возможность и нѣтъ ненависти къ движенію. Мнѣ только жаль, что выборъ клонится на Ниццу—дѣйствительно, въ Марсель бы лучше, даже въ Барселону.

Засимъ прощай. Газеты посылаю, для Москвы и Спб. сдѣлай статьи.

Пробу пера для П. написалъ съ анекдотомъ Луи Блана объ Уробѣ.

4-го декабря (1868 г.). Марсель. Café на желѣзной дорогѣ. 9 утра.

Я сейчасъ отправилъ тебѣ телеграмму и пишу отъ stanco far niente. Нѣтъ, Огаревъ, тебѣ этихъ дорогъ, этой методой не отламывать. Даже я усталъ и отъ устали остался здѣсь до 12 часовъ. Поразительно нечеловѣчески устроены эти переѣзды. Въ Ліонъ мы опоздали больше получаса:—«train,—объявилъ мнѣ кондукторъ:—въ Ниццу идетъ сію м и н у т у», не даютъ времени сходить по надобности. Я къ начальнику станціи,—говорю: «вашество, такъ и такъ въ книжкѣ написано». — «Да,—говоритъ, — но съ тѣхъ поръ перемѣна, — впрочемъ, пойдетъ другой train въ Марсель,

вы можете его взять». Въ Марсель мы опоздали часомъ — до пріѣзда кондукторъ объявилъ, что train идетъ немедленно, т. е. послѣ 18 часовъ ѣзды. Проученный въ Ліонѣ, я ужъ прямо къ смотрителю. «Вы человѣкъ, и ничто человѣческое не чуждо вамъ,— въ Ліонѣ я имѣлъ малую надобность, здѣсь большую, виноватъ ли я, что train опаздываетъ?»—Онъ посмотрѣлъ милостиво на меня и сказалъ: «Я могу вамъ позволить ѣхать въ 12 часовъ». Онъ руку къ козырку, и я отправился въ кафѐ, гдѣ нашелъ знакомаго garçon'a, предложившаго мнѣ 1/2 perdreaux. Зато въ Ballegard'ѣ прелесть—ни паспорта, ничего. Со мной еще лучше. Комиссаръ спрашиваетъ: «ваша фамилія?»—я говорю, онъ улыбается—и все кончено. Паспорта, стало, я даже не вынималъ.

Ну, вотъ и все внѣшнее. Въ Ниццу телеграфировалъ.

Наше послѣднее свиданіе было смутно. Я бываю какъ-то тупъ и оглушенъ при такихъ ударахъ съ сюрпризами и стремлюсь быть одинъ. Это прошло, ну и Te Deum, а въ 1864 году операція Лели. Ты знаешь, что я до сего времени никому не имѣлъ силъ разсказать, что тогда было: «Крѣпко человѣческое тѣло». Если-бъ Nat. поняла ту минуту и настоящую любовь къ Лизѣ, она не дергала бы за нити, боясь ихъ оборватъ. Я прощать готовъ — «зане, — какъ выражался Кукольникъ,—одни сильные прощаютъ». Но это не все.

A propos, знаешь ли, что я ждалъ, что Бакунинъ пришлетъ спросить о Татѣ, для того, чтобъ примириться. Онъ не прислалъ... é rotta l'altissima colonna*).

Здѣсь лѣто. Все открыто. Солнце. Нѣтъ, Цюрихъ-то съ Берномъ да и съ Женевой придется похѣритъ. Въ одномъ городѣ съ тобой было бы лучше, но трудно. Неустройство моей жизни и неустройство (въ иномъ родѣ) твоей дѣлаютъ это нелегкимъ. Когда Туцъ будетъ въ пансіонѣ, и ты рѣшишься опредѣлить куданибудь Генри, тогда потолкуемъ.

After breakfeast (послѣ завтрака).

А гарсонъ (перфидный изъ слезотныхъ) говоритъ: «полпердро есть, но съ трюфелями (кормилица его

*) Ниспровергнута высочайшая колонна.

уронила изъ гнѣзда, такъ онъ и родился съ трюфелями)—а такъ какъ это франкомъ дороже—я не смѣлъ подать».—«Дерзайте». И онъ подалъ.

Тхорж. (элементъ, стихія, Океанида) меня тронулъ чутьевой любовью къ Татѣ. «Отчего, говоритъ, у поляковъ есть дочери, а всѣ ходятъ въ церковь—отчего ваши дочери—ангелы, а ни во что не вѣрятъ—оттого я останусь съ вами, а не съ ними». Ты смѣешься, а я чуть не расплакался.

А что до Таты, то ея потеря была бы мнѣ чортъ знаетъ что̀. Покойная (жена моя) Natalie, ты и потомъ она, при всей молодости и шероховатости, ближе всѣхъ меня понимали. Но эта туча была мнимая. N. любитъ меня, но не щадитъ. Именно с е с т р о й-то она и не будетъ (ты помнишь ея послѣднее письмо), а Тата можетъ быть.

Затѣмъ прощай. Пожалуйста, смотри въ «Моск. Вѣд.», что будетъ о прекращеніи «Колокола». Новыя ревю посылаю. Скажи Тхоржевскому, чтобъ подписался у Георга на «Вѣстникъ Европы».

У меня болѣла голова подъ конецъ, отъ духоты въ вагонѣ, но теперь, выпивъ бутылку St. Julien и поѣвши, совсѣмъ оправился.

Въ Temps я прочелъ, что какой-то натуралистъ утверждаетъ, что каждое кольцо кольчатыхъ животныхъ—особое животное, спаянное на жизнь и смерть со всѣми остальными—можетъ, говоритъ онъ, и позвонки животныхъ позвоночныхъ только спайка. Вотъ коммунизмъ съ коллективизмомъ!

17-го декабря (1868 г.?). Lyon, Hôtel d'Europe.

Мало вещей въ мірѣ больше досадныхъ, какъ помѣха при концѣ длинной операціи. А съ нами чуть она не случилась. 15-го Тата*) было-совсѣмъ разнемоглась—мысль прожить здѣсь, при самыхъ неудобныхъ условіяхъ, недѣли двѣ или больше—обдала меня ужасомъ. Силы словно оборвались; но дѣло оказалось вздоромъ, т. е. страшной головной болью. Сегодня въ ночь можемъ продолжать путь. Дамская часть моего народонаселенія не такъ-то скоро двинется изъ Парижа. До-

*) Наталья Александровна (дочь А. И. Г.).

вольно. Со временемъ, устроившись, я пріѣду одинъ недѣли на двѣ въ Женеву потолковать объ эпилогѣ.

О чемъ груститъ Бакунинъ, и зачѣмъ ты укрывалъ подъ іероглифами очень простую семейную тайну, которую разсказалъ Тхор.?

Засимъ кланяюсь.

9 утра.

Вовсе не разсвѣтало; здѣсь дня почти нѣтъ, лондонскій туманъ постоянно.

Тхор. ѣдетъ завтра, 18-го, въ 9 часовъ,—изнѣжился. А то есть express въ 6 утромъ.

30-го декабря (1868 г.?). Утро.

Наконецъ въ Новомъ году, съ которымъ усердно поздравляю,—я рафистоклировался—вмѣстѣ съ проливнымъ дождемъ и широко (?). Сегодня первую ночь я выспался безъ лихорадки, безъ грудной боли, и всталъ хотя съ тяжелой головой, но пропорціонально лучше. Я думалъ, что все кончится оспой—теперь увѣренъ, что оспы не будетъ. Знаешь ли, что я думаю, и вѣришь ли такой думѣ—все это avortement оспы? Сильный и старый организмъ переработалъ. Всѣ признаки, т. е. тошнота, голодъ и невозможность ѣсть, ломъ въ головѣ, затѣмъ у нихъ сыпь, а у меня грудная боль. Желаю знать твое мнѣніе.

Лиза, какъ рыба въ водѣ, ѣстъ за двоихъ и бѣгаетъ по саду за четырехъ.

Кажется, «злоба дневи» истощилась, и съ Новаго года пойдетъ лучше. Я тупо усталъ и всякій разъ готовъ начинать опять съ тобою споръ, что люди, не умѣющіе жить одни—felo da se.

What next? Мнѣ такъ противна моя неправильная жизнь, что я тотчасъ начинаю думать о будущемъ, о «своей комнатѣ», о книгахъ и о столѣ... Съ конца 1864 года я не могу нигдѣ пристроиться и, конечно, вина бо́льшею частью падаетъ на N. Если-бъ что-нибудь можно было устроить въ Женевѣ или здѣсь (отъ Ниццы до Генуи)! Во Флоренцію меня не тянетъ. Какъ ни бросаю карты—ничего не выходитъ. Ну, это старая пѣсня.

а) Читалъ ли ты комедію Островскаго въ «Отеч.

Зап.»—это гнусность, тупость—зачѣмъ же печатаютъ «От. Зап.»?

b) Читалъ ли ты рѣчи Кокорева, фонъ-Бушена и Скальковскаго о пьянствѣ,—очень интересно.

3 часа.

Сейчасъ Лизѣ привита оспа Бернадскимъ. Все хорошо, она геройски показала sangfroid. Addio.

Пока Тхоржевскаго поздравляемъ всѣ отъ мала до велика съ Новымъ годомъ и желаемъ, чтобъ и въ будущемъ году Долгорукій ему оставилъ капиталъ. Ура!

1869.

3-го января (1869 г.). Воскресенье. (Ницца).

Твоя статья превосходна, и ты самъ это знаешь—но à la Boris Godounoff скромничаешь и кокетничаешь. Я поставилъ × на sta viator при имени Мартьянова—какъ-то тяжело, и вымаралъ слово лже-патріотизмъ, какъ больно пріѣвшееся.

Я жалѣю объ этой статьѣ, потому что «Приб.» никто читать не станетъ.

Ты все воображаешь, что мы въ 1859—и что о насъ боятся говорить. Родіоновъ дѣлаетъ выписки изъ «Колокола» въ «Голосѣ». «Спб. Вѣдомости» говорятъ обо мнѣ, какъ говорятъ о Мѣрославскомъ и проч. Стало, сомнѣнія нѣтъ, что они могли говорить о прекращеніи—и просто пропустили. «Прибавл.» слѣдуетъ издать, когда оно будетъ готово—лишь бы въ январѣ.

Если хочешь аккуратность въ разсчетѣ — я тебя прошу ни въ чемъ никуда не авансировать ни одной копейки изъ твоихъ денегъ. Ни Жуковскому, ни на выписку журналовъ. Я попрошу у Тхоржевскаго общій счетъ о выпискѣ журналовъ—и тогда посмотримъ, нуженъ ли «Монитеръ»—когда будутъ «Голосъ» и «Моск. Вѣд.»—помни, что мы теперь не редакція, а партикулярные люди.

Я очень радъ, если Г. поступилъ въ работники и хорошо работаетъ, но, право, не могу въ толкъ взять, по какимъ наблюденіямъ ты можешь (если это не фраза)

заключать, «что прежде всего это натура честная»— можетъ, и такъ, но намъ слѣдуетъ быть осторожнѣе въ словахъ. Я склоненъ думать, что у него характеръ далеко не до того сложился, чтобъ такъ рѣзко характеризовать.

Книгу Мейзен. погубилъ-таки Чернецкій. Милѣйшій и мрачнѣйшій шутъ.

Засимъ прощай.

Два дня у насъ синее небо безъ облаковъ и солнце. Этого достаточно, чтобъ поставить на ноги.

Я здоровъ; у Лизы оспа не принялась.

Вчера былъ Бернадскій. Natalie встаетъ. Въ русскій Новый годъ, а можетъ, и прежде, мы впервые вмѣстѣ обѣдали.

Лиза, въ фартукѣ и бѣломъ колпакѣ, готовитъ со старушкой Rocco индѣйку къ завтраку.

20-го февраля (1869 г.). Суббота.

Все Шведенборгъ и Экертсгаузенъ—въ ту минуту, когда я тебѣ писалъ о замиреніи съ Бакунинымъ, онъ открывалъ Кучукъ-Кайнарджи. Отчего же тебѣ его визитъ тяжелъ?—non capisco (не понимаю). А то все Чернец., Тхор. — Тхор., Чернецк. — zu langweilig (скучно), и ты тамъ какъ ни тяни изъ себя брильянтовую паутину, а иногда надобно и на людяхъ освѣжиться...

«Отеч. Зап.», вѣроятно, сегодня получу. «Недѣлю», посланную изъ Петербурга, еще не получалъ. До такого безобразія почта еще не доходила. Получать журналы просто невозможно. Стремлюсь вырваться изъ этой среды.

Отъ Сатина письмо. Все жалобы о безденежьѣ— видно, приготовленныя проиграны. Зачѣмъ было писать—впрочемъ, Ел. говоритъ, что постарается.

«Колоколъ» пришелъ. Вотъ и аминь.

Надъ Чернецкимъ ломаю шпагу. Исторія объ Эгалитѣ и Веверѣ—ужасна, только ты вздору не вѣрь, т. е. тратамъ М. Чернецкаго. Это сплетня, и ты Тхоржевскому такую чушь не позволяй говорить.

Туцу непремѣнно напишу. Уроки Щерб. идутъ хорошо. Онъ даже перестаетъ смотрѣть на меня, какъ на злодѣя первой величины.

Тата получила отъ Ольги (Герценъ) длинное письмо. Въ немъ есть загадки и намеки до того ужасные, что я боюсь ихъ коментировать. Тутъ систематическая интрига Мейзен., имѣющая цѣлью ее отвязать отъ всѣхъ, и главное отъ меня,—интрига, не лишенная (если подтвердится) клеветы. Что̀ тутъ скажешь? Я писалъ Сашѣ (сыну) и жду его отвѣта.

21. Воскресенье.

«От. Зап.» пришли и письмо. Разумѣется, что твои стихи надобно печатать теперь или не печатать, даже и теперь поздновато. (Au reste, я тебѣ это писалъ прежде, и мнѣніе В. ничего не прибавило). Печатай, si piace (если тебѣ нравится). Но куда пойдетъ? Мнѣ смертельно жаль, что твоя прекрасная статья о голодѣ погребена въ «Прибавленіи» (къ «Колоколу»). За то мнѣ совсѣмъ не жаль, что «Народное Дѣло» лопнуло, и не жаль, «что намъ нечѣмъ помочь».

Бездарные прыщи самолюбія, гной, сопровождавшій благодѣтельную горячку 1856—1862 годовъ; кантонисты революціи, сдѣлавшіе себя генералами—въ десятый разъ п..... въ лужу и доказали свое безсиліе, свою сварливость! Я не вижу, чего же ты жалѣешь? Бакунинъ можетъ жалѣть, ему однимъ диктаторствомъ меньше. Я не вѣрю ни въ исправленіе N... (о которомъ ты писалъ), ни въ дезинфектацію Сѣрно-Солов., ни въ «историческій» слой У—на и его романа. Въ «Колоколѣ» я ихъ и «Современность» привѣтствовалъ съ ироніей, разсчитывая на паденіе, а ты наивно кручинишься.

Вотъ что Мечниковъ попалъ въ 7.000 ф., этому радуюсь. Жаль, что его надобно снова пріучить къ хорошимъ нравамъ и таковымъ же франкамъ (?), безъ этого онъ не долго (наш...лится (?).

Хорошо, если бы въ сборникѣ не забыли «Гофмана»—первую (мою) статью, помѣщенную въ «Телескопѣ» въ 1836 году, рядомъ съ Чаадаевской статьей. Это статья дѣтская, но забавна. Какъ они хотятъ, если найду здѣсь «Письма объ изученіи природы», постараюсь написать хоть двѣ-три страницы.

Сегодня отправляю въ ..... третью статью и четвертую—какъ только получу отвѣтъ. Пока прощай.

Не нашелъ писемъ объ «Изученіи природы»—пусть

они не забудутъ дилетантизмъ въ наукѣ. Нѣтъ ли въ Женевѣ въ книгахъ Писемъ. A propos. Чтобъ они никакъ не забыли писемъ изъ Avenue Marigny и всего, что въ III части «Былое и Думы».

Не хочешь ли твою эпистолу къ Татѣ—въ ..... Стоитъ выдумать псевдонимъ,

Саранскій,
Акшинскій,
Бѣлоомутской,

послѣдній всего лучше.

Какъ отпраздновали годовщину преломленія ногъ? Сегодня годъ, что я прибылъ въ ваши столицы.

6-го марта (1869 г.). Суббота *).

Письмо П-го меня не убѣдило. Я отвѣчалъ въ Брюссель. Также и это лишнее, что онъ за меня получилъ 41 р.—я сказалъ, чтобъ онъ ихъ прислалъ на имя M-r Nionsky—Georg'y въ Женеву. Платятъ они не сердито. Намъ лишь бы поставить ноги въ стремена. Вѣроятно, крикомъ и сплетнями они все изгадятъ, и начальство прихлопнетъ.

...Я ему (И. С. Тургеневу) отвѣчалъ довольно длинно—все-таки кой-за-что побранилъ. По лицу онъ состарился, совсѣмъ сѣдой, но ничего, черты благородныя. Вырубовъ писалъ—не сердится за письмо, не читалъ, но говоритъ, что отвѣчать не будетъ. Съ вами (де), молъ, не столкуешь.

Въ французскихъ журналахъ говорятъ о рескриптѣ спб. университету, объ учрежденіи имъ 300 стипендій? Въ «Голосѣ» не видалъ. Недостаетъ только одного №. Хоть изъ московскихъ напиши, что это, вздоръ или нѣтъ?

Вчера въ кафѣ подошелъ ко мнѣ какой-то господинъ и спросилъ, я ли я? На мой отвѣтъ объяснилъ, что онъ Евгеній Сатинъ—знаетъ всѣхъ. Сташиловъ живетъ постоянно въ Вѣнѣ—тоже вкусъ. Видѣлъ Боткина (Василія Петровича?) въ Римѣ—лежитъ безъ заднихъ ногъ.

7. Воскресенье.

Щербин. ѣдетъ въ пятницу въ Женеву и Вевей—за-

*) Четыре слѣдующія письма изъ Ниццы и Италіи. *Т. П.*

чѣмъ, не знаю. Вдругъ собрался—должно быть, все амуръ проклятый! Для Лизы потеря большая. Онъ явится къ тебѣ съ живыми вѣстями.

8. Понедѣльникъ.

И ваша отписочка отъ субботы. 1) Шевалева я по фамиліи не слыхалъ, и это только тебѣ урокъ—писать фамиліи просто. Извиняться передъ ними не нужно—не стоитъ, объ немъ я, съ разговора въ Женевѣ съ Мечник. (два года назадъ), ни слова не говорилъ. Но отчего же и онъ «добрый человѣкъ»? 2) А что же еще больше добрый Бакунинъ обѣщалъ, да и не былъ? 3) У Ольги, т. е. во Флоренціи, есть превосходный инструментъ, стоившій 900 фр.—Ergo до Плейеля долго не доѣдемъ. 4) Какъ же это въ Брюссель-то ѣхать на з и м у? Вѣдь это одинъ изъ гнуснѣйшихъ климатовъ. Но за Брюссель я имѣю многое.

Хотѣлъ еще прибавить, но некогда. Прощай.

14-го марта (1869 г.). Воскресенье.

Сегодня, вѣроятно, у тебя будетъ Щербин. Я съ нимъ послалъ статью о контроверзѣ съ Бакунинымъ и письмо, въ которомъ говорилъ о томъ, что балансъ склоняется на Брюссель.

Теперь иное дѣло. Отовсюду меня осыпаютъ вопросами, правда ли, что я и ты ѣдемъ въ Россію. Мало, что спрашиваютъ—получаю второе письмо отъ Марка Вовчка и второе отъ Тургенева съ тѣми же вопросами. Наконецъ я поймалъ Гулевича и, въ свою очередь, спрашиваю—откуда? «Да во всѣхъ газетахъ сказано, а въ «Биржев. Вѣд.» большая статья».—Еще гдѣ?—«Въ Моск. Вѣд.».—(Неужели ты могъ пропустить??)—«Можете достать», и онъ прислалъ мнѣ отъ Филипсона «Биржев. Вѣд.», которыя я пришлю и п р о ш у п р о ч и т а в ш и в о з в р а т и т ь. Это цѣлая интрига. Безъ отвѣта оставить нельзя, и я сегодня же думаю дать отповѣдь очень короткую и написать Раевскому въ Вѣну. Тург. письмо ничего—говоритъ, что давно было пора прекратить «Колоколъ».

«Отеч. Зап.» читаю. Комедія Потѣхина сущая дрянь,—теперь ругать нѣмцевъ гадко—будто русскія помѣщицы и пройдохи лучше? Характеры грубы, завязка

пошлая, все экзажеровано—что же хорошо? Береги твой вкусъ и будь нелицепріятенъ, потому что и романъ Утина тебѣ нравился, и ты вѣрилъ, что въ Петербургѣ говорятъ per «миленькой». А читалъ ли ты въ «Отеч. Зап.» «Исторію двухъ генераловъ»—это прелесть!

Изъ «Недѣли» ничего—напакостили. Да и какъ это они №№—овъ не высылаютъ?

У меня вчера былъ одесскій банкиръ Рафаловичъ—умный и образованный грекъ, въ силу чего я снабдилъ его греческими вопросами. Мнѣ кажется, что ты напрасно напечаталъ свою фамилію. Такія затрещинки должны идти анонимно.

A propos. Вся эта штука съ Раевскимъ не есть ли тонкій намекъ изъ **, что-де мы готовы васъ прикельсить. И давно не слѣдуетъ ли мотать это на усъ и зондировать terrain (почву)?

Мнѣ кажется, что Тхоржевск. не сильно хочетъ ѣхать, зачѣмъ же онъ ѣдетъ? Omnicaru до 10-го апрѣля—нечего ѣздить. Погода опять отвратительная.

17-го марта (1869 г.). Среда.

На оборотѣ ты прочтешь мой ультиматумъ Чернецкому, отошли его ему и пригласи гуманно потолковать. Я готовъ ему сейчасъ прислать 500 и по окончаніи ликвидаціи 500—разумѣется, въ полный квинтъ. Уговори его продать или идти въ типографію къ другому. Онъ не вынырнетъ. Все, что мы печатаемъ за границей по-русски — филантропія и себѣ обманъ, ничего не идетъ.

Вчера наконецъ я получилъ ....., въ 10 листовъ—вторая часть моей статьи, съ опечатками, но безъ малѣйшаго выпуска. Черезъ недѣлю будетъ 3-я, черезъ двѣ 4-я—гонораръ они платятъ смѣшной (150 за статью, т. е. за каждый отрывокъ), но весь Петербургъ читаетъ. Изъ-за чего же мы здѣсь будемъ харчиться — на самочитательное печатаніе! Вчера же явился Ч*** съ новой просьбой отъ ....., чтобъ я ея не покидалъ, и съ жалобами на П***. Ч*** также добродушенъ и съ русскою хитростью. Я его надулъ славно, сказавши, что я въ самомъ дѣлѣ просилъ Ра-

евскаго о возвращеніи. Онъ говорилъ, что при его отъѣздѣ изъ Петербурга только и рѣчи тамъ, что о моемъ возвращеніи. Все это заставляетъ думать о многомъ.

Слѣдовало бы написать статью: «на какихъ условіяхъ мы можемъ возвратиться?»

Есть у насъ «Русскій Вѣстникъ» или нѣтъ? Помнится, онъ былъ въ спискѣ. Тамъ повѣсть Тургенева и, по словамъ Черкесова, отвратительная статья Кельсіева—объ Абихтѣ, надъ которымъ онъ издѣвается. У Висконти (книжный магаз. въ Ниццѣ) на нынѣшній годъ нѣтъ. Объ этомъ напиши. Можетъ, «Вѣстникъ» важнѣе «Космоса». Я могу выписывать теперь черезъ Генкеля.

Что у васъ за «Journal des Femmes», нельзя ли прислать 1-й № или первые?

Ты правъ насчетъ замѣчанія о войскѣ—помѣшающемъ сдѣлку—но гдѣ же сила противъ войска? Опять въ пропагандѣ, ученіи и экономическомъ устройствѣ коммуннаго труда. Отчего ты не видался съ Бакунинымъ? Я ничего не имѣю противъ того, чтобъ онъ прочелъ, не теряя (у меня нѣтъ черновой). Готовъ и печатать.

Прислали тебѣ «Недѣлю» или нѣтъ?

Тхорж. ждемъ къ 15 апрѣлю, и все готово и расположено ad hoc. Прощай.

P. S. Сатина отдала, по моему порученію, 50 руб. сер. Тат. Алекс. Астраковой—я ей велѣлъ сказать, что приписалъ ихъ къ тебѣ присланными 2.550.

NB. Если Чернецкій возьметъ работу срочную съ уступкой—я готовъ взять на себя уступку—на цѣлый годъ. Отвѣчай.

К. Шурцъ выбранъ сенаторомъ и не нынче, завтра будетъ министромъ.

20-го марта (1869 г.). Суббота.

...На-дняхъ пришлю «Космосъ»—sehr gelehrt (очень учено). Статьи въ «От. Зап.» о Спенсерѣ одолѣлъ, но что̀ за ужасный языкъ! Сущность хороша. Если ты «Недѣли» не получилъ, я 10-й листъ пришлю и буду ждать отзыва. Новый отдѣлъ, который я теперь пишу, очень удаченъ.

Ректификація въ «Петерб. Вѣд.» очень важна. Ругаться въ отвѣтѣ я и не думалъ, надобно холодно сказать: «все это ложь», и оставить такъ.

Увидимъ, что сдѣлаютъ «Бирж. Вѣд.»; Тр—ва жена здѣсь и порывается къ намъ. Ч*** ѣдетъ во Флоренцію, Римъ и Одессу, гдѣ заводитъ контору для книгъ. Онъ могъ бы быть очень полезенъ, но сквозь фальшиваго «Туранскаго» добродушія—у него затаенная ненависть или, вѣрнѣе, злоба противъ насъ. Впрочемъ, я ее питаю, сколько могу, не милосердствуя надъ нимъ. Скажи Тхорж., что «Петерб. Вѣд.» можетъ спросить отъ Черкесова у Аранжеловича—табачника. Это должно быть въ 54... 56 №№ или около (пришли сюда, если поѣдутъ).

Рубинштейна непремѣнно послушай. Я очень радъ, что ты попалъ на эту мысль.

21-го. Воскресенье.

Письмо отъ (И. С.) Тургенева т р е т ь е; онъ сильно хлопочетъ объ опровержении слуха насчетъ Раевскаго—вѣроятно, долею для примиренія вполнѣ (?). «Кельнская Газета» напечатала. А знаешь ли, кто, по моему предположенію, сдѣлалъ поправку въ «Петерб. Вѣд.»—Мерчин., у него братъ въ Вѣнѣ при посольствѣ.

Далѣе явился Ауэрбахъ—говоритъ, что въ Россіи некрасиво — грабежи по концессіямъ желѣзныхъ дорогъ, старое взяточничество и разореніе мужиковъ.

«Temps» отъ 20 марта помѣстилъ мое письмо. У Вересова, вѣроятно, достать можно—the matter is dropped (дѣло рѣшено). Для чего все это было сдѣлано? А честно возвратиться было бы лучше Брюсселя.

Въ «Космосѣ» обругали Некрасова, его обвиняютъ въ безнравственномъ противорѣчіи поведенія—и стихами—вотъ, батюшка Ник. Платоновичъ! Немезида-то дѣлаетъ свое—по тону статьи это опытъ—«отвѣчай, молъ», мы и не то скажемъ! Прощай.

22-го. Понедѣльникъ.

Вчера помѣшали Ауэрбахъ, Черкес. и Гулевичъ. Новаго, впрочемъ, ничего. Черкесовъ ѣдетъ въ Неаполь

и Ауэрб. тоже. Послѣдній черезъ десять дней. Они черезъ Флоренцію, а Тата, можетъ, поѣдетъ съ ними. Тхорж—скаго ждемъ между 15 апрѣлемъ и въ концѣ апрѣля съѣздимъ въ Геную.

Когда Лугининъ отправлялся за границу, отецъ его провожалъ и, разставаясь, снялъ сію клятву, что онъ не будетъ имѣть сношенія съ нами, ни жить въ одномъ городѣ—и онъ далъ ее.

Что дѣлается по части погоды—неслыханно. Недѣли три безпрерывная буря съ ливнемъ, вдругъ съ жаромъ, вдругъ съ холодомъ—вьюга, вѣтеръ и тяжесть. Вотъ зима-то!

5-го апрѣля (1869 г.). Понедѣльникъ.

Пошло писать: 1) Въ Петербургѣ закрыта Медико-Хир. Академія за безпорядки. 2) 4.000 подписей требуютъ у васъ въ Генфѣ мѣры строгости противъ работниковъ, и 3) Въ Парижѣ группа соціалистовъ вызываетъ на публичное состязаніе 1.500 человѣкъ по назначенію депутатовъ камеры, изъ купцовъ, адвокатовъ, профессоровъ. Es geht bunt zu (переполохъ). Къ этому снова слухи о войнѣ.

6-го. Вторникъ.

Пятьдесятъ семь лѣтъ начались странно и хаотически*). Вчера я былъ съ Мечник. и его макаронами (?) въ Монако. Его пріятель, выигравшій 65.000, отправилъ 50 т. въ Россію и пожелалъ рискнуть 8 т. Съ неимовѣрнымъ счастьемъ онъ выигралъ въ рулетку—и въ 30—40 въ четверть часа 18 т.—и въ слѣдующую четверть проигралъ 28.000. Мечник. не утерпѣлъ—пустился съ 200 что ли-то, выигралъ 3.000 и спустилъ все. Я отъ скуки поставилъ 40 фр.—и сейчасъ убили. Затѣмъ я купилъ отличныхъ сигаръ и всѣ потерялъ. Пріѣзжаю въ часъ ночи домой—Nat., Тата, всѣ сконфужены—Черкесова дочь (они близко живутъ) при смерти, ни отца, ни матери нѣтъ; Трубникова телеграфировала въ Римъ, Неаполь, Флоренцію — нѣтъ отвѣта. Мы телеграфировали Ольгѣ и

*) Александръ Ив. Герценъ — сынъ Ив. Алексѣев. Яковлева (см. его портретъ въ «Русской Старинѣ») — родился 25-го марта 1812 года. *Т. П.*

ждемъ. Ребергъ говоритъ, что надежды мало; бѣдные— какъ ихъ будетъ мучить совѣсть. И зачѣмъ они не взяли ребенка съ собой?

Я случайно пересмотрѣлъ свои «Концы и Начала»— и пришелъ къ заключенію, что сборникъ новый необходимъ съ исправленнымъ слогомъ (бездна неясныхъ оборотовъ). Если у Тхорж. есть подъ рукой «З а п я т ь л ѣ т ъ»—1-я часть (мои статьи) или у тебя, я попрошу его привезти.

Сегодня первый ясный день. Вотъ весна-то была! Прощай.

Мудрено созданъ свѣтъ—только-что мы всѣ показали готовность помогать Т***,—узнали, что она по телеграфу выписываетъ Сѣрно-Соловьевича сюда. Въ силу чего я, конечно, отретируюсь.

Окончаніе Сашиной (А. А. Герцена) брошюры весьма хорошо. Я только-что получилъ ее.

Письмо отъ 5-го получилъ. Доктора (Крупова?) за то, что онъ нравится Бакунину, пришли съ Тхоржевскимъ, а Бакунину скажи, что продолженіе D-r несравненно лучше.

8-го апрѣля (1869 г.). Четвергъ.

Чудеса да и только—черезъ часъ послѣ отправленія письма и «Бирж. Вѣд.», я получилъ 73 № той же газеты, тамъ статья «Колок.» въ 5 ругательствъ à mon adresse. Это уже за то, что я не возвращаюсь,—между прочимъ, они говорятъ, что моему сыну не было препятствій ѣхать въ Россію, и что русское правительство не мститъ дѣтямъ за преступленіе отца, доказательствомъ тому, что оно сохранило мое имѣнье.

Далѣе я представленъ какимъ-то безумнымъ диктаторомъ и шутомъ. Замѣть, что я ничѣмъ не вызвалъ со стороны «Биржев. Вѣд.» этихъ статей. Вчера (по несчастію, до полученія 73 №) я писалъ въ редакцію «Голоса» нѣсколько сухихъ строкъ съ просьбой помѣстить. Придется писать длинный отвѣтъ. Но для этого мнѣ необходимъ «Русскій Вѣстникъ».

Это одна сторона. Посмотримъ другую. Я замѣчу только, что такія статьи въ концѣ концовъ полезны и совершенно противоположно дѣйствуютъ на публику. Вторая сторона покажетъ тебѣ, какъ я былъ правъ

въ злой, исполненной ненависти къ намъ—эмигрантовъ второго порядка.

Вчера, какъ только ребенку Черкесова стало лучше, m-me T* имѣла объясненіе съ Nat., смыслъ котораго тотъ, что такъ какъ Сѣрно-Соловьевичъ пріѣзжаетъ сегодня, то, зная его отношенія ко мнѣ, она думаетъ, что ему и намъ будетъ непріятно, что мы видаемся. Что она, уважая меня, знаетъ, что я передъ Сѣрно-Сол. очень виноватъ, и что онъ, Сѣр.-Сол., одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей нашего времени. Время, должно-быть, настаетъ для объясненія съ чужими и своими. Я обдумываю двуглавую статью.

Мечниковъ сегодня уѣзжаетъ во Флоренцію и Неаполь. Ковалевскій взялъ-таки всѣ деньги съ собой—ergo онъ ихъ пронграетъ.

Отъ Вырубова письмо. Тургеневъ былъ въ Парижѣ. Вырубовъ и Фонтенъ въ ликованіи, что я хочу зондировать Брюссель (7 часовъ отъ Парижа). Вырубовъ пишетъ, что въ одной вѣнской газетѣ означенъ отель, въ которомъ я жилъ, и число, когда я былъ въ посольствѣ. Экъ ихъ! Антоновичъ и Ю. Жуковскій напечатали обвинительную книгу на Некрасова. Смотри, какъ бы и его в..... у тебя не вышло. Въ «Бирж. Вѣд.» уже былъ намекъ.

Сенаторъ графъ Ламбрускини написалъ противъ Саши (профес. А. А. Герцена) статью. (Сенаторъ) Левъ Алекс. (Яковлевъ) никогда не писалъ статей.

Прощай.

P. S. Вложенное письмо отдай тоже Тхоржевскому.

Щебальскій напечаталъ отрывки изъ Записокъ Екатерины по нашему изданію.

Душевно желаю окончить поскорѣе полемику съ тобой.

...Вчера получилъ (одну газету русск.) 16 № съ третьей статьей. Нѣсколько строкъ выпущены, но и то, что есть, съ каенскимъ перчикомъ. Ergo печатать можно—у нихъ есть еще 4-я. Да у меня готовы 5-я и 6-я, а когда ты отдашь письмо о Бакунинѣ (или статью будетъ и 7). Получилъ ты 16 №? иначе я пришлю или привезу.

Во французскихъ журналахъ разсказываютъ, что надняхъ le célèbre Musset Russe (безцѣнное выраженіе)

(это о И. С. Тургеневѣ) ставилъ самъ въ Веймарѣ свою оперу—музыки Viardot на сценѣ. Заглавіе «Le dernier sorcier» (послѣдній колдунъ). Герцогъ былъ въ восторгѣ и тутъ же заказалъ (a commandé) русскому Мюссу новую либрето—Succès et triomphe (успѣхъ и торжество).

Какъ же тутъ хорошо писать о Бѣлинскомъ?

О Бѣлинскомъ, можетъ, я и напишу, но гдѣ и какъ—видно, мой проектъ у тебя еще не взошелъ къ докладу. Насчетъ листовой выдачи «Полярной Звѣзды» ты ни разу не отвѣчалъ.

4-го. Утро 8 часовъ.

Письма отъ 30 апр. и отъ 2 мая пришли. Твоя статья, разумѣется, лучше манифеста, но эта статья и можетъ быть подписана только однимъ, она субъективна по языку, по формѣ, потому что она вовсе не воззваніе и не манифестъ. Я думаю, лучше къ ней приписать мою adhesion (подтвержденіе), что я и сдѣлаю, чѣмъ подписываться à la F. Pyat съ своими—все это битый путь. Я буду непремѣнно писать и печатать. Сдѣлай, пожалуй, изъ этого пробный листъ «Полярной Звѣзды». Но что же будетъ Бакунина прокламація? Если тебѣ хочется, для контраста можно. Я въ текстѣ, какъ ты увидишь, ничего не поправлялъ—это лишнее, потому что ты все же не поправишь. Но нѣсколько замѣчаній долженъ сдѣлать: 1) Всѣ жарты о молебнахъ купцовъ выбросилъ бы я; 2) пошлыя выраженія, въ родѣ два раза повторенныхъ «разсылочекъ», «пѣхтуры» и впехать (это ли не по-русски—отъ пихать—не выйдетъ впехать), я бы выбросилъ. Далѣе. Часть литературы «Спб. Вѣд.», «Голосъ», «Недѣля», «От. Зап.» etc. отстаивала храбро реальныя школы. Кто считалъ 500 въ разсылочку... Что за исторія извозчиковъ? Мнѣ и заглавіе «Наша повѣсть» не нравится...

10-го августа (1869 г.). Вторникъ.

«Вѣстникъ Русскій» получилъ и, разумѣется, тотчасъ прочелъ Кельсіева—есть мерзости и сплетни, но не больше, какъ въ его статьѣ объ Абихтѣ. Загибать за это «распалей» я не согласенъ. А холодно и просто

сказать, что онъ «ренегатъ», можно. Въ «Вѣстникѣ» есть статьи важнѣе—1) «Литературный типъ», гдѣ Грановскій выставленъ сторонникомъ классицизма; 2) Студентская исторія со всѣми подробностями (1862) въ трехъ главахъ «Панургова стада». Я совѣтую прочесть.

Сегодня будетъ у меня Д е-Г р е ф ъ—адвокатъ, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и дѣятельныхъ людей здѣсь. Жду вашихъ писемъ.—До завтра.

11-го августа 1869 г.

Де-Грефъ не былъ: дождь льетъ три дня, холодъ и срамъ.

Письмо твое отъ 9 пришло. Какъ случилось, что мои два пришли въ одинъ день? Я ѣду отсюда не по приглашенію, а по чувству дигнитета (достоинства). Жалѣю внѣшнюю часть очень—я думаю (помимо климата), врядъ ли можно гдѣ-нибудь такъ легко, подъ рукой, имѣть всѣ удобства—видно, рано на покой...

...У*** говорилъ, что Бакунинъ хвалился тѣмъ, что фондъ употребитъ—и дѣло пошло.

Въ 1862 г. И. Т у р г е н е в ъ говорилъ, что Бакунинъ, недовольный «Колок.», увѣрялъ, что дастъ ему иное направленіе. Онъ пріѣхалъ 1 января 1862 г., черезъ годъ «Колоколъ» сталъ падать какъ кирпичъ, брошенный въ воду. У него глазъ дуренъ. Въ дѣлѣ «Колокола» и въ дѣлѣ фонда онъ больше дѣйствуетъ на тебя и тобой. Вообрази, что̀ будетъ, когда онъ унесетъ десятую тысячу и нужны будутъ 100 фр. на дѣло, неясное для меня. Ты первый будешь уговаривать ихъ дать, а эти 100 заставятъ отдать и остальныя 9.900. Отличная русская типографія въ Женевѣ можетъ быть заведена на 10.000—вотъ и центръ пропаганды и обезпеченье хоть въ половину Б—ва. Никто не мѣшаетъ отдать долгъ въ 3.000 въ фондъ Чернецкому—и снова взять потомъ, но исключительно для типографіи, а не для уплаты долговъ. Кажется, это ясно.

Куда я буду телеграфировать Б. или Мер.? Я адреса не знаю. Если Б. долго (съ мѣсяцъ) пробудетъ въ Трувилѣ—мнѣ все равно, теперь ли, черезъ мѣсяцъ ли его увижу. Въ Парижъ я собирался одинъ—теперь все измѣнилось и, вѣроятно, въ октябрѣ увидимся.—Иду

пить настой. A propos, я пью черный и безъ сахара по утрамъ—это проще.

N. человѣкъ дѣльный и дѣятельный. Съ нимъ можно бы школу заводить. Такъ ты боишься утячей полиціи—а нѣтъ того, чтобъ послать хоть отъ меня узнать о «народномъ дѣлѣ» у N. N. Вели ему сказать, что, за минованіемъ интереса, я прошу возвратить статью. О, бездарники... Ну-съ, кто же былъ правъ въ ихъ оцѣнкѣ — Бакунинъ до ссоры? Ты или я? подумай и прощай.

28-го августа (1869 г.). Суббота. Gr. H-l du Louvre.

Дѣла литературныя идутъ медленно. Я начинаю грызться, но со всѣмъ тѣмъ меня связалъ срокъ пуще всего, т.е. сдача квартиры въ Брюсселѣ. Поѣду завтра утромъ, надобно будетъ опять пріѣхать, пожалуй, къ тому времени, когда будетъ Боткинъ, т. е. къ 20.

Дѣло ваше я, можетъ, лучше и подробнѣе знаю, чѣмъ ты.

Сегодня опять свидѣлся съ Мазадомъ и съ Лакруа—припишу.

Былъ у меня Озеровъ, онъ, кажется, малый хорошій. Съ B* у него послѣ обѣда поспорилъ до колкостей. Онъ, т. е. B*, просто ненавидитъ все русское и унижаетъ въ глазахъ французовъ. Что же за тактъ, позвать меня и еще трехъ господъ и начать непріятный споръ. Ну, да я въ долгу не остался...

Здравіе процвѣтаетъ. Тесье упитываетъ и упаиваетъ меня формидабельно.

11-е. Суббота (1869). 184 № Grand Hôtel du Louvre.

Всѣ дѣла привелъ въ величайшій порядокъ,—на этотъ разъ у Ротшильда всѣ были очень любезны, и даже его секретарь меня утащилъ къ какому-то доктору, который пріѣхалъ изъ Египта. Вообще вѣтеръ попутный—и это сдѣлалъ французскій «Колоколъ»*).

*) «Колоколъ» съ 1-го января 1868 г. сталъ издаваться въ Женевѣ на французскомъ языкѣ и обѣщалъ выходить два раза въ мѣсяцъ, 1-го и 15-го чиселъ,—но вышло его только пятнадцать нумеровъ, и 1-го декабря того же года изданіе окончено было письмомъ А. И. Герцена къ Н. П. Огареву, просуществовавъ такимъ образомъ съ 1-го іюля 1857 г.—одиннадцать съ половиной лѣтъ.

Т. П.

Оба Араги и Гартманъ Маврицій и Бамбергеръ—бисмаркующій и всѣ etc. любезны до безконечности—даже Рубинштейнъ безбоязненно, увидѣвъ меня въ Café de l'Opera—сію минуту (въ Россіи нравы не перемѣнились) потребовалъ бутылку редерера—frap. и съ вѣнскимъ издателемъ музыки пилъ за счастливую встрѣчу. Я ему замѣтилъ, что она можетъ превратиться не въ особенно счастливую (кафе былъ полонъ). Но онъ разгеройствовался—«мнѣ, говоритъ, ни по чемъ, говоритъ». Въ понедѣльникъ онъ даетъ огромный концертъ, онъ имѣетъ успѣхъ; оперы Кашперева не хвалитъ.

Въ дополненіе къ мелочамъ, завтракаю я у Вефура и нахожу, что цѣны снова сдѣлались естественнѣе, а достоинство всего, что даютъ, необыкновенно. Entrecote съ картофелемъ 2 фр., но кусокъ вдвое больше, чѣмъ у Визіога—и этого совершенно достаточно отъ 12 до 7 часовъ. Обѣдалъ я наконецъ по Жирардену—не стоитъ ни похвалъ въ «Liberté», ни цѣны. Вообще, я обѣды ненавижу...

Lacroix немного продаетъ «Колокола», отъ 20 до 25 экз. постоянныхъ.

Что D-r Herz здѣсь еще, т. е. у васъ, или нѣтъ?

Forcade (изъ Revue des Deux Mondes) сошелъ совсѣмъ съ ума—его хотятъ посадить. Ламартинъ написалъ статью о Тургеневѣ, въ которой воспѣлъ его до небесъ.

Я ѣду сегодня въ ночь или завтра утромъ: отдохну въ Марсели и во всякомъ случаѣ буду во вторникъ въ Ниццѣ. Не жду ничего хорошаго—буду писать и—addio...

16-го сентября (1869 г.). Парижъ. 12 часовъ.

Я Боткинымъ (С. П.) доволенъ безъ предѣла и конца, я ничего подобнаго не видѣлъ—его осмотру. Подробности послѣ, иду съ нимъ въ трактиръ.

Виши довольно. Но окончательно скажетъ черезъ два дня.

Весной въ Карлсбадъ. Діепъ не важенъ.

Прощай.

Пиши одно письмо: Grand Hôtel du Louvre, au second, № 221.

26-го сентября (1869 г.). Bruxelles.

Здѣшній журналъ «Liberté» и женевскій «Egalité» помѣстили почти въ одно время статьи объ отношеніи соціализма къ положительной наукѣ. Я ими доволенъ— и желалъ бы, чтобы ты прочелъ. Есть же люди, которые понимаютъ точно такъ, какъ я хотѣлъ высказать въ письмахъ Бакунину (я теперь ужасно жалѣю, что они не были напечатаны. Только повѣсти и художества могутъ ждать. А мысль новая или Standpunkt особый— долженъ тотчасъ печататься—а то завтра слѣдующій станетъ на мѣсто—а кѣ (хвостъ) безконечное). Можетъ, Бакунинъ самъ и писалъ въ «Egalité» (объ отношеніяхъ къ кооперацiямъ), тогда это прогрессъ или bal masqué. Впрочемъ, измѣнять (исправлять?) ошибки должно. Бакунинъ былъ отчаяннымъ панславистомъ, націоналистомъ — хотѣлъ Амурскимъ-Муравьевымъ — Австрію заполонить. Ну, а отвѣтъ его о крестьянахъ былъ неудаченъ въ Базелѣ. Повыспрошу у д-ра Пана, какъ и что̀ было.

Какъ я ни прикидываю, не могу понять, изъ чего ты думаешь составить «Колоколъ»? «Полярная Звѣзда» еще можетъ пробиваться «задами», т. е. статьями, писанными заранѣе. Но «Колоколъ»? и гдѣ же корреспонденціи? Какъ я теперь поставилъ себя относительно журналовъ въ Парижѣ, я легко могу имѣть постоянное мѣсто, для русскаго отдѣла, въ «Siècle», «Liberté» или «Temps». И для кого же издавать «Колоколъ»? Гдѣ его публика? П*** мнѣ сдѣлалъ предложеніе посылать въ новый журналъ, который собираются издавать,—а границы ты знаешь по дѣлу Щапова, и писемъ Луи Бланъ. Вѣдь, что ни толкуй, а Щ а п о в ъ ажитированъ (читалъ ли ты рѣчь Спасовича?)—на этомъ основаніи я три четверти «Колокола» могъ бы перепечатать въ Москвѣ. Я, Огаревъ, не возражаю и очень радъ убѣдиться въ противномъ, но навожу тебя на производство слѣдствія и діагнозы.

Помни и то, что рабочія силы наши уменьшились, и силы Чернецкой печати тоже. Если мнѣ рѣшиться издавать на свой страхъ переводы моихъ Opera—конечно, это дало бы два года жизни типографіи. Но рѣшить

это, не поговоривши съ Гашетомъ, Етцелемъ и Данпло, нельзя...

Мы ѣдемъ 23 въ четвергъ въ 9 часовъ утра въ Парижъ и слѣд. въ 4 часа того же дня бросимъ якорь въ Grand Hôtel du Louvre. Стало, ты можешь писать, адресуя туда. Что дальше—истинно не знаю. Что я побываю въ Женевѣ, это вѣрно, но что̀ мы всѣ сдѣлаемъ? не знаю. Въ Парижѣ центръ дѣятельности—но и дороговизна. Я снова долженъ сказать, что въ Брюсселѣ легко живется—я не знаю почему, и какъ-то діапазонъ не такъ давитъ, какъ въ Швейцаріи, но гадко послѣ avertissement. Устроиться здѣсь можно очень недорого. Въ Женевѣ можно гостить, но жить мудреное дѣло.—Прощай.

...Ну, а «Zukunft» — видно запрещенъ въ Швейцаріи.—А propos — какая же польза въ jury Бакун. Бибкнехта, если это не напечатано, а если напечатано—пришли. Во Францію не такъ будетъ легко посылать. Но это не относится къ «Zukunft».

29-го сентября 1869 г. Hôtel du Louvre.

...Боткинъ дѣлалъ осмотръ, общимъ доволенъ. Онъ совѣтуетъ пить селестинскую воду (тоже Vichy, но крѣпче) и въ маѣ ѣхать дней на 20 туда.

Дай Богъ успѣха Бакунинскому переводу Маркса—я одного не понимаю, почему же онъ держалъ подъ сурдинкой свои сношенія съ нимъ? Вся вражда моя съ марксидами изъ-за Бакунина...

2-го октября (1869 г.). Hôtel du Louvre. № 328.

Письмо твое отъ 28-го пришло, но я не имѣлъ времени отъ парижской суеты отвѣчать на его теоретически-террористическую часть, но отвѣчать буду непремѣнно. На другія части вотъ что:

Осмотръ Боткина и разложеніе, сдѣланное въ лабораторіи Тесье, подтвердили, что состояніе относительно діабета также хорошо, какъ было въ Женевѣ. Боткинъ стучалъ и раздѣвалъ, и заключилъ тѣмъ, что «еще поживемъ-съ!» Онъ совѣтовалъ пить здѣсь въ Парижѣ 15 дней селестинскую воду — что тоже Vichy—но самая сильная; ваннъ не брать, а въ началѣ

мая съѣздить на три недѣли въ Vichy. Единственная вещь, которую я замѣтилъ и Боткинъ подтвердилъ, состоитъ въ усиленіи глухоты. Вотъ и все...

У Боткина (С. П.) умеръ меньшой братъ (богачъ въ Москвѣ), а не Василій Петровичъ, который цвѣтетъ. Ко мнѣ ходятъ незнакомые русскіе—К*, потомъ генералъ Б*—все это такъ,—посмотрѣть звѣря.

Вчера въ «Presse» была статейка о русскихъ Flugschrift'ахъ, печатаемыхъ въ Женевѣ и найденныхъ въ большомъ количествѣ будто бы въ Тверской губерніи и между студентами. Авторами всего этого «La Presse» называетъ Бакунина и меня. Что тутъ правда, что вздоръ? A propos, чтобъ не возвращаться къ старому, меня какъ-то конфузитъ и огорчаетъ, когда я нахожу у тебя въ письмахъ такія фразы объ «языкахъ», было напечатано такъ—да бѣда не велика. По-моему, это страшная бѣда, но что всего хуже, тогда, когда мы читали и возражали, тогда это не было отпечатано, а только набрано, во что же послужило возраженіе? Я тутъ тебя не понимаю, какъ и во многомъ, можетъ, радіусы глазъ измѣнились. Напр., я получилъ «Zukunft» (глупо, три письма о Россіи, а ихъ д е в я т ь), за эти три письма кошки не за что выпороть, старая марксовская манера—такія статьи были въ «Leader», въ «Morning Advertiser'ѣ». Я приготовился отвѣчать и хотѣлъ писать Я*. Но передъ этимъ fatras остановился. Итакъ, Г. Г., вы всѣмъ комитетомъ не въ состояніи были выписать изъ Берлина, а сами придали статьямъ важность...

...Тхоржевскаго прошу сильно выписать черезъ Георга недостающіе №№ «Zukunft'а»—не Богъ же знаетъ чего они стоятъ. Присланы: № 167, 187, 189, 21 іюля 1869 г.—Въ 167-мъ VIII статья о Россіи, неужели невозможно имѣть прежнія VII?

17-го октября 1869 г. Воскресенье.

(Нѣкто въ Россіи) сказалъ одному изъ своихъ пріятелей:—«еще ш е с т ь л ѣ т ъ латыни, и вы увидите, какъ угомонится наша молодежь». Что хорошо, то хорошо. А это ты знаешь, что никто изъ профессоровъ по выбору не пошелъ въ члены (Московскаго) лицея, такъ что упали въ***, который никогда о N* не говоритъ

иначе, какъ «они» и «ихъ превосходительство». Общая сумма слуховъ изъ Россіи очень разношерстна. Столичное образованное общество, говорятъ, падаетъ видимо тономъ... Ф** съ ужасомъ разсказываетъ о голодѣ и о томъ, что богатые крестьяне, пользуясь имъ, скупаютъ землю бѣдняковъ. Въ высшихъ слояхъ не заботится никто о 1870 г. и переселеніяхъ ихъ. Женщинъ хвалятъ—занимаются и рвутся на волю. Боткинъ уже въ Петербургѣ, семья его ѣдетъ въ Римъ, жена больна грудью.

Ну что Тхоржевскій съ бумагами *), этотъ Постниковъ меня мучилъ какъ кошмаръ. Бралъ бы Т. деньги, благо даютъ—и баста.

18-го. Понедѣльникъ.

Вопросъ о Парижѣ или о не Парижѣ становится премучительнымъ.

Трудно повѣрить дороговизнѣ всего—да вѣдь всего—отъ дома и шляпы до мяса и башмаковъ. Начинается холодъ...

Насчетъ Н. и Америки одно затрудненіе, здѣсь нѣтъ ни одного русскаго, который бы зналъ о существованіи Н. гдѣ-бъ то ни было. Вчера вечеромъ были всѣ здѣшніе знакомые...

Сейчасъ ушелъ, просидѣвши часа три, путешественникъ Диксонъ, изъ Сибири и Петербурга (тотъ самый, который хотѣлъ меня видѣть въ маѣ)—очень интересенъ и уменъ, онъ ѣдетъ 2-го ноября въ Петербургъ.

21-го октября 1869 г. Четвергъ.

Сейчасъ получилъ вѣсть отъ Тхоржевскаго, что онъ бумаги Долгорукаго продалъ, очень радъ за него. И въ то же время твою записку и Бакунина. Онъ съ ней опоздалъ, да она мнѣ что-то не нравится (зачѣмъ толкъ о расахъ, жидахъ...). Впрочемъ, если Ре снесетъ и напечатаютъ—пусть себѣ. Дѣло въ томъ, что, написавши холодно и сдержанно письмо, я отправился вчера въ «Réveil» съ Бакунина статьей «Къ

*) Князя В. П. Долгорукаго, который завѣщалъ всю свою движимость и бумаги г. Тхоржевскому, весьма заботливо оберегавшему больного въ послѣдній годъ его жизни. *Т. П.*

юношамъ». Делеклюза, какъ всѣхъ редакторовъ, не было дома; я сталъ объяснять какому-то NN дѣло, какъ вдругъ отворилась дверь, и вылетѣлъ изъ алтаря Делеклюзъ съ видомъ П. И. Озерова сенатора и Осипъ Иван. (Сенковскаго?) — диктатора—желчевой, худой—онъ, не говоря худого слова, пошелъ костить Бакунина.

Я, не говоря ни одного хорошаго, замѣтилъ, что дѣло совсѣмъ не въ его мнѣніи, а въ томъ, что въ статьѣ Гесси инсинуаціи. (Хотя, право, изъ-за этой статьи не стоило ершиться).

«Я,—говоритъ сенаторъ Озер.:—не намѣренъ печатать элюкубрацію Бакунина, онъ дѣлаетъ страшный вредъ; какой онъ представитель французскихъ работниковъ? Мы будемъ до конца силъ бороться съ этими теоріями. Пусть у васъ онѣ хороши, но Европѣ нейдутъ. Вы, т. е. русскіе, умѣете какъ-то согласовать коммунизмъ съ абсолютизмомъ».

— Гдѣ же вы это видѣли?—Разумѣется, онъ ничего не видѣлъ, кромѣ Ледрю. Стали приходить разныя «надежды» Франціи и наконецъ какой-то цирюльникъ, обритый и тощій, который бросился ко мнѣ, Камилъ Боне... Dio Santo... тѣ же фразы, тѣ же ужимки. A la fin des fins Делеклюзъ сказалъ, что онъ никогда не думалъ лично оскорблять Бакунина, что если «онъ», т. е. Бакунинъ, такъ думаетъ, то напечатаетъ мое письмо; я въ карманъ и отдаю ему «Liberté»—глядь, это не тотъ №—у меня внутри сдѣлались судороги бѣшенства; но, не желая передъ непріятелемъ показать слабость памяти и характера, я гордо скрылъ и пошелъ домой за другой «Liberté».

Да и въ самомъ дѣлѣ, я хочу не ихъ свободы.

Здѣсь (т. е. въ Парижѣ) хаосъ, и мы бродимъ на вулканѣ; жалѣю, что всѣхъ впечатлѣній не передать—эта страница парижской жизни стоитъ томовъ. Положеніе гораздо больше натянуто, чѣмъ издали кажется*). Лѣвая сторона—окончательно въ параличѣ—

*) Эти строки наблюдательнаго и талантливаго публициста писаны лишь за нѣсколько мѣсяцевъ до крушенія французской имперіи—сначала подъ ударами Германіи, а потомъ коммуны и республики, на развалинахъ имперіи возникшей. *Т. П.*

и не встанетъ—но и побившіе ее другъ друга ненавидятъ до... до героизма, т. е. до сумасшедшей отваги—и тутъ опять эти люди становятся хороши до поэзіи, и въ этомъ пеклѣ, въ той электрической атмосферѣ, близкой къ грозѣ, глазъ пріятно останавливается на нетающей, свѣтлой, ледяной фигурѣ В**, который обо всемъ разсудилъ, привелъ въ порядокъ, радуется прогрессу, не печалится регрессу.

Я очень благодаренъ Бакунину, что онъ мнѣ далъ случай видѣть еще львиную пещеру. Если эти л ѣ в ш а и (т. е. лѣвая сторона въ палатѣ) одержатъ верхъ когда-нибудь, то я на другой день уѣду изъ Парижа—на недѣлю. Потому что черезъ недѣлю отъ нихъ останутся только косточки и развѣ Боне. О немъ еще при свиданьи.

Умоляю читать внимательно газеты.

Путешественникомъ Д и к с о н ъ я безконечно доволенъ. Свѣтлый, прямой, образованный англичанинъ. Онъ нарочно останавливался здѣсь и въ томъ же отелѣ, на день, чтобъ со мной познакомиться. Онъ изучаетъ серьезно, ѣдетъ 2-го ноября въ Петербургъ—и обѣщаетъ черезъ 10 мѣсяцевъ говорить по-русски. Онъ былъ въ Сибири и у донскихъ казаковъ, въ Таганрогѣ и на сѣверѣ. Наблюдатель, ученый и cum grano salis. Я увѣренъ, что его книга о Россіи будетъ хороша *).

— «Образованное общество (въ Россіи) ужасно мнѣ напоминаетъ,—говорилъ онъ:—Остъ-Индскую компанію съ англійскимъ обществомъ—въ Индіи. Только у насъ меньше воруютъ»; и еще: «Польша ваше проклятіе, съ ней на ногахъ у васъ не можетъ быть прогресса,—она стѣна между Россіей и Европою». О 1870 годѣ онъ говоритъ, что (никто) не заботится, полицейски такъ затруднятъ переходъ, что ни одинъ крестьянинъ не двинется».

Онъ въ Тобольскѣ получилъ мое письмо, посланное изъ Брюсселя въ Лондонъ. Это курьезно.

---

*) Эта книга «Свободная Россія» вышла въ слѣдующемъ, 1870 г., на англійскомъ языкѣ и была переведена на всѣ языки, въ томъ числѣ и на русскій. Русское изданіе въ Спб. все сполна разошлось.
Т. П.

Вотъ тебѣ безъ обѣщаній длинное письмо. Прочти Бакунину...

28-го октября (1869), четвергъ. Парижъ.

Письма были бы еще интереснѣе, если-бъ между ними не сидѣлъ Шпекинъ*). Климатеричный день сошелъ съ рукъ отлично и показалъ, что движеніе глубже и оттого вовсе не такъ быстро выступаетъ на кожу. Реемъ я очень доволенъ, онъ прекрасный и умный человѣкъ. Я буду тебѣ посылать dann und wann газеты, ты изъ нихъ узнаешь многое и, главное, тебя удивитъ sans façon. Смотрю и присматриваюсь къ зрѣлищу очень интересному.

Теперь о частныхъ дѣлахъ... Я нашелъ провизуарно квартиру въ небольшомъ, но чистомъ отелѣ, въ Champs Elysés Avenue d'Antin—33. По-здѣшнему недорого. Затѣмъ у меня въ виду очень хорошая, немеблированная квартира, противъ самаго Люксембургскаго сада. Я думаю, что, повертѣвшись во всемъ мірѣ, все же надобно разбить гдѣ-нибудь свой инвалидный домъ и въ немъ помѣстить большихъ и дѣтей. Если я рискну взять домъ на три года, я предложу тебѣ черезъ годъ переѣхать сюда. Пока, думаю, лучше останься въ Женевѣ... Квартиру съ двумя спальнями, салончикомъ и кухней возлѣ Люксембургскаго сада я найду. Главное, надо суворовскую храбрость, чтобъ подписать на три года контрактъ...

Насчетъ костромского имѣнья замѣть одно, что публикаціи были въ 1863 г., и у насъ не было ни одного знакомаго, не говорю друга, который бы извѣстилъ—по несчастію, это черта русская.

Перешли остальное Бакунину, прочитавши. Прощай.

Бакунину. 28-го октября.

Письмо, которымъ изволили почтить, получилъ. Отвѣтъ пишу сейчасъ. Политика твоя мнѣ не нравится. Въ Макіавели ты негодишься съ твоими dividi. Я никакъ, никакъ не могу согласиться на то, чтобъ, по примѣру русской (прежней) цензуры,—дозволять ругань титул. совѣтн. и не бранить генераловъ. Маркса

*) Почтмейстеръ въ «Ревизорѣ» Гоголя.

просто ты не хочешь зацѣпить, чтобъ не попортить свое отношеніе. Хорошо, ну, такъ оставь же и Гесса, и К—нію. Это совѣтъ и мнѣніе. Далѣе, что ты такъ кипятишься, статья Гесса никѣмъ не была замѣчена и безслѣдно ухнула. Письмо мое (надѣюсь, ты получилъ) къ Делеклюзу покончило вопросъ. Ре (который мнѣ очень нравится) снесъ твою статью къ молодежи въ «Реформу» (она не то что умна, но благородна, смѣла); тамъ обѣщали ее помѣстить завтра или послѣзавтра. Нумеръ «Progrès», гдѣ о тебѣ, я отдалъ, на чемъ и все кончилось. Ходить къ Дантю можно только въ очистку совѣсти. Совѣтъ мой таковъ. Рукопись (она теперь у Ре), со всѣми приложеніями, я тебѣ пришлю. Переправь въ прохолодь первую часть, выдумай всему громкое заглавіе, не обижая Макковея и Ротшильда, и потомъ передай Чернецкому; печатай не все вдругъ, а ливрезонами... это легче для расхода и платы. Когда будетъ все на мази, я помѣщу въ десяти журналахъ annonc'ы. Доволенъ, что ли?

Пожалуй, оставь жидовскую улицу, какъ она есть, но совѣтъ мой—все же обдумай.

Здѣсь много хорошаго и серьезнаго. Но что за жалкіе мандарины и брамины, что за жалкіе журналы! Я думаю просто остаться пока здѣсь.

В** меня не тѣшитъ, а бѣситъ. Чистый и добрый человѣкъ—онъ доктринерствомъ съѣлъ свое сердце и къ окружающему относится какъ адвокатъ или прокуроръ. Минутами онъ мнѣ ненавистенъ. Прощай.

У тебя очень часто обмороки—это заставляетъ меня освѣдомиться о количествѣ алкоголя?

Послѣдніе два мѣсяца своей жизни Александръ Ивановичъ былъ глубоко опечаленъ и потрясенъ нездоровьемъ одной изъ своихъ дочерей, нѣжно имъ любимой. При первой вѣсти о ея болѣзни, онъ поспѣшилъ къ ней, во Флоренцію, и здѣсь, 2-го ноября 1869 г., какъ писалъ Н. П. Огареву, былъ обрадованъ свиданіемъ съ ней. Знаменитый профессоръ Шифъ обнадежилъ Александра Ивановича полнымъ выздоровленіемъ больной, что впослѣдствіи вполнѣ и оправдалось.

Въ концѣ ноября того же 1869 г. Герценъ, въ сопровожденіи дочерей и Н. А. Огаревой, отправился изъ Флоренціи въ Парижъ.

Во время пути, а затѣмъ и по пріѣздѣ, Александръ Ивановичъ не оставлялъ своего друга Николая Платоновича обычными извѣстіями о себѣ, семействѣ и замѣтками о явленіяхъ современной ему общественной и политической жизни.

26-го ноября (1869 г.). Генуя. Hôtel Feder.

«Почта изъ Франціи не проходила за Mont Cenis, все покрыто снѣгомъ. Дорога въ Ниццу размыта дождями, остается пароходъ, а погода только сегодня устанавливается, и качать все же будетъ сильно. А тутъ Суецы да Панамы перерываютъ—въ то время, какъ между Италіей и Швейцаріей, между югомъ Швейцаріи и Италіи и Франціею—столько же сообщеній зимой, какъ между Саранскомъ и Тюменью»...

Любопытна замѣтка Александра Ивановича, вызванная въ немъ, кажется, прочтеніемъ одного изъ литературныхъ произведеній Андреа Лео:

«Я, Огаревъ, холодно и съ пассивностью смотрю на жизнь... виноваты всѣ. Ты подумай вотъ о чемъ—почему мелодраматическіе Лео Леони, Орасы и завзятые негодяи имѣютъ не въ однихъ романахъ, а въ самой реальности—самое сильное вліяніе на лучшихъ женщинъ. Да кстати, вмѣстѣ со всѣми Нечаевскими, отрекись отъ а б о р т и в н ы х ъ освобожденій; въ исторію можно забѣгать—но уже тогда отвыкни жалѣть погибающихъ, жалѣть личности. И дѣйствительно, ни Пугачевъ, ни Маратъ ихъ не жалѣли.

«Что за вздоръ проповѣдывалъ ты (и я) о полной свободѣ не только въ выборѣ, но и въ перемѣнѣ,—особенно прежде, чѣмъ ты, какъ въ раму, улегся въ фашимумъ. Смотри теперь кругомъ на развалины и только не цитируй крайности съ противоположной стороны—я ихъ знаю».

14-го ноября (1869 г.). Воскресенье.

... Я рѣшительно ничего не дѣлаю, ничего не хочу дѣлать и ничего не читаю — оттого пишу длинныя письма.

(С. П.) Боткинъ—страшный пророкъ медицины. Онъ мнѣ говорилъ: «все пойдетъ хорошо, если не будетъ сильныхъ толчковъ». Вотъ и толчокъ, казалось все—благодаря вашему провидѣнію, т. е. желудку—сошло съ рукъ, анъ нѣтъ,—Боткинъ правъ. Тутъ безъ Vichy весной не отдѣлаешься.

Omni casu—мы плывемъ въ понедѣльникъ въ Ниццу и отправимся въ 9 вечера, будемъ тамъ въ 6 утра.

23-го декабря (1869 г.). Парижъ, 8. Rue Rovigo.

Вчера былъ Шарко (докторъ), сидѣлъ больше получасу... О себѣ я и не спрашивалъ, мнѣ не до себя пока... Ѣмъ и пью хорошо, но сплю скверно. Съ вечера засыпаю какъ убитый,—но часа въ 4 просыпаюсь съ ужасомъ не уснуть.

Квартиру съ пенсіономъ и всѣмъ нашелъ, дорого, но превосходную, тихую, въ самомъ центрѣ и въ самой тишинѣ,—172, Rue de Rivoli—въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ увижу, остаемся ли въ Парижѣ, и тогда квартиру сыщу fixe, а тутъ надобно бросить въ печь фр. 800 въ мѣсяцъ.

Это мнѣ очень непріятно, но нѣкоторый комфортъ и ширь комнатъ для больной необходимы. Пенсіонъ устраняетъ всѣ хлопоты о хозяйствѣ, дрязги и проч. Вотъ полный отчетъ.

Ч*** арестованъ; объ этомъ я читалъ въ тобою присланномъ «Голосѣ». Если что узнаю, сообщу; я еще не видалъ ни В***, ни Б***. Вчера безъ меня была Полина (Левицкая), она ангажирована на три года въ Covent Garden—по 12 т. въ годъ, съ разными правами концертовъ, поѣздокъ...

Письмо провалялось въ моемъ карманѣ больше 24 часовъ, т. е. до 24 декабря.

Все обстоитъ благополучно.

Съ квартирой еще не кончилъ. Пиши 8, Rue Rovigo.

29-го декабря (1869 г.). 8. Rue Rovigo.

Сейчасъ переѣзжаемъ въ Pavillon Rohan—172 rue Rivoli, это огромный домъ, отдающійся на мелкія и крупныя квартиры, съ ѣдой и безъ ѣды. Мѣсяцъ или

даже два можно отдохнуть и выждать... Эту трату за покой я заслужилъ двумя послѣдними мѣсяцами.

Я не могу ни на чемъ сосредоточиться, ничѣмъ заниматься и свелъ все на одно чтеніе.

Въ «Indép.» подробности о Ч***. Захвачено въ Москвѣ и Петербургѣ до ста человѣкъ. Нашли какія-то прокламаціи у Е*** и по подозрѣнію обыскали Ч***.—У него не нашли, а нашли въ судѣ (онъ мировой судья)—за что и арестовали. Пиши на новый адресъ.

Присылай стихи.—Прощай.

Съ Новымъ годомъ,—отъ котораго ни на волосъ не жду ничего новаго — и ничего хорошаго. Лишь бы остаться при своихъ.

А что скажете объ Оливійскомъ министерствѣ?

(Парижъ) 4-го января (1870 г.). 172. Rue Rivoli.

Опять не знаю, что писать—все идетъ медленно, вяло и не то чтобы особенно гладко. Татѣ (Натальѣ Александровнѣ Герценъ) становится лучше и лучше. Все остальное ковыляетъ попрежнему.

Сегодня въ половинѣ девятаго утромъ явился Иванъ Батистъ Б о к е. Да еще въ дополненіе принесъ какой-то долгъ, о которомъ я забылъ. Неизмѣнно тотъ же.

Скажу откровенно, мнѣ кажется, что общей жизни здѣсь не устроишь. Все виситъ на ниткѣ. Съ одной Татой—мы бы устроились лучше—да оно тѣмъ и кончится...

NB. Если «Egal.» съ Пероновой рѣчью не послано—или не дошло, прошу вырѣзать рѣчь и прислать въ письмѣ. До сей минуты не получалъ.

Въ «Спб. Вѣдомостяхъ» протестъ студента московскаго университета А., увѣдомляющаго, что имя его по ошибкѣ попалось въ (списокъ), и свидѣтельствующаго, что онъ на лекціи Полунина не былъ. Это—и протестъ N. N. я считаю очень важнымъ...

7-го января 1870 г. Пятница. 172. Rue Rivoli.

Получилъ твое письмо отъ 5-го. Я не писалъ двухъ-трехъ дней по совершенному отсутствію сообщаемаго.

Рѣчь на могилѣ С. С. читалъ—ничего, не дурно. Озерова (какъ ты знаешь) я знаю давнымъ-давно... Въ женевскихъ шпіоновъ вѣрую и посылаю тебѣ тартинку изъ «Liberté».

Вотъ тутъ и вспомнишь блаженной памяти—Ловецкаго «Польза—вредъ большой, употребленіе — никуда не употребляется». Да, я окончательно разумомъ убѣдился въ томъ, въ чемъ мое чутье убѣждало меня. А тутъ—какъ ты видѣлъ въ письмѣ Боке—валятъ и на меня долю безумій, противъ которыхъ я былъ съ начала до конца. (А propos—зачѣмъ ты пересылаешь такую белиберду, какъ это письмо Боке)?

Насчетъ «Колокола» еще не знаю. Когда все устроится и домъ будетъ нанятъ—я пріѣду недѣли на двѣ.

Для возобновленія «Колокола»—нужна программа—даже для насъ. На такомъ двойствѣ воззрѣній, которое мы имѣемъ о главномъ вопросѣ, нельзя создать журнала. Читать насъ никто не хочетъ. Сдѣлаемъ опытъ издать «Полярную Звѣзду»,—что у тебя есть готоваго? Я, впрочемъ, предпочелъ бы участвовать въ какомъ-нибудь петербургскомъ изданіи. А propos,—Б*** собирается издавать газету—ежедневную, оппозиціонно-литературную и политическую, въ родѣ «Figaro». Онъ за этимъ ѣдетъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Петербургъ. Засимъ кланяюсь.

Совсѣмъ было-забылъ объ N. N. Можно ничего не давать — или дать almeno 50 фр.—10 фр. я считаю рѣшительно невозможнымъ. Напиши, что̀ за напасть у нихъ—что̀ они, пошли по міру?

«Подайте мальчику на хлѣбъ

3 часа и три другіе сидѣлъ у меня старикъ Свербѣевъ, московскій... съ великими дружбами.

Natalie была у С**—кланяется тебѣ.

10-го января (1870 г.). Понедѣльникъ.

Vivatement наше такъ безсобытно, что дѣйствительно писать нечего. Главное — здоровье Таты—оно идетъ хорошо.

Свербѣевъ для меня наполняетъ цѣлый кварталъ oниміамомъ—Арбата и Пречистенки. Ему 70 лѣтъ—и

ни на волосъ не измѣнился—читалъ мнѣ начало своихъ записокъ... Говорятъ, что на-дняхъ здѣсь свезли въ домъ умалишенныхъ старика Петра Анд. Вяземскаго.

Далѣе продолжаю хронику—сегодня ждутъ въ здѣшнюю столицу Ив. Серг. Тургенева.—В*** и Б** бываютъ часто. В*** очень любезенъ съ дамами и споритъ безпрерывно. Вотъ и все.

Б** говорилъ о какой-то статьѣ въ «Москов. Вѣдом.», о студентахъ и прокламаціяхъ—если интересно, пришли.

Свербѣевъ увѣрялъ меня, что NN. въ Москвѣ—всѣ власти и не власти боятся за его тайныя связи и доносы, что онъ, иначе сказать,..... en gros.

Въ такой записочкѣ къ Сат. (которую наконецъ N. рѣшилась послать, можетъ, она была права, что переждать слѣдовало) ты ему пишешь объ Астраковѣ... Да, caro mio, неужели ты забылъ, что онъ давнымъ-давно умеръ.

M-lle Michel въ Версали. Прощай.

Сегодня Озеровъ дастъ первый урокъ Лизѣ—въ ариѳметикѣ. Лиза здорова. Она полосами—шалитъ, т. е. капризничаетъ, и полосами умна и просто рѣзка. Теперь она въ хорошей полосѣ.

Голова претяжелая. Аминь.

Тхоржевскому прилагаю записочку о главномъ обществѣ застрахованія, Мейраргъ—сострилъ отлично—насчетъ Пана—передай ему. Онъ говоритъ: «Если вы скажете, что этотъ польскій господинъ вашъ другъ и непремѣнно пойдетъ въ первое возстаніе—они накинутъ 5% лишку».

Болѣзнь и кончина Александра Ивановича Герцена *)

21-го января 1870 года, въ Парижѣ.

1870 года января 17-го, въ пятницу, во время завтрака доложили Герцену, что пріѣхалъ Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Почему-то Герцену это показалось

*) Сообщено Натальей Алексѣевной Огаревой.

непріятно и, какъ кажется, именно потому, что во время завтрака. Наталья Алексѣевна Огарева поняла это и сказала, что пойдетъ, приметъ его, а потомъ и приведетъ къ нему. Тургеневъ былъ очень веселъ и милъ— Герценъ оживился. Затѣмъ всѣ перешли въ салонъ, куда пришелъ и Евгеній Ивановичъ Рагозинъ. Вскорѣ Герценъ вызвалъ Тургенева въ свою комнату, гдѣ, поговоривши съ нимъ нѣсколько минутъ, разсказалъ ему о статьѣ, вышедшей противъ него въ «Голосѣ». Тургеневъ шутилъ и говорилъ, что Краевскій возвратилъ ему его переводъ, потому что нашелъ не довольно дурно сдѣланнымъ. Они смѣялись. Уходя, Тургеневъ спросилъ Герцена:

— Ты бываешь дома по вечерамъ?

— Всегда.

— Ну, такъ завтра вечеромъ я приду къ тебѣ.

Передъ обѣдомъ всѣ разошлись, а Герценъ вмѣстѣ съ Натальей Алексѣевной вышелъ на улицу, чтобъ пройтиться, она должна была зайти проститься съ Рагозиными. Это было въ послѣдній разъ. Герценъ желалъ, чтобъ она съѣздила и къ Левицкимъ, и сказалъ:

— Возьми карету и поѣзжай. Это будетъ скорѣе.

Она пошла пѣшкомъ и дѣйствительно потеряла много времени, засидѣлась у Рагозиныхъ и домой вернулась только къ обѣду. Первый вопросъ Герцена былъ:

— Была ли ты у Левицкихъ?

— Не успѣла. Завтра непремѣнно поѣду.

Послѣ обѣда Герценъ опять вышелъ на улицу, сказавъ, что ему хочется походить. Оленька*) легла отдохнуть на диванъ и, когда отецъ вышелъ, сказала серьезно-комичнымъ тономъ:

— Je ne veux pas que mon père sorte tous les soirs, qu'il s'habitue à courir les rues.

Наталья Алексѣевна улыбнулась и отвѣтила:

— Не бойся за него, Ольга, онъ только почитаетъ газетъ въ кафѣ.

Всѣ разошлись по своимъ комнатамъ. Герценъ возвратился домой около девяти часовъ съ половиною.

— Всѣ наши уже разошлись,—сказалъ онъ Натальѣ Алексѣевнѣ, только-что возвратившейся домой отъ Ле-

*) Меньшая дочь А. И. Герцена.

вицкихъ:—а мнѣ что-то нехорошо, все колетъ бокъ; я для того и прошелся, чтобъ расходиться, да не помогло. Пора ложиться спать.

Герценъ и прежде нерѣдко жаловался, что у него болитъ бокъ, но это никого не тревожило. Когда онъ легъ въ постель, съ нимъ начался сильный ознобъ.

— Дай мнѣ немного коньяку,—сказалъ онъ Натальѣ Алексѣевнѣ.

Она подала. Онъ выпилъ и сказалъ, что ознобъ сталъ проходить.

— Теперь хотѣлось бы покурить,—сказалъ онъ:—но такъ дрожу, что не могу набить трубки.

— А я развѣ не сумѣю? — сказала Наталья Алексѣевна.

Она взяла трубку, вычистила ее, продула, набила, даже закурила сама и подала ему. Онъ остался очень доволенъ и попросилъ ее идти спать.

Ночью Наталья Алексѣевна слышала, что онъ стонетъ и ворочается. Она безпрестанно вставала, подходила къ его двери, а иногда входила въ его комнату. Увидавши ее, онъ жаловался, что не можетъ спать, бокъ сильно болитъ, и ноги ломитъ нестерпимо. Они положили горчичники противъ больного мѣста, и боль въ боку стала уменьшаться. Потомъ приложили горчичники къ одной ногѣ, но къ другой онъ ни за что не согласился. Затѣмъ начался у него сильный жаръ и бредъ. Онъ то говорилъ громко, то стоналъ. Встревоженная его положеніемъ, Наталья Алексѣевна едва могла дождаться утра. Какъ только стало разсвѣтать, она зашла къ Ольгѣ и попросила ее немедленно отнести телеграмму къ Шарко. Шарко долженъ былъ пріѣхать къ нимъ въ пять часовъ вечера, но, видя положеніе больного, Наталья Алексѣевна боялась такъ долго ждать. Шарко пріѣхалъ въ одиннадцать часовъ утра. Герценъ ему чрезвычайно обрадовался и разсказалъ все, что чувствовалъ. Шарко попросилъ Наталью Алексѣевну подержать больному руки, а самъ сталъ выслушивать ему грудь.

— До сихъ поръ ничего не слышно,—сказалъ Шарко.— Впрочемъ, въ первые дни болѣзни оскультація вообще мало даетъ. Надобно тотчасъ же поставить ему ван-

тузы,—сказалъ докторъ:—и давать прописанный мною сиропъ, я заѣду опять вечеромъ.

Александру Ивановичу поставили банки, какъ велѣлъ Шарко, а вечеромъ онъ опять пріѣхалъ. Между прочимъ доктору разсказали о старой болѣзни Герцена, но Шарко перебилъ разсказъ, сказавши:

— Да у меня у самого діабета. Это мы будемъ лѣчить послѣ.

Однако попросилъ приготовить ему склянку для анализа.

Съ этого дня постоянно бралъ по двѣ склянки въ день.

На другое утро Шарко опять выслушивалъ грудь больного и сказалъ:

— Надобно опять ставить вамъ вантузы. У васъ воспаленіе въ лѣвомъ легкомъ, но это не важно, воспалено самое маленькое мѣсто.

Натальѣ Алексѣевнѣ было очень больно, что онъ сказалъ это при Герценѣ. Она помнила, что Александръ говорилъ всегда:

— Я умру или параличомъ, или воспаленіемъ легкихъ.

Всѣ изумились неосторожности Шарко.

Съ этого дня Александръ каждый разъ спрашивалъ Шарко:

— Est ce que l'inflammation s'étend?

Шарко отвѣчалъ:

— Нисколько.

Въ понедѣльникъ Александру стало немного лучше; ему поставили шпанскую мушку. Она не натянула. Докторъ велѣлъ поставить другую повыше. Та немного соскользнула и произвела маленькіе пузырьки. Снимать мушки помогалъ Натальѣ Алексѣевнѣ и дочерямъ Герцена Вырубовъ. Онъ нашелъ больного уже слишкомъ взволнованнымъ. Когда Вырубовъ сѣлъ подлѣ него, то Александръ сказалъ ему:

— Меня держатъ точно помѣшаннаго, не сообщаютъ никакихъ новостей. Скажите мнѣ, отдали ли Рошфора подъ судъ или нѣтъ?

— Отдали,—отвѣчалъ Вырубовъ.

— Сколько голосовъ?

— 234.

- Противъ сколькихъ?

— Противъ 34.

Жаръ спадалъ. На слѣдующее утро докторъ остался очень доволенъ. Несмотря на это, Наталья Алексѣевна, провожая его, спросила:

— Не послать ли за сыномъ Герцена?

— Если понадобится, я вамъ скажу, но до сихъ поръ не вижу ни малѣйшей опасности.

Во вторникъ докторъ нашелъ, что жаръ усилился, а когда пріѣхалъ вечеромъ, то сказалъ:

— Сегодня вечеромъ даже пульсація не возвысилась. Это шагъ впередъ. Если завтра пойдетъ такъ же, то я положительно скажу вамъ цифру.

У всѣхъ воскресла надежда.

Ночью на среду въ Герценѣ возобновилось такое сильное волненіе, что онъ не могъ найти себѣ мѣста, сердился и безпрестанно говорилъ:

— Боль нестерпимая, боль нестерпимая.

Послали за Шарко; повидимому, онъ не ждалъ этой перемѣны и, осмотрѣвши его, сказалъ:

— Теперь можете выписать сына; если онъ пріѣдетъ понапрасну, то можетъ только порадоваться съ нами.

Затѣмъ велѣлъ поставить больному на грудь шпанскую мушку и уѣхалъ. Больной согласился съ трудомъ и говорилъ:

— Они дѣлаютъ все вздоръ.

На слѣдующій день Шарко пріѣхалъ въ полдень. Жаръ не убавлялся. Александръ дышалъ тяжело.

Съ того времени, какъ докторъ узналъ, что у Александра діабета, то велѣлъ ему давать какъ можно чаще бульонъ, кофе, крѣпкій чай, малагу. Но, несмотря ни на что, силы больного падали. Спать онъ не могъ. Ему стали давать пилюли противъ безсонницы. Онъ засыпалъ, но отрывочно и во снѣ бредилъ. Вырубовъ, который былъ во время второго визита Шарко у Герцена, по отъѣздѣ доктора, сказалъ:

— Не лучше ли сдѣлать консультацію?

И когда пріѣхалъ Шарко, то спросилъ у него, не полезно ли это будетъ. Шарко отвѣчалъ:

— Я понимаю ваше положеніе, но не нахожу надобности въ консультаціи. Въ болѣзни Герцена нѣтъ ничего спорнаго. У него поражено лѣвое легкое, и если

силъ хватитъ снова refaire то, что уже исчезло, тогда онъ спасенъ. Сверхъ всего, я долженъ сказать вамъ, что діабета много мѣшаетъ. Въ пять часовъ я опять буду у васъ, располагайте мной. Противъ консультаціи ничего не имѣю.

По отъѣздѣ Шарко, Вырубовъ предложилъ привезти друга своего доктора du Brizé на консультацію. Шарко долго ждали; наконецъ онъ пріѣхалъ и, повидимому, былъ не совсѣмъ доволенъ присутствіемъ другого доктора. Надобно было предупредить Александра. Наталья Алексѣевна вошла къ Герцену и сказала съ веселымъ видомъ:

— Здѣсь Вырубовъ со своимъ другомъ du Brizé. Я бы очень желала знать его мнѣніе о твоемъ лѣченіи.

— Ну, что скажетъ Шарко?—сказалъ Герценъ.

— Шарко согласенъ.

— Въ такомъ случаѣ скажи Вырубову, что я очень радъ, а Шарко, что очень огорченъ.

Доктора вошли вмѣстѣ.

Вырубовъ помогъ Натальѣ Алексѣевнѣ поддержать больного, и du Brizé выслушалъ его грудь, и когда, по просьбѣ Натальи Алексѣевны, хотѣлъ сказать при больномъ нѣсколько утѣшительныхъ словъ, Шарко перебилъ его и сталъ утверждать, что большая часть легкаго поражена. Наталья Алексѣевна не допустила его продолжать и, обратясь къ Герцену, сказала:

— Monsieur Charcot trouve que tu as moins de fièvre aujourd''hui.

И взглянула на Шарко такъ энергично, что тотъ подтвердилъ ея слова.

Герцену прописали пилюли съ хининомъ и мускусомъ.

Консультація кончилась ничѣмъ. Du Brizé подошелъ къ Натальѣ Алексѣевнѣ съ изъявленіемъ, что все сдѣлано хорошо, слѣдуетъ только продолжать.

— Я чувствовала,—говорила Наталья Алексѣевна впослѣдствіи:—что консультація кончится такимъ образомъ.

Въ среду, наканунѣ кончины Александра Ивановича, проходила по ихъ улицѣ военная музыка—Александръ очень любилъ ее. Онъ улыбнулся и билъ тактъ рукой

по рукѣ Натальи Алексѣевны. Она едва удерживала слезы. Помолчавши немного, больной вдругъ сказалъ:

— Не надобно плакать, не надобно мучиться, мы всѣ должны умереть.

А спустя нѣсколько часовъ онъ опять сказалъ ей:

— Отчего бы не ѣхать намъ въ Россію?

Въ этотъ день въ семействѣ былъ разговоръ, не послать ли за Огаревымъ. Вырубовъ не совѣтовалъ, но Наталья Алексѣевна настояла, и ему телеграфировали.

Ночь эту больной провелъ безпокойно, поминутно просыпался и просилъ пить. Въ четыре часа онъ сталъ такъ тревоженъ, что не могъ болѣе спать, и какъ-то торжественно сказалъ Натальѣ Алексѣевнѣ, находившейся при немъ:

— Ну, доктора дураки; они чуть не уморили меня этими старыми средствами и діэтой. Сегодня я самъ себя буду лѣчить. Я знаю лучше ихъ, что мнѣ полезно, что мнѣ надобно. Я чувствую страшный голодъ, звони скорѣй и прикажи, чтобъ мнѣ подали кофе съ молокомъ и хлѣбъ.

— Еще слишкомъ рано, — сказала Наталья Алексѣевна:—еще нѣтъ пяти часовъ.

— Ахъ, какая ты смѣшная,—возразилъ на это Александръ весело:—зачѣмъ же ты такъ рано одѣлась?

Наталья Алексѣевна не возражала ему. Она вошла въ комнату къ Татѣ и сказала ей, что больной требуетъ хлѣба и пр., а Шарко строго запретилъ все это.

Герценъ съ нетерпѣніемъ позвалъ ихъ обѣихъ къ себѣ и сказалъ:

— Дайте франкъ гарсону и велите сдѣлать мнѣ кофе.

Наталья Алексѣевна позвонила и заказала café complait.

Вскорѣ принесли черный кофе, но хлѣба нигдѣ не могли достать, такъ какъ было еще слишкомъ рано, и въ домѣ у нихъ хлѣба не было. Онѣ попросили гарсона достать какъ-нибудь. Больной не вѣрилъ имъ и думалъ, что онѣ боялись дать ему безъ позволенія доктора. Наконецъ принесли немного молока и крошечный кусочекъ хлѣба. Онѣ подали ему. Онъ выпилъ немного молока, а хлѣба ѣсть не сталъ, говорилъ, что хлѣбъ очень дуренъ.

— Теперь, — сказалъ онъ: — дайте мнѣ поскорѣй

умыться и одѣться. Нагрѣйте рубашку и фуфайку. Я хочу вымыться и перемѣнить бѣлье до пріѣзда Шарко; я хочу поразить его.

Больной волновался, онѣ уступили. Перемѣна бѣлья его ужасно утомила. Тата позвала Моно, который постоянно находился у нихъ. Онъ помогъ поднять его и надѣть фуфайку. Герценъ сказалъ ему нѣсколько привѣтливыхъ словъ.

Когда пріѣхалъ Шарко, больной встрѣтилъ его, какъ и всегда, не очень дружески.

— Я пилъ кофе, — сказалъ онъ доктору:—вымылся одеколономъ и перемѣнилъ бѣлье.

Шарко все одобрилъ.

— Теперь хочу ѣсть,—продолжалъ больной:—чувствую, что мнѣ это необходимо.

— Едва ли вы въ состояніи будете ѣсть рябчика,—замѣтилъ докторъ.

— Можно жевать и не глотать,—предложила Наталья Алексѣевна.

Герценъ и докторъ согласились. Наталья Алексѣевна побѣжала за рябчикомъ и виномъ. Уходя, она слышала, какъ больной говорилъ Татѣ:

— Бери карандашъ и пиши телеграмму.

Вотъ она:

Tchorjewsky. 20. Route de Carouge.

Grand danger passé. Mécontent des médecins comme partout. Demain tacherai d'écrire.

Jeudi, 20 Janvier 1870.

Когда принесли рябчика, Тата нарѣзала его кусочками и кормила его. Онъ жевалъ и выплевывалъ, но видимо уставалъ. Ольга помогала сестрѣ. Вскорѣ онъ попросилъ всѣхъ выйти и дать ему заснуть. Сонъ былъ тревоженъ и мало-по-малу перешелъ въ бредъ съ открытыми глазами.

За кроватью Герцена висѣло зеркало, въ которое виднѣлось окно. Это зеркало мало-по-малу стало занимать его и наконецъ безпокоить.

— Какъ это мы два мѣсяца живемъ въ этой комнатѣ и не знали, что здѣсь все на виду и что тутъ все дамы?

Наталья Алексѣевна успокаивала его, говоря, что въ комнатѣ никого нѣтъ, а что это не окно, а зеркало.

Но, повидимому, онъ уже понималъ неясно. Наталья Алексѣевна и Тата завѣсили зеркало черной шалью; это его успокоило. Но, несмотря на это, онъ все-таки тревожно смотрѣлъ на карнизы и все хотѣлъ что-то схватить руками, а иногда показывалъ пальцемъ куда-то вдаль. Безпокойство его усиливалось. Поутру онъ говорилъ доктору, что желаетъ перейти въ другую комнату. По отъѣздѣ Шарко, онъ велѣлъ достать все, во что бы переодѣться и встать.

— Это комната не моя,—говорилъ онъ:—это комната въ пансіонѣ Pobeno. Я встану и взгляну, куда выходятъ окна: на улицу или во дворъ.

Затѣмъ потребовалъ свой портфель и велѣлъ Татѣ подать его себѣ. Она подала. Дрожащими руками онъ открылъ его, пересчиталъ ассигнаціи и отдалъ его опять Татѣ, говоря:

— Положи все въ шкапъ, запри и ключъ отдай Натали.

Потомъ сталъ безпокоиться о своихъ часахъ.

— Что, если мои часы украли,—говорилъ онъ:—какъ мнѣ тогда быть?

— Не безпокойся,—сказала Наталья Алексѣевна:—часы твои въ шкапу.

Но, повидимому, онъ не слыхалъ этого. И сталъ говорить по-нѣмецки.

— Быть-можетъ, ты желаешь видѣть Мейзенбухъ? Не позвать ли ее?—сказала Наталья Алексѣевна.

— Что ты,—отвѣчалъ онъ:—она давно умерла, ты позабыла.

Наконецъ безпокойство больного достигло крайнихъ предѣловъ. Онъ былъ увѣренъ, что возлѣ его комнаты все дамы, и требовалъ объяснить имъ, что онъ не можетъ встать. Наталья Алексѣевна, чтобъ успокоить его, выходила въ другую комнату, но онъ не вѣрилъ.

— Нѣтъ, ты не такъ скажешь,—говорилъ онъ:—я самъ пойду.

Тата сѣла у его кровати и тихо клала его ноги на постель, когда онъ спускалъ ихъ, чтобъ уйти. Наталья Алексѣевна сѣла по другую сторону и также старалась удержать его, цѣловала ему руки. Онъ смотрѣлъ на все равнодушно. Тата не знала еще, что означаетъ желаніе уйти.

Когда Тата встала и вышла на минуту изъ комнаты, то онъ сказалъ твердо:

— Ну, Натали, не удерживай меня болѣе, пусти.

— Куда же ты хочешь идти?—спросила она.

— Я хочу уѣхать только отсюда.

— Подождемъ, мой другъ, до утра,—отвѣтила Наталья Алексѣевна.—Ольга и Лиза еще спятъ, а какъ проснутся, мы поѣдемъ всѣ вмѣстѣ.

— Нѣтъ, — возразилъ онъ: — до утра мнѣ ждать нельзя. Да и зачѣмъ брать Лизу? Вѣдь мы никуда не ѣдемъ. Пусти же меня.

— Нѣтъ, одного не пущу, возьми и меня съ собой.

— Дай руку, если хочешь. Пойдемъ и предстанемъ передъ судомъ Господа.

Когда бредъ усиливался, онъ кричалъ кому-то наверхъ: «Monsieur, arrêtez l'omnibus, je vous en prie, une voiture à quatre places. Pardon, Madame, que je ne me lève pas, j'ai des jambes rhumatismales. Pouvons nous profiter de votre voiture, Monsieur, cela ne vous fâche pas? Пусти меня, Натали, никто не хочетъ пріѣхать послѣднимъ.

— Подождемъ Лизу,—сказала Наталья Алексѣевна.

— Нѣтъ, не удерживайте меня. Я боюсь, чтобы Ольга и Мейзенбухъ не сдѣлали скандала, тогда весь Парижъ узнаетъ, имъ нечѣмъ будетъ платить. Надо поскорѣй взять омнибусъ.

И онъ кричалъ сильнымъ голосомъ:

— Arrêtez-vous pavillion Rohan 249.

Онъ продолжалъ разговоръ съ какимъ-то господиномъ, сидящимъ наверху.

— Monsieur, me voyez vous de là haut, moi je vous vois très bien d'ici. Какіе огромные агенты теперь, я давно его знаю, ѣздилъ съ нимъ въ омнибусѣ.

Затѣмъ онъ сталъ просить шляпу. Наталья Алексѣевна отвѣчала, что шляпа въ шкапу. Тогда онъ сталъ собирать одѣяло и дѣлать форму шляпы. Руки у него дрожали. Онъ передалъ одѣяло Натальѣ Алексѣевнѣ, говоря:

— Натали, держи. Я возьму наши вещи, и пойдемъ. Возьмемъ съ собой Тату. Я готовъ.

Затѣмъ онъ опять требовалъ омнибусъ или карету.

Дыханіе становилось все труднѣе и труднѣе, слова менѣе ясны, онъ пересталъ говорить.

Время было за полночь.

Вѣроятно, жажда его мучила. Онъ нѣсколько разъ хотѣлъ взять въ ротъ одѣяло.

Наталья Алексѣевна поняла, что онъ хочетъ пить, и сказала Татѣ:

— Дай ему выпить съ ложечки.

Раза два Александръ взялъ охотно, потомъ не могъ, или не хотѣлъ.

Онъ дышалъ все тяжелѣе и тяжелѣе. Моно помогъ положить его повыше, чтобъ онъ могъ легче дышать. Затѣмъ позвалъ Ольгу и Лизу, которыя также спать не могли.

Всѣ стали кругомъ его кровати. Тата держала его правую руку. Взоры Александра были обращены на нее. Натали держала его другую руку. Ольга и Лиза стояли возлѣ кровати. Мейзенбухъ позади. Моно у ногъ. Пробило два часа. Дыханіе становилось рѣже и рѣже. Тата попробовала дать ему пить, но Натали сдѣлала ей знакъ, чтобъ не тревожить его. Дышалъ онъ тише, рѣже. Наконецъ наступила та страшная тишина, которую слышно. Всѣ молчали, какъ будто боясь нарушить ее.

— C'est fini,—сказалъ Моно.

Дѣти, рыдая, выбѣжали въ другую комнату. Моно привелъ Лизу къ Натальѣ Алексѣевнѣ. Она погладила ее по головѣ и поцѣловала. Она думала о Татѣ и какъ будто забыла обо всѣхъ, потомъ вскрикнула:

— Герценъ умеръ! умеръ Герценъ!

Слова эти звучали дико ей самой. Она обняла Лизу, говоря:

— И навсегда мы однѣ.

Тата бросилась къ нимъ, обняла, прижала ихъ къ сердцу и сказала:

— Я никогда васъ не оставлю.

По кончинѣ Александра Ивановича Герцена.

Въ началѣ 1870 года, однажды вечеромъ, чувствовала я какую-то неопредѣленную, тревожную тоску и желаніе читать «Московскія Вѣдомости», которыя

почему-то въ этотъ день замедлили мнѣ принести. Нетерпѣнье мое читать ихъ дошло до того, что я послала горничную къ сосѣдямъ нашимъ Дараганъ съ просьбою прислать мнѣ газеты, если онѣ ихъ получили и прочитали. Спустя нѣсколько минутъ дѣвушка подала мнѣ «Московскія Вѣдомости», развернутыя, повидимому, на томъ самомъ мѣстѣ, которое читали, и первое, что мнѣ бросилось въ глаза, была публикація о кончинѣ Александра Ивановича Герцена въ Парижѣ, Rue Rivoli, № 17.

Я не вѣрила глазамъ своимъ. Руки у меня дрожали до того, что я то опускала газету на столъ, то снова брала въ руки и перечитывала объявленіе. Не ошибка ли, не шутка ли,—думала я, перечитывая объявленіе, перелистывая газету. Горячія слезы катились изъ глазъ моихъ, и тысячи воспоминаній воскресали въ душѣ.

Дѣтьми и отроками входили мы въ жизнь, взявшись за руки; полные восторговъ вступали въ юность.

Потомъ широко расходятся пути наши, но взглядъ мой на него, но чувства мои къ нему остались тѣ же.

Да будетъ миръ душѣ твоей, Саша,—говорила я вся въ слезахъ:—юная жизнь твоя такъ свѣтло вплеталась въ мою простую жизнь, что, начавъ писать мои воспоминанія, въ годы несчастія, какъ спасеніе отъ нестерпимой боли души, я не могла миновать тебя. На порогѣ жизни ты встрѣтился мнѣ младенцемъ и ребенкомъ, среди игрушекъ и баловства; отрокомъ—съ открытой шеей и книгою въ рукахъ; юношей—съ стыдливымъ взоромъ и огненной рѣчью. Ты держалъ надо мною вѣнецъ въ церкви; вмѣстѣ со мной принималъ послѣдній вздохъ моего Вадима, вмѣстѣ со мною плакалъ. Будь же помянутъ мною и жаркими слезами, и теплой молитвой, и всепримиряющимъ словомъ любви.

На могилѣ Александра, какъ стало извѣстно п о с лѣ, всѣ партіи подали другъ другу руки и отнеслись съ уваженіемъ къ нему. Самые ожесточенные противники его выразили полное признаніе его великаго таланта, благороднаго, чистаго сердца и стремленій, вопреки его политическимъ ошибкамъ. Многочисленные друзья засвидѣтельствовали, что это былъ человѣкъ цѣльный, неподдѣльный, котораго сердце было еще богаче, нежели его талантъ.

О кончинѣ Александра Ивановича Герцена писали почти во всѣхъ журналахъ, какъ иностранныхъ, такъ и русскихъ. Однимъ изъ лучшихъ некрологовъ въ Россіи показался мнѣ некрологъ въ журналѣ «Вѣстникъ Европы» 1870 года № 2, издаваемомъ Михаиломъ Матвѣевичемъ Стасюлевичемъ, и я позволила себѣ, сокративъ большую часть, помѣстить нѣкоторыя мѣста изъ этого прекраснаго некролога его въ моихъ воспоминаніяхъ.

Некрологъ Александра Ивановича Герцена.

Января 9/21-го 1870 года умеръ въ Парижѣ, послѣ кратковременной болѣзни (воспаленія легкихъ), извѣстный эмигрантъ и писатель, Александръ Ивановичъ Герценъ.

Съ сороковыхъ годовъ Герценъ пользовался въ русской литературѣ большой извѣстностью, какъ одинъ изъ талантливѣйшихъ людей замѣчательнаго московскаго кружка, къ которому въ разной мѣрѣ принадлежали лучшія дарованія того времени, какъ-то: Бѣлинскій, Грановскій, Станкевичъ и др., и который оставилъ сильное вліяніе въ литературѣ и общественныхъ понятіяхъ.

Герценъ родился въ Москвѣ въ 1812 году 25-го марта. Мать его была нѣмка, отецъ изъ богатой аристократической русской фамиліи, Яковлевъ. Воспитывался Герценъ дома, кончилъ курсъ ученія въ Московскомъ университетѣ. Въ 1834 году онъ былъ арестованъ и сосланъ въ Вятку, въ 1839 переведенъ во Владиміръ, потомъ въ Москву. Изъ Москвы Герценъ, по желанію отца, поѣхалъ въ Петербургъ на службу, но черезъ два мѣсяца изъ Петербурга переведенъ въ Новгородъ совѣтникомъ губерискаго правленія. Въ 1842 году онъ вышелъ въ отставку и поселился въ Москвѣ въ домѣ своего отца, а по его смерти отправился за границу и уже не возвращался въ Россію.

Литературные труды Герцена начались въ концѣ тридцатыхъ годовъ. Въ это время господствовала Гегелева философія, и развились два разныя направленія въ литературѣ: такъ-называвшіеся тогда западники и славянофилы.

У Герцена къ Гегелевой философіи прибавился соціализмъ. Впослѣдствіи дѣятельность его обратилась на общественные вопросы; въ соціализмѣ была возбуждающая сила и интересъ; онъ имѣлъ большое вліяніе на умы въ Европѣ, подѣйствовалъ и на Герцена.

Извѣстность Герцена составилась быстро, еще въ Россіи, подъ псевдонимомъ «Искандера»; въ «Отечественныхъ Запискахъ», «Современникѣ», «Петербургскомъ Сборникѣ» (1846) стали печататься его статьи: «Дилетантизмъ въ наукѣ», «Письма объ изученіи природы», «По поводу одной драмы», «Капризы и раздумье»; разсказы: «Записки доктора Крупова», «Записки одного молодого человѣка», «Сорока-воровка», «Новыя варіаціи на старыя темы» и т. д.; романъ «Кто виноватъ», изд. 1847 и 1867 гг., были новостью въ русской литературѣ по оригинальности и глубинѣ мысли, по своеобразному языку, по мастерству разсказа и блестящему, рѣдкому остроумію.

За границей Герценъ принялъ дѣятельное участіе во французскихъ событіяхъ, въ Италіи, въ Женевѣ, наконецъ поселился въ Лондонѣ, гдѣ основалъ «Вольную типографію» и началъ рядъ изданій, которыя вскорѣ пріобрѣли особенную извѣстность въ Россіи. Его сочиненія и изданія начались брошюрами, въ которыхъ онъ старался разъяснить отношенія русскаго міра къ Европѣ и основныя характеристическія начала русскаго національнаго развитія, какъ: «Le peuple russe et le socialisme, lettre à M-r Michelet», «Le vieux monde et la Russie, lettre à M-r Linton», «Du développement des idées révolutionnaires en Russie», «Le servage en Russie» и др.; въ то же время онъ началъ издавать брошюры на русскомъ языкѣ: «Прерванные разсказы», «Письма изъ Франціи и Италіи», «Съ того берега», наконецъ періодическія изданія «Полярная Звѣзда» (съ 1855 г.) и «Колоколъ».

Въ «Полярной Звѣздѣ» стали появляться его воспоминанія подъ названіемъ «Былое и Думы», потомъ онѣ выходили отдѣльными книжками. Было нѣсколько изданій по новѣйшей русской исторіи: «Рус-

скій Историческій Сборникъ», «Записки Императрицы Екатерины», «Записки княгини Дашковой», «Щербатовъ и Радищевъ», «Записки декабристовъ».

Дѣятельность Герцена кончилась, для нея начинается судъ потомства; близость могилы, вѣчное безмолвіе, наставшее для судимаго, налагаютъ особыя обязанности на посмертный судъ.

Когда хотимъ изобразить жизнь живой личности, нельзя забывать тѣхъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ дѣйствовала эта личность. Такимъ образомъ каждый является сыномъ своего времени, выраженіемъ общаго, внѣ его создавшагося стремленья.

Жизнь отдѣльнаго человѣка—полная, законченная драма; остальное только группируется около нея, какъ будто служитъ ей и въ то же время представляется мгновеніемъ какой-то общей жизни, которой она послужила не болѣе, какъ переходомъ къ новымъ поколѣніямъ.

Такимъ образомъ вопросъ о дѣятельности Герцена становится вопросомъ объ отдѣльной личности; но такъ какъ эта личность имѣла свою общественную роль, довольно замѣтную, но это вопросъ и о томъ обществѣ, среди котораго онъ родился, развивался и дѣйствовалъ. Въ послѣднія пятнадцать лѣтъ Герценъ столько читался, о немъ столько говорилось и печаталось, что, кажется, его дѣятельность могла бы стать достояніемъ литературы, а его кончина должна бы открыть возможность безпристрастной, спокойной критики.

Почему мы должны предоставлять эту критику «будущимъ поколѣніямъ», когда предметъ критики принадлежитъ нашему времени, когда эта дѣятельность совершалась въ наше время, отражалась на нашихъ мнѣніяхъ, возбуждала въ нашей средѣ сочувствіе или ненависть? У нашихъ будущихъ поколѣній будутъ свои интересы, болѣе имъ близкіе; отчего же намъ должно отказаться отъ интересовъ нашихъ? Если предполагается, что «будущія поколѣнія» будутъ судить вѣрнѣе и безпристрастнѣе, то почему же думать, что не слѣдуетъ намъ, по крайней мѣрѣ, стремиться къ этому же безпристрастію? Въ особенности, когда эта дѣятель-

ность была такъ исключительна и необычайна въ русской жизни, когда она касалась самыхъ чувствительныхъ сторонъ нашего общества. Отказъ отъ всякаго сужденія былъ бы печальнымъ свидѣтельствомъ безсилія нашей печати и представляемаго ею общества.

Изученіе и опредѣленіе личности и дѣятельности Герцена могло бы представить одну изъ важныхъ задачъ, если бы критика отнеслась къ дѣлу sine ira et studio. Герценъ могъ возбуждать противъ себя, не говоря о сужденіяхъ правительства, суровыя, даже жестокія осужденія въ средѣ общества, въ разгарѣ страстей и въ столкновеніи основныхъ коренныхъ понятій. Но высказать сожалѣніе о человѣкѣ не значитъ опредѣлить его взгляды, а прекратить ихъ вліяніе, въ интересѣ того дѣла, которое защищаютъ его противники; поэтому надо пожелать, чтобъ возможна была критика всесторонняя, и только хладнокровный разборъ этихъ взглядовъ можетъ установить ихъ настоящій смыслъ.

Герценъ до 1861 года имѣлъ много почитателей въ русскомъ обществѣ; правительство, осуждая его, повидимому, находило возможность оказывать нѣкоторую терпимость; сочиненія и изданія его обращались въ обществѣ, если не открыто, то довольно свободно.

Самыя газеты вспоминаютъ теперь, что было время, когда Герценъ имѣлъ такую популярность, что даже множество русскихъ посѣщало его. Говоря о Герценѣ, приходилось бы говорить о значительной части общества, изъ котораго набирались его многочисленные поклонники. Невозможно себѣ представить, чтобы все это были только враги общества и порядка. Ясно, что въ сочиненіяхъ Герцена должно было быть нѣчто возбуждающее симпатію не только въ людяхъ крайнихъ мнѣній, но и въ среднемъ уровнѣ общества.

Въ некрологѣ трудно разбирать, въ чемъ состояли стороны дѣятельности Герцена, которыя прежде вызывали сочувствіе, и что давало такой успѣхъ его изданіямъ въ массѣ общества? Достаточно сказать, что Герценъ былъ не исключительнымъ явленіемъ нашей общественной жизни послѣднихъ десятилѣтій; напротивъ, онъ былъ связанъ съ обществомъ тѣсными узами, и, оставивъ въ сторонѣ крайности формы, принадлежавшія ему исключительно, и крайности нѣкоторыхъ

мнѣній, которымъ даже большинство его почитателей не сочувствовало,—въ сущности содержаніе сильно затрогивало общія понятія, стремленья и инстинкты и удовлетворяло имъ. Источникомъ сочувствія былъ необыкновенный талантъ и нравственныя достоинства писателя.

Въ сороковыхъ годахъ Герценъ вполнѣ дѣлилъ тѣ идеи, которыя воодушевляли лучшихъ представителей литературы. Его сочиненія шли въ томъ же направленіи, высказывали тѣ же порывы и желанія, съ тѣмъ же тяжелымъ чувствомъ относились къ дѣйствительности, которая въ тѣ времена представляла слишкомъ мало ободряющаго. Въ его идеяхъ не было различія съ тѣмъ, что думали, говорили и писали такіе люди, какъ Бѣлинскій, Грановскій и др. Они одинаково старались вводить въ русскую литературу духъ изслѣдованья, знакомить ее съ современнымъ положеніемъ европейской мысли, примѣнять эту мысль къ русскимъ вопросамъ и, насколько возможно, указывали, въ чемъ состояли ея цивилизующія требованья. И теперь еще многіе помнятъ, съ какимъ восторгомъ (съ какой злобой со стороны крѣпостного обскурантизма) приняты были сочиненія Гоголя. Независимо отъ художественныхъ достоинствъ, они производили сильное нравственное впечатлѣніе—прямотой отношенія къ жизни, изображеніемъ ея безъ условныхъ прикрасъ, во всей ея наготѣ. Эта правдивость изображенія имѣла великій общественный смыслъ, и онъ тотчасъ былъ понятъ лучшею частью общества. Эта правдивость ручалась, что въ обществѣ созрѣло сознаніе ненормальности подобныхъ нравовъ.

Что было у Гоголя инстинктомъ великаго таланта, то было сознательнымъ взглядомъ у людей и писателей, въ средѣ которыхъ дѣйствовалъ Герценъ: такъ у нихъ развилась мысль о необходимости уничтоженія крѣпостного права, и имъ удалось проводить эту мысль въ такое время, когда цензура зорко слѣдила за охраненіемъ господствующихъ взглядовъ и учрежденій. Крѣпостное право было однимъ изъ многихъ явленій, къ которымъ относился Герценъ съ отрицаніемъ, и не одинъ Герценъ, а всѣ мыслящіе люди сороковыхъ годовъ. Если бы въ настоящее время они увидѣли исполненіе нѣкоторыхъ изъ ихъ идеальныхъ желаній, то

это дало бы имъ отрадное чувство, что будущее, о которомъ они мечтали, оправдывало ихъ ожиданія. Многіе изъ нихъ не дожили до этого времени, какъ Бѣлинскій и Грановскій; другіе забывали свое прежнее. Для Герцена же каждая изъ реформъ нынѣшняго царствованія была бы предметомъ сочувствія.

Говоря объ общинѣ, Герценъ выставлялъ тотъ глубокій смыслъ, который община могла бы получить при русскомъ экономическомъ развитіи въ цѣлой русской цивилизаціи, и противопоставлялъ ее европейскому соціализму.

Съ этой точки зрѣнія многіе находили въ Герценѣ оттѣнокъ славянофильства. Славянофилы выставляли общину орудіемъ противъ Запада, какъ преимущество русской жизни. Оттѣнокъ славянофильства былъ въ идеалистическомъ увлеченіи, съ какимъ онъ вѣрилъ въ общину и говорилъ о ней. Герценъ—самый идеалистическій характеръ своего кружка, не только по идеямъ, лежавшимъ въ основѣ его общественныхъ и нравственныхъ убѣжденій, но какъ онъ, такъ и его друзья образовались подъ вліяніями, которыя чрезвычайно способны были развивать этотъ идеализмъ. Умственная пища, которой они питались, была самая идеалистическая философія, какая только существовала на свѣтѣ—это философія Гегеля. Между тѣмъ дѣйствительность не давала имъ почти никакой дѣятельности, которая открыла бы исходъ ихъ одушевленнымъ стремленьямъ. Литература оставалась единственнымъ исходомъ, и здѣсь высказывались, сколько было можно, тѣ задушевныя чувства и мысли, которымъ не было мѣста въ жизни.

Пушкинъ не хотѣлъ считаться писателемъ въ аристократическомъ кругу; Лермонтовъ тратилъ драгоцѣнныя силы на пустую, нелѣпую жизнь; Бѣлинскій былъ едва терпимъ; Грановскій состоялъ подъ надзоромъ полиціи; Хомякову и Константину Аксакову запрещено было писать; Тургеневъ за выраженіе сочувствія сидѣлъ въ части, и т. д.

Когда Герценъ эмигрировалъ, идеализмъ его нашелъ новую пищу въ событіяхъ 1848 года. Ему казалось, что сбываются давнишнія мечты его, что міръ долженъ обновиться, и онъ бросился во французское движеніе съ

увлеченіемъ, которымъ отличался тогда и не онъ одинъ. Въ этомъ увлеченіи славянофилы упрекали западниковъ, а западники видѣли въ немъ неизбѣжный, логическій переходъ отъ старой національной исключительности къ свободному безпредразсудочному національному самосознанію новѣйшаго времени.

Въ Александровскія времена этотъ космополитизмъ приводилъ передовыхъ людей къ европейскимъ политическимъ идеямъ. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ русскіе идеалисты увлекались тѣми же западными идеями въ философіи и литературѣ. Они ясно чувствовали, что т а м ъ сила, высшая, умственная общественная жизнь человѣчества, и при возбужденіи идеальныхъ интересовъ это увлеченіе было естественно. Дома эти идеалисты считали себя лишними людьми, имъ и дѣйствительно не находилось дѣла.

Въ увлеченіи интересами русской жизни Герценъ давалъ имъ эту европейскую подкладку и слишкомъ довѣрялся европейской революціонной рутинѣ. Въ Парижѣ, въ Лондонѣ онъ былъ окруженъ европейскими революціонными элементами, которые стекались въ эмиграцію изъ Франціи, Италіи, Венгріи и Польши. Тонъ этихъ элементовъ отразился и на его изданіяхъ, предназначавшихся для русскихъ читателей.

Впослѣдствіи интересъ къ Герцену въ русскомъ обществѣ ослабѣлъ; это объясняютъ тѣмъ, что общество отрезвилось отъ легкомыслія и въ особенности вознегодовали на Герцена за его отношенія къ польскому дѣлу. Повидимому же, главная причина ослабленія интереса къ Герцену была не въ этомъ, а въ поворотѣ общественнаго настроенія, который наступилъ въ шестидесятыхъ годахъ. Общество, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, съ крымской войны, стремившееся «по пути прогресса», было въ сущности еще слабо проникнуто его дѣйствительными идеями.

Если бы не было ни студенческихъ исторій, ни политическихъ процессовъ, ни польскаго возстанія, реакція тѣмъ не менѣе наступила бы непремѣнно.

Послѣ 19-го февраля 1861 года реакція въ извѣстномъ слоѣ общества была неизбѣжна. Шагъ былъ сдѣланъ, надо было отдохнуть; люди, которые были моложе, сдѣлались старше; которые лицемѣрили своимъ

либерализмомъ, увидѣли, что лицемѣрить незачѣмъ, что ничего особеннаго не воспослѣдовало, и т. д.; ловкіе люди воспользовались удобной минутой, чтобъ зазвонить въ набатный колоколъ, и поворотъ общества обнаружился.

Этотъ поворотъ отразился и на Герценѣ: онъ сталъ терять популярность. Люди, интересовавшіеся имъ, увидѣли, что общество дальше не пойдетъ; его изданія перестали быть интересными, какъ они интересовали въ то время, когда само общество было въ прогрессивномъ движеніи. Была и другая причина, ослабившая его значеніе.

Политическіе процессы, начавшіеся съ 1861 года, прекратили терпимость относительно его изданія. Они скрылись изъ обращенія; это объясняетъ, почему онъ читался меньше. Наконецъ въ одной части общества съ самаго начала нашего прогресса стали возбуждаться сомнѣнія въ его серьезности и долговѣчности; эти сомнѣнія находили основанія въ ходѣ вещей и литературныхъ проявленіяхъ новаго либеральнаго возрожденія; люди, раздѣлявшіе это сомнѣніе, мало вѣрили и въ силу идеалистическаго энтузіазма, который составлялъ свойство Герцена.

Когда реакція высказалась положительно, спектицизмъ могъ находить еще больше послѣдователей. Люди стали меньше увлекаться идеализмомъ, не сходившимся съ холоднымъ опытомъ, и меньше вѣрить въ силу восторженныхъ призывовъ прогресса; ясно было, что масса общества равнодушна къ нему.

Въ послѣдніе годы дѣятельность Герцена пріостановилась—вѣроятно, на перепутьѣ къ новому оттѣнку въ его направленіи; оттѣнка можно было ожидать: какъ человѣкъ живой, умный, любящій, онъ не былъ упрямымъ доктринеромъ старыхъ мнѣній и воспринималъ вліяніе времени и событій.

Такимъ образомъ для прежней дѣятельности Герцена, повидимому, еще при жизни его, наступила исторія.

Печальная сторона эпохи, воспитавшей Герцена, состоитъ именно въ томъ, что люди съ такимъ талантомъ, умомъ и образованьемъ, какъ Герценъ, не могли не только дѣйствовать въ самой средѣ своего общества,

но признавались вредными ему. При всей своей тяжелой судьбѣ, Герценъ могъ утѣшить себя мыслью, что свободное развитіе Россіи, обновленной въ прошедшее царствованіе, уже находитъ правильный путь, и что русская жизнь начинаетъ открывать себѣ просторъ для тѣхъ стремленій къ народному благу, какія не имѣли въ ней мѣста въ иное время.

Тѣни.

...И тѣни милыя передо мной
Въ причудливомъ несутся сновидѣньи.

Мы ничего не видали, кромѣ другъ друга и блестящей дороги на пользу человѣчества; сами назначили ее себѣ, вѣрили въ нее и вызывали къ жизни наше духовное родство.

Русская типографія въ Лондонѣ—продолженіе университетскихъ аудиторій Россіи—исполненіе отроческой программы. Прослѣдить нить этого движенія можно по затронутымъ вопросамъ, по возбужденнымъ интересамъ въ журналахъ, на лекціяхъ, по литературнымъ кругамъ. Видоизмѣняясь и развиваясь, эта юношеская пропаганда оставалась вѣрна себѣ и вносила свой индивидуальный характеръ во все окружающее.

Симпатіи, сближенія, антипатіи—все шло изъ одного источника: наука, искусство, связи, родительскій домъ подчинены одной мысли, одной религіи.

Тамъ, гдѣ открывалась возможность проповѣдывать, обращать, тамъ не щадили ни времени, ни труда.

Въ 1831 году Герценъ и Огаревъ, проникнутые духомъ этого періода времени, вступили въ университетъ на физико-математическій факультетъ, съ цѣлью основать общество на вышеупомянутыхъ началахъ.

Въ числѣ товарищей они сблизились съ даровитымъ, образованнымъ молодымъ человѣкомъ Сазоновымъ

и его другомъ Сатинымъ, красивымъ, нѣжнымъ юношей, съ благородными стремленьями и полудѣтскими мечтами.

День, въ который они сѣли на одной изъ скамеекъ амфитеатра и взглянули другъ на друга съ сознаніемъ своей силы, своего обреченья на святое дѣло, взглянули съ гордой любовью на множество окружавшихъ ихъ прекрасныхъ молодыхъ людей, они считали величайшимъ днемъ въ ихъ жизни. Они подали другъ другу руки и рѣшили идти проповѣдывать на всѣ четыре страны вселенной.

Что они проповѣдывали?—Трудно сказать,—проповѣдывали они декабристовъ, сенсимонизмъ, французскую республику, чтеніе политическихъ книгъ, сосредоточеніе силъ, ненависть къ насилію.

Идеи были смутны, общества въ сущности не было, но пропаганда пускала глубокіе корни во всѣ факультеты и переходила за стѣны университета.

Возбужденная мысль требовала исхода, пробудившіеся вопросы—разрѣшенія. Разрѣшеніе разнообразныхъ вопросовъ мучило молодое поколѣніе, и оно распадалось на кружки, соотвѣтственно своему направленію.

Въ университетѣ Герценъ и Огаревъ встрѣтили уже сложившійся кружокъ Сунгурова и кругъ Станкевича. Кругъ Сунгурова вскорѣ былъ арестованъ, большая часть изъ него исчезла безслѣдно, только Костенецкій, Антоновичъ, Оболенскій, Кольрейфъ, сынъ нѣмецкаго пастора, были сосланы на Кавказъ рядовыми.

Послѣ круга Сунгурова въ 1835 году арестованъ былъ кругъ Герцена и Огарева.

Въ кругу Герцена въ университетѣ находились только-что кончившій курсъ: медикъ Николай Христофоровичъ Кетчеръ, кончавшіе курсъ: математики Алексѣй Николаевичъ Савичъ и Діомидъ Васильевичъ Пассекъ, юристъ Вадимъ Васильевичъ Пассекъ, съ Дона казакъ Мажаровъ, Александръ Алексѣевичъ Уманецъ, Лахтинъ, Миллеръ, Николай Михайловичъ Сатинъ, Сазоновъ. Всѣ они избѣжали ссылки, кромѣ Герцена, Огарева, Лахтина и Сатина. Были

и другіе. Кетчеръ остался въ Москвѣ, Сазонова родные послали за границу. Огаревъ былъ отправленъ въ имѣніе къ отцу, въ Пензенскую губернію. Герценъ отправленъ на службу въ Вятку. Во время ареста Діомидъ Пассекъ былъ уже въ Инженерномъ институтѣ; Вадимъ Пассекъ, кончивши курсъ, женился и уѣхалъ въ Харьковъ, какъ по дѣламъ имѣнія, такъ и по приглашенію графа А. Н. Панина, попечителя Харьковскаго университета, для занятія каѳедры русской исторіи, доцентомъ. Каѳедры онъ не получилъ: еще до его пріѣзда прислана была бумага изъ Москвы, чтобъ каѳедры ему не давать по его близкимъ отношеніямъ къ арестованнымъ, а поручить ему сдѣлать статистическое описаніе Харьковской губерніи, Новороссійскаго края и Тавриды, какъ члену статистическаго комитета.

Вліяніе духа времени.

Когда, вслѣдствіе напора новыхъ идей въ Европѣ, послѣ переворота религіознаго, наступилъ переворотъ философскій и принялъ форму больше общедоступную, новыя идеи стали распространяться повсюду.

Стремленье къ просвѣщенію, улучшенію судьбы человѣка, слышалось и на тронахъ, и въ кабинетахъ государственныхъ людей. Всѣ старались осуществлять свои планы. Повсюду возникала новая жизнь. Государства пробовали перестраивать свои царства, это не удавалось за недостаткомъ послѣдовательности.

Но разъ открытая истина не умираетъ. Понятіе о свободномъ развитіи политической жизни, о равенствѣ всѣхъ передъ закономъ, о всеобщемъ правѣ на усовершенствованіе распространялось въ литературѣ и колебало строй жизни. Правленія оставались тѣ же, но духъ испарялся, старый порядокъ не находилъ опоры даже въ высшихъ сословіяхъ, гдѣ большинство думало больше о наслажденіяхъ, скандальныхъ приключеніяхъ, романахъ, сплетняхъ,—блистало нарядами, остротами, утонченностью нравовъ. Весь этотъ блескъ и самоувѣренность были шатки и прикрывали внутреннюю порчу. Наукой дорожили, но къ жизни не прилагали.

Это были паразиты.

Среднее и низшее сословіе составляло рѣзкую противоположность съ распущенностью высшаго, и между ними образовался нравственный разрывъ.

Лучи новаго духа достигали и до Россіи. Въ концѣ прошлаго вѣка и въ началѣ настоящаго была въ аристократіи закраинка русскихъ, оборвавшихъ всѣ связи съ народной жизнью.

У нихъ не было ни живыхъ интересовъ, ни круговъ, основанныхъ на убѣжденіяхъ, ни своей литературы. Они вымирали безплодно. Жертвы Петровскаго разрыва съ народомъ, они остались чудаками и капризниками. То были люди ненужные. Война 1812 года положила имъ предѣлъ—старые доживали свой вѣкъ, новые развивались въ другомъ направленіи.

Люди вообще трудно отрѣшаются отъ своего наслѣдственнаго склада; физіологическій предѣлъ нельзя перейти, для этого надобно исключить слѣды колыбельныхъ пѣсенъ, родныхъ полей, горъ, обычаевъ и всего окружающаго строя.

Если аристократы прошлаго вѣка, пренебрегая всѣмъ русскимъ, въ самомъ дѣлѣ оставались вполнѣ русскими, то тѣмъ больше русскаго характера не могло утратиться у молодыхъ людей оттого, что они занимались науками по французскимъ и нѣмецкимъ книгамъ.

Нравственный уровень общества палъ, развитіе было прервано. Александровское поколѣніе заняло первое мѣсто. Мало-по-малу оно утратило дикую поэзію кутежей, барства, храбрости; они служили, выслуживались, но это были не сановники.

Время ихъ прошло.

Подъ этимъ большимъ свѣтомъ безучастно молчалъ большой міръ народа, для него не перемѣнилось—ему было не хуже и не лучше прежняго. Его время не пришло.

Между этой основой, юноши, почти дѣти, первые приподняли голову, можетъ-быть, не подозрѣвая, какъ это опасно; этими дѣтьми Россія частію начала приходить въ себя.

Ихъ вниманіе остановило противорѣчіе ученія съ жизнью. Учителя, книги, университетъ говорили одно—это было понятно уму и сердцу. Отецъ съ матерью, родные и вся среда—другое, съ чѣмъ согласны

власти и денежныя выгоды. Противорѣчіе воспитанія съ нравами доходило до громадныхъ размѣровъ.

Число воспитывавшихся было мало; но и тѣ получали не то чтобы объемистое воспитаніе, а довольно общее и гуманное: оно о ч е л о в ѣ ч и в а л о учениковъ всякій разъ, когда принималось. А человѣка-то именно было н е н у ж н о. Приходилось или снова расчеловѣчиться—такъ толпа и дѣлала,—или пріостановиться и спросить себя: «Да надобно ли непремѣнно служить?» Для большинства наставало праздное существованіе въ отставкѣ, деревенской лѣни, халата, странностей, картъ, вина. Для другихъ время внутренней работы. Жить въ нравственномъ разладѣ съ собой они не могли. Возбужденная мысль требовала выхода. Разрѣшеніе разныхъ вопросовъ мучило молодое поколѣніе и обусловливало распаденіе его на разные круги!

Образованіе кружковъ.

Можно сказать, что въ то время Россія б у д у щ а г о существовала между нѣсколькими мальчиками, только-что вышедшими изъ дѣтства, въ нихъ было наслѣдіе общечеловѣческой науки.

Это были зародыши исторіи; незамѣтные, какъ зародыши вообще, слабые, ничтожные, ничѣмъ неподдержанные, они легко могли бы погибнуть безъ слѣда, н о о н и о с т а ю т с я, а если и умираютъ на полдорогѣ, то не все умираетъ съ ними.

Мало-по-малу зародыши развиваются, растутъ, изъ нихъ составляются группы. Болѣе родныя группы собираются около своихъ средоточій; другія отталкиваютъ другъ друга. Это расчлененіе даетъ имъ ширь и возможность многосторонняго конечнаго развитія; распустившіяся вѣтви соединяются,—какъ бы они ни назывались, кругомъ С т а н к е в и ч а, с л а в я н о ф и л о в ъ, з а п а д н и к о в ъ,—главная черта ихъ—глубокое чувство отчужденія отъ среды ихъ окружающей, стремленье выйти изъ нея.

Возраженіе, что эти кружки представляютъ явленіе исключительное, постороннее, безсвязное, что воспитаніе большей части этой молодежи было экзотическое, чужое, и что они скорѣе выражаютъ переводъ на рус-

ское французскихъ и нѣмецкихъ идей, чѣмъ что-нибудь свое,—неосновательно.

Огаревъ прежде Герцена получилъ разрѣшеніе оставить деревню. Онъ возвратился въ Москву, гдѣ примкнулъ къ кругу Станкевича.

Когда же пріѣхалъ въ Москву Герценъ, то нашелъ кружокъ, къ которому принадлежалъ Огаревъ, уже не изъ ихъ прежнихъ университетскихъ товарищей, а изъ молодыхъ ученыхъ, художниковъ и литераторовъ, которыхъ связывали общія цѣли, общій языкъ, общія убѣжденія.

Тонъ, интересъ, занятія—все было иное.

Изъ старыхъ друзей находились налицо тольцо двое.

Во главѣ стояли друзья Станкевича Бакунинъ и Бѣлинскій, каждый съ томомъ гегелевой философіи въ рукахъ и съ юношеской нетерпимостью.

Это были ученики профессора физики М. Г. Павлова. Чего не сдѣлалъ Павловъ, то сдѣлалъ его ученикъ Станкевичъ.

Николай Владиміровичъ Станкевичъ.

Вѣруй, надѣйся и жди,
Зрѣй наше юное племя:
Путь твой широкъ впереди...
. . . . . .

Передъ нами дѣтски-свѣтлый образъ человѣка, присутствіе котораго дѣйствовало обаятельно на окружавшихъ. Его сравнивали съ подземнымъ ключомъ, существованіе котораго узнается по роскошной зелени въ кругу его вліянія. При воспоминаніи о немъ вѣетъ чѣмъ-то отраднымъ, и чувство глубокой симпатіи наполняетъ душу; хотя заслуги его въ литературномъ мірѣ были незначительны: немного статей философскаго содержанія, три повѣсти и нѣсколько брошюръ, но онъ создалъ въ университетѣ литературный кружокъ изъ товарищей, подпавшихъ впечатлѣнію его свѣтлаго ума, благороднаго сердца и строго-нравственныхъ требованій. Впослѣдствіи его благотворное вліяніе чувствовали самые даровитые люди, какъ Грановскій и Бакунинъ. Съ именемъ Станкевича слышится пробужденіе лучшей

части русскаго общества, служеніе наукѣ и требованіе отъ себя и отъ другихъ признанія общественнаго значенія, нравственности и чистоты дѣйствій.

Имя Станкевича напоминаетъ тридцатые года, кружокъ, увлекавшійся философіей Гегеля, образовавшійся изъ выдающихся литературныхъ силъ, поднявшій всѣ научные вопросы, надъ которыми впослѣдствіи трудились русскіе люди, посвятившіе себя служенію правдѣ. Вліяніе Станкевича отразилось на юности одной изъ эпохъ нашего развитія. Онъ какъ бы сосредоточилъ въ себѣ лучшія нравственныя черты и стремленія и соединилъ въ себѣ все прекрасное, разсѣянное въ окружавшихъ его друзьяхъ. Источникомъ вліянія Станкевича былъ умъ его и возвышенность природы.

Не думая о себѣ, онъ невольно каждаго п о к о р я л ъ своему вліянію.

Грановскій считалъ себя ученикомъ Станкевича, на знаменитомъ критикѣ Бѣлинскомъ отразилось его стремленье къ правдѣ и добру, и онъ до конца жизни своей съ благоговѣніемъ вспоминалъ о своемъ другѣ. Въ развитіи таланта Кольцова онъ также игралъ видную роль и вывелъ его на литературную дорогу. Самъ Гоголь былъ обязанъ ему нравственной поддержкой. Въ Петербургѣ холодно встрѣтили «Р е в и з о р а» Гоголя; въ Москвѣ Станкевичъ и весь кругъ его сразу поняли, что̀ за серьезный смѣхъ производило это сочиненіе.

Нѣмецкій профессоръ Вердеръ, у котораго Станкевичъ бралъ уроки логики, говорилъ, что онъ столько же заимствовалъ отъ него, сколько и давалъ ему. Мысли и поэзія составляли основу его жизни и гармонировали между собой въ чувствѣ мѣры. Философски-критическіе его взгляды волновали сердца, будили и увлекали за собою самыя неотзывчивыя натуры.

Станкевичъ родился въ 1813 году, въ деревнѣ своего отца Удеревкѣ, Воронежской губерніи, Острогожскаго уѣзда. На одиннадцатомъ году его отдали въ Острогожское уѣздное училище. Тамъ въ немъ открылась театральная способность. Въ деревнѣ онъ устраивалъ домашніе спектакли и былъ лучшимъ актеромъ. Спустя два года онъ поступилъ въ Воронежскій благородный пансіонъ И. К. Ѳедорова, гдѣ молодые люди готовились въ университетъ.

Въ пансіонѣ Станкевичъ проявлялъ глубокую религіозность, которая не покидала его до конца его дней. Окончивъ курсъ пансіонерскій, Станкевичъ переѣхалъ въ Москву, поселился у М. Г. Павлова и выдержалъ экзаменъ въ словесномъ отдѣленіи. Павловъ имѣлъ на него большое вліяніе. Онъ привилъ ему, какъ и Московскому университету, нѣмецкую философію. Вмѣсто физики и сельскаго хозяйства, онъ читалъ введеніе въ философію. Достоинство его чтенія состояло въ необыкновенной ясности изложенія.

Станкевичъ увлекъ большой кругъ молодыхъ людей въ свое любимое занятіе, и изъ этого круга вышло множество ученыхъ, литераторовъ и профессоровъ, въ числѣ которыхъ были: Грановскій, Бѣлинскій и Бакунинъ.

Въ первые годы своей университетской жизни Станкевичъ изучилъ нѣмецкій языкъ и прочелъ всѣхъ поэтовъ Германіи.

Нѣмецкая поэзія стала родникомъ его эстетическихъ стремленій, мѣриломъ собственнаго достоинства и возбудила къ дѣятельности умственныя способности.

Въ университетѣ слушалъ онъ лекціи Каченовскаго, Погодина, Шевырева, но особенное вліяніе на его развитіе имѣлъ молодой профессоръ Надеждинъ.

Свои стихотворенія Станкевичъ печаталъ въ періодическихъ изданіяхъ: «Бабочка», «Сѣверные Цвѣты», «Литературная Газета», «Телескопъ» и «Молва».

Въ 1834 году онъ кончилъ курсъ кандидатомъ и уѣхалъ въ Петербургъ, потомъ въ свою деревню, гдѣ принялся изучать Геродота, прочиталъ «Одиссею» и сталъ готовить себя къ дѣятельности въ области исторіи.

Въ 1835 году Станкевичъ возвратился въ Москву, сталъ изучать философію и велъ интересную переписку съ Грановскимъ, бывшимъ еще въ Германіи; началъ службу свою въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, гдѣ пробылъ 1835 годъ, а въ маѣ 1836 года уѣхалъ лѣчиться на Кавказъ, пожилъ въ деревнѣ, въ Москвѣ, и въ 1837 г. уѣхалъ серьезно лѣчиться за границу. Побылъ въ Берлинѣ, Дрезденѣ, путешествовалъ по Ита-

ліи. Между тѣмъ болѣзнь развивалась быстро, и въ ночь на 20-е іюня 1840 года Станкевичъ тихо скончался въ небольшомъ городкѣ Нови, въ сорока верстахъ отъ Генуи. Тѣло его перевезено было въ Россію и погребено въ мѣстѣ его рожденія, сельцѣ Удеревкѣ.

Станкевичъ былъ первымъ послѣдователемъ Гегеля въ кругу московской молодежи. Одаренный необыкновенными способностями, онъ увлекъ большой кругъ друзей въ свое любимое занятіе.

До ссылки Герцена, между кругомъ его и кругомъ Станкевича не было большой симпатіи. Послѣднимъ не нравилось ихъ исключительно политическое направленіе, а кругу Герцена—ихъ чисто умозрительное.

Новые знакомые приняли Герцена съ почетнымъ снисхожденіемъ, съ готовностью принять въ свой союзъ, но намекая, что они—сегодня, а тѣ—вчера, и требовали безусловно принятія феноменологіи и логики Гегеля и притомъ—по ихъ толкованію. Это было оригинальное сочетаніе идей философскихъ съ революціонными.

Послѣ либерализма, пережившаго 1825 годъ въ Полевомъ, является страстное вмѣшательство во всѣ вопросы Бѣлинскаго.

Бѣлинскій, въ ряду критическихъ статей, касается всего, вездѣ вѣрный своей ненависти къ авторитетамъ. Разбираемая книга служила ему, по бо́льшей части, матеріальной точкой отправленія; на полудорогѣ онъ бросалъ ее и впивался въ какой-нибудь вопросъ. Ему достаточенъ стихъ: «Родные люди вотъ какіе»—и онъ начиналъ вызывать къ суду семейную жизнь и разбиралъ по ниточкѣ отношенія родства. А его статьи о «Тарантасѣ», о «Парашѣ», о «Державинѣ», о «Мочаловѣ» и «Гамлетѣ»? Что́ за вѣрность своимъ началамъ! Что́ за неустрашимая послѣдовательность, ловкость! Что́ за смѣлость въ нападкахъ на литературную аристократію!

Бѣлинскій безпощадно терзалъ мелкое самолюбіе ограниченныхъ творцовъ эклогъ, любителей образованія и благотворительности.

Его ненавидѣли.

Герценъ, по поводу своего спора съ Бѣлинскимъ о Бородинской годовщинѣ, прервалъ съ нимъ всѣ сношенія.

Хоръ былъ за Бѣлинскаго; они находили Герцена и его кругъ отсталыми.

Бѣлинскій уѣхалъ въ Петербургъ, затѣмъ и Герценъ. Огаревъ устроилъ имъ свиданіе. Встрѣча была холодна, натянута, но ни Бѣлинскій, ни Герценъ не были дипломаты. Во время ничтожнаго разговора Герценъ помянулъ статью о «Бородинской годовщинѣ». Бѣлинскій вскочилъ съ своего мѣста, вспыхнувъ въ лицѣ и пренаивно сказалъ: «Ну, слава Богу, договорились же мы, а то я, съ моимъ глупымъ нравомъ, не зналъ, какъ начать... ваша взяла: три-четыре мѣсяца въ Петербургѣ меня лучше убѣдили, чѣмъ всѣ доводы. Забудемъ этотъ вздоръ!»*).

Всѣ люди живые перешли на сторону Бѣлинскаго. Отсюда начинается его соединеніе идей философскихъ съ революціонными.

Кругъ Станкевича сдѣлалъ свое дѣло блестящимъ образомъ: вліяніе его на литературу и на академическое преподаваніе было огромно. Кромѣ Бѣлинскаго и Грановскаго, въ этомъ кругу сложились Боткинъ, Катковъ и множество другихъ выдающихся личностей.

Славяне.

> У славянъ было чувство, безгранично охватывающее всю Россію,—любовь къ русскому народу, русскому быту, русскому складу мысли. Западники смотрѣли въ другую сторону, но сердце у нихъ было одно.

Возлѣ круга Станкевича сталъ слагаться другой кругъ, который впослѣдствіи назвали кругомъ славянофиловъ. Славяне приближались съ противоположной стороны къ тѣмъ же жизненнымъ вопросамъ, кото-

*) Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій, сынъ мелкаго чиновника въ Чембарахъ, былъ исключенъ изъ Московскаго университета за слабыя способности и жилъ скудной платой за статьи.

рые занимали и западниковъ, какъ называли кругъ Герцена. Ясно было, что кругъ Станкевича долженъ былъ раздѣлиться, онъ и раздѣлился. Аксаковы, Самаринъ примкнули къ славянамъ, т. е. къ Хомякову и братьямъ Кирѣевскимъ; Бѣлинскій, Бакунинъ—къ западникамъ. Ближайшій другъ Станкевича Грановскій съ самаго пріѣзда изъ Германіи примкнулъ къ нимъ же.

Если бы Станкевичъ остался живъ, то онъ самъ перешелъ бы или къ Хомякову, или къ западникамъ.

Въ 1842 году сортировка по сродству группъ была сдѣлана. Во главѣ славянофиловъ стояли Хомяковъ, Погодинъ, Шевыревъ и другіе. Споры западниковъ со славянами сильно занимали общество.

Въ лицѣ славянофиловъ протестовали противъ оскорбленнаго чувства народности. Споры возобновлялись на литературныхъ и нелитературныхъ вечерахъ, на которыхъ встрѣчались эти два круга раза два или три въ недѣлю. Въ понедѣльникъ собирались у Чаадаева, въ пятницу у Свербѣева, въ воскресенье у А. П. Елагиной.

А. С. Хомяковъ былъ самый опасный противникъ. Онъ зналъ свою силу и игралъ ею. Его товарищи и друзья были два брата Петръ и Иванъ Васильевичи Кирѣевскіе. Иванъ Васильевичъ принялся-было съ жаромъ за ежемѣсячное обозрѣніе журнала «Европеецъ». Вышли двѣ книги превосходныя. При выходѣ второй «Европеецъ» былъ запрещенъ. Онъ помѣстилъ въ «Денницѣ» статью о Новиковѣ. «Денница» была схвачена, цензоръ Глинка посаженъ подъ арестъ. Кирѣевскій разстроилъ свое состояніе «Европейцемъ». Совершенной близости у него ни съ западниками, ни съ его друзьями не было. Возлѣ него стоялъ его братъ, его другъ, Петръ Васильевичъ. Натура даровитая, цѣльная, строго послѣдовательная.

Когда кругъ Герцена сталъ возвращаться изъ ссылки, другая дѣятельность закипала въ литературѣ, университетѣ и обществѣ. Это было время Гоголя, Лермонтова, статей Бѣлинскаго и молодыхъ профессоровъ. Надобны были люди новаго поколѣнья, ненадломленные; молодые люди откликнулись на призывъ, люди круга Станкевича примыкали къ нимъ; въ ихъ числѣ были сильныя личности, какъ Константинъ Аксаковъ,

Юрій Самаринъ; Аксаковъ рвался къ дѣлу. Ему надобно было биться со всевозможными непріятелями, чтобы водрузить свое знамя.

Онъ за свою вѣру пошелъ бы на площадь, пошелъ бы на плаху.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ онъ проповѣдывалъ сельскую общину, міръ и артель, первый опустилъ панталоны въ сапоги, надѣлъ рубашку съ косымъ воротомъ и остался до конца жизни благороднымъ юношей съ чистымъ сердцемъ.

Въ 1848 году споры круга западниковъ съ славянофилами дошли до того, что они не хотѣли встрѣчаться.

Издатели «Москвитянина» стали зацѣплять не только Бѣлинскаго, но и Грановскаго за его лекціи. Отвѣты Грановскаго были просты, мужественны, лекціи такъ увлекательны, что они притихли.

Послѣ заключительной лекціи Грановскаго сдѣланъ былъ опытъ примиренія. Западники давали обѣдъ Грановскому послѣ окончанія семестра, славяне хотѣли участвовать съ ними. Юрія Самарина и Герцена выбрали въ распорядители. Пиръ былъ удаченъ, послѣ многихъ тостовъ славяне и западники обнялись по-русски. Примиреніе было откровенное, но черезъ недѣлю они разошлись дальше прежняго. Бѣлинскій слалъ изъ Петербурга грозныя грамоты въ «Отечественныхъ Запискахъ», предавалъ всѣхъ анаѳемѣ. Споры славянофиловъ съ западниками чуть-было не привели къ гибели лучшихъ представителей обѣихъ партій. Усилія друзей едва затушили ссору одного изъ лучшихъ западниковъ съ Петромъ Кирѣевскимъ, которая шла къ дуэли.

Славяне предложили главную редакцію «Москвитянина» Ивану Кирѣевскому. Выборъ былъ удаченъ какъ со стороны ума и талантовъ, такъ и финансовъ. Онъ горячо принялся за дѣло, много потратилъ времени и при всемъ талантѣ ничего не могъ сдѣлать. Имя Бѣлинскаго сосредоточивало все лучшее въ тѣхъ журналахъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе.

Такъ было до 1848 года, когда всѣ вопросы переставились событіями.

Новая жизнь увлекла славянъ и западниковъ за предѣлы ихъ ссоры. Западники протянули имъ руки. Но гдѣ они? Ушли. Кирѣевскіе, Хомяковъ, Аксаковъ сдѣ-

лали свое дѣло, сдѣлали то, что̀ хотѣли сдѣлать. Они заставили призадуматься всѣхъ серьезныхъ людей.

Съ нихъ начинается переломъ русской мысли. Съ западниками, ихъ противниками, у нихъ была одна любовь, но неодинаковая. У славянъ было чувство, безгранично обхватывающее всю Россію, любовь къ русскому народу, русскому быту, русскому складу мысли. Западники смотрѣли въ другую сторону, но сердце у нихъ билось одно.

Время, исторія сблизили славянъ съ западниками не потому, чтобъ одни перетянули къ себѣ другихъ, а потому, что какъ одни, такъ и другіе стали ближе къ истинному воззрѣнію, чѣмъ тогда, когда безпощадно терзали другъ друга въ журнальныхъ статьяхъ, хотя и тогда не сомнѣвались въ горячей любви къ Россіи какъ той, такъ и другой стороны.

Въ этой общей любви они имѣютъ право поклоняться гробамъ усопшихъ изъ нихъ и бросить горсть земли на ихъ могилы съ сильнымъ желаніемъ, чтобы расцвѣла сильно и широко молодая Русь *).

Въ Малороссіи и въ Петербургѣ.

Вадимъ Пассекъ вскорѣ послѣ женитьбы долженъ былъ ѣхать въ Харьковъ и въ село Пассековку для устройства семейныхъ дѣлъ. Онъ былъ такъ увлеченъ Малороссіей какъ въ первую, такъ и въ эту поѣздку, что сталъ писать свои «Путевыя записки» и, возвратясь въ Москву, занялся ихъ изданіемъ.

Это было его первое литературное произведеніе; онъ былъ сильно занятъ имъ, но оно не мѣшало ему попрежнему сходиться съ товарищами у Огарева, а то и у насъ.

Въ это же время Вадимъ увлекался нѣкоторыми произведеніями нашего тогда извѣстнаго писателя Александра Ѳомича Вельтмана и особенно только-что вышедшимъ небольшимъ сочиненіемъ его, очень игривымъ, подъ названіемъ «Странникъ»; онъ познакомился съ авторомъ, сталъ бывать у него; еще же чаще онъ бывалъ у профессоровъ Михаила Петровича Погодина и

*) «Колоколъ», 15-го января 1861 года.

Снигирева и съ любовью отдавался изученію русской исторіи и народнаго быта.

Зимой мы съ Вадимомъ ѣздили въ Тверь, къ моему отцу. Тамъ познакомились съ Иваномъ Ивановичемъ Лажечниковымъ такъ дружески, что видались почти каждый день. Иванъ Ивановичъ читалъ намъ, тогда еще въ рукописи, свой романъ «Послѣдній Новикъ», а Вадимъ прочелъ ему отрывки изъ своихъ «Путевыхъ записокъ». Лажечниковъ слушалъ внимательно и, когда Вадимъ кончилъ, онъ обнялъ его и, повидимому, тронутый глубоко, сказалъ:

— Вы, Вадимъ Васильевичъ, историкъ и народный писатель-поэтъ. Да благословитъ васъ Богъ!

Вернулись мы въ Москву въ началѣ весны, а въ іюлѣ уѣхали въ Харьковъ.

Въ Харьковѣ мы остановились отдохнуть дня на два въ гостиницѣ. Вадимъ немедленно отправился къ графу Панину. Графъ его принялъ ласково и съ сожалѣніемъ объявилъ, что изъ Москвы получена бумага, въ которой сказано, чтобъ Вадиму Пассеку каѳедры не даватъ по случаю его близкихъ сношеній съ арестованными молодыми людьми.

На этомъ мы и остались. Отдохнувши и погоревавъ немного, отправились въ Пассековку.

Отъ Харькова до Пассековки около сорока верстъ. На закатѣ солнца подъѣхали мы къ старинному, низенькому дѣдовскому дому, выстроенному покоемъ изъ крупнаго дубоваго лѣса, крытаго очеретомъ. Насъ встрѣтили приказчикъ Петръ, писарь Григорій Тузъ и нѣсколько человѣкъ дворовыхъ людей. Изъ экипажа мы вступили прямо съ земли въ обширныя сѣни, изъ которыхъ вели двери въ двѣ разныя половины дома. Намъ отворили дверь направо, и мы вошли въ довольно просторныя невысокія комнаты съ покосившимися кое-гдѣ полами. Петръ, Тузъ и жена его торопливо раскрыли окна, отстоявшія отъ пола четверти на три. Въ комнату точно вступилъ старинный садъ липъ, клена, дуба и густой липовой аллеи, простиравшейся по берегу Донца, на которомъ стоялъ и домъ.

Въ вѣтвяхъ липовой аллеи слышалось какое-то журчанье или воркованье, въ родѣ голубинаго, но нѣжнѣе.

— Что это тамъ журчитъ въ саду?—спросила я Вадима:—точно воркуетъ?

— Это воркуютъ горлицы.

И онъ указалъ мнѣ множество паръ сизыхъ горлицъ, скрывавшихся въ липовой аллеѣ. У оконъ комнатъ тѣснились кусты сирени, въ нихъ гнѣздились ночные соловьи; весной, какъ только наступала ночь, свиснетъ соловей, другой, и польются восхитительныя трели чуть не въ комнатахъ.

Пока приготовляли намъ въ гостиной чай, мы легко перепрыгнули за окно, полъ котораго былъ въ уровень съ землей, и побѣжали по саду къ Донцу. За рѣкой бѣлѣлись высокія мѣловыя горы, а на нихъ два обширныя селенія, большое и малое Салтово, всѣ въ фруктовыхъ садахъ. Когда мы вошли черезъ окно же въ комнаты, догорала заря, обливая и небо, и сады, и комнаты алымъ заревомъ.

На слѣдующій день мы распорядились пристройкой намъ спальной и дѣвичьей, съ большими сѣнями, выходившими въ садъ. Въ самомъ скоромъ времени мы совсѣмъ устроились и прожили въ деревнѣ до глубокой осени.

Въ Харьковѣ Вадимъ сблизился съ молодымъ ученымъ—Измаиломъ Ивановичемъ Срезневскимъ, двумя братьями Задорожными и ихъ двоюроднымъ братомъ, кончавшимъ курсъ въ университетѣ, медикомъ Константиномъ Ивановичемъ Сокологорскимъ *). Всѣ они, кромѣ дѣла по службѣ, занимались изученіемъ народной жизни своей страны и въ особенности Украйны.

Въ это время только-что вышли изъ печати «Путевыя записки» Вадима и приняты были во всѣхъ журналахъ сочувственно, несмотря на то, что въ первой половинѣ этой книги, въ которой вспоминаются историческія событія тѣхъ мѣстъ, по которымъ онъ проѣзжалъ, написаны нѣсколько восторженно. Во второй половинѣ рѣчь идетъ объ Украйнѣ, очерчивается ея живописная природа, народная жизнь, исторія со множествомъ глубокихъ историческихъ и поэтическихъ взглядовъ. Весною мы переѣхали опять въ деревню. Пре-

*) Въ настоящее время живетъ въ Москвѣ, пользуется извѣстностью гомеопатическаго врача по методѣ графа Матеи.

лестнѣе этой весны я ничего не видала, все распускалось. Фруктовыя деревья, вишни, яблони, груши въ лѣсу и садахъ были точно облиты бѣлыми и розовыми цвѣтами, сквозь которые мѣстами чуть-чуть зеленѣли полупрозрачные маленькіе листочки. Степь алѣла пунцовымъ воронцомъ; поля зеленѣли пшеницей, овсомъ, ячменемъ; воздухъ полонъ голосами птицъ.

Лѣтомъ поѣхали мы въ Одессу, гдѣ Вадимъ сблизился съ нѣкоторыми учеными одесситами и часто бывалъ у князя Воронцова. Зимой мы пережили въ Одессѣ чуму и землетрясеніе. Въ это время Вадимъ пріятельски сошелся съ хозяиномъ занимаемаго нами дома, Егоромъ Петровичемъ Гардинскимъ, разсказалъ ему о своемъ планѣ издавать журналъ подъ названіемъ «Очерки Россіи» и сожалѣлъ, что начать не можетъ за неимѣніемъ для этого достаточнаго капитала. Гардинскій пришелъ въ такой восторгъ отъ программы Вадима, что тутъ же предложилъ необходимый для изданія капиталъ, а себя—въ сотрудники и издатели этого журнала. Вадимъ съ радостью принялъ предложеніе. Егоръ Петровичъ немедленно собрался и уѣхалъ въ Петербургъ, взявши съ собой готовый матеріалъ для изданія «Очерковъ», мы же съ двумя маленькими дѣтьми и съ ихъ кормилицами поѣхали въ Крымъ.

Въ Крыму мы остановились, не доѣзжая восьми верстъ до Симферополя, на дачѣ друга и товарища Вадима, Александра Алексѣевича Уманца. Тамъ прожили около мѣсяца и поѣхали въ Бахчисарай, гдѣ намъ дали роскошное помѣщеніе во дворцѣ. Изъ Бахчисарая Вадимъ ѣздилъ въ разныя стороны Крыма, составилъ прекрасный статистическій обзоръ Тавриды и дѣлалъ раскопки кургановъ.

Осенью изъ Крыма мы пріѣхали въ Пассековку, гдѣ уже находились матушка, братья и сестры Вадима, пріѣхавшіе на постоянное житье въ Малороссію; на зиму мы переселились въ Харьковъ, гдѣ я получила письмо отъ Е. И. Герцена, что Александръ женился на Наташѣ, воспитанницѣ княгини Хованской.

Мы были изумлены; мы знали, что онъ два года любилъ другую дѣвушку, близкую семейству Пассекъ, и обѣщалъ на ней жениться. Вѣроятно, самъ не вполнѣ сознавая, Александръ измѣнился и отдаленіе свое объ-

яснялъ тѣмъ, что Вадимъ предпочелъ изученіе народной жизни философіи и охладѣлъ къ ихъ философскимъ системамъ, понятіямъ и цѣлямъ *).

Осенью мы уѣхали въ Москву, гдѣ нашли братьевъ Вадима — Діомида и Жоржа, Александра и Огарева. Вадимъ отнесся къ Александру и Огареву съ прежнимъ чувствомъ дружбы, но Александръ отклонялся отъ него не только самъ, но отклонялъ и Огарева до того, что Огаревъ, обладая пятью тысячами душъ, отказалъ Вадиму въ двухъ тысячахъ для поддержки его изданія. Но это не задержало дѣла. Братъ его Діомидъ немедленно досталъ ему двѣ тысячи, и Вадимъ продолжалъ дѣло, но видаться со своими прежними друзьями сталъ рѣже. Въ это время онъ близко сошелся съ Александромъ Ѳомичомъ Вельтманомъ, извѣстнымъ писателемъ-юмористомъ съ исторически-народнымъ направленіемъ, и сблизился со всѣмъ обширнымъ литературнымъ кругомъ его.

Александру въ это время было дозволено жить въ Москвѣ и Петербургѣ. Въ Москвѣ онъ нашелъ немногихъ товарищей своего круга, но собственнаго круга у него не было; Станкевичъ въ это время умиралъ въ Италіи. Во главѣ его круга стояли Бакунинъ и Бѣлинскій, а впослѣдствіи—пріѣхавшій изъ-за границы Грановскій.

Герценъ недолго оставался въ Москвѣ; по желанію отца, онъ отправился въ Петербургъ, гдѣ еще находился Огаревъ съ женою и Сатинымъ, которые вскорѣ уѣхали за границу. За границей Огарева жена оставила, а онъ черезъ два года уѣхалъ въ Москву и оттуда въ свое имѣніе. Изъ деревни онъ часто бывалъ и подолгу гостилъ у друга своего, декабриста Алексѣя Алексѣевича Тучкова, котораго, а также и двухъ очень молоденькихъ дочерей его, Елену и Наталью, чрезвычайно любилъ. Когда Тучковъ съ дочерьми былъ за границей, Огаревъ постоянно переписывался съ меньшей дочерью Тучкова, Наташей, а когда они возврати-

*) Глубоко тронутая, съ сердечной благодарностью прочла я въ «Новомъ Времени» статью В. П. Буренина «Орлы», гдѣ онъ вѣрно и искренно разбираетъ двухъ орловъ, Герцена и Огарева, и заступается за Вадима.

лись въ деревню, то сталъ искать развода съ женой своей, но она, не дождавшись развода, умерла, а Огаревъ женился на Натальѣ Алексѣевнѣ Тучковой.

Герценъ и Огаревъ лѣтъ съ двѣнадцати или тринадцати подружились, несмотря на то, что характеры ихъ были замѣчательно различны. Огаревъ тихій, робкій, лирикъ и поэтъ въ душѣ, Герценъ пылкій, порывистый, вольнолюбивый, стремился къ дѣятельности политической. Ихъ сблизила потребность, раздѣлила чувства и любовь къ умственнымъ занятіямъ. Александръ увѣрялъ Огарева, что для него необходима такая же кипучая дѣятельность, какъ и для Александра, а Огаревъ хотѣлъ музыки, стиховъ, восторговъ, любви и тишины, какъ видно изъ писемъ его къ Александру.

Вотъ что онъ пишетъ Герцену изъ деревни:

«Поэзія!—писалъ Огаревъ къ своему другу.—Сколько мыслей въ этомъ словѣ, кто ихъ выразитъ? Слова недоступны—музыка, а я не могу еще взять тѣхъ звуковъ, которые слышатся душѣ моей. Неспособность тѣлесная ограничиваетъ фантазію. Но, чортъ возьми! Я поэтъ. Моя душа—поэзія, чистая, небесная, — мнѣ подсказываетъ истину тамъ, гдѣ бы я ее не понялъ холоднымъ разсужденіемъ. Я, можно сказать, задавленъ ощущеніями, мыслями, что мнѣ кажется мало того, что мнѣ врѣзалось въ мысль, что я призванъ быть поэтомъ, стихотворцемъ, стихотворцемъ ли? Или музыкантомъ. Alles eins. Но я чувствую необходимость жить съ этою мыслью, ибо имѣю какое-то самоощущеніе, что я поэтъ. Положимъ, я пишу еще дрянно, но этотъ огонь въ душѣ, эта полнота чувствъ даютъ мнѣ надежду, что я буду и порядочно писать. Скажи, вѣришь ли ты моему призванью? Ты, можетъ, лучше меня знаешь, нежели я самъ, и не ошибешься.

«Когда будешь писать о Воробьевыхъ горахъ, напиши, какъ въ этомъ мѣстѣ развилась исторія нашей жизни, то-есть моей и твоей.

«Теперь я началъ писать для Гебеля ораторію «Потерянный Рай». Можетъ-быть, найду выраженіе для мыслей, которыя толпятся въ головѣ моей. Мысли у меня вслѣдствіе вдохновенія, а вдохновеніе найдетъ языкъ».

Онѣ торжественны, минуты вдохновенья,
Какъ голосъ неба на землѣ,
Прекрасны, какъ любовь, какъ радости мгновенья,
Такъ сердцу сладостны онѣ!

Заботы мелкія отходятъ,
Несносный голосъ ихъ молчитъ,
И вдохновенье говоритъ
И небо на душу низводитъ.

Лѣтъ семнадцати вступили они въ Московскій университетъ, гдѣ нашли нѣсколько готовыхъ кружковъ съ различными цѣлями, и сами образовали кружокъ съ политическимъ направленіемъ, но стремленія ихъ и труды скоро остановили. Многіе изъ ихъ круга были арестованы и сосланы въ отдаленные города. Герцена отправили сперва въ Пермь, потомъ въ Вятку, куда поѣхалъ онъ со всевозможнымъ комфортомъ, подъ охраной нѣмца-дядьки Зоненберга, камердинера Петра и готоваго къ его услугамъ жандарма. Огарева—въ прелестное имѣніе его отца, въ Пензенскую губернію, гдѣ онъ былъ окруженъ любовью, попеченіями и роскошью, дѣлалъ, что хотѣлъ; желалъ работать—сдѣлай милость, сколько угодно; хотѣлъ танцовать—танцуй, гдѣ хочешь: чаще танцовалъ на балахъ у губернатора, на племянницѣ котораго, Маріи Львовнѣ Рославлевой, вскорѣ женился и получилъ разрѣшеніе жить, гдѣ ему вздумается.

Все это было въ тридцатыхъ годахъ.

Вотъ что онъ пишетъ о своей женитьбѣ Герцену:

«Много перемѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ мы не вмѣстѣ. Я женился. Моя Марія пожертвуетъ всѣмъ для будущности. Ты не будешь сомнѣваться въ твоемъ другѣ, какъ сомнѣвались нѣкоторые во мнѣ; но ты, не правда ли, ты ни на минуту не усомнишься. Моя женитьба не разстроила ничего. Можетъ-быть, мы будемъ въ Москвѣ на будущій годъ всѣ четверо».

Все улыбалось имъ, и какъ перемѣнилось! Александръ нашелъ въ Москвѣ весь ихъ кругъ въ разладѣ съ женою Огарева. Александра она возненавидѣла, а Александра ссора съ женой Огарева потрясла до глубины души. Раздоръ ея изъ-за товарищей съ мужемъ и его слабость — это цѣлая исторія, возмутительная, мучительная.

До половины тридцатыхъ годовъ мы съ Вадимомъ жили въ Харьковѣ, гдѣ около него составился кругъ молодыхъ людей съ направленіемъ народнымъ и историческимъ. Къ этому кругу присоединились нѣкоторые изъ молодыхъ профессоровъ, пріѣхавшихъ изъ-за границы. Изъ нихъ ближе всѣхъ Вадимъ сошелся съ профессоромъ естественныхъ наукъ Кринитскимъ да съ Квиткой.

Герценъ съ семействомъ находился тогда въ Москвѣ, вскорѣ уѣхалъ въ Петербургъ на службу, а Вадимъ, вернувшись въ Москву, все больше и больше сближался съ Вельтманомъ.

Кругъ Вельтмана былъ съ чисто литературнымъ направленіемъ, гдѣ свободно допускались всевозможныя мнѣнія. Онъ существовалъ слишкомъ сорокъ лѣтъ.

Были въ то время и другіе круги литературные, не такъ широкіе, какъ кругъ Вельтмана, но также безъ исключительныхъ цѣлей. Они легко составлялись и легко распадались. Изъ числа этихъ круговъ выдѣлялся рѣзко художественно-литературный кругъ Карла Ивановича Рабуса, человѣка талантливаго, образованнаго, имѣвшаго огромное вліяніе на развитіе художества и художественнаго образованія юношества въ Москвѣ.

Карлъ Ивановичъ былъ однимъ изъ близкихъ людей съ Вельтманомъ. Кромѣ него, Вельтманъ былъ близокъ съ Вадимомъ, Горчаковымъ, Далемъ, Лихонинымъ, Нѣлюбовымъ и немногими другими.

Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ ближе мы сходились съ Вельтманомъ и его семействомъ, состоявшимъ изъ первой жены его Анны Павловны, урожденной Вейдель, и малютки-дочери Наденьки.

Александръ Ѳомичъ Вельтманъ.

Въ литературныхъ кругахъ сороковыхъ годовъ одной изъ свѣтлыхъ, талантливыхъ личностей является Александръ Ѳомичъ Вельтманъ, какъ поэтъ, филологъ, романистъ и историкъ.

Предки Вельтмана были шведы. Дѣдъ его владѣлъ небольшимъ островкомъ на Балтійскомъ морѣ, а отецъ

эмигрировалъ въ Россію, перешелъ въ русское подданство и женился на русской.

Въ 1801 году, 8-го іюня, у него родился сынъ Александръ, извѣстный литераторъ сороковыхъ годовъ.

Въ раннемъ дѣтствѣ Александръ, по отчеству Ѳомичъ, отличался пылкимъ, необузданнымъ нравомъ. Матъ его, боясь, чтобъ изъ него не вышелъ разбойникъ, вымѣняла образъ Богоматери и ежедневно просила Матерь Божію укротить нравъ ея сына.

Умирая, она оставила ему этотъ образъ, и онъ до конца жизни своей ежедневно молился ему.

Съ возрастомъ Александръ Ѳомичъ изъ дерзкаго, своенравнаго ребенка, сдѣлался самымъ кроткимъ, незлобивымъ человѣкомъ, какимъ и помнятъ его всѣ близкіе къ нему.

Первоначальное воспитаніе Вельтманъ получилъ въ благородномъ пансіонѣ, бывшемъ въ домѣ Пашкова*); потомъ перешелъ въ пансіонъ колонновожатыхъ, извѣстнаго Муравьева, откуда вышло такъ много замѣчательныхъ людей. Окончивъ курсъ, Вельтманъ поступилъ на службу въ свиту Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части, что̀ теперь генеральный штабъ, колонновожатымъ.

Вскорѣ послѣ производства своего въ офицеры, Вельтманъ лишился отца и матери и остался одинъ съ сестрой, которую любилъ всѣми силами души, и посвятилъ ей первые стихи свои.

Наслѣдства послѣ родителей они получили сто рублей ассигнаціями. При такихъ условіяхъ жизни, молодой человѣкъ, пылкій, независимый, могъ бы погибнуть въ борьбѣ съ жизнью и страстями, но онъ сталъ человѣкомъ съ твердымъ, энергичнымъ характеромъ, любящимъ трудъ не для награды, а для общаго блага, христіаниномъ въ душѣ, чувства и желанія котораго были такъ чисты, что онъ часто говорилъ:

— Хорошо, если бы мысли каждаго человѣка были открыты всѣмъ.

---

*) Нынче Румянцевскій музей.

Въ 1826 году находился онъ при главной квартирѣ второй арміи старшимъ адъютантомъ *).

Въ 1831 году за болѣзнію былъ уволенъ со службы съ чиномъ подполковника, съ мундиромъ и медалью за турецкую кампанію.

Съ этого времени кончается военная дѣятельность Александра Ѳомича; онъ выступаетъ на дѣятельность литературную и становится извѣстнымъ. Литературное поприще свое онъ началъ съ лирическихъ стихотвореній, еще бывши на военной службѣ **).

Изъ его стихотвореній замѣчательнѣйшіе писаны въ Тульчинѣ, въ двадцатыхъ годахъ:

Солнце, Мотылекъ, Зороастръ и множество другихъ, писанныхъ въ альбомы. Кому неизвѣстна его народная пѣснь «Разбойникъ»:

Что затуманилась, зоренька ясная,
Пала на землю росой?
Что призадумалась, дѣвица красная,
Очи блеснули слезой?

Пѣснь эта, какъ и многія другія его же, положена на музыку Александромъ Александровичемъ Алябьевымъ.

Десять лѣтъ, проведенныя въ отставкѣ, Вельтманъ посвятилъ литературѣ прозаической.

Всѣ первые труды его замѣчательны игривой фантазіей, какъ-то: «Кощей Безсмертный», «Сердце и Думка», «Лунатикъ», «Новый Емеля» въ стихахъ, «Странникъ», «Троянъ и Ангелица», «Злата и Бѣло» (чешская сказка), «Горшокъ ерани», «Виргинія или поѣздка въ Россію», повѣсть «Пріѣзжіе изъ уѣзда или суматоха въ столицѣ» и много другихъ.

Послѣ 1840 года являются его болѣе серьезныя сочиненія: Саломея, Чудодѣй. Они имѣли огромный успѣхъ въ литературномъ мірѣ и печатались нѣсколькими изданьями. Каждый читатель того времени находилъ въ нихъ знакомыя лица. Но главная заслуга Вельтмана—его историческія изслѣдованья, появившіяся въ

*) Награжденъ бриллантовымъ перстнемъ и Анной второй степени. Въ 1829 году за отличіе въ дѣлахъ противъ турокъ пожалованъ Владиміромъ четвертой степени съ бантомъ.

**) Многіе изъ стиховъ его находятся еще въ рукописяхъ.

шестидесятыхъ годахъ, какъ-то: «Индо-германы» или «Райваны», «Атила», «Индѣйскіе коганы», «Буддизмъ» или «первобытныя вѣрованья», «Донъ».

Вельтманъ изучилъ до тонкости языки большей части народовъ *).

Онъ изслѣдовалъ, по самымъ древнимъ источникамъ, исторію всѣхъ народовъ и указалъ въ новѣйшихъ исторіяхъ множество грубыхъ историческихъ ошибокъ.

Въ продолженіе двадцати лѣтъ занимался онъ историческими изслѣдованіями и въ 1856 году издалъ первую книгу подъ названіемъ «Индо-германы», въ которой указываетъ всѣ историческія ошибки по поводу происхожденія славянскихъ и германскихъ народовъ, особенно русскихъ.

Вельтманъ не принадлежалъ ни къ кругу славянофиловъ, державшихся, по его мнѣнью, крайности и поэтизировавшихъ все русское, ни къ кругу западниковъ, находившихъ во всемъ русскомъ большею частью дурное; взгляды его не склонялись ни въ ту, ни въ другую сторону; онъ искалъ только правды и такъ любилъ свою родину, что не хотѣлъ дарить иностранцамъ ничего изъ того, что принадлежало ей. Онъ велъ горячую борьбу съ нѣмцами, которые отвели намъ не надлежащее мѣсто въ происхожденіи нашихъ предковъ варяговъ, изобличалъ всѣ ихъ ошибки и положительно отвергалъ всѣ исторіи, писанныя въ новѣйшія времена, находя, что онѣ искажаютъ историческіе факты и относятся небрежно въ ихъ изслѣдованіи, по одному соображенію переносятъ города не въ тѣ мѣстности, гдѣ они должны находиться.

Къ сожалѣнью, послѣднее его изслѣдованіе объ Ульфилѣ, епископѣ Томитанской церкви **), онъ не успѣлъ при жизни напечатать.

Кругъ знакомства Александра Ѳомича былъ чрезвычайно разнообразенъ.

---

*) Это свидѣтельствуетъ его большая библіотека, проданная въ Румянцевскій музей покойнымъ его сыномъ.

**) Оно передано (по его желанію) послѣ его кончины въ Общество Древностей, предсѣдателю Общества Бодянскому (нынѣ умершему), который обѣщалъ издать его въ скоромъ времени, но до сихъ поръ оно не появляется въ печати. Первая чистовая рукопись оказалась затерянною въ Обществѣ послѣ того, какъ были набраны первые

Начавъ службу свою колонновожатымъ, онъ имѣлъ множество товарищей по службѣ, бо́льшая часть которыхъ впослѣдствіи занимали значительные посты на государственной службѣ, а именно: баронъ Ливенъ, генералъ-квартирмейстеръ при государѣ, Павелъ Петровичъ Липранди, герой Севастопольской войны, Менде, баронъ Ховенъ, Панинъ, Соболевскій и многіе другіе. Замѣчательна была дружба между товарищами Муравьевской школы: это были братья. Если кто-нибудь изъ товарищей нуждался въ чемъ-либо, то онъ, не стѣсняясь, ѣхалъ къ которому-нибудь изъ богатыхъ товарищей и прямо говорилъ ему: «Ну, братъ, выручай, какъ знаешь», и богатый выручалъ его. Одинъ изъ подобныхъ богатыхъ товарищей былъ Лугининъ, вышедшій въ отставку полковникомъ.

Александръ Ѳомичъ Вельтманъ женился на русской благородной дѣвушкѣ Аннѣ Павловнѣ Вейдель, жилъ просто, но гостепріимно: если кто изъ знакомыхъ пріѣзжалъ въ обѣденное время, то былъ всегда приглашенъ къ обѣду. Разъ въ недѣлю, именно по четвергамъ, собиралось у него многочисленное общество; нѣкоторые обѣдали, другіе пріѣзжали вечеромъ. Эти четверги продолжались въ теченіе сорока лѣтъ со времени его выхода въ отставку изъ военной службы до самой его смерти.

Часто посѣщали четверги пріѣзжія извѣстныя лица; посѣщали ихъ также артисты, такъ какъ Александръ Ѳомичъ былъ восторженный любитель музыки, самъ игралъ на гитарѣ и сочинялъ; нѣкоторыя изъ его произведеній хранятся въ Румянцевскомъ музеѣ.

Общество, посѣщавшее четверги, было очень разнообразно, съ крайне различными взглядами и направленіями: встрѣчались мистики, какъ Даль, Менде, встрѣчались и реалисты; были люди всѣхъ націй, ученые, неученые, богатые, бѣдные, молодые, старые. Разго-

---

листы. Послѣ многихъ лѣтъ и поисковъ, нашедши собственноручную рукопись эту въ Румянцевскомъ музеѣ, гдѣ хранятся всѣ бумаги Вельтмана, старшая дочь его отъ перваго брака, въ замужествѣ за Воейковымъ, вновь обратилась къ предсѣдателю Общества Древностей, г-ну Забѣлину, съ просьбой напечатать это изслѣдованіе въ одной изъ книгъ Общества, на что получила устное и письменное согласіе, но до сихъ поръ оно еще не исполнено.

воры, чтенія и споры продолжались иногда далеко за полночь. Обычными посѣтителями были въ давнія времена: Сенковскій, Бакунины, Герценъ, Бодянскій, братья Пассекъ, Алябьевъ, художникъ Рабусъ, Загоскинъ, Растопчина; позднѣе братья Корниловы, Даль, Мей, Бергъ, Щербина, Данилевскій, Миллеръ, Погодинъ, Дмитріевъ, Алмазовъ, Викторовъ, Аксаковъ и вообще всѣ выдающіяся личности литературнаго міра того времени. Ближе всѣхъ въ это время былъ Александръ Ѳомичъ съ Горчаковымъ, Михаиломъ Николаевичемъ Лихонинымъ и художникомъ Рабусомъ, но особливо сошелся съ Вадимомъ Пассекъ и съ его тогда еще юнымъ семействомъ, какъ по характеру, такъ и по литературной дѣятельности.

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ, когда арестованъ былъ кругъ Герцена, и Вадимъ Пассекъ съ женой уѣхалъ въ Харьковъ, онъ былъ уже довольно близокъ съ Вельтманомъ, сильно увлекался его сочиненіями, въ которыхъ просвѣчивалъ народный духъ, глубоко симпатичный Пассеку. Пріѣхавъ въ Харьковъ, Вадимъ не прервалъ своихъ отношеній ни съ кѣмъ изъ близкихъ, оставленныхъ имъ въ Москвѣ, тѣмъ больше съ Вельтманомъ. Вотъ что писалъ онъ Вельтману изъ Харькова:

Харьковъ, 1835 годъ.

«Милостивый государь Александръ Ѳомичъ!

«Въ вашихъ твореніяхъ есть что-то неопредѣленно-привлекательное. Оно переносило меня въ неожиданный, разнообразный міръ и приводило душу въ полусонъ и полубытіе,—въ то прекрасное поэтическое состояніе ясновидѣнія, когда видишь много и не отдаешь ни въ чемъ отчета. Я полюбилъ вашего Искандера и вашу Мильцу и немного не задохнулся, поскакавши за Хоревомъ, — чуть-чуть не заговорилъ съ вашими воронами,—полюбилъ вашего добраго Мокоша и таинственнаго мальчика въ красныхъ сапожкахъ, что живетъ подъ липкой... но всего не перечтешь: однимъ словомъ, я полюбилъ ваши созданья — и полюбилъ васъ, не бывши съ вами знакомъ, а, познакомившись, жалѣлъ, что долженъ былъ скоро разстаться.

«Но, ради Бога, не улыбайтесь, что я объясняюсь вамъ

въ любви: я говорю, какъ чувствую, говорю правду и даже увѣренъ, что ваша душа, свѣтлая и неподдѣльная, какъ ваши творенья, приметъ не безъ удовольствія непритворныя изліянія другой души.

«Скоро ли вы порадуете хоть отрывкомъ изъ вашей Миѳологіи?

«Не нужны ли вамъ будутъ очерки нѣкоторыхъ статуй, разбросанныхъ здѣсь по степямъ: я ихъ сниму и пришлю вамъ. Съ душевнымъ уваженіемъ и преданностью имѣю честь быть покорный слуга.

«Вадимъ Пассекъ».

«Милостивый государь Александръ Ѳомичъ!

«Какъ часто начну что-нибудь дѣлать, а охота поговорить съ вами за мной х о б о т о м ъ, точно Лазарь за Ивой Олельковичемъ, точно мечта за юношей. Вотъ почему, не дождавшись отвѣта на мое къ вамъ письмо, я снова пишу вамъ. Говорить много, но, право, не знаю, съ чего начать. Попробую съ Кощея.

«Здѣсь, да, я думаю, и вездѣ, о вашемъ Кощеѣ говорятъ такъ часто и такъ сужденія несходны, что, винюсь передъ вами, я перечиталъ его въ другой разъ, чтобы составить о немъ вѣрное, стройное понятіе,—и мнѣ кажется, для того, чтобы оцѣнить, полюбить Кощея, надобно два условія. Одно—чувство поэтическое, другое—глубокое изученіе славянскихъ племенъ и вообще не мертвое знаніе исторіи. Эти условія, кажется, объясняютъ все разнообразіе сужденій нашихъ современниковъ и высказываютъ будущую судьбу Кощея Безсмертнаго. Но я теперь не распространяюсь объ этомъ предметѣ, потому что надѣюсь въ маѣ прислать для «Наблюдателя» свой разборъ Кощея. Данное для моей мысли уже есть въ статьѣ дерптскаго журнала о русской литературѣ, которое очень касается до васъ. Скоро ли вы подарите нашъ литературный міръ еще чѣмъ-нибудь? А я все еще не успѣлъ срисовать для васъ очерковъ съ здѣшнихъ степныхъ статуй. Пишите хоть что-нибудь, адресуя на мое имя просто въ Харьковъ.

«Истинно васъ уважающій и душою вамъ преданный

«Вадимъ».

Въ 1837 году, по возвращеніи изъ Харькова въ Москву Вадима съ семействомъ, они такъ дружески сбли-

зились съ семействомъ Вельтмана, что видѣлись чуть не каждый день. Въ это время Вадимъ, восхищенный игривымъ разсказомъ Вельтмана «Горшокъ ерани, или поѣздка изъ Москвы въ Петербургъ», самъ написалъ небольшой разсказъ: «Поѣздка изъ Москвы въ Петербургъ, или Ночь на Ивана Купала» *).

Въ 1840 году Вадимъ Васильевичъ съ семействомъ поѣхалъ въ небольшой городокъ Корчеву, повидаться съ родными жены своей, гдѣ провелъ нѣсколько дней, и, оставивъ въ Корчевѣ жену съ дѣтьми, самъ поѣхалъ въ Петербургъ. Въ Петербургѣ онъ видался почти каждый день съ Герценомъ, который былъ тамъ на службѣ, и съ его двоюроднымъ братомъ Сергѣемъ Львовичемъ Левицкимъ. Оба они показывали Вадиму Петербургъ и его окрестности, знакомили его съ городомъ и съ духомъ литературы. Сверхъ своихъ дѣлъ, Вадимъ имѣлъ порученія отъ Вельтмана и другихъ знакомыхъ Москвы, что̀ заняло у него много времени. Александру Ѳомичу онъ писалъ съ дороги и изъ Петербурга:

В. В. Пассекъ А. Ѳ. Вельтману.

«Вотъ мы и въ Корчевѣ, а отъ васъ нѣтъ ни слова. Здоровы ли вы? Мы цѣлый день ѣхали лѣсами и болотами и едва-едва дотащились до славнаго города Корчевы. Два раза переѣзжали Волгу. Я пробуду здѣсь дня три, а потомъ въ Тверь и буду до 1-го октября, а потому, если будете писать 25, 26, даже 28, то пишите въ Тверь просто на мое имя. Я получу съ почты.

«Въ одномъ узелкѣ съ книгами есть картонъ, гдѣ два рисунка къ 5-ой книгѣ, рисовалъ Селивановъ. Карлъ Ивановичъ Рабусъ совѣтовалъ дать ихъ передѣлать Ивану Яковлевичу и присмотрѣть за правильностью. Тутъ же и статья о Зарайнѣ.

«Я все еще въ здѣшнихъ мѣстахъ; не долженъ уѣзжать, не кончивши дѣла.

«Всѣ мои здоровы и кланяются своими усталыми головами. Будьте здоровы и пишите. Вашъ Wad. Пассекъ».

14 октября 1840 года.
(Письмо съ дороги).

---

*) Разсказъ этотъ напечатанъ въ приложеніи, такъ какъ на немъ лежитъ отпечатокъ духа того времени.

В. В. Пассекъ А. Ѳ. Вельтману.

«Отъ Новгорода я перенесся въ какія-то финскія пустыни, гдѣ ничего не встрѣчалось, кромѣ ровной болотистой земли, елей, пихты да плакучей березы, и вдругъ съ разсвѣтомъ другого дня раскрылся передо мною Петербургъ, какъ дѣлалось въ стародавнія времена, о которыхъ вы много пересказали намъ въ своихъ романтическихъ лѣтописяхъ. Стройность, блескъ, семьдесятъ семь дворцовъ, храмы, для которыхъ вмѣсто главъ вѣрно бы посадили свѣтлый мѣсяцъ, если бы онъ не переходилъ съ мѣста на мѣсто, и все это помноженное на тысячи колоннъ, на газовое освѣщеніе, на сорокъ сороковъ мостовъ, даже на сихъ о г р о м н ы х ъ с ф и н к с о в ъ и все отраженное въ 77-ми каналахъ невской воды (впрочемъ, очень нездоровой)—это будетъ Петербургъ. Въ этомъ-то Петербургѣ незамѣтно ни для кого теплится теплое чувство и живы воспоминанія. Здѣсь ли не кабинеты у литераторовъ—зеркала во всю стѣну, ковры, бронза, а на нихъ, т. е. на литераторахъ, французскіе сюртуки; пишутъ они изъ граненыхъ чернильницъ, засыпаютъ золотымъ пескомъ—а мнѣ такъ и хочется посидѣть на вашемъ диванѣ или на томъ креслѣ, которое, помните, я любилъ потеребить, а вы лишали меня этого удовольствія. И о чемъ мы тутъ ни наговорились, и сколько перечитали. Чего тутъ не было, да, Богъ дастъ, недѣли черезъ двѣ опять будетъ. Въ концѣ этой недѣли я надѣюсь выѣхать изъ Петербурга. Здѣсь я долженъ пробыть еще нѣсколько дней, чтобы получить отъ министра предписаніе въ Московскую губернію, которое мнѣ уже обѣщано, да еще, чтобы привести въ полную ясность исполненіе вашихъ порученій. Что же касается до «Очерковъ», то продать ихъ теперь нельзя: говорятъ, что неоконченное изданіе, а главное, что здѣсь совершенное безденежье. Смирдинъ, случается, нуждается въ 25 руб., а тѣ, которые съ деньгами, какъ Глазуновъ и Заикинъ, то почти не вдаются въ такія предпріятія. У Гедеонова я былъ; онъ желаетъ видѣть или слышать ваше драматическое произведеніе и говоритъ, что постановка и здѣсь довольно затруднительна, потому что очень много передерживаетъ театръ для Тальони. Завтра или послѣзавтра я буду у него;

если приведется читать, то «Волшебную Ночь» *) отрывками и «Колумба» всего.

«У Смирнова я былъ за «Колумбомъ» раза 4, но все еще не могу получить. Онъ говоритъ, что гдѣ-то заложилъ и завтра непремѣнно отыщетъ. Съ Кони говорилъ. Онъ приглашаетъ прочитать у него «Колумба», проситъ васъ о повѣсти, которая была прислана вами Владиславлеву. Ломоносова еще не передалъ Сенковскому, т. е. Корсакову. Впрочемъ, Смирдинъ, доиздавая журналы, кажется, избѣгаетъ покупки и сбываетъ №№ какъ-нибудь, лишь бы вышли.

«Для вашихъ соображеній долженъ вамъ сказать, что на будущій годъ «Сынъ Отечества» и «Библіотека для Чтенія» издаются Сенковскимъ, который, какъ писатель, будетъ избѣгать пріобрѣтенія статей за деньги. Плату назначаетъ только за сокращеніе романовъ и ученыхъ книгъ—если они стоятъ того. «Отечественныя Записки» не платятъ и того, что должны. «Пантеонъ», кажется, болѣе говоритъ, нежели дѣлаетъ — и также безнадеженъ. Издатель его Поляковъ до сихъ поръ не можетъ отдать мнѣ ста рублей, а Кони доволенъ тѣмъ, что и онъ издатель. Болѣе всего я надѣюсь на «Маякъ», хотя подписчиковъ на него, говорятъ, немного, и какъ выступающій журналъ его хотятъ затереть всѣмъ. На вашего «Колюмероса» присланъ разборъ въ «Отечественныя Записки» изъ Москвы. Дивлюсь, до какой степени жизнь облечена въ сжатыя условныя формы: я говорю, какъ понимаютъ ее литераторы и какъ смотрятъ на произведенія. Васъ винятъ за дерзость, съ какою вы сдѣлали Наполеона героемъ романа и роняете его, давая ему чувствованіе любви и общія человѣческія страсти. Это, говорятъ, была воля, судьба и проч.

«Творчество вашей фантазіи нѣкоторые объясняютъ роскошнымъ бездѣйствіемъ, посреди котораго чего ни придумаетъ человѣкъ. Еще не изломанъ схоластическій безмѣнъ, на которомъ вывѣшиваютъ изданія авторовъ, еще крѣпко держитъ память старые уроки, затверженные съ ребячества. Но падетъ и не возсоздастся храмъ сей вовѣки.

«Въ Твери я не дождался денегъ, потому что приводи-

*) «Волшебная Ночь», произведеніе А. Ѳ. Вельтмана.

лось ожидать еще недѣли двѣ, которыми я и пользуюсь для поѣздки въ Петербургъ.

«Къ 20-му числу обѣщались приготовить, сколько мнѣ необходимо. За это взялся нашъ старикъ. Съ пріѣздомъ въ Москву, Богъ дастъ, все устрою. Я буду сначала одинъ, а Танюша пріѣдетъ по первому пути. Вамъ напоминаю о себѣ, душевно уважаемой Аннѣ Павловнѣ низкимъ поклономъ, у Нади цѣлую лапку и привезу ей какую-нибудь штучку. Вамъ жму руку и остаюсь преданный Вадимъ.

«P. S. По обыкновенію, вы мнѣ извините, что о братцѣ вашемъ пишу на сторонкѣ. Онъ здоровъ, выходитъ въ присутствіе, звалъ меня обѣдать въ Дворянское Собраніе; живетъ очень хорошо. Комнаты прекрасныя...

«Скажите Михаилу Николаевичу (Лихонину), что Кони отказывается печатать «Ифигенію», находя ее несоотвѣтствующей цѣлямъ «Пантеона». Нѣсколько словъ о кремлѣ Карла Ивановича (Рабуса) отдалъ Гречу въ «Пчелу».

«Вчера видалъ Брюлова и Помпею».

24-го октября.

«Сегодня четвергъ. Сегодня пріятно провелъ бы я время—въ уголкѣ вашего кабинета, Александръ Ѳомичъ, или передъ каминомъ, если бы вы захотѣли пригрѣть; а теперь я сижу у Обухова моста, въ гостиницѣ Серапина (только никакъ не сродни Серапіоновымъ братьямъ), сижу и думаю: сегодня четвергъ, завтра пятница, послѣзавтра суббота — слава Богу! Итакъ, въ воскресенье я на Валдайскихъ горахъ, въ понедѣльникъ въ Твери. Слава Богу, тутъ и Корчева близко, и Москва недалеко—и мы скоро въ Москвѣ. Я вамъ писалъ о «Странникѣ» и «Колумбѣ», теперь прилагаю письмо Смирдина; я нарочно взялъ его, какъ документъ.

«Записки Ломоносова у Сенковскаго, онъ просилъ оставить ихъ для разсмотрѣнія.

«Это дѣло я передалъ Герцену, онъ сдѣлаетъ все, что надобно. Гречъ же сказалъ, что самое интересное мы уже напечатали и за остальное просимъ дорого (200 цѣл.).

«Сенковскому я сказалъ, что мнѣ дѣло это поручено

вами вполнѣ—и я послѣднюю цѣну назначаю 500 руб. Мнѣ кажется, и по вашему счету по 200 руб. за печатный листъ не выйдетъ болѣе 2½ листовъ «Библіотеки» а притомъ я не хотѣлъ пропустить случая за эту статью взять деньги, потому что онѣ нужны, потому что въ нихъ и здѣсь очень нуждаются, и притомъ дѣла литературныя не совсѣмъ хороши. «Волшебную Ночь» я продалъ моему знакомому, двоюродному брату Герцена, Сергѣю Львовичу Левицкому, за 1.000 руб. Изъ этой суммы 500 онъ выдастъ здѣсь или дастъ записку на полученіе въ Москвѣ, а другіе 500 вы получите черезъ мѣсяцъ по напечатаніи. Кромѣ того 25 экз. книги. Онъ издаетъ на свой счетъ и роскошно, проситъ достать на двѣ пѣсни нотъ отъ Алябьева для фортепьяно; именно колыбельныя пѣсни,—гдѣ феи гонятъ козявокъ и жучковъ, и другой, въ которой пялитъ буркалы сова. Кромѣ того, я обѣщалъ виньетку въ родѣ той, какая на «Ундинѣ», гдѣ очеркомъ выражена мысль автора.

«Въ первомъ, вѣрно, не откажетъ Александръ Александровичъ (Алябьевъ), а во второмъ Карлъ Ивановичъ. По крайней мѣрѣ я обѣщался уладить дѣло. Молодой человѣкъ очень увлеченъ вашею «Волшебною Ночью» и, вѣрно, издастъ ее заботливо.

«Я думаю, вамъ надобно написать нѣсколько словъ предисловія, чтобы высказать поэта мысль творенія, а то не легко она дается читателямъ. Я думаю, что сдѣлалъ хорошо. По крайней мѣрѣ сдѣлалъ, какъ умѣлъ и что можно было сдѣлать. Благодарю даже случай. Вѣрьте, что если бы удалось продать издателямъ, то вы долго бы не окончили съ ними счетовъ, но и это если послѣ попытокъ было ненадежно. Кони безъ денегъ, Гречъ говоритъ, что теперь «Иліаду» можно купить за 200 цѣлк., если бы она была вновь написана Гомеромъ. Во всякомъ случаѣ вы хотя повѣрьте, что я болѣе для себя не могъ сдѣлать. Съ «Ифигеніей» Михаила Николаевича также кое-какъ кончилъ. Я продалъ ее Кони за 250 руб., которые и получатся сейчасъ по напечатаніи. Ей-Богу, и самъ онъ не сдѣлалъ бы болѣе. Переводъ Михаила Никифоровича Каткова «Юлія и Ромео», переводъ, расхваленный всѣми здѣсь, проданъ за 450 руб. Это я говорю не для оцѣнки литературы,

а о трудности продавать. Письма отъ Кони я привезу Михаилу Никифоровичу.

«Платокъ для Анны Павловны я купилъ по вашему порученію, благо есть уже ваши деньги въ рукахъ, которыя взялъ, какъ задатокъ, именно для этой покупки.

«Въ Твери и Корчевѣ, Богъ дастъ, кончу въ нѣсколько дней, судя по письмамъ оттуда. А тамъ и въ Москву нанимать для моихъ домъ и справиться предварительно съ дѣлами. Будьте счастливы и не забывайте преданнаго вамъ Вадима Васильевича Пассекъ.

«Представьте, отъ министерства описывать Московскую губернію я получилъ и вмѣстѣ съ тѣмъ пакетъ отъ него новому губернатору (Синявину).

«Вотъ, душевно уважаемый Александръ Ѳомичъ, я уже собираюсь проститься съ Петербургомъ. Прокатился по желѣзной дорогѣ, помолился въ соборахъ, поклонился Петру Великому, получилъ отъ министерства порученіе описывать Московскую губернію, условился съ Гречемъ участвовать въ его журналѣ и дня черезъ 3 надѣюсь быть на пути въ Москву. А propos de Гречъ: онъ мнѣ передалъ втайнѣ о новомъ его предпріятіи издавать «Русскій Вѣстникъ», который когда-то издавался. Самъ онъ завѣдуетъ всѣмъ изданіемъ.

«Переводовъ не помѣщается. Цѣна за листъ 150 руб. Участвуютъ: Полевой, Кукольникъ и многіе другіе, кромѣ Булгарина. Онъ приглашаетъ васъ и проситъ объ этомъ черезъ меня, но я сказалъ, что желаніе его передамъ вамъ, а еще лучше, если онъ напишетъ вамъ объ этомъ черезъ меня. Теперь у него записки Ломоносова. Ожидаю отъ него отвѣта. Смирдинъ все еще не отдалъ «Колумба», а это не хорошо. Онъ говоритъ, что, кажется, отправилъ брату или отдалъ Никитенкѣ, не можетъ доискаться, но завтра обѣщался сказать рѣшительно.

«Лѣтняя Ночь» Шекспира, переводъ Сатина, печатается. Что будетъ съ вашимъ, ничего не могу сказать и приблизительно. Если бы мы успѣли поставить его на театрѣ—не было бы лучше. Успѣхъ, кажется, вѣренъ, а это можетъ имѣть большое вліяніе. За «Странника» мнѣ говорили, что по 2 руб. дать можно, а удастся ли болѣе—не знаю. Это дѣло надобно будетъ самимъ вамъ

кончить. «Библіотека» нападаетъ на васъ, принимая тонъ юмористическій.

«Теперь я пробуду здѣсь еще нѣсколько дней собственно по вашимъ порученіямъ. Желалъ бы сдѣлать для васъ не менѣе, какъ и для себя. Богъ видитъ—такъ. О письмѣ Николая Дмитріевича Полевой говоритъ, что онъ очень сердитый человѣкъ, т.-е. Николай Дмитріевичъ, и что повѣсть его передана Никитенкѣ, а я съ нимъ еще не успѣлъ видѣться. Черезъ двѣ недѣли, Богъ дастъ, все разскажу вамъ въ подробностяхъ и успокою Кирстена, чающаго движенія воды,—и опять въ Москвѣ.

«Порученіе для Анны Павловны исполнилъ—не знаю, удачно ли, а мнѣ ситецъ нравится. Послалъ бы лоскутокъ, да оставилъ у знакомыхъ. Будьте здоровы и счастливы, поцѣлуйте Надю и не забывайте искренно уважающаго васъ Вадима Пассекъ».

1840 года, октября 19-го.

«P. S. Вчера видѣлъ Тальони. Вѣрно, отъ перваго до послѣдняго Адама не танцовали, какъ она—и не будутъ танцовать. Портретъ вашъ для ста литераторовъ имѣетъ общее сходство, но не вполнѣ. Замѣчаютъ, кто знаетъ васъ, что нѣтъ въ портретѣ вашего добродушія. Я такъ же думаю. Онъ слишкомъ горячо-суровъ; знаете, будто въ минуту неукротимой запальчивости, а это нехорошо. Картинка къ вашей статьѣ еще не прислана. Загоскинъ похожъ очень, только что-то ощипанъ, и въ этомъ отношеніи вашъ портретъ лучше всѣхъ».

Дружба Вадима съ семействомъ Александра Ѳомича Вельтмана сдѣлалась еще ближе по возвращеніи его въ Москву. Къ сожалѣнью, это хорошее время продолжалось не дальше двухъ лѣтъ. Вадимъ простудился, заболѣлъ и послѣ кратковременной болѣзни кончилъ жизнь въ 1843 году, на 33 году своей только-что расцвѣтшей жизни и таланта. Онъ оставилъ жену, двухъ малютокъ-сыновей и въ ожиданіи третьяго, безъ всякихъ средствъ. Вотъ что писалъ къ Александру Ѳомичу огорченный утратою брата Діомидъ Васильевичъ Пассекъ:

«Милостивый государь Александръ Ѳомичъ!

«Совершилось, уже нѣтъ нашего благороднаго, прекраснаго Вадима. Такъ скоро отошла въ лучшій міръ эта высокая душа, такъ скоро Россія въ немъ потеряла свѣтлый талантъ. Не много радостей, но много тяжкихъ испытаній готовило ему будущее, и Господь призвалъ его въ лоно Свое—въ свѣтъ любви довременной, въ обитель беззакатнаго дня. Но я плачу, утративъ товарища дѣтства, неизмѣннаго друга юности; я плачу, утративъ на землѣ сердце, любившее меня чисто, беззавѣтно. И не слезами только и молитвами я буду, я долженъ служить ему, а всею силою ума и воли, всѣми средствами жизни, да не останутся забытыми или неизвѣстными свѣтлыя, высокія чувства усопшаго, и бѣдныя сироты его получатъ возможность сдѣлаться достойными благороднѣйшаго отца.

«Потрудитесь извѣстить меня, добрый Александръ Ѳомичъ, что намѣрена предпринять Татьяна Петровна и гдѣ она теперь.

«Я слышалъ, что вы намѣрены окончить изданіе «Очерковъ»; напишите, не нужно ли статей о Кавказѣ; у меня есть готовыя; не знаю только, что пропуститъ цензура.

«Если будетъ издаваться 6-я книга, что необходимо для доброй памяти покойнаго, то нельзя ли, не лучшее ли, обработавъ ее, издать отдѣльно. Можно будетъ продолжить изданіе «Очерковъ», издавая не періодически, а отдѣльными книгами, не обязываясь ничѣмъ передъ публикой. Если меня не убьютъ, я въ каждую книгу буду присылать по статьѣ.

«Адресуйте мнѣ въ штабъ Кавказскаго корпуса, въ Тифлисъ. Напишите мнѣ о послѣднихъ дняхъ и минутахъ Вадима. Усердно прошу засвидѣтельствовать мое глубочайшее почтеніе Аннѣ Павловнѣ и всѣмъ добрымъ знакомымъ

«Уважающій васъ
«Діомидъ Пассекъ».

15-го декабря 1843 года. Кр. Новые Закаталы.

Литераторы предложили издать книгу въ пользу осиротѣвшихъ дѣтей Вадима Пассека, подъ названіемъ «Л и-

тературный Вечеръ». Редакція поручена была Александру Ѳомичу Вельтману. Это такъ непріятно показалось Александру Ивановичу Герцену, что онъ не далъ ни одной статьи въ этотъ дружескій сборникъ.

Въ предисловіи было сказано:

«Литературный Вечеръ» составленъ въ память В. В. Пассека изъ трудовъ писателей, которые скорбѣютъ о довременной потерѣ этого достойнаго человѣка и одареннаго блестящими способностями сотоварища на поприщѣ учено-словесной дѣятельности.

«Русскій міръ знакомъ съ нимъ по «Путевымъ запискамъ» и по «Очеркамъ Россіи».

«Путевыя записки» есть первый пылъ юноши-писателя, которымъ онъ хочетъ высказать всего себя, свое направленіе, свои чувства, свои познанія, мысли, мечты. Это думы о природѣ, о родинѣ, о событіяхъ отечественныхъ и особенно объ Украйнѣ, слитыя съ завѣтными думами сердца. Здѣсь проявляется жажда все знать, все любить, сочувствовать и бывалому, и настоящему, и будущему. Въ этомъ первомъ плодѣ явно учено-созерцательное направленіе и наклонность быть очертательнымъ историкомъ Россіи. Эта наклонность и высказалась въ предпріятіи издавать «Очерки Россіи», сборникъ статей обо всемъ, что составляетъ кругъ ученаго взгляда на древнюю исторію и бытъ древней и современной Россіи.

«Но прекрасный и полезный трудъ не довершился. Остался не воздѣланнымъ трудъ, осталось и семейство, еще не возлелѣянное любящимъ, добрымъ отцомъ.

«Литературный Вечеръ» посвящается въ пользу его семейства.

«Издатели».

Получивши «Литературный Сборникъ», я писала къ Александру Ѳомичу:

«Милостивый государь Александръ Ѳомичъ!

«Мы сейчасъ получили оконченный «Литературный Сборникъ». Дѣти и я принимаемъ его, какъ выраженіе дружбы, какъ дань памяти покинувшему другу, какъ доброе желаніе сдѣлать что-нибудь въ пользу его дѣтей. Примите, почтенный Александръ Ѳомичъ, нашу искрен-

нюю признательность, не откажите изъявить ее отъ насъ и всѣмъ литераторамъ, которые такъ радушно принимали участіе въ этомъ благородномъ трудѣ.

«Честь имѣю пребывать съ благодарностью и уваженіемъ преданная вамъ Т. Пассекъ».

Въ 1848 году Александръ Ѳомичъ Вельтманъ лишился первой жены, отъ которой осталась дочь, а года черезъ полтора женился вторично на Еленѣ Ивановнѣ Крупенниковой, бывшей въ разводѣ съ первымъ мужемъ, замѣчательной по уму и образованію женщинѣ. Она была извѣстна по нѣкоторымъ своимъ литературнымъ произведеніямъ. Литературные вечера у нихъ продолжались въ томъ же видѣ, какъ и прежде. Ихъ много оживляла Елена Ивановна. Александръ Ѳомичъ читалъ или самъ вновь написанный имъ романъ или повѣсть, или кто-нибудь изъ знакомыхъ, какъ-то: Ѳ. Н. Глинка, Растопчина, Дмитріевъ и др.

Въ 1868 году Александръ Ѳомичъ Вельтманъ лишился своей второй жены, которую страстно любилъ. Потеря эта такъ повліяла на его здоровье, что онъ почти ко всему сталъ относиться равнодушно, кромѣ своего горя, даже къ сыну и дочери, оставшимся послѣ нея. Чтобы присмотрѣть за дѣтьми и за домашнимъ хозяйствомъ, къ нему въ домъ переселилась мать покойной и прожила у него до его кончины. Многочисленные знакомые часто навѣщали его, писали ему сочувственныя письма. Изъ числа этихъ писемъ замѣчательныя письма писательницы Кохановской, которая очень любила жену его и Александра Ѳомича и даже пріѣзжала къ нимъ гостить изъ Малороссіи.

1868 г. 5-го апрѣля.

«Христосъ Воскресе!

«Только съ этимъ высочайшимъ и истиннѣйшимъ привѣтомъ жизни я осмѣливаюсь заговорить съ вами о вашемъ великомъ горѣ и о вашемъ домѣ—безъ души. Вчера я получила ваше письмо, а до тѣхъ поръ у меня руки опускались и опадало сердце при мысли къ вамъ. Я не умѣю разглагольствовать надъ тихою милою могилой, которая облагодѣтельствовала меня своими ласками, и разглагольствовать кому же? Ея дорогому, ея осиротѣлому барину, котораго вѣрное сердце дрогнуло

и умилилось въ своемъ великомъ горѣ. Я не говорю: да утѣшитъ васъ Господь, но да укрѣпитъ васъ крѣпостью Своей любви, которая «крѣпко яко смерть любы», чтобы поплакать вмѣстѣ о безцѣнной свѣтлой душѣ, какъ плачутъ друзья въ одномъ общемъ горѣ, и помолиться на ея могилѣ.

«Гдѣ вы ее положили, дорогую? Но вотъ мое горе, что мнѣ, по крайней мѣрѣ теперь, не представляется возможности побывать въ Москвѣ.

«Слава Богу, что хотя старушка-матушка наполняетъ нѣсколько пустоту дома и пригрѣваетъ, ласкаетъ дѣтей. Я не могу себѣ представить бѣленькую Лелю въ ея черномъ траурномъ платьицѣ и Александра, до истерики рыдающаго надъ умершею, которая была для него болѣе, чѣмъ обыкновенныя матери бываютъ для сыновей. Да укрѣпитъ васъ Господь! Теперь вамъ нуженъ трудъ мысли, который бы своею живительною силою поднялъ гору скорбнаго чувства, которое налегло на все ваше нравственное существо. Да поможетъ вамъ Тотъ, о Комъ мы торжественно въ эти дни, всѣ отъ мала до велика, проповѣдуемъ жизнь безсмертія, новую жизнь воскресенья! И этой новой жизни причастилась въ невечерѣющемъ днѣ царствія Христова въ своемъ новомъ вѣчномъ отечествѣ та незабвенная, которая была тихимъ свѣтомъ вашего кабинетнаго пріюта— отечества. Миръ ей, прекрасной и разумной, совершившей на землѣ завѣтъ женскаго любящаго сердца. Миръ вамъ, дорогой другъ и супругъ ея. Скажите мнѣ, надѣетесь ли вы на упованіе того великаго обѣтованья, которое несомнѣнно соединитъ всѣхъ насъ?

«Если бы вы любили меня, то бы вы возрадовались, что я отошла къ отцу». Но до высоты этой радости слишкомъ слабо и не досягаетъ человѣческое любящее сердце.

«Ваша всей душой Н. Кох. Марьѣ Егоровнѣ мой глубочайшій поклонъ.

«Насчетъ моей иконы не безпокойтесь. Я просила о ней Анну Ѳедоровну Аксакову».

Макаровка, 22-го ноября 1868 г.

«Вы мнѣ повѣрите на слово, чтимый и любимый Александръ Ѳомичъ, что ваше письмо до умиленія, до слезъ

растрогало меня. Я знаю, какъ вы не любите писать писема и какъ вы любите ваше кабинетное уединеніе. Вы, скиталецъ отшельникъ въ вашей художественной пещерѣ, и вотъ вы выѣзжаете и отправляетесь по Москвѣ спрашивать: не знаетъ ли кто, не слыхалъ ли чего обо мнѣ, и пишите мнѣ большое, милое, дружеское письмо. Это и тронуло меня глубоко, дорогой баринъ. Послѣ той любящей и разумной, которой уже нѣтъ между нами и которая все животворила вокругъ васъ лаской и заботою ея женственнаго сердца, никто не напомнитъ вамъ этого ея обычнаго выраженія: дорогой баринъ! никто кромѣ не разбудитъ этимъ милымъ, ласкающимъ зовомъ вашего сиротства. Примите же это слово, какъ самое живое, сердечное выраженіе, которое я поискала и нашла, чтобы поблагодарить васъ за память обо мнѣ и за дружеское иго, которое вы приняли на свою усталую выю, написавши мнѣ большое письмо. А я почему не написала вамъ? Потому что знала, какъ вамъ тягостны отвѣты на письма, и потомъ о чемъ писать? Слова, слова, одни слова до послѣдней немощи въ дѣлѣ истощили насъ; а что другое, кромѣ ненужныхъ словъ, я могла сказать высокоразумному человѣку, который подъ конецъ своей тихой, старѣющейся жизни принялъ крестъ тягчайшаго сердечнаго одиночества? Съ горемъ надо обтерпѣться. Надобно, чтобы душа, изъ ея собственныхъ тайниковъ, напередъ вкусила собственную манну, и тогда предлагать ей черствый хлѣбъ нашихъ утѣшеній. Только вкушая, вкусивши мало небеснаго меда, истинная скорбь можетъ принять и найти что-либо услаждающее въ томъ, что мы ей подносимъ часто грубою и торопливою рукою. Чѣмъ и какъ было утѣшить васъ? О чемъ заговорить, чтобы болѣзненно не затронуть памяти вашего сердца или не оскорбить въ васъ самую скорбь, говоря равнодушно о постороннихъ предметахъ? Надобно было подождать, пока иная, невыразимая Рука, знающая человѣческое сердце и владѣющая имъ, какъ великій художникъ своимъ дорогимъ инструментомъ, коснется неослабными перстами и пройдетъ по всѣмъ тонамъ и переливамъ сердечной муки, пока наконецъ скажетъ: «доселѣ дойдеши и не пройдеши, въ тебѣ да сокрушатся твои горькія волны».

«Я выждала эту пору и съ облегченнымъ сердцемъ могу написать о себѣ, вспоминая ее, незабвенную... Ѣхать въ Москву мнѣ и въ голову не приходило весною и лѣтомъ по моей сильной, продолжительной болѣзни и по домашнимъ обстоятельствамъ.

«Но я часто вспоминаю, какъ вы проводили ваши дни въ Нескучномъ.

«Досадная муха жужжала ли вамъ въ наглухо затворенномъ кабинетѣ, и вы, добродушно-злой, съ вашей милой улыбкой поднимались ли преслѣдовать окаянную, нарушавшую покой вашихъ сосредоточенныхъ занятій. Кто вамъ помогалъ въ этомъ трудѣ жаркаго лѣтняго дня?—думала я, прислушиваясь къ мелодическому жужжанію не мухъ, а пчелъ у себя въ саду, на своей маленькой пасѣкѣ. Часто, очень часто между трудолюбивыми пчелами на глазахъ у меня весело рѣяли бѣлыя, желтыя, голубыя, расписныя бабочки, древняя языческая эмблема безсмертія человѣческой души, которое мы теперь, вѣрующіе во Христа, встрѣчаемъ, какъ милый дѣтскій лепетъ, принимая не съ крыльевъ бабочки, а черпая изъ глубины откровеній слова Божія наше непреложное упованіе, что воскреснутъ мертвые и возстанутъ сущіе въ гробахъ, и всѣ мы, земнородные, возрадуемся! А до этой радости все-таки мы должны дѣлать наше жизненное дѣло. Вы его дѣлаете въ древней исторіи Руси, и грустно думать о нашемъ послѣднемъ одиночествѣ. За что̀ ни возьмись въ нашей русской теперешней жизни, никто и ничто со стороны не поможетъ, не подбодритъ, не освѣтитъ теплымъ участіемъ. Какъ мнѣ жаль дѣло «Москвы»! Какъ жаль бѣднаго, избитаго цензурными бурями Ивана Сергѣевича и теперь окончательно выброшеннаго за бортъ ежедневнаго, гласнаго журнальнаго слова! Вы меня спрашиваете: а что̀ я дѣлаю? Пишу ли историческій романъ? Подъ этимъ именемъ мы привыкли разумѣть что-то древнее. А моя исторія не изъ древнихъ. Ее бы можно было назвать «Канунъ 19-го февраля помѣщичьяго быта». Что-то мнѣ пошлетъ Духъ Господень, въ нашемъ маломъ творящій Свое великое и чудное. Картина очень широка и можетъ быть богата красками и положеніями, но все дѣло вѣдь въ томъ внутреннемъ дыханіи, которымъ художникъ согрѣетъ или нѣтъ свое произведеніе. Меня затрудняетъ

подступъ къ роману; но теперь, кажется, онъ просто и хорошо уладился, и можно, не оглядываясь назадъ, дать ходъ раскрывающемуся дѣйствію. Но, Господи, какъ подступаетъ и подъѣдаетъ со всѣхъ сторонъ эта мелочь жизни! Художническимъ крестомъ никакъ не откреститься отъ нея. Вы знаете, кто это на кострѣ мученика воскликнулъ: «о, святая простота!» Но у жизни, повидимому, самой спокойной, бываютъ и очень нерѣдко свои разложенные костры, на которыхъ невѣдомые мученики медленно сожигаются, не произнося самаго простого слова. Но я не изъ терпѣливыхъ и очень нерѣдко готова воскликнуть: «О, святая Ѳиваидская пустыня, гдѣ мнѣ найти тебя! чтобы ты процвѣла мнѣ высокимъ безмолвіемъ, созерцающимъ повседневные отблески Вѣчной Божественной Красоты».

«Дайте мнѣ обѣ ваши руки и примите мое дружеское, крѣпкое пожатіе, дорогой баринъ.

«Вамъ искренне преданная Н. Кох.»

Жену свою Александръ Ѳомичъ пережилъ недолго. Я была на панихидѣ. Тихо, спокойно, ясно было лицо его. Онъ лежалъ въ той залѣ, гдѣ мы много лѣтъ проводили столько счастливыхъ, дружескихъ дней. Около него стояли его двое сиротъ, Саша и Леночка, заливаясь слезами. По окончаніи панихиды я уѣхала домой.

Въ 1842 году Александръ Ѳомичъ Вельтманъ былъ опредѣленъ помощникомъ директора Оружейной Палаты, а въ 1852 году, послѣ смерти директора Оружейной Палаты М. Н. Загоскина, поступилъ на его мѣсто, которое оставалось за нимъ до самой его смерти 11-го января 1870 года. Во время послѣдней службы своей онъ занимался составленіемъ книги подъ названіемъ «Достопамятности Московскаго Кремля» и четырехъ книгъ Древностей Россійскаго Государства *).

Не бывши либераломъ на словахъ, Александръ Ѳомичъ былъ либераленъ со своими подчиненными, кото-

*) Въ Румянцевскомъ музеѣ, гдѣ хранятся библіотека и рукописи Александра Ѳомича Вельтмана, находятся письма въ числѣ 840, писанныя къ Александру Ѳомичу Вельтману отъ 180 лицъ, а именно: графа Адлерберга, А. И. Аѳанасьева, И. В. Берга, П. Р. Билярскаго, князя П. А. Вяземскаго, А. Д. Галахова, А. И. Герцена, Ѳ. Глинки и жены его, Н. И. Греча, В. И. Даля, Ѳ. Кони, И. Т.

рые такъ его любили, что послѣ кончины его изъявили желаніе поставить ему памятникъ на свой счетъ въ Алексѣевскомъ монастырѣ, гдѣ онъ погребенъ; памятникъ этотъ сдѣланъ, по образцу гробницы князя Ярослава, изъ бѣлаго мрамора, и написано на немъ, что онъ поставленъ сослуживцами.

Карлъ Ивановичъ Рабусъ.

Много талантливыхъ художниковъ не получили должнаго за чистую любовь свою къ творчеству и за пользу и духовное наслѣдіе, которое оставили своимъ соотечественникамъ.

Къ такимъ людямъ принадлежалъ академикъ Императорской академіи художествъ Карлъ Ивановичъ Рабусъ, одинъ изъ талантливѣйшихъ живописцевъ. Несмотря на свое огромное дарованіе, Рабусъ никогда не пользовался вполнѣ заслуженной славой. Истинныя заслуги его и значеніе, какъ живописца и преподавателя, сознались только избраннымъ кругомъ его друзей и множествомъ учениковъ. Скромность, игривость, добродушіе, отсутствіе честолюбія, жизнь, посвященная семейству, были главной виной того, что имя Рабуса оставалось въ какомъ-то полусвѣтѣ.

Карлъ Ивановичъ Рабусъ родился въ Петербургѣ 17-го мая 1800 года изъ дворянской нѣмецкой фамиліи, поселившейся въ Россіи. Отца своего и мать онъ едва помнилъ, оставшись семи лѣтъ круглымъ сиротою.

Замѣтивъ въ мальчикѣ любовь къ рисованью, опекуны помѣстили десятилѣтняго Рабуса своекоштнымъ пансіонеромъ въ академію художествъ, удѣляя на его воспитаніе изъ маленькаго капитала, составлявшаго все его наслѣдство. Періодъ ученической жизни Рабуса былъ самымъ счастливымъ періодомъ академіи. То былъ

Кокорева, А. А. Липранди, 74 письма А. А. Краевскаго, Куракина, В. Н. Лешкова, Ѳ. Б. Миллера, Н. Н. Мурзакевича, А. С. Норова, князя М. А. Оболенскаго, князя В. Ѳ. Одоевскаго, Палаузова, Пассековъ, Рабуса, Ригельмана, графини Растопчиной, О. И. Сенковскаго, И И. Срезневскаго, графа Строгонова, С. В. Шевырева, П. В. Щебальскаго, Н. Ѳ. Щербины, Погодина и многихъ другихъ лицъ, замѣчательныхъ своимъ общественнымъ положеніемъ или гражданской и литературной дѣятельностью.

періодъ графа Александра Сергѣевича Строганова, Егорова, Иванова. Товарищами Рабуса были Брюловъ и Бруни. Рабусъ, въ особенности дружный съ К. Н. Брюловымъ, посвятилъ себя первоначально исторической живописи, показывая замѣчательную способность композиціи и соображенія. Продолжительная глазная болѣзнь въ шестнадцатилѣтнемъ возрастѣ была виною, что Рабусъ, по выходѣ изъ больницы, долженъ былъ отказаться отъ любимаго имъ рода живописи. Онъ перешелъ къ профессору Иванову и вскорѣ своими успѣхами въ ландшафтной живописи пріобрѣлъ любовь своего учителя. Перемѣна рода живописи не измѣнила прежнихъ отношеній Рабуса къ Брюлову. Дружба учениковъ-художниковъ продолжалась, и самъ Рабусъ, вспоминая свою молодость, любилъ повторять, что золотою медалью, которою онъ былъ награжденъ при выпускѣ изъ академіи, вполовину обязанъ совѣтамъ своего друга Брюлова, мастерская котораго была рядомъ съ его мастерской въ зданіи самой академіи. Брюловъ часто приходилъ смотрѣть на программу своего товарища и дѣлалъ замѣчанія относительно колорита и освѣщенія, которыя составляли отличительную черту всѣхъ произведеній будущаго великаго творца «Послѣдняго дня Помпеи».

Брюловъ уѣхалъ въ Италію, Рабуса судьба закинула въ Малороссію.

Въ деревнѣ, подъ синимъ небомъ Украйны, Рабусъ изучалъ ея мягкій, теплый колоритъ, такъ близко подходящій къ колориту Италіи, писалъ акварелью и масляными красками, поперемѣнно переходя отъ кисти къ литературѣ, которой глубоко сочувствовалъ всю свою жизнь. Среди роскошной деревенской природы Рабусу было по душѣ, но мысль черезъ путешествіе собственными средствами составить себѣ возможность побывать въ странѣ классическихъ искусствъ, подышать воздухомъ, который навѣялъ столько прекрасныхъ произведеній художникамъ, не покидала Рабуса.

Въ Малороссіи онъ пробылъ до весны и покинулъ ее для Крыма. Природа Тавриды, давшая Россіи Айвазовскаго и другихъ, вдохновила и Рабуса. Весну, лѣто и осень онъ странствовалъ изъ мѣстечка въ мѣстечко, переходя отъ видовъ къ видамъ, перерисовывалъ всѣ

неизвѣстныя ему породы деревьевъ, кустовъ и растеній, оттѣнки утесовъ, игру и переливы крымскаго свѣта и воздуха, и возвратился опять въ Малороссію.

Рабусъ въ Малороссіи сблизился съ графомъ Кочубеемъ и ознакомился съ его исторической Диканькой. На каждомъ шагу представлялись его воображенію времена давнопрошедшаго малороссійскаго казачества. Рабусъ прожилъ въ Диканькѣ пять мѣсяцевъ и нарисовалъ множество видовъ и разныхъ coup d'oeil для владѣльца. Пришла весна, и онъ покинулъ Диканьку для южнаго берега Крыма; въ началѣ августа онъ пріѣхалъ недѣли на двѣ въ Одессу, а оттуда отправился на купеческомъ кораблѣ въ Константинополь, на которомъ выдержалъ въ продолженіе пяти дней сильную бурю. Забывая о своей собственной безопасности, онъ набросалъ картину морского разрушенія: «Видъ бури на Черномъ морѣ» отличался въ особенности натуральнымъ расположеніемъ группъ и разнородной экспрессіей лицъ.

Рекомендательное письмо, данное ему въ Одессѣ къ нашему посланнику при константинопольскомъ дворѣ Рибопьеру (впослѣдствіи графу), доставило ему радушный пріемъ и квартиру въ домѣ нашего посольства. Графъ, человѣкъ просвѣщенный, оцѣнилъ талантъ, кроткій и привлекательный характеръ художника. По ходатайству Рибопьера, Рабусъ получилъ въ Константинополѣ проводника и доступъ въ такія мѣста, въ которыя въ то время трудно было проникнуть европейцу, какъ въ мечеть, бывшій храмъ св. Софіи. Леандрова башня, кофейни, базары и все, что представлялось его наблюдательному взору, было имъ набросано на бумагу. Рибопьеръ, которому Рабусъ нарисовалъ многія достопримѣчательности Константинополя, ввелъ его въ дома австрійскаго, французскаго, греческаго и прусскаго посланниковъ; это доставило ему случай написать нѣсколько константинопольскихъ видовъ, которые не только что обезпечили пребываніе его въ Константинополѣ, но и доставили возможность сдѣлать путешествіе въ западную Европу.

Онъ отплылъ изъ Турціи на купеческомъ кораблѣ, шедшемъ въ Средиземное море мимо береговъ Греціи, которые срисовалъ почти налету.

Холера, свирѣпствовавшая въ Италіи, особенно въ

Римѣ и Неаполѣ, помѣшала ему посѣтить эти города, гдѣ было много его товарищей. Такъ достигнулъ онъ до Марселя и прибылъ въ Тироль, а оттуда черезъ Германію въ Вѣну, гдѣ оставался довольно долго по случаю большихъ заказовъ отъ венгерскаго магната графа Эстергазе. Особенно хорошъ былъ видъ Константинополя при лунномъ освѣщеніи.

Послѣ Вѣны Рабусъ посѣтилъ Нюренбергъ, Мюнхенъ, Дрезденъ и знакомился со всѣмъ, что только было тогда замѣчательнаго, художественнаго, изящнаго и литературнаго.

Въ Дрезденѣ онъ сблизился съ Ретчемъ, иллюстраторомъ Шиллера, Шекспира и другихъ созданій англійской и германской литературъ.

Въ Дрезденѣ вошелъ въ дружескія сношенія съ беллетристомъ Людвигомъ Тикомъ, у котораго не пропускалъ ни одного литературнаго вечера.

Съ палкою въ рукѣ онъ обошелъ Саксонскую Швейцарію, рисуя по дорогѣ, что встрѣчалъ замѣчательнаго.

Въ Берлинѣ Рабусъ сблизился съ новыми литературными дѣятелями, но, несмотря на столкновеніе съ различными талантами, не вдался ни въ малѣйшее робкое подражаніе и остался самобытнымъ. Изъ Берлина, минуя Петербургъ, онъ возвратился въ Украйну, куда призывало его сердце. Тамъ онъ привелъ въ порядокъ всѣ сдѣланные имъ рисунки и пріѣхалъ въ Петербургъ, чтобъ представить свой трудъ на разсмотрѣніе совѣта императорской академіи художествъ. Совѣтъ нашелъ его рисунки достойными поднесенія государю императору и опредѣлилъ ему исходатайствовать званіе придворнаго живописца. Послѣдовалъ отвѣтъ, что въ кабинетѣ не было суммъ на такое назначеніе, и художнику было отказано. Художникъ пріунылъ, но не надолго. Генералъ-лейтенантъ Шубертъ, знавшій его еще ученикомъ академіи, доставилъ ему мѣсто при департаментѣ морского министерства и представилъ князю А. С. Меньшикову, который назначилъ его художникомъ при отправлявшейся тогда въ кругосвѣтное плаваніе экспедиціи. Рабусу открывалась выгодная карьера и обезпеченіе, но чувство взяло верхъ, онъ подалъ въ отставку и уѣхалъ въ Малороссію жениться на дѣвушкѣ, которую давно любилъ. Эта женитьба рѣшила

его участь. Онъ переселился на постоянное жительство въ Москву. Тамъ, не переставая заниматься живописью и литературой, избралъ своего рода поприще. Онъ поступилъ за небольшое жалованье учителемъ рисованья въ московское архитектурное училище, а потомъ преподавателемъ живописи и ваянія въ основанное братьями Василіемъ и Алексѣемъ Добровольскими училище, въ которое пригласилъ его дѣйствительный членъ этого полезнаго художественнаго заведенія, генералъ-майоръ Михаилъ Ѳедоровичъ Орловъ *), человѣкъ европейскаго образованія и покровитель дарованій. Благодаря дружбѣ Михаила Ѳедоровича Орлова, Рабусъ сблизился съ лучшимъ московскимъ обществомъ и съ кругомъ литераторовъ и ученыхъ. Благороднымъ характеромъ, умомъ, пріятною бесѣдою пріобрѣлъ онъ всеобщую любовь и уваженіе.

Небольшая квартира его нерѣдко оживлялась самымъ почетнымъ, самымъ избраннымъ московскимъ обществомъ.

Семейство Рабуса умножалось, а съ нимъ и нужда, и онъ принялъ новыя обязанности учителя рисованья сперва въ Строгановской рисовальной школѣ, находившейся подъ попечительствомъ попечителя московскаго университета графа Сергѣя Григорьевича Строганова, а впослѣдствіи былъ назначенъ учителемъ въ московскомъ межевомъ институтѣ. Служебныя обязанности не препятствовали Рабусу заниматься живописью. Имъ были перерисованы всѣ московскія окрестности, Кунцово, Кусково, съ которымъ связано поэтическое преданіе о княгинѣ Натальѣ Борисовнѣ Долгорукой, тѣнистое Царицыно, Фили, Архангельское. Особенно хорошо были имъ исполнены виды Кремля при дневномъ и ночномъ освѣщеніи, восходъ солнца и общій видъ на Москву съ Воробьевыхъ горъ. Превосходный пейзажъ этотъ, оконченный Рабусомъ въ 1856 году во время пребыванія его на дачѣ на Воробьевыхъ горахъ, былъ отчасти виною преждевременной его кончины. Занимаясь, несмотря ни на какую погоду, онъ сильно простудился и съ тѣхъ поръ чувствовалъ въ себѣ зародышъ той тяжкой болѣзни, которая свела его въ могилу.

*) Родной братъ князя Алексѣя Ѳедоровича Орлова.

Въ 1855 году извѣстный французскій живописецъ Горасъ Верне, прибывшій въ Москву для осмотра ея примѣчательностей, нѣсколько разъ посѣщалъ Рабуса. Однажды онъ увидалъ у него видъ Измайловской церкви еще не въ исправленномъ состояніи. Мастерское исполненіе ландшафта, глубокое знаніе перспективы поразили знаменитаго живописца. Восхищенный Горасъ Верне предложилъ эту картину представить государю императору. Рабусъ съ трудомъ уступилъ его настоятельнымъ требованіямъ.

Видъ Измайловской церкви понравился государю, и Рабусъ получилъ приглашеніе прибыть въ Петербургъ съ лучшими своими произведеніями для представленія ихъ лично государю. У Рабуса въ то время были только двѣ оконченныя картины: одна изображала «Бурю на морѣ», другая—«Видъ Галиполя» при лунномъ освѣщеніи. Ихъ-то онъ и рѣшился представить императору. Съ сердцемъ, полнымъ робкаго ожиданія, направился художникъ въ Петербургъ. На другое же утро по пріѣздѣ онъ посѣтилъ Верне, а черезъ нѣсколько дней былъ съ нимъ въ кабинетѣ государя императора со своими картинами. Обѣ картины были тотчасъ куплены и помѣщены въ собственныхъ покояхъ государя.

Независимо отъ пейзажной живописи, Рабусъ не переставалъ заниматься и живописью исторической. По излишней ли скромности или по благородной неувѣренности въ полномъ исполненіи задуманнаго въ историческомъ родѣ, рисунки эти остались у него только въ набросанныхъ эскизахъ. Онъ не любилъ показывать ихъ даже друзьямъ, говорилъ, что хранитъ ихъ только для себя. Послѣднія пять-шесть лѣтъ своей жизни постепенно ослабѣвающее здоровье и служебныя обязанности не позволяли Рабусу заниматься живописью съ ревностью, какъ онъ занимался ею во время своего пребыванія въ Москвѣ въ сороковыхъ годахъ.

Въ 1856 году, незадолго до своей кончины, онъ нарисовалъ для В. А. Кокорева видъ церкви Василія Блаженнаго и четыре картины для брата бывшаго московскаго губернатора А. В. Капниста: «Видъ московскихъ Спасскихъ воротъ при лунномъ освѣщеніи», «Водяные смерчи на Средиземномъ морѣ», видъ, называемый «Молитва», и «Рыбачья хижина на Мраморномъ морѣ». Къ

послѣднимъ трудамъ Рабуса принадлежитъ руководство къ перспективѣ, которую онъ преподавалъ. Оно осталось вмѣстѣ съ началомъ исторіи живописи не напечатаннымъ въ семействѣ художника.

Карлъ Ивановичъ окончилъ жизнь 14-го января 1857 года. Многочисленное стеченіе провожатыхъ и учениковъ на похоронахъ его свидѣтельствовало, какую любовь онъ пріобрѣлъ себѣ между знающими его и подчиненными.

Разсматривая собраніе рисунковъ и очерковъ Рабуса, видишь, что рисунокъ его силенъ, вѣренъ, расположеніе группъ и отдѣльныхъ фигуръ обличаютъ глубокаго мыслителя. Въ его фантазіи все мягко, какой-то полусвѣтъ, ровныя тѣни, какая-то таинственность, нѣжный колоритъ при вѣрномъ очертаніи и естественности красокъ. Чувствуешь воду, воздухъ, деревья, перенесенные на полотно съ точнымъ подражаніемъ природѣ. Московское училище живописи и ваянія, въ которомъ Рабусъ былъ профессоромъ почти съ самаго его основанія, обязано ему образованіемъ множества художественныхъ дарованій, и его имя, вмѣстѣ съ именами Добровольскихъ и Дурново, навсегда останется лучшимъ почетнымъ достояніемъ этого училища.

Когда Вадимъ Васильевичъ Пассекъ сталъ издавать описаніе Симонова монастыря, то предложилъ Рабусу, съ которымъ былъ очень друженъ, сдѣлать нѣсколько рисунковъ этой обители.

Несмотря на болѣзненное состояніе, Рабусъ пережилъ Вадима. Онъ снялъ карандашомъ портретъ съ умершей четырехлѣтней дочери Вадима, Катеньки, а потомъ и съ Вадима.

Вадимъ пробылъ въ Петербургѣ около трехъ недѣль, исправилъ свои дѣла и порученія, какъ по службѣ, такъ и литературныя. По службѣ его назначили начальникомъ статистическаго отдѣленія при московскомъ губернаторѣ Синявинѣ и поручили составить статистическое описаніе Московской губерніи.

Александра изъ Петербурга вскорѣ перевели на службу въ Новгородъ, гдѣ онъ и пробылъ около двухъ лѣтъ.

Изъ писемъ Огарева и Сатина изъ-за границы Герценъ узналъ, что Марья Львовна, послѣ многихъ непріятностей, сдѣланныхъ ею мужу, оставила его и живетъ съ художникомъ Воробьевымъ.

Огаревъ и Сатинъ пробыли за границей около двухъ лѣтъ. Возвратившись въ Россію, они провели нѣсколько времени съ друзьями въ Москвѣ и потомъ уѣхали въ свои пензенскія имѣнья. Поселившись въ деревнѣ, Огаревъ сталъ часто бывать въ селѣ Долгоруковѣ, у друга своего Алексѣя Алексѣевича Тучкова, котораго онъ чрезвычайно уважалъ и любилъ, такъ же какъ и двухъ очень молоденькихъ дочерей его, Елену и Наталью.

Когда Тучковы уѣзжали на три мѣсяца за границу, Огаревъ часто переписывался съ меньшою дочерью его Наташей, а когда они возвратились въ деревню, то сталъ искать развода съ женой своей. Жена его сначала долго не соглашалась и, не дождавшись развода, умерла, а Огаревъ женился на Натальѣ Алексѣевнѣ Тучковой.

Въ продолженіе этихъ двухъ лѣтъ мы жили въ Москвѣ и все ближе и ближе сходились съ семействомъ и литературнымъ кругомъ Вельтмана.

Въ 1841 году Александру, по прошенію жены его, разрѣшили жить въ Москвѣ и Петербургѣ; они переселились въ Москву, гдѣ и прожили до отъѣзда за границу около четырехъ лѣтъ.

Въ это-то время и образовался у Александра тотъ избранный кругъ друзей, къ которому принадлежали: Кавелинъ, Кетчеръ, Рѣдькинъ, Грановскій, Крюковъ, Евгеній Коршъ, Боткинъ, Щепкинъ и много другихъ.

Въ Москвѣ Александръ, въ скоромъ времени по пріѣздѣ, навѣстилъ Вадима, и Вадимъ нерѣдко бывалъ у него.

Такъ продолжалось до весны 1844 года.

Весною 1844 года мы переѣхали на дачу по близости Сокольниковъ, въ Красное Село. Тамъ Вадимъ, купаясь, простудился, занемогъ скоротечной чахоткой, и когда мы переѣхали, въ концѣ октября, въ Москву, то черезъ три дня его не стало.

«Вчера, въ восьмомъ часу утра, умеръ Вадимъ,—пи-

салъ въ своемъ дневникѣ Александръ.—Онъ былъ боленъ съ мѣсяцъ. Послѣдніе годы послѣ женитьбы мы видались рѣдко. Онъ бо̀льшею частью жилъ въ южныхъ губерніяхъ, я въ сѣверныхъ; онъ въ Харьковѣ, Одессѣ и Крыму, я въ Петербургѣ и Новгородѣ. Къ тому же была разница въ образѣ воззрѣній на предметъ слишкомъ яркій, чтобы примириться и найти другъ въ другѣ интересы. Онъ сблизился съ славянофилами *) и отъ славянофильства дошелъ до ортодокства, даже до ненависти къ Западу **). При всемъ этомъ я цѣнилъ въ Вадимѣ высокое благородство души, чистоту жизни и силу воли. Около двухъ лѣтъ тому онъ былъ полонъ силъ, и даже когда я пріѣхалъ изъ Петербурга въ Москву, то нашелъ его еще здоровымъ; весной онъ переѣхалъ съ семействомъ на дачу, тамъ простудился, у него развилась скоротечиая чахотка, и вчера, съ 24-го на 25-е октября, онъ кончилъ жизнь при мнѣ, благословивши жену и дѣтей. На другой день я нашелъ у гроба Вадима Елизавету Григорьевну Черткову, друга Вадима и его семейства, урожденную графиню Чернышеву, то-есть Чернышева въ самомъ дѣлѣ, а не военнаго министра. Она поразила меня удивительно благородной наружностью. Въ ней видна была аристократическая кровь. Ни утѣшеній, ни слезъ; спокойное, глубокое участіе чувствовалось въ средѣ, окружавшей ее ***).

«А давно ли Вадимъ, только-что выпущенный изъ университета кандидатомъ, полный самостоятельности, съ русской удалью, дѣлилъ наши мечты, наши увлеченья. Послѣ женитьбы онъ измѣнился, а, можетъ-быть, мы двинулись впередъ. Попавши къ славянофиламъ, онъ

---

*) Съ славянофилами Вадимъ едва ли былъ близокъ; кромѣ профессоровъ, лекціи которыхъ слушалъ въ университетѣ: Снегирева Шевырева и Погодина, онъ мало съ кѣмъ изъ нихъ былъ знакомъ

**) Вадимъ былъ религіозенъ, но безъ крайностей, ненависти къ Западу въ Вадимѣ никогда и не бывало. Для тѣхъ, которые знаютъ событія того времени, должно быть ясно, что Александръ говоритъ все это, стараясь оправдать себя передъ собою и передъ другими въ своемъ охлажденіи къ Вадиму и въ его отдаленіи отъ всего семейства Пассекъ, гдѣ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, былъ онъ принятъ наравнѣ съ родными дѣтьми.

***) Въ продолженіе шести недѣль Е. Г. Черткова каждый день бывала въ семействѣ Вадима, домой уѣзжала обѣдать, а вечеромъ возвращалась ночевать у меня.

всѣми вопросами интересовался по мѣрѣ близости ихъ къ славянскому міру. Мы разстались холодно. Въ 1840 году Вадимъ былъ въ Петербургѣ. Мы сиова сблизились. Я цѣнилъ въ немъ прекраснаго семейнаго человѣка.

«А жена его? Давно ли жила у насъ беззаботная дѣвочка, съ двумя дѣтьми, третій въ ожиданіи. Ни пристанища, ни куска хлѣба. Конечно, найдутся люди,— но хлѣбъ милостыни, что̀ ни говори, съ пескомъ. Вотъ еще семейство въ счетъ Астраковыхъ, Медвѣдевыхъ, Витберга и многихъ, многихъ. Страшно вспомнить, всѣмъ помочь нѣтъ силъ, а кого же обойти*)?

«Вчера хоронили Вадима, похороны были торжественны по истинному участію окружавшихъ гробъ. Жена стояла возлѣ гроба. Когда привинтили крышку, она облокотилась на гробъ, никто не смѣлъ ни двинуть гроба, ни прервать этой нѣмой горести. Она долго стояла, слезъ у ней не было, но взглядъ ея былъ невыносимъ, кругомъ все рыдало.

«Въ Симоновомъ монастырѣ встрѣтилъ покойника самъ архимандритъ Мельхиседекъ, пріятель Вадима. Эта дань уваженія была хороша**).

«Когда стали закапывать могилу, Мельхиседекъ подошелъ къ женѣ Вадима и сказалъ: «Довольно, это не наше; пойдемте въ церковь молиться». Вотъ гдѣ сила религіи. Религія врачуетъ. Человѣкъ готовъ сдѣлать все, чтобы найти выходъ и примиреніе

---

*) Быть-можетъ, Александръ и помогалъ упомянутымъ лицамъ, но я никогда не обращалась къ нему за помощью. Разъ, вскорѣ по кончинѣ Вадима, заняла я у него 25 руб. и тѣ въ непродолжительномъ времени возвратила, получивши отъ тетки Вадима, Натальи Ивановны Пассекъ, 500 руб. Сверхъ того, Наталья Ивановна, вскорѣ по кончинѣ Вадима, заболѣла въ своемъ имѣніи Смоленской губерніи и кончила жизнь. Довольно значительное имѣніе свое оставила она двумъ старшимъ братьямъ Пассекъ, Егору и Валеріану, назначивши въ духовномъ завѣщаніи, чтобы каждый изъ нихъ выдавалъ ежегодно мнѣ съ дѣтьми по 300 руб. сер. и доставлялъ годовые съѣстные запасы, что они довольно долго и исполняли.

**) Вадимъ очень любилъ и уважалъ Мельхиседека, какъ и Мельхиседекъ Вадима. На кладбищѣ Симонова монастыря погребены двѣ маленькія наши Катеньки, самъ Вадимъ, а за нимъ старшій нашъ сынъ Александръ, 32 лѣтъ, тѣло котораго привезено было изъ-за границы прямо въ Симоновъ монастырь.

Когда религія говоритъ: «оставь, это мое, идемъ молиться, покоряйся безропотно!»—тогда все покоряется, склоняетъ колѣна, безъ разсужденія, повинуясь слѣпо».

Одиночество.

Все чудится, я слышу милый голосъ,
Все жду, что другъ отворитъ дверь.
И. Н—ъ.
Участье—жалкая отрада.
И. Н—ъ

Я осталась послѣ Вадима съ двумя маленькими сыновьями: старшему Александру было пять лѣтъ, маленькому Владиміру два года, третьяго ожидала. Средствъ къ жизни не было никакихъ, дѣла разстроены. Имѣнье, доставшееся Пассекамъ послѣ князя Кантемира, долго находилось въ процессѣ. Процессъ требовалъ большихъ издержекъ; поэтому родные, при всемъ желаніи, не могли помочь намъ.

Общество московскихъ и петербургскихъ литераторовъ отнеслось къ намъ съ искреннимъ сочувствіемъ и уваженіемъ къ памяти Вадима и съ участіемъ къ оставшимся сиротамъ его, въ пользу которыхъ издало книгу подъ названіемъ «Литературный вечеръ». Редакторомъ выбранъ былъ Вельтманъ. Онъ помѣстилъ въ этомъ сборникѣ свою «Волшебную ночь», подражаніе «Волшебной ночи» Шекспира, которой Вадимъ восхищался*). Александръ не помѣстилъ ничего въ «Литературномъ вечерѣ»; онъ былъ недоволенъ тѣмъ, что не его избрали редакторомъ.

«Литературный вечеръ», изданный въ двухъ тысячахъ экземпляровъ, разошелся въ нѣсколько дней.

Я послала экземпляръ «Литературнаго вечера» графу Сергѣю Григорьевичу Строганову, попечителю учебнаго московскаго округа, такъ какъ онъ былъ хорошо расположенъ къ Вадиму. Графъ отвѣчалъ мнѣ самымъ сердечнымъ письмомъ, а черезъ нѣсколько дней и самъ навѣстилъ насъ.

Вскорѣ затѣмъ я представила графу приготовленную мною къ изданію рукопись, еще при жизни Вадима, для

*) Продажа этой статьи Сергѣю Львовичу Левицкому не состоялась.

«Дѣтскаго Чтенія», просила его просмотрѣть ее и, если найдетъ возможнымъ, то принять въ московскій учебный округъ. Графъ сдѣлалъ поправки своею рукою въ статьѣ о Сибири, и книга была принята. Я получила за нее до двухъ тысячъ рублей ассигнаціями.

Спустя около трехъ лѣтъ по кончинѣ Вадима, скончался Иванъ Алексѣевичъ, и намъ выдали три тысячи, назначенныя имъ въ духовномъ завѣщаніи въ остальную уплату намъ за купленную имъ нашу часть въ селѣ Васильевскомъ. Сверхъ того, княгиня М. А. Хованская, по кончинѣ своей, оставила намъ двѣ тысячи руб. сер. На эти пять тысячъ мы купили на Остоженкѣ довольно хорошій деревянный домъ въ четырнадцать комнатъ. Десять комнатъ внизу мы заняли сами, съ нашей старой прислугой, которую я, по привычкѣ, держала отъ восьми до десяти человѣкъ, а четыре комнаты въ антресоляхъ отдали внаймы студенту, брату друга Вадима Игнатью Алексѣевичу Уманцу и его родственнику Мамоновскому.

При домѣ былъ просторный дворъ, мѣстами поросшій мелкой травою, съ сараями, конюшнями, погребами,— все прочнаго, стариннаго устройства. Изъ диванной комнаты дверь вела на длинную, широкую террасу, выходившую въ небольшой садикъ съ аллеей, двумя тѣнистыми тополями, большими кустами розоваго шиповника, бѣлой и лиловой сирени, и съ цвѣтниками. Въ этомъ садикѣ почему-то осенью жили снегири, порхали и сидѣли по кустамъ сирени и противъ итальянскаго окна нашей спальни. За садомъ была небольшая лавочка; мы отдали ее внаймы за 200 рублей въ годъ.

Въ этомъ домѣ дѣти мои выросли, кончили курсъ въ университетѣ и послѣ того еще живали въ немъ временами, всего около тридцати лѣтъ, и продали его, когда Саши уже не было на свѣтѣ, а Володя, женясь, просилъ меня остаться съ ними, а домъ продать. Мы его и продали за двѣнадцать тысячъ. Я отдала ихъ дѣтямъ. Прожила я съ ними десять лѣтъ. Не стало и Володи... Какъ я все это пережила—не знаю. По кончинѣ Володи прожила я около трехъ лѣтъ съ его осиротѣлымъ семействомъ. Имѣніе въ Малороссіи Володя продалъ лѣтъ за шесть до своей кончины. Отъ моей части въ имѣньи я отказалась и отдала дѣтямъ, говоря:

«Ничего не хочу имѣть своего; у меня есть дѣти, пусть они меня кормятъ» *). Дѣтей Богъ взялъ, а меня позабылъ, пришлось доживать трудомъ.

Домъ нашъ находился близко отъ искусственныхъ минеральныхъ водъ; поэтому мы каждое лѣто, отдѣливши себѣ три или четыре комнаты, остальныя отдавали внаймы пріѣзжавшимъ лѣчиться минеральными водами, а сами нанимали то дачу, то барскій домъ въ подмосковной деревнѣ.

Три раза жили мы на одной и той же дачѣ, въ четырехъ верстахъ отъ Москвы по Петровско-Разумовскому проспекту, который идетъ отъ Москвы до дома графа Разумовскаго широкой дорогой, осѣненной по обѣимъ сторонамъ старыми липовыми аллеями, а за ними шли рощи, луга, а дальше дремучій боръ.

Въ то время, какъ мы жили на этомъ проспектѣ, на немъ было только три дачи, затерянныя въ лѣсу, перерѣзанномъ кое-гдѣ лугами, съ травою по поясъ, усѣянной цвѣтами, которыхъ некому было ни рвать, ни мять.

Два раза жили мы въ прелестномъ имѣніи Дивова, селѣ Соколовѣ, которое послѣ насъ нанималъ Александръ Герценъ и гдѣ собирался у него избранный дружескій кругъ его того времени.

Одно лѣто нанимали мы дачу верстахъ въ двѣнадцати или пятнадцати отъ монастыря Сергія Троицы, до того роскошную и изящную, что я тамъ чувствовала себя какъ бы чуждою всему въ прелестныхъ комнатахъ. Я привыкла къ простой обстановкѣ и готова была уѣхать. Имѣніе это принадлежало барону Кнорррингу; оно отдавалось внаймы очень дешево, по случаю несчастной исторіи Сухово-Кобылина и убитой француженки, въ которой частью была замѣшана и дочь Кнорринга, Нарышкина.

Когда мы жили на этой дачѣ, моему старшему сыну минуло шестнадцать лѣтъ; у насъ какъ на дачѣ, такъ и въ Москвѣ стали бывать временами его товарищи. Любимыми товарищами его были: графъ Борхъ, Дмитрій Дальгеймъ и Юрій Степановичъ Нечаевъ, въ настоящее время Нечаевъ-Мальцевъ. Александръ любилъ его

*) Александру не удалось, а Володя берегъ меня до своей кончины.

больше всѣхъ. Добродушный, кроткій, тихій, какъ и Александръ, онъ ближе всѣхъ подходилъ къ его характеру. Второй сынъ мой, Владиміръ, живой, простодушный, веселый, быстро сходился съ каждымъ и тащилъ въ домъ къ себѣ встрѣчнаго и поперечнаго, отъ которыхъ порою я съ трудомъ отдѣлывалась.

Недурно жилось намъ и въ богатомъ покинутомъ имѣньѣ, подаренномъ императоромъ Павломъ Дондуковой-Корсаковой, когда она выходила замужъ. Въ домѣ томъ, въ два этажа, было тридцать пять комнатъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ находились то портреты, то бюсты императора Павла *).

Половину верхнихъ комнатъ мы отдавали внаймы семейству Визаръ, двѣ комнаты занимали студенты, дававшіе уроки моимъ дѣтямъ, другую половину заперли. Весь нижній этажъ занимали мы сами.

Въ парадныхъ комнатахъ стѣны были обиты, хотя и обветшалыми, но все еще роскошными гобленовыми обоями; мебель старинная, дорогая штофная. Зала съ хорами такъ велика, что стоявшій въ ней по одну сторону старый бильярдъ казался игрушкой.

Каждую недѣлю во всѣхъ комнатахъ мѣняли цвѣты и деревья изъ оранжерей. Во многихъ комнатахъ были огромныя зеркала съ тяжелыми бронзовыми канделябрами на мраморныхъ подзеркальныхъ столикахъ. Кабинетъ мой былъ обтянутъ голубой кисеей, въ широкія складки, которыя на потолкѣ сходились и были укрѣплены круглымъ зеркаломъ, поддерживаемымъ бронзовыми амурами. Спальня моя, обширная и холодная, выходила въ садъ; между огромными окнами стояли трюмо съ колоннами; у стѣны тяжелая большая кровать; шифоньерки, диванъ, комоды,—все тяжелое, краснаго дерева.

Дверь изъ гостиной выходила въ запущенный, старинный паркъ, изъ-за деревьевъ котораго виднѣлись деревня, рѣка и горы.

Половина дома, которую занимали дѣти, была вся на солнцѣ, а подъ окнами цвѣли густые кусты воз-

---

*) Подробности нѣкоторыя пишу, какъ очерки широкой жизни того времени.

душнаго жасмина... Въ эту половину вела дверь изъ диванной въ довольно большую комнату, изъ которой открывалась дверь на террасу во дворъ съ цвѣтниками и тѣнистой бесѣдкой, а по обѣ стороны ея шли двери въ комнаты дѣтей.

И домъ и паркъ носили на себѣ печать пустыннаго, заброшеннаго замка.

Легче, пріятнѣе жилось мнѣ на небольшой дачѣ въ Петровско-Разумовскомъ. Тамъ, сверхъ тѣнистой рощи и цвѣтистаго луга, передъ нашими окнами, въ сторонѣ, мы наняли у стараго дачника нѣсколько грядъ, засаженныхъ великолѣпной клубникой; на кустахъ малины и черной смородины нѣкоторыя крупныя ягоды были чуть не съ вишню. Изъ этихъ ягодъ мы часть варили варенья, и оставалось еще столько, что мы отправляли въ Москву на продажу; полученныя за нихъ деньги отдавались за уходъ и сборъ ягодъ дѣтямъ. Они на вырученныя деньги покупали себѣ карандаши, бумагу, платили за смотръ пляски медвѣдей, за фейерверки, которые пускали на Ходынскомъ полѣ.

Такъ живали мы на дачахъ до глубокой осени. Осенью переселялись въ свой домъ, и начиналась наша обычная, тихая, уединенная жизнь. Каждый день приходилъ Андрей Ивановичъ Голицинскій давать дѣтямъ уроки латинскаго, русскаго языка, исторіи и географіи; Михаилъ Ивановичъ Отто давалъ два раза въ недѣлю уроки математики и училъ фехтовать на рапирахъ, а лѣтомъ на дачѣ—плавать. Потомъ сталъ жить у насъ четырнадцатилѣтній бельгіецъ Эдмонъ Бугонъ, какъ товарищъ дѣтей; онъ не зналъ ни слова по-русски, но прекрасно владѣлъ французскимъ языкомъ. Дѣти любили Эдмона за добродушіе и ласковость и вскорѣ стали хорошо говорить по-французски; бывалъ еще у насъ Петръ Михайловичъ Бѣляевъ, бѣдный молодой человѣкъ, страдавшій съ дѣтства глазами. Онъ бралъ вмѣстѣ съ моими дѣтьми уроки у Андрея Ивановича, а вечера наши одушевлялъ прекрасной игрой на фортепіано, большею частью свои фантазіи.

Первые годы по кончинѣ Вадима временами навѣщали насъ графъ Александръ Никитичъ Панинъ и графъ Строгановъ. Тогда-то представила я графу Строганову программу предполагаемаго мною обширнаго

періодическаго изданія въ родѣ Живописной систематической энциклопедіи, подъ названіемъ «Чтеніе для отроческаго возраста». Строгановъ показалъ программу Уварову, бывшему министру народнаго просвѣщенія, и они рѣшили, что если содержаніе будетъ соотвѣтствовать программѣ, то сдѣлать это изданіе обязательнымъ чтеніемъ для всѣхъ учебныхъ заведеній Россіи. «Чтеніе для отроческаго возраста» посвящалось женщинамъ, по преимуществу матерямъ семействъ и воспитательницамъ. Вмѣсто предисловія къ изданью я составила очеркъ исторіи развитія женщины и взглядъ на ея современное положеніе *).

Когда сдѣлалось извѣстно, что это предполагаемое изданіе будетъ выходить, то многіе спеціалисты по разнымъ отраслямъ наукъ предложили участвовать въ немъ, но самое сердечное горячее участіе выразилъ Грановскій.

Исполненію этого плана помѣшала Крымская война.

Въ то время, когда я еще готовилась къ изданію, познакомилась съ нами и потомъ дружески сошлась княжна Наталья Петровна Шаликова, старшая дочь Петра Андреевича Шаликова, самаго добраго, честнаго человѣка и литератора. Младшая дочь князя Петра Ивановича въ первой юности вышла замужъ за Михаила Никифоровича Каткова, котораго Петръ Ивановичъ зналъ съ первыхъ лѣтъ его молодости, любилъ, понималъ. Въ то время Михаилъ Никифоровичъ занималъ мѣсто при «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и имѣлъ квартиру въ домѣ редакціи.

Сблизившись съ нами, княжна Наталья Петровна познакомила насъ съ семействомъ своей сестры, которое въ то время состояло только изъ Михаила Никифоровича, его юной жены Софьи Петровны, ихъ годового сына Петруши, княгини-матери и княжны Натальи Петровны.

---

*) Программа «Чтенія для отроческаго возраста» и посвященное женщинамъ будутъ отпечатаны отдѣльными брошюрами.

Михаилъ Никифоровичъ Катковъ.

Трудъ каждаго дѣятеля можно понять только въ связи со всей его жизнью.

Изъ дѣтскихъ лѣтъ.

Я знала Михаила Никифоровича Каткова ребенкомъ по родственному мнѣ семейству Яковлевыхъ.

Знатное, богатое семейство Алексѣя Александровича Яковлева и жены его, урожденной княжны Натальи Борисовны Мещерской, было очень дружно съ небогатой семьей Тулаевыхъ.

У Яковлевыхъ было четыре сына и двѣ дочери. У Тулаевыхъ только двѣ дочери, старшая Варвара Екимовна, младшая Вѣра.

Какъ родители были дружны между собою, такъ и дѣти любили другъ друга и бо́льшую часть времени проводили вмѣстѣ, вмѣстѣ играли, вмѣстѣ учились рисовать и танцовать.

Я помню, въ моемъ дѣтствѣ, какъ иногда Иванъ Алексѣевичъ, младшій изъ сыновей Яковлевыхъ, и Варвара Екимовна вспоминала прошедшее время, и какъ Иванъ Алексѣевичъ говаривалъ:

— А помните, Варвара Екимовна, какъ мы съ вами, въ былыя времена, менуетъ и экосесъ танцовали? А мнтрадуру какъ танцовали?

— Еще бы,—отвѣчала, смѣясь, Варвара Екимовна:— мало ли что́ было да прошло,—теперь намъ уже не протанцовать. А затѣмъ котильонъ и польскій появились.

— Какіе танцы!—говорилъ Иванъ Алексѣевичъ:— боленъ, Іовъ многострадальный. Теплыхъ валенокъ съ ногъ не снимаю. Едва дойду до Шушкиной комнаты.

— Да, устарѣли! А кажется, если-бъ на воздухъ выходили, такъ и окрѣпли бы еще, а то у васъ и лѣтомъ двойныя рамы не вынимаютъ.

Такъ или въ этомъ родѣ устарѣвшія, заслуженныя дѣти Яковлевыхъ, сыновья и дочери, вспоминали съ Варварой Екимовной Катковой и ея сестрой Вѣрой Екимовной ушедшее вдаль время своей юности. Изъ этихъ воспоминаній я узнала многое изъ прошедшей

молодой жизни какъ Яковлевыхъ, такъ и Катковыхъ, которое, по моему мнѣнію, небезынтересно уже тѣмъ, что каждаго человѣка и его трудъ можно вполнѣ понять только въ связи со всей его жизнью, а Катковъ выдвинулся изъ ряда вонъ.

Алексѣй Александровичъ Яковлевъ скончался, когда меньшой сынъ его, Иванъ Алексѣевичъ *), былъ еще ребенкомъ, а чрезъ шесть недѣль послѣ него скончалась и Наталья Борисовна. Опекуншей надъ малолѣтними дѣтьми сдѣлана была родная сестра ихъ матери, княжна Анна Борисовна Мещерская, которая до конца своей столѣтней жизни пользовалась глубокимъ уваженіемъ всего семейства Яковлевыхъ и дѣтей семейства Тулаевыхъ.

Спустя немного времени послѣ Яковлевыхъ скончались и родители Тулаевыхъ.

Княжна Анна Борисовна обѣихъ молоденькихъ дѣвушекъ взяла подъ свое покровительство, перевезла къ себѣ, любила ихъ, берегла и давала имъ образованіе, равное со своими племянниками и племянницами. Когда дѣвушки подросли, Варвара Екимовна вскорѣ вышла замужъ за человѣка молодого, хорошаго, но безъ всякихъ средствъ—Каткова. Княжна не имѣла ничего противъ этого брака, кромѣ недостаточности обезпеченья; она дала Варварѣ Екимовнѣ хорошее приданое и во всю жизнь свою изъ весьма небогатаго состоянія своего ее поддерживала. Катковы вмѣстѣ жили недолго. Онъ рано кончилъ жизнь, оставивши жену и двоихъ сыновей, Михаила и Меѳодія, на попеченіе княжны Анны Борисовны. Она оправдала его довѣріе вполнѣ, насколько имѣла возможность, и до конца своихъ дней продолжала принимать участіе какъ въ Варварѣ Екимовнѣ, такъ и въ ея дѣтяхъ. При помощи своихъ знатныхъ родственниковъ и друзей достала она Варварѣ Екимовнѣ мѣсто главной надзирательницы надъ преступницами въ тюремномъ замкѣ, гдѣ послѣдняя имѣла удобную квартиру, полное содержаніе и жалованье. Тамъ Варвара Екимовна и помѣстилась со старшимъ своимъ сыномъ Михаиломъ, а меньшой ея сынъ Меѳодій, сколько мнѣ помнится, большею частью жилъ у

*) Отецъ Александра Ивановича Герцена «Искандера».

тетки своей Вѣры Екимовны, которая всю свою жизнь прожила у княгини Вяземской. Старшій же воспитывался ею самою и росъ подъ надзоромъ матери, которою преподаны были ему и первые уроки. Какъ только маленькій Миша сталъ подрастать, то иногда съ матерью своею по праздникамъ сталъ бывать у княжны Анны Борисовны, временами у Яковлевыхъ, у княгини Хованской и Голохвастовыхъ. Я помню Варвару Екимовну и Вѣру Екимовну съ тѣхъ поръ, какъ стала помнить себя, и еще чаще видала ихъ въ то время, какъ стала учиться вмѣстѣ съ Александромъ Ивановичемъ Герценомъ у Ивана Алексѣевича Яковлева, будучи уже взрослой дѣвочкой.

Помню, какъ маленькій Миша спокойно, тихо входилъ, бывало, въ спальню княжны Анны Борисовны, какъ будто сочувствуя царившей въ ней полной, глубокой тишинѣ. Стѣны ея были обтянуты зеленымъ штофомъ, а полъ зеленымъ сукномъ, по которому дѣтскихъ шаговъ его не было слышно. Въ этой комнатѣ, на диванѣ, противъ небольшого стола, всегда сидѣла или лежала старушка уже княжна, а по противоположной стѣнкѣ шелъ нишъ, одной ступеней выше; тамъ стоялъ широкій, пуховый диванъ, на которомъ спала княжна, а надъ нимъ въ головахъ кіотъ со множествомъ образовъ въ богатыхъ окладахъ, сіявшихъ драгоцѣнными каменьями. Передъ образами теплилась неугасимая лампада. Посѣтители, входя, должны были сдѣлать передъ образами три земныхъ поклона и затѣмъ поздороваться съ нею. Обыкновенно ей приносили разныя дорогія бездѣлушки въ знакъ особаго къ ней уваженія. Передъ диваномъ въ нишѣ стоялъ столъ и четыре кресла.

Обѣдали мы всегда у княжны въ спальнѣ за небольшимъ столикомъ передъ диваномъ, съ котораго она рѣдко и вставала.

Часто, жалѣя ребенка, думая, что онъ скучаетъ, княжна говаривала:

— Позволь, Варвара Екимовна, Мишѣ поиграть въ залѣ и въ гостиныхъ, а я Костеньку*) пошлю посмотрѣть за нимъ,—и ребенокъ молча уходилъ.

---

*) Костенькой называли очень добрую пожилую дѣвушку, служившую у княжны.

Послѣ обѣда Мишу снова отправляли поиграть и побѣгать въ большія парадныя комнаты, водили посмотрѣть обезьяну, сидѣвшую на цѣпочкѣ на выступѣ печи дѣвичьей, или Аресо, попугая въ бронзовой клѣткѣ, болтавшаго и дико кричавшаго иногда въ залѣ.

Въ этихъ комнатахъ все напоминало давно отжившія времена: огромныя люстры съ пожелтѣвшими отъ времени, точно дымчатые топазы, хрустальными подвѣсками, фигурные подзеркальники передъ узкими зеркалами между оконъ, фамильные портреты по стѣнамъ, сдѣланные гуашью, всего семейства Яковлевыхъ въ ихъ молодости, пуховые диваны съ подушками и едва слышные шаги проходившей иногда прислуги. Все это какъ-то совпадало въ тонъ съ тихимъ, точно погруженнымъ въ самого себя, ребенкомъ.

Послѣ обѣда столъ передъ княжною устанавливали разными лакомствами, фруктами, вареньями и домашней стряпни смоквами.

Я всегда брала на тарелочку разныхъ сластей и относила въ парадныя комнаты Мишѣ, котораго въ нихъ не было слышно; такъ-то онъ рѣзвился, что нетрудно было беречь его. Большею частью я находила его, что онъ сидитъ облокотившись у окна и смотритъ на палисадникъ передъ флигелемъ во дворѣ, гдѣ жила княгиня Хованская съ семействомъ, послѣ 1812 года, когда сгорѣлъ ея домъ. Въ этомъ палисадникѣ было нѣсколько тѣнистыхъ деревьевъ, а большая аллея была окаймлена черной смородиной и множествомъ розовыхъ кустовъ. У меня было тутъ любимое мѣстечко, гдѣ я часто сидѣла и читала. За палисадникомъ шелъ направо небольшой огородъ, засаженный капустой, тыквой, морковью и другими овощами. А налѣво отъ него развалины, послѣ двѣнадцатаго года, огромнаго дома Неклюдовой. Лѣтомъ я иногда водила гулять Мишу въ палисадникъ и заходила на огородъ, гдѣ мы лакомились морковью, вырванною съ гряды, рѣпою, редиской. Зимою же я заставала Мишу на диванѣ у столика, обнесеннаго бронзовой рѣшеткой, кромѣ небольшого выема, на которомъ онъ читалъ разложенную книгу и смотрѣлъ картинки. Иногда я заставала его передъ фамильными портретами, которые онъ внимательно разсматривалъ.

— Узнаёшь ли ты, Миша, кто эта молоденькая дѣвушка съ розою въ головѣ, въ растрепанныхъ, напудренныхъ волосахъ?—спрашивала я, указывая на княжну Марью Алексѣевну Хованскую. — А вотъ этотъ стройный молодой человѣкъ въ щегольскомъ мундирѣ— Иванъ Алексѣевичъ, котораго ты видишь теперь въ валенкахъ и теплой фуфайкѣ, а вотъ и княжна Анна Борисовна съ напудренными волосами, и какъ она привѣтливо смотритъ!

Вечеромъ Варвара Екимовна вмѣстѣ съ сыномъ уѣзжала домой.

Варвара Екимовна была женщина умная, добрая, самостоятельнаго характера и довольно образованная. Она сама дѣльно воспитывала своего сына и сама давала ему первые уроки изъ русскаго и французскаго языка и ариѳметики. Ребенокъ учился хорошо. Въ умныхъ чертахъ маленькаго мальчика меня поражали глаза его, блѣдно-голубые, до крайности прозрачные, временами точно съ изумруднымъ отливомъ и со взоромъ до того какъ бы погруженнымъ внутрь самого себя, что не знаешь, что въ немъ таится.

Осьми лѣтъ Миша былъ помѣщенъ въ сиротское училище, уже порядочно подготовленный. Изъ этого училища перемѣстили его въ первую московскую гимназію, откуда онъ поступилъ, сколько я помню, по протекціи не столько Яковлевыхъ, сколько князя Петра Андреевича Шаликова, дружески знакомаго съ Варварою Екимовною и ея сестрой Вѣрой Екимовной, въ пансіонъ Михаила Григорьевича Павлова. Пансіонъ Павлова отличался какъ устройствомъ своимъ, такъ и учебной частью.

Тамъ Михаилъ Никифоровичъ окончилъ приготовительный курсъ ученія къ университету и въ 1834 году поступилъ въ университетъ, въ словесное отдѣленіе.

Юность.

Въ ранней юности онъ близко стоялъ къ средѣ молодежи, увлекавшейся интересами науки и искусства. Это былъ періодъ времени, самый благопріятный въ умственной жизни русскаго общества. Пробуждалось стремленіе къ умственному эстетическому движенію.

Переживались философскія системы, передумывались,— передъ искусствомъ благоговѣли.

Въ этотъ періодъ времени все дышало жизнью юной, свѣжей. Разсчеты жизни практической не входили въ это развитіе. Цѣлью образованія не было достиженіе наживы и богатства. Это было время не крайностей, когда одни увлекаются протестомъ существующаго, а для другихъ практическія соображенія составляютъ главный интересъ.

Умственное движеніе того времени было сильно двинуто впередъ. Оно началось съ изученія философіи Шеллинга, которую преподавали въ университетѣ профессора Павловъ и Надеждинъ. Основная идея этой системы была: общность и единство духа съ природой.

Затѣмъ Станкевичъ внесъ въ свой кружокъ изученіе Гегеля. Но философія Гегеля понималась еще по Шеллинговой. Основное вѣрованіе этого кружка было: безконечная идея лежитъ въ основѣ всѣхъ явленій природы, во всѣхъ произведеніяхъ искусства; человѣчество—соединеніе идей посредствомъ отреченія отъ своего я.

Въ концѣ 1830 года къ кругу Станкевича присоединились Кудрявцевъ, Кавелинъ, Катковъ.

Въ 1837 году Станкевичъ уѣхалъ за границу, а въ 1840 году тамъ умеръ.

Нравственнымъ средоточіемъ кружка безъ Станкевича сталъ Бѣлинскій. Въ 1838 году значеніе Каткова въ этомъ кругу было незначительно. Онъ еще слушалъ лекціи въ университетѣ, читалъ и переводилъ на русскій языкъ Бѣлинскому эстетику Гегеля, такъ какъ Бѣлинскій не зналъ нѣмецкаго языка, но значенія въ кружкѣ не имѣлъ и считался юношей,—такъ его и звали юношей, хотя онъ былъ немного моложе другихъ.

Кончивши курсъ въ университетѣ, Михаилъ Никифоровичъ Катковъ сталъ готовиться къ экзамену на магистра, занимался и литературой—писалъ стихи, переводилъ изслѣдованія объ искусствѣ изъ Гегеля и вскорѣ началъ писать самостоятельныя статьи.

Въ началѣ 1839 года статьи его помѣщали въ «Московскомъ Наблюдателѣ», которымъ завѣдывалъ Бѣлинскій, потомъ въ «Отечественныхъ Запискахъ». Пре-

лестная статья его о только-что кончившей жизнь юной Саррѣ Толстой, талантливой писательницѣ, доставила ему большую извѣстность, въ немъ признали литератора.

Въ 1840 году Катковъ сталъ играть болѣе самостоятельную роль въ кружкѣ, но въ самомъ кружкѣ, послѣ идеальнаго увлеченія юности, появилось распаденіе. Бакунинъ вызывалъ распри въ дружескомъ кругу. Въ Бѣлинскомъ развилось критическое отношеніе къ жизни; оно сблизило его съ Грановскимъ, а потомъ съ Герценомъ. Катковъ искалъ примиренія съ жизнью и долженъ былъ или отстать отъ кружка, или переродиться— и онъ сталъ обособляться.

Сверхъ того начались столкновенія и въ интимной жизни друзей. Идеальность свою они переносили въ область чувства, стали создаваться искусственные романы, съ самопожертвованіемъ; великодушіемъ рисовались передъ собой и другъ передъ другомъ, происходили признанія, давались совѣты, рождались споры, все это влекло къ раздѣленію. Разставшіеся переставали видаться. Такъ Катковъ разстался съ Бѣлинскимъ; Бѣлинскій обвинялъ Каткова въ жестокости и ненависти. Впослѣдствіи они опять сблизились, и Бѣлинскій постоянно хорошо отзывался о Катковѣ и говорилъ:

— Оставимъ жить каждаго, какъ кто хочетъ, крайность—зло, не будемъ читать другъ другу поученій, требовать отчета и дѣлать наставленія.

Въ это время родилось въ немъ стремленье ѣхать за границу, въ Берлинъ, слушать тамъ профессоровъ философіи и прочихъ. Несмотря на то, что у него не было никакихъ средствъ для этой поѣздки, онъ сталъ понемногу придумывать, какъ бы устроить и уладить эту поѣздку. Его задерживалъ книгопродавецъ Поляковъ, не выплачивая слѣдующія ему за статьи деньги. Но, несмотря ни на что, Михаилъ Никифоровичъ уѣхалъ съ имѣвшимися у него двумястами рублей. Конечно, этого было недостаточно; потому, какъ только онъ пріѣхалъ въ Берлинъ, то писалъ оттуда къ друзьямъ:

«Спасайте, высылайте деньги. Могу умереть съ голода, если вы меня оставите».

Небольшія деньги были вскорѣ ему высланы.

Изъ-за границы Катковъ хотѣлъ доставлять въ «Отечественныя Записки» отчетъ о нѣмецкой лите-

ратурѣ. Но это должно было прекратиться по случаю затруднительнаго положенія, а потомъ и болѣзни его.

Оправившись отъ болѣзни, Михаилъ Никифоровичъ просилъ работы изъ-за границы.

«Увѣдомьте,—писалъ онъ:—если вамъ что-нибудь надобно, все сдѣлаю по мѣрѣ силъ и возможности».

Въ это время онъ переводилъ «Введеніе въ эстетику Гегеля» и слѣдилъ съ увлеченіемъ за полемикой между старыми и молодыми гегеліанцами и вообще за философіей.

Изъ его писемъ видно, что онъ терпѣлъ крайность.

«Боже мой,—писалъ онъ:—сколько я вынесъ лишеній, униженій, оскорбленій».

Зато не было недостатка въ духовной пищѣ. На второй годъ пребыванія его въ Берлинѣ появился тамъ Шеллингъ во всемъ блескѣ философа; онъ призванъ былъ правительствомъ для возстановленія религіозно-нравственнаго просвѣтленія.

Мистическая сторона этого ученія привлекла Михаила Никифоровича и производила глубокое впечатлѣніе на его религіозно настроенную душу.

Краевскій предложилъ Каткову написать для его журнала что-нибудь изъ лекцій Шеллинга. Катковъ отвѣчалъ, что статья у него готова.

До начала своей дѣятельности, какъ публициста, Михаилъ Никифоровичъ, казалось, былъ ближе къ западникамъ, чѣмъ къ славянофиламъ.

Изъ друзей молодости самыя близкія отношенія онъ имѣлъ къ Кудрявцеву.

Грановскій цѣнилъ въ Катковѣ знанія, но, повидимому, отрицалъ способность для поприща публициста.

Когда Михаилъ Никифоровичъ былъ еще студентомъ, на него обратилъ вниманіе графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ и посовѣтовалъ ему избрать ученое поприще.

Катковъ сталъ писать диссертацію на магистра.

Въ «Отечественныхъ Запискахъ» работа его прекратилась. Для поддержки своего существованія онъ сталъ давать уроки въ семействѣ князя Голицына, владѣльца Никольскаго, вблизи Москвы.

Въ 1845 году Михаилъ Никифоровичъ защищалъ дис-

сертацію объ элементахъ и корняхъ славяно-русскаго языка.

Въ 1845 году онъ былъ опредѣленъ на каѳедру философіи и занималъ ее до 1850 года; затѣмъ она была предоставлена профессору богословія, а Михалъ Никифоровичъ былъ сдѣланъ агентомъ университета, но безъ каѳедры. На мѣсто каѳедры онъ получилъ въ завѣдываніе редакцію «Московскихъ Вѣдомостей» и былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при министерствѣ народнаго просвѣщенія.

Такимъ труднымъ путемъ судьба привела его къ дѣйствительному его призванью—призванью публициста.

Насколько было возможно, Катковъ оживилъ «Московскія Вѣдомости». Въ нихъ стали участвовать нѣкоторые профессора и былъ открытъ постоянный литературный отдѣлъ.

Въ это время матеріальное положеніе Каткова было самое скромное. Онъ получалъ двѣ тысячи рублей ассигнаціями и по четвертаку съ подписчика. Квартира была дана ему небольшая, казенная, при типографіи университета. Совѣтъ призналъ, что Катковъ улучшилъ газету, но замѣтилъ, что въ ея статьяхъ сталъ проявляться упадокъ современности. Катковъ указалъ на увеличеніе подписной платы съ семи тысячъ на пятнадцать.

Въ 1851 году Михаилъ Никифоровичъ женился на княжнѣ Софіи Петровнѣ Шаликовой, дочери извѣстнаго Петра Андреевича Шаликова, литератора и когда-то редактора «Московскихъ Вѣдомостей».

Въ это время, послѣ долгаго молчанія, Катковъ писалъ къ Краевскому и рекомендовалъ ему талантливую повѣсть сестры жены своей, Натальи Петровны Шаликовой, и свою статью «о древне-греческой философіи».

Въ концѣ сороковыхъ годовъ Катковъ познакомился съ профессоромъ Павломъ Михайловичемъ Леонтьевымъ. Между ними образовалась самая идеальная, тѣсная дружба. Они сходились во вкусахъ, занятіяхъ, убѣжденіяхъ и впослѣдствіи вели вмѣстѣ дѣло публицистическое.

Въ 1851 году Леонтьевъ сталъ издавать сборникъ классической древности подъ названьемъ «Пропилеи», въ которомъ участвовалъ и Катковъ.

«Наши «Пропилеи»,—писалъ онъ:—должны вводить въ храмъ классической римской и греческой древности».

«Пропилеи» издавались до 1856 года, до начала «Русскаго Вѣстника». Въ этомъ году появился послѣдній пятый томъ «Пропилеевъ»*).

Въ кругъ дѣятельности Михаила Никифоровича до 1856 г. не входило изученіе ни политическихъ, ни юридическихъ наукъ. Въ этомъ отношеніи онъ уступалъ другому публицисту своего времени—Ивану Сергѣевичу Аксакову.

Когда Леонтьевъ скончался въ 1875 году, то Катковъ писалъ:

«Я потерялъ въ немъ часть своего существа и притомъ лучшую. Во мнѣ нѣтъ ничего, чего не было бы съ нимъ связано, что̀ не болѣло бы съ его утратой».

Когда Михаилъ Никифоровичъ возвратился изъ-за границы, почему и когда—не знаю, онъ сблизился съ медикомъ Константиномъ Ивановичемъ Сокологорскимъ, который былъ друженъ съ нашимъ семействомъ, еще будучи студентомъ въ харьковскомъ университетѣ.

Однажды послѣ обѣда, Константинъ Ивановичъ пріѣхалъ къ намъ съ Михаиломъ Никифоровичемъ, чтобъ познакомить его съ нами и узнать, не свободны ли у насъ верхнія комнаты, такъ какъ если бы онѣ были свободны, то Михаилъ Никифоровичъ занялъ бы ихъ. Комнаты были заняты. Я не видала Каткова съ восьмилѣтняго возраста до возвращенія изъ чужихъ краевъ

Въ молодомъ человѣкѣ, молчаливомъ, умномъ, никто не узналъ бы маленькаго Мишу.

Послѣ этого посѣщенія мы видались рѣдко. Мать же его я видала часто, въ особенности у княгини Марьи Алексѣевны Хованской.

Посидѣвши у насъ до вечера, когда они стали прощаться, Константинъ Ивановичъ пригласилъ меня съ дѣтьми на слѣдующій день къ нему обѣдать.

Мы поѣхали. Входя на довольно высокую лѣстницу, вмѣстѣ съ какими-то посѣтителями, Катковымъ и его матерью, будучи наверху лѣстницы, я оглянулась и

---

*) Для изучающихъ исторію философіи «Пропилеи» въ высшей степени полезны.

увидѣла, что старушка Варвара Екимовна съ трудомъ взбиралась наверхъ. Въ то же время замѣтилъ это и Катковъ; въ ту же минуту онъ быстро сбѣжалъ внизъ, поднялъ мать на руки, внесъ наверхъ и почтительно спустилъ на полъ. Потомъ тревожно оглянулся на подымавшихся по лѣстницѣ, повидимому, опасаясь, чтобъ кто-нибудь не улыбнулся. Всѣ были серьезны.

Съ этого времени Михаилъ Никифоровичъ сталъ для меня близкимъ.

Этотъ же строгій взоръ его я замѣчала и за обѣдомъ, когда кто-нибудь обращался къ его матери. Въ этомъ взорѣ было видно опасеніе, чтобы кто-нибудь не отнесся безъ должнаго уваженія къ дорогой его старушкѣ-матери. Всѣ это чувствовали и относились къ ней съ уваженіемъ.

Послѣ этого мы довольно долго почти не видались съ Катковымъ, но отношеніе его къ матери оставило въ душѣ моей навсегда глубокое уваженіе къ нему.

Общественная дѣятельность *).

Съ 1856 года началась самостоятельная дѣятельность Михаила Никифоровича, какъ литератора.

Въ это же время ожидалось окончаніе Крымской кампаніи.

Въ 1855 году Михаилъ Никифоровичъ подалъ двѣ записки тогдашнему министру народнаго просвѣщенія А. С. Норову съ просьбою исходатайствовать ему высочайшее разрѣшеніе на изданіе новаго журнала, подъ названьемъ «Русскій Лѣтописецъ», съ приложеніемъ ежедневнаго листка подъ названьемъ «Текущія Извѣстія» Русскаго Лѣтописца. Министерство затруднялось разрѣшить ему, чтобъ не подорвать университетскую газету «Московскія Вѣдомости». Михаилъ Никифоровичъ предложилъ приложить «Лѣтописца» къ «Московскимъ Вѣдомостямъ». Ему разрѣшили съ тѣмъ, чтобъ названіе «Лѣтописца» было перемѣнено на «Русскій Вѣст-

*) Общественная дѣятельность Каткова окончательно редактирована уже по кончинѣ Т. П., оставившей послѣ себя необработанные наброски.

никъ». Редакторомъ «Русскаго Вѣстника» назначили В. Ф. Корша.

Сотрудниками «Русскаго Вѣстника» были: В. Ф. Коршъ, П. Н. Кудрявцевъ, П. М. Леонтьевъ.

Кудрявцевъ умеръ въ 1858 году, Коршъ вскорѣ удалился. Издателями остались неразлучные въ публицистическомъ дѣлѣ Михаилъ Никифоровичъ Катковъ и Павелъ Михайловичъ Леонтьевъ. Въ нѣкоторыя статьи Леонтьева Михаилъ Никифоровичъ Катковъ вставлялъ нѣсколько фразъ.

Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ сильнѣе чувствовалось вѣяніе новаго времени.

Чѣмъ же тогда жила русская мысль? Минувшая эпоха завѣщала два главныя направленія нашей интеллигенціи: славянофильство и западничество. Въ послѣднемъ и раньше могли появляться оттѣнки, но они не имѣли особаго значенія. Западноевропейскіе порядки были настолько отдаленнымъ идеаломъ для русскихъ, что не выступало особенныхъ различій въ средѣ западниковъ.

Въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ книжки «Русскаго Вѣстника» были превосходно составлены.

Къ числу сотрудниковъ «Русскаго Вѣстника» принадлежали: Евгенія Туръ (графиня Саліасъ), печатавшая въ немъ какъ свои повѣсти, такъ и статьи о взглядахъ Мишле на любовь, о г-жѣ Рекамье и др., княгиня Вадбольская, Новосильцевы. Въ отдѣлѣ литературы печатались повѣсти гр. Л. Толстого, романы Гончарова, Тургенева.

Въ 1856 году явилась статья Михаила Никифоровича съ изслѣдованьемъ о Пушкинѣ, гдѣ онъ коснулся публицистическихъ требованій отъ искусства.

Въ 1858 и 1859 годахъ въ журналѣ неоднократно затрогивался вопросъ о будущемъ положеніи дворянства послѣ крестьянской реформы.

Обличительныя статьи Громеки о полиціи обращали общее вниманіе.

Когда, въ 1858 году, провозглашена была крестьянская реформа, въ «Русскомъ Вѣстникѣ» открылся отдѣлъ для обсужденія крестьянскаго вопроса.

Профессора Баршевъ и Побѣдоносцевъ писали о необходимости реформы нашего судопроизводства.

Въ началѣ 1862 года всѣхъ заинтересовала статья въ «Русскомъ Вѣстникѣ»: «Къ какой мы принадлежимъ партіи?» Ожиданіе реформы объединяло людей самыхъ разнородныхъ направленій. Славянофилы, западники, консерваторы, либералы, соціалисты—всѣ поддерживали необходимость великаго законодательнаго акта, за исключеніемъ старопомѣщичьей партіи.

Въ журналистикѣ и литературѣ все больше и больше появлялось направленіе, которое ставило своимъ призваніемъ будить русскую мысль. Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» появились тогда «Отцы и дѣти» Тургенева.

Рѣдко литературному произведенію удавалось такъ живо затронуть дѣйствительность, какъ затронулъ ее романъ «Отцы и дѣти». Онъ ярко отмѣчалъ уклонъ, по которому шло молодое поколѣніе.

Слово «нигилистъ» было подхвачено тысячами голосовъ. Когда Тургеневъ вернулся въ Петербургъ въ день пожаровъ Апраксинскаго двора, то первое слово, вырвавшееся у его знакомаго при встрѣчѣ съ нимъ на Невскомъ, было: «Посмотрите, что̀ наши нигилисты дѣлаютъ».

Базаровъ былъ еще незаконченнымъ типомъ, это былъ проблескъ типа.

Вмѣстѣ съ тѣмъ началась горячая полемика по вопросу о дворянствѣ между Михаиломъ Никифоровичемъ и Чичеринымъ.

Въ 1862 году Михаилъ Никифоровичъ и Павелъ Михайловичъ Леонтьевъ представлялись государю императору и императрицѣ, на балѣ въ Большомъ Кремлевскомъ дворцѣ, куда они были приглашены вмѣстѣ съ профессорами университета.

Въ это время Михаилъ Никифоровичъ и Павелъ Михайловичъ только-что получили въ аренду «Московскія Вѣдомости». Государь и государыня пожелали ему успѣха и выразили, что съ удовольствіемъ читали «Русскій Вѣстникъ».

Желаніе это оправдалось черезъ нѣсколько мѣсяцевъ: слово Михаила Никифоровича раздалось на всю Россію.

Переходъ «Московскихъ Вѣдомостей» къ

Каткову почти совпалъ съ началомъ польскаго возстанія. Это событіе вызвало рядъ статей Михаила Никифоровича, одушевленныхъ патріотизмомъ,—пьедесталомъ его публицистической дѣятельности.

Россія съ сочувствіемъ внимала страстной рѣчи публициста.

Патріотическая рѣчь Михаила Никифоровича въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» обратила на себя всеобщее вниманіе.

Онъ съ силою, съ одушевленіемъ, съ патріотическимъ негодованіемъ отвергалъ обвиненіе въ недостаткѣ у русскихъ патріотизма. Но грянулъ громъ. Національное чувство сказалось, Михаилъ Никифоровичъ торжественно привѣтствовалъ его и съ негодованьемъ обращался къ русскимъ агитаторамъ, указывая, что наши заграничные патріоты были въ польскомъ вопросѣ жертвой польской интриги.

Дипломатическое вмѣшательство Европы вызвало патріотическое одушевленіе въ Россіи.

Какъ только Европа убѣдилась въ неустрашимости Россіи по польскому вопросу, политическій горизонтъ прояснился.

Направленіе Каткова было выраженіемъ патріотическихъ чувствъ народа.

За исключеніемъ славянофиловъ, раздѣлявшихъ въ главныхъ чертахъ національную политику Каткова, бо́льшая часть органовъ русской печати шестидесятыхъ годовъ враждебно относилась къ патріотической программѣ Каткова.

Когда, послѣ покушенія на жизнь государя, назначенъ былъ новый министръ народнаго просвѣщенія графъ Толстой, то Катковъ привѣтствовалъ его назначеніе въ исторіи нашего образованія.

Газеты иностранныя и русскія заявляли, что Катковъ намѣренъ оставить поприще публициста; Валуевъ далъ Каткову три предостереженія и остановилъ на два мѣсяца его издательскую дѣятельность. Его статьи, въ которыхъ онъ громилъ своихъ враговъ, оставлены были въ сторонѣ, а выставлены были, какъ мотивы предостереженій, настойчивое порицаніе правительственныхъ распоряженій.

Отъ 9-го по 18-е мая «Московскія Вѣдомости» не выходили. Но такъ какъ «Московскія Вѣдомости» были не частное, а университетское изданіе, то и нельзя было ихъ прекратить.

25-го мая государь посѣтилъ Москву съ августѣйшимъ семействомъ и въ сопровожденіи графа Шувалова отправился въ село Ильинское.

Катковъ получилъ аудіенцію у государя. Александръ II изъявилъ желаніе, чтобъ Катковъ продолжалъ изданіе, и, по разсказамъ современниковъ, далъ Каткову дозволеніе лично обращаться къ нему и обѣщалъ ему свое особое покровительство и съ особымъ благоволеніемъ пожелалъ, чтобъ въ его словѣ не погасъ огонь любви къ родинѣ, которымъ оно отличалось.

Запрещеніе было снято 25 іюня, и Катковъ возобновилъ свою дѣятельность.

Общественное сочувствіе къ Каткову по поводу его возвращенія къ публицистической дѣятельности выразилось обѣдомъ, даннымъ ему въ университетской залѣ 17-го іюля 1866 года.

Въ статьяхъ 1863 и 1864 годовъ Михаилъ Никифоровичъ требовалъ прекращенія обязательныхъ отношеній между русскими крестьянами и польскими помѣщиками въ Западномъ краѣ, громилъ польскихъ дворянъ, требовалъ экспропріаціи помѣщиковъ, замѣшанныхъ въ мятежѣ, объявлялъ сплошное землевладѣніе главной язвой западныхъ губерній, признавалъ дѣломъ высшей государственной необходимости содѣйствіе къ переходу польскихъ имѣній въ русскія руки, указывалъ на потребность въ усиленіи числа православныхъ священниковъ въ Западномъ краѣ и православныхъ церквей; возражалъ противъ учрежденія университета въ Вильнѣ, который легко могъ попасть въ польскія руки; призывалъ все русское общество содѣйствовать распространенію русскаго образованія въ литовскихъ губерніяхъ.

Главною задачею нашей дѣятельности въ Царствѣ Польскомъ было создать, посредствомъ улучшенія быта польскихъ крестьянъ, сочувственный элементъ русскому правительству.

Когда Михаилъ Никифоровичъ сталъ издавать «Русскій Вѣстникъ», онъ одинъ изъ первыхъ обратилъ вни-

маніе читающей публики *) на положеніе забалканскихъ славянъ.

Московскій славянскій комитетъ устроилъ 29-го января 1867 года литературное утро для сбора въ пользу галичанъ, а потомъ и концертъ. Деньги отъ сбора предназначены были для оказанія пособія нѣкоторымъ изъ наиболѣе нуждающихся галицкихъ литераторовъ и для доставленія русскихъ книгъ лицамъ и мѣстамъ, которыя въ нихъ нуждались.

Тѣмъ временемъ произошелъ оживившій славянскую идею національнаго сближенія съѣздъ представителей всего славянскаго міра, въ маѣ 1867 года въ Москвѣ, по случаю этнографической выставки.

Славяне горячо отозвались на призывъ. Много пожертвованій поступало со всѣхъ сторонъ; во главѣ ихъ находились пожалованія государя и государыни.

Со всѣхъ сторонъ славянскаго міра соединились депутаты для посѣщенія выставки.

Выставка была открыта 5-го мая 1867 года въ Московскомъ манежѣ. Государь со всѣмъ семействомъ и многочисленныя депутаціи посѣтили ее.

Вотъ какъ описана эта выставка въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»:

«Среди большой галлереи возвышалась императорская ложа. Около нея помѣщена была группа великорусскаго племени, окруженная декораціей, представляющей русскую картину: сосновый боръ, по опушкѣ котораго раскинулась деревня, въ деревнѣ ярмарка. Колокольня и вѣтреная мельница дополняли пейзажъ. Цѣлое крестьянское семейство и кузнецъ съ атлетическими руками и медвѣдевожатый съ прирученнымъ звѣремъ были представителями великой Руси». Въ то время господствовало отношеніе къ русскому крестьянству, какъ къ «многострадальнымъ кормильцамъ».

Подъ вліяніемъ этого настроенія всѣ типы и обста-

*) Катковъ не принадлежалъ къ славянофильскому лагерю, но тѣмъ не менѣе живо интересовался этимъ вопросомъ. Въ одномъ изъ первыхъ литературныхъ трудовъ, который онъ писалъ почти двадцатилѣтнимъ юношей, въ появившейся въ «Отечественныхъ Запискахъ» за 1840 годъ статьѣ по поводу «Исторіи древней русской словесности» Максимовича, Катковъ останавливается на судьбѣ славянства.

новка представителей великорусскаго племени были выполнены такъ, чтобъ вызывать скорѣе жалость, чѣмъ чувство величія.

Михаилъ Никифоровичъ сильно возражалъ противъ этого тона великорусской группы. Онъ доказывалъ, что въ этой группѣ нѣтъ проявленій той внутренней нравственной силы, которая привлекаетъ къ себѣ окружающія племена.

Рядомъ съ великоруссами была малорусская группа и затѣмъ польская.

Въ день святителей Кирилла и Меѳодія (11-го мая) былъ данъ обѣдъ въ дворянскомъ собраніи.

16-го мая выѣхали славянскіе гости въ Москву. Черезъ пять дней давали банкетъ въ павильонѣ, выстроенномъ въ Сокольникахъ для принятія государя.

Въ искреннихъ выраженіяхъ благодарили славяне печатно Россію за гостепріимный и родственный пріемъ.

Какіе результаты должно было произвести появленіе новыхъ вѣяній на почвѣ русскаго образованія? Жизнь держалась въ Россіи исключительно на авторитетахъ.

Михаилъ Никифоровичъ первый взглянулъ на нихъ серьезно, называлъ вещи настоящими именами, чтобъ открыть глаза увлекающимся, высказывалъ вполнѣ основательное опасеніе за будущность ближайшихъ поколѣній русской молодежи. Но онъ не могъ предвидѣть, что эти взбунтовавшіеся школьники, какъ онъ представлялъ ихъ себѣ, обратятся въ соціалистовъ и террористовъ и надѣлаютъ такихъ вещей, которыя внесутъ чадъ во всю жизнь.

Михаилъ Никифоровичъ былъ глубоко убѣжденъ, что соціализмъ съ его ужасными бѣдствіями былъ болѣзненнымъ явленіемъ общества, происшедшимъ отъ столкновенія культурной среды съ народомъ, начавшимъ только пробуждаться.

Совершившійся переходъ отъ нигилизма къ соціализму прошелъ незамѣченнымъ для Каткова. Онъ рѣшилъ, что нигилизму конецъ, и на этомъ успокоился.

4-ое апрѣля 1866 года страшно поразило все общество. Оно поразило не только преданныхъ правительству людей, но даже и его противниковъ.

Герценъ 1-го мая 1866 года въ «Колоколѣ», въ статьѣ «Иркутскъ и Петербургъ», осудилъ это преступленіе. «Мы поражены при мысли объ отвѣтственности, которую взялъ на себя этотъ фанатикъ».

Михаилъ Никифоровичъ ожидалъ спасенія отъ классической гимназіи, которая должна возвысить умъ и науки въ нашей средѣ.

Между тѣмъ въ Россіи все сильнѣе и сильнѣе укоренялись внутренніе раздоры.

Катковъ обратилъ на это явленіе особенное вниманіе, онъ указывалъ на недостатки воспитанія, высказывался за необходимость реформъ.

Въ 1871 году были окончательно утверждены уставы гимназій. Пока это рѣшалось, Михаилъ Никифоровичъ почти все время оставался въ Петербургѣ въ сильно возбужденномъ настроеніи духа, какъ я видѣла это изъ его письма. Классицизмъ получилъ ту постановку въ русскомъ образованіи, которую онъ сохраняетъ до настоящаго времени.

Несмотря на эту надежду, Россіи пришлось пережить тяжелыя событія конца семидесятыхъ и начала восьмидесятыхъ годовъ.

Поводы Каткова къ столкновеніямъ съ его литературными противниками увеличивались.

Нападенія либеральныхъ органовъ сосредоточивались на классической гимназіи, въ которой онъ видѣлъ коренное средство отъ зловредныхъ увлеченій.

Заговорили о возможности новыхъ реформъ въ гимназіяхъ.

Согласно заявленію графа Толстого, классическую систему рѣшено было однако сохранить, такъ что новый министръ Сабуровъ вовсе не возбуждалъ вопроса объ ея отмѣнѣ.

На открытіи памятника въ Москвѣ Пушкину, въ 1880 году, Катковъ произнесъ на обѣдѣ рѣчь.

Она была понята, какъ попытка къ примиренію, къ забвенію старыхъ распрей съ представителями другого лагеря. Нельзя сказать, чтобъ эта рѣчь была встрѣчена общимъ сочувствіемъ.

Раздались рукоплесканія, и затѣмъ Михаилъ Никифоровичъ обнялся съ Аксаковымъ.

Въ концѣ ноября 1880 года появилась «Р у с ь». Ста-

рые счеты между Катковымъ и Аксаковымъ были давно забыты, и «Московскія Вѣдомости» привѣтствовали «Русь», какъ отрадное явленіе среди журнальной литературы.

Если нельзя оправдать нѣкоторыя перемѣны въ настроеніи Михаила Никифоровича въ послѣднюю пору его жизни, то ихъ можно оправдывать, какъ стихійный протестъ противъ глумленія на жизнь нигилизма и соціализма. Отрицательное направленіе русской мысли перешло черезъ край.

Среди свѣтлыхъ явленій реформеннаго времени, вдругъ проглянула тяжелая сила и создала остановку въ дѣлѣ преобразованія Россіи.

Михаилъ Никифоровичъ поддался подавляющему впечатлѣнію этого явленія. Онъ перешелъ въ рѣзко противоположную крайность.

Послѣдній періодъ дѣятельности Михаила Никифоровича оставилъ сильныя впечатлѣнія и воспоминанія въ средѣ современниковъ. Личность Каткова, какъ публициста, запечатлѣлась болѣе рѣзкими чертами, которыми отличалась эта пора его общественной дѣятельности.

Отъ Каткова шестидесятыхъ и начала семидесятыхъ годовъ не осталось почти и слѣда.

Признавая себя на сторонѣ людей авторитета и стараго порядка, Михаилъ Никифоровичъ во всѣхъ проявленіяхъ правительственной и общественной жизни порицалъ реформы, находя, что онѣ мутятъ жизнь и порождаютъ крамолу.

Начиная съ іюня 1882 года, онъ не довольствовался обличительными статьями, помѣщаемыми въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», но важнѣйшія изъ нихъ стали появляться въ отдѣлѣ «Современная Лѣтопись», въ «Русскомъ Вѣстникѣ».

Михаилъ Никифоровичъ, начавшій свое умственное развитіе вмѣстѣ съ философскими кружками тридцатыхъ годовъ, не пошелъ ни однимъ изъ тѣхъ путей, по которымъ разошлись люди его поколѣнія. Онъ не примкнулъ ни къ критическому отношенію западниковъ, ни къ идеально-искусственной идеализаціи прошлаго славянофиловъ.

Онъ остался особнякомъ съ конца тридцатыхъ годовъ до самой смерти, но, несмотря на эту отчужден-

ность отъ крайнихъ путей умственнаго развитія, онъ не сдѣлался интеллектуальнымъ центромъ, могущимъ освѣтить путь современникамъ и грядущимъ поколѣніямъ.

Михаилъ Никифоровичъ былъ неровенъ и неустойчивъ. Онъ не придерживался послѣдовательно никакой системы и не былъ основателемъ новаго направленія. Онъ называлъ взгляды послѣдняго періода своей дѣятельности русскими.

Катковъ не сживался съ убѣжденіями. Онъ самъ призналъ свою неспособность поставить себя подъ одно знамя.

Онъ былъ чрезвычайно строгъ и черезчуръ страстенъ въ полемикѣ съ противниками; онъ не уважалъ чужихъ убѣжденій. Противникъ казался ему достойнымъ не только критики, но и поруганія. Ему, какъ даровитому человѣку, слѣдовало бы стоять выше.

Между нашей интеллигенціей у Михаила Никифоровича было много недоброжелателей и враговъ; рѣдко кого оставлялъ онъ въ покоѣ.

Какъ ни грустно отсутствіе твердости убѣжденій въ публицистѣ, въ Катковѣ нельзя было все-таки не признать положительной стороны. Въ умѣ его преобладалъ критическій взглядъ. Онъ удивительно мѣтко подмѣчалъ и выводилъ наружу слабыя стороны и недостатки.

Но въ нравственномъ складѣ его все-таки было убѣжденіе. Отечество и государство, Россія и царь — вотъ основная идея его политической рѣчи. Значеніе, которымъ пользовался публицистъ, объясняется, кромѣ его врожденнаго таланта, тѣмъ, что уваженіе знамени, которому онъ служилъ, переносилось на знаменосца. Онъ путался иногда въ способахъ, которыми надлежитъ утвердить это знамя, но черезъ всю его литературную дѣятельность проходитъ мотивъ: «Не растратьте среди всѣхъ метаній мысли по крайней мѣрѣ того, что вы получили отъ исторіи, въ видѣ національной и политической силы».

Страстная любовь къ родинѣ, удивительная сила ума и блестящій литературный талантъ Михаила Никифоровича не могутъ затмить его недостатки.

Русскіе не забудутъ его литературной рѣчи во время

польскаго возстанія, его послѣдовательности и настойчивости въ вопросахъ національной политики на нашихъ окраинахъ и пр.

Михаилъ Никифоровичъ былъ блестящимъ стилистомъ своего времени. Живость, ясность, легкость и находчивость могутъ быть приняты за образецъ. Статьи его, изобилующія мѣткими рельефными образами, всегда интересны; часто видны въ нихъ одушевленіе и задѣвающая за живое иронія, такъ что его выраженія вошли въ поговорку.

Михаилъ Никифоровичъ смотрѣлъ на литературу, какъ на призваніе.

Когда онъ по болѣзни или по чему-либо другому не могъ самъ писать и наблюдать за передовыми статьями «Московскихъ Вѣдомостей», появленіе ихъ прекращалось. Онъ былъ удивительно трудолюбивъ и энергиченъ, что рѣдко встрѣчается между русскими даровитыми людьми.

Въ сороковыхъ годахъ было стремленье служить истинѣ въ проповѣди любви и правды, въ борьбѣ со зломъ и насиліемъ.

Въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ явилось настроеніе служить народу, выразившееся въ борьбѣ за идеалы, отрѣшеніи отъ всѣхъ благъ и приманокъ жизни и самоотверженной дѣятельности въ сферѣ общественной.

Настоящее.

Надъ людьми настоящаго времени идеалы безсильны; они не чувствуютъ презрѣнья къ обыденной жизни, не считаютъ обязанными быть героями. Для него одно—дѣйствительность, въ которой ему суждено жить. Оно проникнуто сознаньемъ, что все въ жизни истекаетъ изъ одного источника—изъ природы.

Теперь время безсилія—явись Катковъ, и онъ ничего бы не сдѣлалъ, онъ не могъ бы воспользоваться духовною мощью своего времени; не будь этой духовной силы въ самомъ обществѣ—и Катковъ не имѣлъ бы ни своей силы, ни своего обаянія.

ОГЛАВЛЕНІЕ III-го ТОМА.

Стр.

Предисловіе 5
ГЛАВА I. Деревня 7
— II. За границей. 9
— III. 1873 12
Сонъ въ весеннюю ночь 33
— IV. Семейство Тучковыхъ 62
— V. Въ Италіи 78
Во Франціи и въ Россіи 82
Александръ Герценъ за границей 120
Общій фондъ 129
— VI. Письма 152
Болѣзнь и кончина Александра Ивановича Герцена . . . 211
По кончинѣ Александра Ивановича Герцена 221
Некрологъ Александра Ивановича Герцена 223
Тѣни 231
Вліяніе духа времени 233
Образованіе кружковъ 235
Николай Владиміровичъ Станкевичъ 236
Славяне 240
Въ Малороссіи и въ Петербургѣ 243
Александръ Ѳомичъ Вельтманъ 250
Карлъ Ивановичъ Рабусъ 271
Одиночество 281
Михаилъ Никифоровичъ Катковъ. 287